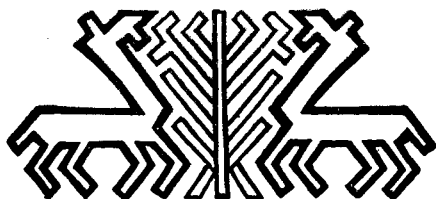

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1 9 4 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора доцент М. Г. Левин,
член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов,
Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Н. Н. Степанов

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, к. 326

Подписано к печати 9/X 1947 г.	Объем 15 ³ / ₄ печ. л. + 4 вкл.	Уч.-изд. л. 23.25
А-10375	Тираж 2500 экз.	Зак. № 3166
		Цена 22 р. 50 к.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

Портрет товарища Сталина.
Лаковая живопись на папье-маше. Работа А. Белоусова,
Федоскинская артель живописи (Московская обл.)

ВЕЛИКИЙ ЮБИЛЕЙ

Тридцать лет назад, в результате победоносной Великой Октябрьской социалистической революции, власть помещиков и буржуазии в России была свергнута и было образовано Советское правительство. «Товарищи трудящиеся!,— писал в своем обращении к населению глава первого Советского правительства В. И. Ленин.— Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы»¹. Рабочие и крестьяне, руководимые партией Ленина — Сталина, стали управлять Советским государством.

В кровавых боях против русской контрреволюции и международно-империализма, пытавшегося вооруженной силой уничтожить молодую советскую власть, рабочие и крестьяне нашей страны отстояли свое государство; они разгромили полчища белогвардейцев, подавили саботаж и сопротивление эксплуататоров политическим и экономическим мероприятиям советской власти; они выбросили за пределы Советской земли вооруженные отряды иностранных интервентов. Эти победы дали возможность Советскому государству заняться социалистическим переустройством хозяйства по всей стране, ликвидировать остатки капиталистических элементов города и деревни, создать современную армию для обороны страны, произвести культурную революцию. К 1936 г. — ко времени принятия Сталинской Конституции — наша страна оформилась в многонациональное союзное советское государство, включившее в свой состав до 60 больших и малых народов. Социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и другие орудия и средства производства; отсутствие эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация безработицы; гарантированное для всех граждан право на труд, отдых, образование; равноправие граждан, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни — таковы основные черты советского строя. «Народы советского государства, завоевав себе свободу и независимость, объединились в нерушимом братском содружестве. Советские люди освободились от всякого угнетения и упорным трудом обеспечили себе зажиточную и культурную жизнь», — так формулировал товарищ Сталин итоги социалистического переустройства нашей страны².

Отсталая ранее в экономическом, политическом и культурном отношении Россия превратилась через два десятилетия после Октябрьской революции в передовую могучую социалистическую индустриальную и колхозную державу, крепости которой могли позавидовать любое другое государство мира. Вскоре произошло вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу страну. «Война явилась суровой проверкой

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 54.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, М., 1946, стр. 70.

сил и прочности советского строя. Расчеты немецких империалистов на распад Советского государства провалились полностью. Социалистическая промышленность, колхозный строй, дружба народов нашей страны, Советское государство — показали свою прочность и несокрушимость»³.

Фашистские грабители нанесли громадный ущерб социалистическому хозяйству Советского Союза, но истекшие после окончания войны годы показали, какие неиссякаемые силы присущи нашему социальному строю. СССР, пострадавший больше всех других стран, участвовавших в войне, к исходу второго послевоенного года сумел своими собственными силами, без всякой иностранной помощи, в значительной мере восстановить промышленность в тех районах, которые были в свое время оккупированы немцами. Пятилетний план (1946—1950) восстановления и развития народного хозяйства СССР выполняется и перевыполняется из года в год. Что же касается сельского хозяйства, то по некоторым отраслям — в частности по зерновой — уровень продукции к концу 1947 г. приближается к довоенному. Борьба за хлеб увенчалась полным успехом — колхозное крестьянство обеспечило в этом году страну хлебом в таком количестве, которое дает возможность дальнейшего наступления на хозяйственном фронте. В СССР «производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства»⁴, и поскольку завоеванный упорным трудом урожай 1947 г. создает мощную продовольственную базу, народы Советского Союза могут уверенно смотреть в будущее — им не грозит ни голод, ни безработица. Социалистическое производство «не знает периодических кризисов перепроизводства и связанных с ними нелепостей. Поэтому производительные силы развиваются здесь ускоренным темпом, так как соответствующие им производственные отношения дают им полный простор для такого развития»⁵.

Капиталистические страны Западной Европы, пострадавшие прямо или косвенно от войны, гораздо медленнее, чем СССР, преодолевают трудности восстановления. Социальный строй большинства этих стран — Англии, Франции, Голландии, Люксембурга, Дании, Норвегии и др. — затрудняет мобилизацию собственных ресурсов для нужд экономического восстановления. Не решаясь на радикальные мероприятия, могущие затронуть интересы имущих классов, правительства этих стран уповают на иностранную помощь (в основном на помощь США) и ради этой помощи готовы надеть петлю экономической зависимости на свои народы, сделав их данниками американских империалистических монополий. Между тем в такой богатой стране, как Англия, имеются громадные капиталы, полученные от векового грабежа колоний, имеются мощная индустриальная база и совершенно достаточные людские резервы, чтобы самостоятельно справиться с последствиями войны. Мешает этому социальный строй, который, по словам лейбористских лидеров, стал «социалистическим», но в действительности остался капиталистическим, мешает внутренняя и внешняя политика правительства, которая была и остается империалистической.

Самая мощная в мире капиталистическая держава — США, умножившая свои богатства во время войны, тоже не может наладить хозяйство послевоенных лет. Ей нечего восстанавливать — война не шла на территории заокеанской республики, ее города и фермы не испытали ни одной воздушной бомбардировки, — но ей нужно перейти от военной

³ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 71.

⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма, Госполитиздат, М., 1939, стр. 558.

⁵ Там же.

экономики на мирный лад, установить такие экономические отношения внутри своей страны и с внешним миром, которые обеспечили бы «процветание». Вместо этого «прцветания» богатейшей в мире стране грозит жесточайший экономический кризис, тяжелая поступь которого уже слышится и приводит в нервное состояние экономических и политических руководителей страны доллара и атомных бомб.

В чем же причина того, что из послевоенных затруднений крупнейшие и богатейшие страны в мире — США и Англия — не могут найти выхода? В их социальном строе, дающем возможность представителям империалистических монополий направлять внутреннюю и внешнюю политику этих государств в такое русло, которое временно увеличивает прибыли монополий, но в конечном счете делает совершенно неизбежным новый мировой кризис капитализма.

«Общественные силы, — писал Ф. Энгельс, — подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам и против нас, до тех пор они властвуют над нами...»⁶ Самые умные и, казалось бы, дальновидные апологеты капитализма не понимают, несмотря на свою «дальновидность», действительных законов общественного развития, и потому производительные силы действуют помимо них и, часто, против них. Узко корыстные и уже совершенно недальновидные руководители современной, экономически и политически реакционной, политики империалистических монополий не желают знать никаких законов общественного развития: им кажется, что экономическое устройство мира зависит только от них самих. Но в этом заблуждении они будут пребывать лишь до тех пор, пока первые взрывы кризиса не потрясут основных устоев привычного им порядка.

«Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-плановым регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт порабощает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения, основанным на самой природе современных средств производства...»⁷ Ни К. Марксу, ни написавшему эти строки Ф. Энгельсу не пришлось увидеть при жизни такого социального строя. Но гениальные ученики Маркса и Энгельса, Ленин и Сталин, претворили в жизнь то, что теоретически предвидели основоположники марксизма. Они создали Советское социалистическое государство.

Советский общественный строй, основы которого были заложены тридцать лет назад, воплотил в себе великие идеи марксизма. Внутреннюю и внешнюю политику Советского государства направляет самая передовая общественная наука — марксизм-ленинизм, и успехи этой политики доказывают правильность марксистской теории, гениальную прозорливость ее творцов. Понимание законов общественного развития дает возможность руководителям Советского государства превращать

⁶ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. М., 1940, стр. 74.

⁷ Там же.

производительные силы «из демонических повелителей в покорных слуг» (Энгельс). В этом и состоит разгадка того, почему тяжчайшие раны войны, причиненные народному хозяйству СССР, залечиваются так успешно. Народы Советской страны, восстанавливающие разрушенные предприятия, выращивающие богатый урожай на освобожденной земле, уверенно трудятся, соревнуясь в досрочном окончании работ. Тридцать лет советской власти доказали им, что созданный Октябрьской революцией общественный строй наиболее обеспечивает интересы трудящихся и что успехи социалистического строительства, изменяя условия материальной и культурной жизни населения, приближают то время, когда изобилие предметов потребления сделает возможным установление полного коммунизма.

Попытки противопоставить этому общественному строю — в теории и на практике — какой-то иной «социалистический» строй, который пришел бы мирным, не революционным путем и в котором рабочим жилось бы хорошо, а капиталисты чувствовали бы себя достаточно бодро, терпят крах на наших глазах. Англия Этли — Бевина и Франция Рамадье — Блюма не перестали быть капиталистическими странами от того, что во главе этих государств стоят «социалистические» правительства. «Конструктивный социализм» должен отвлечь умы рабочего класса от марксизма, но эта демагогическая смесь буржуазного реформизма и колониального империализма с идеалистической философией слишком нелепа, чтобы из нее получилось какое-либо подобие теории. На практике «конструктивный социализм», осуществляемый лейбористским правительством, не только не может предохранить страну от экономических потрясений, свойственных всякому капиталистическому обществу, но и создает для Англии все новые и новые трудности. При «конструктивном социализме» Англия остается составным звеном мирового капиталистического хозяйства, а «конструктивные» мероприятия лейбористов приводят лишь к тому, что, когда разразится мировой экономической кризис, Англия станет его первой жертвой.

Методы, при помощи которых СССР успешно восстанавливает и развивает свое хозяйство после войны, оказывают большое влияние на страны новой демократии: Польшу, Чехословакию, Югославию, Албанию, Болгарию, Румынию. Народные правительства этих стран стремятся развить производительные силы и перестроить экономику в таком направлении, чтобы она служила интересам трудящихся масс. В той мере, в какой им удастся сделать это, они закладывают основы нового строя, переходного к социалистическому. Они ослабляют рядом последовательных мероприятий позиции капитализма в своих странах и укрепляют позиции социализма. Тем самым демократические правительства высвобождают народное хозяйство своих стран от зависимости и воздействия на него мировой капиталистической системы, а свои народы избавляют от империалистического рабства. Жестоко пострадавшие от фашистского разбоя и освобожденные только Советской Армией от немецкой оккупации народы Центральной и Юговосточной Европы заняты социальной перестройкой своих государств, и СССР помогает им в этом укреплении хозяйственных и культурных связей с ними.

Так великие научные идеи марксизма-ленинизма, осуществленные в социалистическом строительстве СССР, оказывают творческое влияние на другие народы.

Тридцать лет советской власти — это тридцать лет практического применения марксистско-ленинской теории к государственному строительству Советской страны. В СССР формы государственного и общественного строя оказались в прямом соответствии с научным предвидением Маркса — Энгельса, потому что это государство направляется большевистской партией, партией революционной марксистско-ленин-

ской теории. Партия Ленина — Сталина обеспечила науке в СССР совершенно исключительную роль — руководящую роль в политике, технической реконструкции хозяйства, в пересоздании быта людей. Партия выпестовала многие тысячи молодых советских ученых, а Советское государство построило для них лаборатории, научные институты, библиотеки. Оно снабдило их новейшей аппаратурой, измерительными приборами, книгами. Ленин и Сталин — сами величайшие ученые, создатели научных теорий общественного развития — сделали все возможное, чтобы советская наука была действительно передовой и чтобы она имела достаточную материальную базу для своего развития.

Тридцать лет советской власти поэтому являются также тридцатилетием развития советской науки, тридцатилетием ее исканий, исследований, опытов, теоретических обобщений и практического применения научных выводов. И надо признать, что тридцать лет напряженного труда громадной армии советских научных работников богаты результатами. В этом и последующих номерах «Советской этнографии» публикуются данные о том, что сделал в течение тридцати лет один из небольших отрядов советской армии ученых — отряд советских этнографов, какие проблемы были разрешены этнографами, антропологами и фольклористами и над какими из проблем они в настоящее время работают.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С. П. ТОЛСТОВ

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В ЭТНОГРАФИИ

I

Большая Октябрьская социалистическая революция, реализовавшая принципы ленинско-сталинской национальной политики и открывшая многочисленным, стоящим на самых различных уровнях развития, народам бывшей царской империи широкий путь хозяйственного, политического и культурного развития, поставила перед советской этнографической наукой обширные и ответственные задачи.

Задачи эти были весьма многообразны и отнюдь не легки. Приобщение к полноправному участию в строительстве новой, социалистической культуры десятков народов с самым различным историческим прошлым, различными этническими и культурными традициями, различным хозяйственным и бытовым укладом, народов, многие из которых в прошлом не знали самостоятельной государственности, не имели до революции даже своей письменности, — властно требовало всестороннего изучения особенностей хозяйства, общественного уклада, культуры и быта этих народов во всей исторической конкретности и своеобразии.

В 1921 г., определяя очередные задачи партии в национальном вопросе, товарищ Сталин писал: «Если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития».

Задача партии по отношению к трудовым массам этих народов (помимо означенной в п. 1 задачи) состоит в том, чтобы помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений и приобщиться к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских советов, путем создания среди этих народностей крепких коммунистических организаций, способ-

ных использовать опыт русских рабочих и крестьян по советско-хозяйственному строительству и могущих вместе с тем учитывать в своей строительной работе все особенности конкретной экономической обстановки, классового строения, культуры и быта каждой данной народности, без механического пересаживания экономических мероприятий центральной России, годных лишь для иной, более высокой, ступени хозяйственного развития»¹.

Подчеркнутые нами слова товарища Сталина с достаточной ясностью определяют, какое широкое поле деятельности открывалось перед советской этнографической наукой на путях реализации национальной политики партии и какая огромная ответственность возлагалась на этнографов в деле выполнения этих задач.

По мере движения вперед эти задачи не упрощались, а усложнялись. Строительство национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР требовало всестороннего исследования культурного наследия каждого народа. Консолидация новых наций и национальностей, формирующихся в условиях социалистического строительства из недавно еще обособленных этнических групп и племен, обуславливала рост национального самосознания, с неизбежностью вызывая в культурно растущих народных массах становящихся наций и национальностей интерес к историческому прошлому своего народа.

Пробужденные к новой жизни народы СССР уже не довольствовались смутными этногоническими легендами и преданиями, с полным правом требуя от ученых ответа на волнующие их вопросы о их происхождении и историческом развитии. А отсутствие у многих народов своей письменной исторической традиции возлагало на этнографов львиную долю труда по воссозданию этих забытых страниц истории.

Эти задачи с самого начала определили широкое развитие исследовательской работы в области этнографии и направление этой работы.

Русская этнография пришла к Октябрю, обладая прекрасными традициями². Развиваясь под влиянием освободительных, гуманистических идей русской демократической общественности XIX в., идей Белинского, Чернышевского, Герцена, в известной мере подвергшись влиянию марксистских идей, русская этнография располагала к этому времени рядом зарекомендовавших себя крупными достижениями научных школ, из которых особенно должны быть отмечены школы Анучина и Ковалевского в Москве и школы Штернберга и Богораза в Петрограде.

Однако задачи, выдвинутые перед нашей наукой советской эпохой, намного превосходили те возможности, которыми располагали унаследованные от дореволюционного прошлого кадры русских этнографов. Этим объясняется то внимание, которое с самого начала уделяется советским государством проблеме этнографических кадров.

Немедленно вслед за завершением гражданской войны создаются первые в нашей стране центры этнографического образования. В Ленинграде, по инициативе и под руководством Штернберга и Богораза, возникает этнографический факультет вновь организованного Географического института, в Москве, несколько позднее, — Этнографическое отделение Факультета общественных наук, а затем — Этнологический факультет университета. Широко развивается работа созданной Анучиным кафедры антропологии Физико-математического факультета Московского университета, где готовятся кадры не только по физической антропологии, но и по этнографии и первобытной археологии.

¹ И. Сталин, *Марксизм и национально-колониальный вопрос*, Партиздат, М., 1934, стр. 70. Разрядка везде наша. — С. Т.

² См. нашу статью: *Этнография и современность*. «Сов. этнография», 1946, № 1.

Вместе с университетскими центрами широкую активность в области этнографии развивает Академия Наук, где, наряду с Музеем антропологии и этнографии, быстро расширяющим свою работу, возникает такой крупный этнографический центр, как Комиссия по изучению племенного состава России (КИПС), впоследствии реорганизованная в Институт по изучению народов СССР, в 1933 г. объединенный с Музеем антропологии и этнографии в единый мощный Институт этнографии Академии Наук.

Весьма крупное место этнографические работы занимают в тематике важнейших общеакадемических центров по организации экспедиционных исследований, на новой основе возродивших традиции великих академических экспедиций XVIII в., — Комиссии по изучению естественных-производительных сил и Комиссии экспедиционных исследований.

Совершенно новый вид организации этнографических работ развивается в системе Комитета Севера. Этот орган Советского Правительства, на который была возложена труднейшая задача возрождения и приобщения к советской государственности и социалистическому строительству малочисленных и отсталых, в полном смысле слова первобытных народов северных окраин Союза, многие из которых накануне революции находились на грани вымирания, был, естественно, особенно заинтересован в активной помощи этнографов. И мы видим, как на отдаленные северные базы Комитета, ставшие очагами социалистического переустройства Севера, отправляется целая плеяда молодых этнографов, в большинстве своем учеников Штернберга и Богораза; в качестве работников советского государственного аппарата, учителей и краеведов, они проводят долгие годы на Севере, накапливая неоценимый материал для монографического описания этих малоизвестных, призванных Советской властью к новой жизни, народностей.

Созданный в Ленинграде специальный Институт народов Севера — высшее учебное заведение, поставившее перед собой впервые в истории грандиозную задачу подготовки из рядов вчера еще первобытных народов северных окраин Союза государственных и культурных деятелей и высококвалифицированных специалистов, — стал базой для организации еще одного крупного исследовательского этнографического центра в лице Научно-исследовательской ассоциации при этом Институте.

Этнографическая тематика нашла себе достаточно крупное место также в планах Научно-исследовательской ассоциации при другом, возникшем еще в первые годы революции в порядке реализации сформулированных товарищем Сталиным задач национальной политики партии, высшем учебном заведении, призванном готовить высококвалифицированные большевистские кадры из рядов отсталых народов бывших колоний царской империи, — Коммунистическом университете трудящихся Востока.

Большую этнографическую работу развернул возглавленный Н. Я. Маррسم Институт изучения этнических и национальных культур народов Востока в Москве, организация которого определялась теми же задачами национальной политики партии и в аспирантуру которого широко вовлекались молодые представители различных национальностей СССР, уже становящиеся на путь самостоятельной исследовательской работы.

Исключительно широкое развитие получает этнографическая работа в быстро растущей и крепнущей сети советских музеев — от центральных до уездных (районных). Не говоря уже о последних, большая часть которых возникает после революции, и старые центральные музеи получают после революции совершенно новые перспективы и размах работы. Достаточно сказать, что если до революции штат старейшего этнографического музея страны — Музея антропологии и этнографии АН СССР

исчислялся всего несколькими сотрудниками, к 1925 г. он достигает 42 человек, а к тридцатым годам превышает сотню человек.

Широко развертывается работа Этнографического отдела Государственного русского музея в Ленинграде (ныне Гос. музей этнографии) и Центрального музея народоведения в Москве (ныне Музей народов СССР). Эти музеи развертывают не уступающую по размаху работам учреждений Академии исследовательски-собираТЕЛЬСкую экспедиционную деятельность. Например, в 1925 г. один только Музей народоведения осуществляет 14 экспедиций: 1) Марийско-удмуртскую, 2) Чувашскую, 3) Брянско-Орловско-Калужскую, 4) Полтавскую, 5) Дагестанскую, 6) Черкесскую, 7) Абхазскую, 8) Азербайджанскую, 9) Узбекскую, 10) Крымскую, 11) Гомельско-Режицкую, 12) Ветлужскую, 13) Касимовскую (Рязанская губ.), 14) Дмитровскую (Московская губ.). В том же году Этнографический отдел Русского музея проводит 8 экспедиций: 1) Саяно-алтайскую, 2) Минусинскую, 3) Лапландскую, 4) Ленинградскую, 5) Великорусскую, 6) Украинскую, 7) Крымскую, 8) Северо-Кавказскую), и 5 этнографических поездок меньшего масштаба.

Крупными центрами этнографической исследовательской работы становятся комплексные и специализированные музеи Киева, Харькова, Минска, Тбилиси, Ташкента и других столиц союзных республик. Музеи автономных советских республик не отстают, а нередко и опережают в своей исследовательской активности своих старших собратьев, как, например, музей Татарской АССР в Казани.

Значительные очаги серьезной этнографической работы возникают в областных и многих уездных (впоследствии районных) музеях — Московском областном, Рязанском, Пензенском, Калужском, Костромском, Нижегородском, Саратовском, Томском, Красноярском, Дмитровском (Московская губ.), Касимовском (Рязанская губ.), Переяславль-Залесском (Владимирская губ.) и многих других.

Важной базой этнографической работы становится широко развернувшаяся сеть научных обществ и краеведческих организаций, тесно связанных с местными музеями. Помимо деятельности старых Обществ — Географического (особенную активность проявляют его Сибирские отделения), Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и др., — десятки вновь возникших краеведческих обществ и ячеек, охватывающих тысячи членов, составляют широкий массовый фронт в деле содействия разностороннему изучению страны, в том числе — этнографическому изучению населяющих ее народов.

В большинстве автономных советских республик возникают комплексные научно-исследовательские институты, почти в каждом из которых развертывает свою работу этнографический сектор. Значительные центры этнографической работы возникают в специальных институтах и на кафедрах Академий Наук союзных республик (в 20-х годах — Украинской и Белорусской).

Публикация этнографических материалов получает в 20-х годах весьма широкий размах. В 1926 г. в Москве начинает выходить руководящий орган этнографов СССР журнал «Этнография» (с 1931 г. — «Советская этнография»). Музей Академии публикует «Сборники МАЭ», после 1933 г. сменившиеся «Трудами Института этнографии» (издание сборников Музея возобновлено параллельно с «Трудами Института» в 1947 г.). Русский музей издает содержательные и прекрасно оформленные «Материалы по этнографии». Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии выпускает свои «Мемуары».

Этнографическая тематика богато представлена в изданиях Государственной Академии истории материальной культуры («Сообщения»,

«Известия» и отдельные серии, например, «Труды Верхневолжской этнологической экспедиции»). Ряд специальных этнографических журналов и серийных изданий публикуется в союзных и автономных республиках и областях РСФСР.

II

Двадцатые годы в истории советской этнографии могут быть охарактеризованы, как период накопления сил и материалов и разрешения первоочередных задач, связанных с хозяйственным и культурным строительством народов СССР. Если в смысле размаха работ (не говоря об их практической целеустановке) этот период далеко оставляет позади все достигнутое дореволюционной этнографией, то в теоретическом отношении мы не можем еще говорить о чем-либо принципиально отличном от того, что характеризует русскую этнографию начала века. Нельзя не отметить также и того, что развитие советской этнографии протекает в эти годы в условиях обостренной классовой борьбы, в условиях бешеного сопротивления эксплуататорских классов развернутому социалистическому наступлению. Нельзя не отметить проникновения в эти годы в этнографические учреждения и организации в центре и на местах представителей буржуазно-националистических группировок, нередко пытавшихся превратить этнографические и краеведческие центры в базу для пропаганды националистических взглядов. Этой же обстановкой обострения классовой борьбы в стране объясняется и тенденция известной части старой буржуазной профессуры противопоставить марксистскому пониманию изучаемых этнографией явлений взгляды новейших зарубежных буржуазных школ. Характерно, что в то время, как дореволюционная русская этнография, за малыми исключениями, осталась невосприимчивой к этим «новейшим течениям», идя своим путем и оставаясь на почве прогрессивных традиций передовой русской этнографии XIX в., — в конце 20-х годов с значительной силой проявляется тенденция развернуть пропаганду взглядов Гребнера, Шмидта, Фробениуса и других представителей так называемой «школы культурных кругов». Это особенно можно видеть в вышедшем в 1929 г. «Курсе этнологии» П. Ф. Преображенского. Эти течения оказали влияние даже на такого передового представителя русской этнографии, как В. Г. Богораз, выпустивший в те годы путанейшую книгу «Распространение культуры по земле (Основы этногеографии)», в которой мы встречаемся с весьма своеобразным преломлением «теории культурных кругов» и несомненными отголосками «культурно-морфологических» построений Л. Фробениуса.

Появление этих и подобных им работ облегчалось недостаточной еще теоретической зрелостью советских этнографов, неумением их применить марксистскую методологию к практике этнографического исследования.

Однако к концу двадцатых годов намечаются первые признаки того теоретического поворота, которым можно начинать историю сложения советской этнографической школы как особого теоретического направления. Период между 1929 г. и серединой 30-х годов характеризуется полнотой бурных теоретических дискуссий о предмете и задачах этнографии в Коммунистической академии, Обществе историков-марксистов, на этнографическом совещании в Ленинграде в 1929 г., на археолого-этнографическом совещании в 1932 г. и на страницах специальных журналов — «Историка-марксиста», «Этнографии» и «Советской этнографии» и «Сообщений ГАИМК». Это период, когда развертывается острая критика новейших школ зарубежной буржуазной этнографии и антропологии, в первую очередь — расистских течений разного рода и так называемой «школы культурных кругов», а также упомянутых выше буржуазно-на-

ционалистических течений на отечественной почве, когда в процессе критического пересмотра собственных позиций советских этнографов развертывается борьба за овладение марксистско-ленинской методологией диалектического материализма. Нельзя не отметить, что в развитии этих дискуссий крайне отрицательную роль сыграло влияние антинаучной псевдо-марксистской школы Покровского и прямых вредителей — троцкистско-зиновьевских диверсантов, выдававших свои вредные и невежественные «теории» за последнее слово марксизма. Отрицание за этнографией и археологией самого права на существование в качестве самостоятельных исторических дисциплин и попытка подмены конкретного исследования априорным социологическим схематворчеством, лишь в качестве иллюстраций для которого фигурировали наудачу выхваченные археологические и этнографические примеры, не могло не принести существенного вреда развитию советской археологии и этнографии.

Решения партии и правительства по вопросам истории (1934), покончившие с хозяйничаньем социологизаторов-схематиков и открывшие новую полосу расцвета советской исторической науки, определили начало нового подъема и в области этнографии. Советские этнографы вышли из полосы дискуссий теоретически перевооруженными, выросшими в борьбе как против реакционных течений в буржуазной отечественной и зарубежной этнографии, так и против псевдомарксистского социологического схематизма.

Серьезная работа по изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, по освоению метода диалектического материализма в применении к исследованию этнографического материала не замедлила сказаться на характере тех новых исследований, которые начинают появляться в свет с середины тридцатых годов.

Уже тематически эти работы существенно отличаются от преобладающего типа работ 20-х годов, характеризуясь концентрацией интересов вокруг проблем общественного строя, социальной культуры. В конце 20-х годов достаточно отчетливо выделяется в качестве одной из центральных проблем советской этнографии проблема изучения тех конкретных форм сочетания патриархальных и феодальных или полуфеодальных отношений, которые были в этот период характерны для значительной части народов Советского Востока и Севера и исследование которых, с целью разработки конкретных путей социалистического строительства на национальных окраинах Союза, стояло, как мы видели, в качестве одной из первоочередных политических задач.

На протяжении конца 20-х и в 30-е годы, в особенности начиная с их середины, выходит в свет целая серия работ, посвященных историко-этнографическому исследованию общественной организации различных народов СССР — характеристике и анализу форм и традиций общинно-родового уклада, их взаимоотношений с элементами феодальных и капиталистических отношений и их историческому значению в процессе классово-борьбы и социалистического строительства в советскую эпоху. Большая часть этих работ опирается на солидно поставленные полевые исследования и вводит в науку значительные новые материалы. Одни из этих работ в большей мере обращены в прошлое — в область зиявания древних корней тех общественных форм и институтов, с которыми сталкиваются исследователи; другие в первую очередь фиксируют моменты, не утратившие своей актуальности в настоящем. Одни пытаются охватить весь комплекс общественных отношений; другие исследуют какую-либо одну их сторону. Однако все они объединены общей направленностью, общей тенденцией: поднять на конкретном материале отдельного конкретного народа большие общие проблемы истории первобытной общественной организации, ее роли и судьбы, ее пережитков в феодально-капиталистическом прошлом и социалистическом настоящем,

понять и осмыслить конкретный новый материал в свете марксистско-ленинского учения об обществе и законах его развития и, в свою очередь, привлечь свой материал для дальнейшей разработки этого учения³.

Наряду с разработкой отмеченного круга проблем на материале отдельных народов Советского Союза, появляется ряд исследований, посвященных общим проблемам истории первобытного общества, с широким привлечением зарубежного материала — австралийского, меланезийского, американского и др. Здесь особенно крупное место занимают капитальные исследования М. О. Косвена, особенно его труды, посвященные разработке вопроса об историческом месте матриархата, серия блестящих и острых этюдов покойного Е. Ю. Кричевского, работы А. М. Золотарева и др. Эти работы, как можно видеть уже из заглавий ряда из них, не ограничиваются исследованием только общественных учреждений в собственном смысле слова. В работах Потапова, Кандаурова, Бернштама и других мы встречаемся с новым аспектом исследования также и явлений материальной культуры, хозяйственного быта, техники производства, жилища и т. д. В работах Абрамзона, Золотарева, Толстова и других мы встречаемся с исследованием религиозных верований. Но и в том и в другом случае эти явления рассматриваются в их неразрывной взаимной связи, в аспекте проявления во всем многообразии конкретных фактов основных закономерностей общественного развития — развития производительных сил и производственных отношений, образующих структуру общества.

Не все отмеченные выше, как и не отмеченные, работы стоят на одинаковом теоретическом уровне, во многих из них есть не мало отдельных ошибочных или устарелых положений. Но во всех них отражена общая линия развития советской этнографии — линия последовательного историзма, линия историко-материалистического объяснения явлений в их движении, развитии, борьбе и качественном преобразовании.

III

Характерной особенностью советской школы в этнографии является ее последовательный историзм. Типичное для многих направлений зарубежной этнографии противопоставление этнографии истории, с отнесением первой к кругу географических, психологических и даже биологических дисциплин, неразрывно связано с явившейся одним из источников расизма старой реакционной концепцией деления человечества на народы «исторические», «культурные» (*Kulturvölker*) и «неисторические», «природные» (*Naturvölker*), из которых последние, якобы, и яв-

³ Таковы работы: П. И. Кушнер, Горная Киргизия, М., 1928; С. Вильчевский, Материалы по истории общественных форм в Курдистане, «Сов. этнография», 1932, № 5—6; Н. Билибин, Классовое расслоение у кочевых коряков, Владивосток, 1933; его же, Обмен у коряков, Ленинград, 1934; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Известия ГАИМК», № 103, 1934; А. Н. Бернштам, Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии, «Сов. этнография», 1934, № 6; М. О. Косвен, Аталычество, «Сов. этнография», 1935, № 2; Л. П. Потапов, Разложение родового строя у племен Северного Алтая, Ленинград, 1935; С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; С. А. Гокарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Ленинград, 1936; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, Ленинград, 1936; А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвечков (тунгусов), Ленинград, 1936; М. О. Косвен, Из истории родового строя в Юго-Осетии, «Сов. этнография», 1936, № 2; А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939; Н. П. Никольский, Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвечков, Ленинград, 1939; А. Н. Кандауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, Ленинград, 1940, и многие другие.

ляются объектом этнографии. Это деление чуждо советской науке, рассматривающей все народы мира, на всем протяжении существования человечества, как творческий субъект истории. Конечно, история бесписьменных народов восстанавливается иными приемами, чем история народов, имеющих письменную историческую традицию и оставивших письменные памятники своего прошлого. Этнографическим памятникам, наряду с археологическими, здесь принадлежит ведущая роль. Но разница лишь в характере источников, в методических приемах исследования, а не в его предмете и не в его общей методологии.

Исследуя культуру любого народа (а отнюдь не только бесписьменного, первобытного) в ее национальной или этнической специфике, советский этнограф исторически анализирует ее, вскрывая в ней напластования различных периодов исторического развития народа, читая в ней отображения всей сложности его прошлых исторических судеб. Советская этнография давно оставила позади сыгравший в свое время положительную роль в истории буржуазной этнографии, но уже давно и явно устаревший эволюционистский подход к этнографическому материалу; для этого направления характерно полное невнимание к истории исследуемого конкретного народа, отдельные элементы культуры которого используются лишь для восстановления общей схемы эволюции первобытного человечества. Только в свете истории каждого народа становится ясным историческое значение каждого элемента его культуры, и мы хорошо знаем, к каким ошибкам нередко приводило эволюционистов (и даже такого, стоявшего по своему методу неизмеримо выше эволюционистов исследователя, как Морган) вырывание из исторического контекста отдельных культурных явлений (например малайской системы родства). Существенно отметить, что в последнее время в зарубежной, в частности американской этнографической литературе, имеется тенденция «реабилитировать» эволюционизм, отмечая лишь его «крайности», под которыми разумеются взгляды Моргана (Лоуи). В свою очередь защитники Моргана (Л. Уайт) пытаются сделать его знаменем в борьбе за восстановление традиций эволюционизма⁴. На деле сила Моргана в том и заключается, что он не эволюционист, а историк-материалист; бесспорно имеющиеся у него элементы эволюционистской методологии составляют его слабость, обусловившую ошибочность его отдельных заключений, отнюдь не затрагивая его концепцию в целом, столь высоко и заслуженно оцененную Марксом и Энгельсом и остающуюся непоколебленной до сегодняшнего дня. И если Энгельс имел все основания говорить о самостоятельном открытии Морганом материалистического понимания истории, то методологические основы эволюционизма были сурово осуждены Марксом в его известном отзыве на книгу Бастиана: «А. Бастиан, «Der Mensch in der Geschichte» (три толстых тома, автор — молодой бременский врач, совершивший многолетнее кругосветное путешествие) с его попыткой «естественно-научного» объяснения психологии и психологического объяснения истории, — плохо, спутанно, бесформенно»⁵.

Историзм советской этнографии ничего общего не имеет с псевдоисторизмом некоторых течений современной зарубежной этнографии — «культурно-исторической школы» в ее различных вариантах. Эта школа, теоретические позиции которой впервые были сформулированы Ф. Гребнером, как известно, отправляясь от риккертских взглядов, отрицает закономерность в истории, превращая ее в совокупность индивидуальных, неповторимых событий и явлений; к систематизации их во времени и пространстве якобы и сводится задача историка.

⁴ М. Левин, История, эволюция, диффузия (По поводу одной дискуссии), «Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 235 сл.

⁵ Письмо Маркса Энгельсу от 19/XII 1866 г. Соч. т. XXII, стр. 552.

Советские этнографы исходят из марксистско-ленинского понимания исторического процесса. Не закрывая глаз на все многообразие форм этого процесса, определяемое разнообразнейшими историческими факторами (непревзойденным образцом для нас в этом вопросе является раскрытие Лениным двух путей развития капитализма — прусского и американского), они видят в нем проявления единых законов прогрессивного исторического развития общества, более сложных, но столь же непреложных, как законы развития природы. Раскрытие еще не известных сторон этих закономерностей является целью этнографического, как и всякого исторического и всякого вообще научного исследования. Знание уже раскрытых марксистско-ленинским учением законов в свою очередь является предпосылкой успешности исследования, ключом к пониманию той пестрой и нередко на первый взгляд хаотической картины, которую представляет собой каждая конкретная культура.

Советская этнография, опирающаяся на методологию исторического материализма в конкретно-историческом исследовании генезиса и развития этнической культуры каждого конкретного народа, резко отличается этими своими особенностями от доминирующих сейчас течений в зарубежной этнографии. Если для первой четверти XX в. характерной тенденцией в развитии буржуазной этнографии была тенденция псевдоисторизма, «историзма» в риккертском смысле, заостренного против всяких попыток раскрыть общие закономерности общественного развития, то вторая четверть нашего столетия может быть отмечена на первый взгляд прямо противоположной тенденцией, тенденцией подчеркнутого антиисторизма. Именно эту печать несут на себе две наиболее влиятельные школы современной буржуазной этнографии — «функциональная школа» в Англии, получившая сейчас широкое распространение и в Америке, и так называемая «психологическая школа» в США. Обе эти школы самым недвусмысленным образом поставили себя на службу империализму. Американские последователи и продолжатели английской функциональной школы Чэппли и Кун так определяют «достижения» отца функционализма Б. Малиновского и его единомышленников: «...Изменение (в положении этнографии.— С. Т.) произошло около двух десятилетий тому назад, когда многие влиятельные лица начали понимать, что антропология⁶ может быть использована в колониальной администрации, в специфической области регуляции отношений между белыми и так называемыми «примитивными» народами. Одним из первых это открытие сделало и практически использовало британское правительство, которое сделало правилом, что колониальные администраторы, работающие с туземными народами, должны быть квалифицированными антропологами. Крайне счастливым обстоятельством как для правительства, так и для туземцев (! — С. Т.) было то, что многие из людей, попавших под действие этого правила, были обучены профессором Брониславом Малиновским»⁷.

«Крайне счастливое обстоятельство» заключалось в том, что Б. Малиновский (австрийский поляк на английской службе, из интернированного в 1914 г. на Тробриантовых островах «гражданского военнопленного» превратившийся в учителя английских колониальных администраторов и этнографов) сумел приспособить этнографию к нуждам колониальной администрации, выдвинув, в сущности, четыре основных, не очень хитрых, не очень новых, но очень полезных для хозяев колоний

⁶ Принятый в англо-американских странах термин для обозначения этнографии; антропология в нашем смысле слова именуется физической антропологией.

⁷ Chapple and Coon, The principles of Anthropologie, стр. IV.

«теоретических» положения: 1) не дело заниматься историей колониальных народов, ибо таковой не имеется, а если и имеется, ее все равно невозможно узнать; 2) объект этнографического изучения — «культура» есть совокупность функций общественных учреждений и обычаев, определяемых (через психологию) физиологией составляющих общество индивидов; 3) в соответствии с этим общественный быт и культура каждого колониального народа представляет собой систему некоторого равновесия, которую нельзя, да и не нужно нарушать, ибо при помощи местных вождей и традиционных общественных институтов и обычаев гораздо легче управлять «туземцами»; нужно только выяснять функции этих обычаев и институтов, а затем поставить их себе на службу; 4) так как внедрение элементов европейской цивилизации (например, школьное обучение сверх минимальных пределов, потребных для того, чтобы облегчить «белым» использование «черной» рабочей силы) нарушает это равновесие, то этого надо избегать, предоставив отсталым народам пребывать в их отсталости — оно и дешевле и спокойнее!

Упомянутые выше американские последователи Малиновского в разгар второй мировой войны предлагают дальнейшее использование «положительного опыта» «прикладной антропологии» своих английских учителей — применение «теории» и практики функционализма не только к колониальным народам, но и к самим европейцам и американцам: «Следующим шагом к расширению поля деятельности было установление того факта, что то, что оказалось подходящим для дикарей (the primitives), будет столь же хорошо применимо в нашем собственном обществе»⁸. Особые заслуги в этом деле авторы приписывают проф. В. Л. Уорнеру, который применил свой опыт работы среди северных австралийцев «с одинаковой успешностью и много большей пользой» к изучению американского и европейского общества. «Ему принадлежало главное влияние в применении антропологических методов в исследованиях Западной электрической компании, описанных профессором Е. Дж. Реслисбергером из Харвардской школы деловой администрации и В. Дж. Диксоном из Западной электрической компании в их книге «Управление и рабочий».

Итак, «научная методология» колониального администрирования переносится «с еще большей пользой» на управление рабочими капиталистического предприятия.

Здесь не место подробно разбирать книгу Чэппли и Куна, как и труды их вдохновителей. Хотя они и пытаются как-то примирить «функционализм» с «исторической школой» последователей Боаса, выдвигаемая не совсем вразумительный тезис о том, что «употребление шкалы времени есть основной метод измерения человеческих отношений», — мы увидим здесь ту же характерную цепочку объяснения физиологией психологии и последней — человеческого поведения, рассмотрения человеческих отношений как своеобразных рядов психологических импульсов и реакций, ту же плоскую «теорию равновесия», сведение истории к «нарушениям» и «восстановлениям» этого «равновесия», и все это для того, чтобы в конечном итоге установить, что в Америке налицо не что иное, как бесклассовое общество: «В Англии, например, хотя там и предстает тип правления, продолжающееся наличие этих классов мешает развитию вполне демократической системы. Так было и в Соединенных Штатах полтора столетия назад... С этого времени классовые различия постепенно исчезли в противоположность мнению некоторых авторов»⁹. Трюк состоит в том, что авторы сознательно вкладывают в понятие

⁸ Цит. соч., стр. V.

⁹ Цит. соч., стр. 435.

класс признаки сословия или касты и, не обнаружив этих признаков в жизни хотя бы «Западной электрической компании», делают замечательное открытие: «Трудно было бы доказать существование социальных классов в Соединенных Штатах»¹⁰. И затем появляется на сцену все тот же традиционный «торговец газетами, ставший миллионером», и высокопоставленный молодой человек, сделавшийся простым солдатом под командой рабочего, ставшего офицером.

Вся великая ученость со «шкалой времени», «импульсами и реакциями» и рассуждениями о научном регулировании общественной и политической жизни, как мы видим, потребовалась для того, чтобы подпереть весьма не новый пропагандистский прием, видно, уже не очень убеждающий рядовых американцев. «Patterns of culture», «модели культуры», американских этнографов-психологов, прежде всего «вождя» этого реакционного направления — Рут Бенедикт — это своеобразный вариант расистской «концепции» Rassenseele, «расовой души», отличающийся от немецких расистских построений только отсутствием прямой увязки этой «души» с физическими особенностями расы. Не надо, впрочем, забывать, что наряду с псевдоматериалистическим, биологизаторским направлением в самом немецком расизме была достаточно сильна мистико-спиритуалистическая тенденция, рассматривающая расу как прежде всего психологическую категорию. Шпенглер, один из родоначальников нацистской идеологии, является вместе с тем одним из духовных отцов современного американского «этно-психологизма». Не даром Бенедикт сопоставляет выделенные ею «модели культуры» с такими категориями шпенглеровского этно-психологизма, как «аполлоновская» и «дониосовская душа» и т. п.

Как и у расистов, у «этно-психологов» «модель культуры», гесп. психический тип каждого народа, — неисторическая, антиисторическая категория, фактически неизменяемая субстанция, не определяемая историей, а определяющая историю.

Что американский «этно-психологизм» отнюдь не невинное кабинетное упражнение, видно из того, что труды «психологов» готовятся и появляются в весьма серьезного и определенного типа учреждениях и изданиях. Так, Рут Бенедикт выпускает книгу под поэтическим заглавием «The Chrysanthemum and the Sword» («Хризантема и меч»), посвященную исследованию мышления и «поведения» японцев, проведенному по заданию Управления стратегической службы (Office of Strategic Services). Г. Батесон печатает в столь, казалось бы, далеком от этнографии органе, как «Bulletin of Atomic Scientists» (1946, vol. 2, NN 5—6, 7—8), статью «Pattern of an Armaments Race» («Модель [психологическая] гонки вооружений»), где пытается, с одной стороны, определить этно-психологические предпосылки гонки вооружений (установив три этно-психологических типа «модели», определяющих характер таковой у разных народов, а именно — англо-саксонский, немецкий и русский), а с другой, — на основе этно-психологического анализа форм управления новогвинейских папуасов и американских индейцев, — предложить свой рецепт «ограничения национализма» путем создания сильного мирового правительства — рецепт не столь уж новый, как известно, и оригинальный лишь тем, что обосновывается аргументами от этнографии и психологии.

Если функционалистский антиисторизм неразрывно связан со стремлением законсервировать отсталые формы общественного строя колониальных народов, поставив их реакционные обычаи и институты на службу империалистическим монополиям, то задачи «психологического» антиисторизма шире: наряду с общими с функционалистами целями

¹⁰ Там же, стр. 439.

«этно-психологи» подводят теоретическую базу под весьма распространенную сейчас в реакционных кругах англо-саксонских стран тенденцию в расово-психологическом плане трактовать наиболее значительные явления современности — фашизм, агрессивный милитаризм и т. д. С точки зрения этих писателей, не монополистический капитализм, а специфический для немцев расово-психологический комплекс обусловил возникновение нацизма и гитлеровскую агрессию. Не нужно быть особенно проникновенным, чтобы не увидеть, например, что с точки зрения этой теории (ничем методологически не отличающейся от «классического расизма») всякие попытки создания единой демократической Германии бесплодны и вредны, ибо немцы по самой своей природе «тоталитаристы» и агрессоры, что единственный способ избежать новой агрессии Германии — это ее расчленение и превращение в колонию «западных демократий», «психическая модель» которых делает их единственными носителями всеобщего мира и благополучия.

Нужно ли говорить, что теоретические позиции советской этнографической науки полярно противоположны этим господствующим тенденциям современной буржуазной этнографии. Любопытно, что, как мы видим, советская этнография развивалась и развивается тоже под знаком «прикладных задач». Но это не задачи колониального порабощения отсталых народов и консервации их отживших и служащих лишь на потребу империалистам первобытных и феодальных учреждений. Это и не задачи консервирования во что бы то ни стало реакционных общественных учреждений внутри своей собственной страны, обеспечивающих господство кучки империалистических хищников над массами народа, «простых людей», подлинных творцов современной цивилизации. Прогрессивный, последовательно-демократический характер «прикладных» задач советской этнографии, задач помощи советскому государству и партии в деле строительства нового, социалистического общества, подъема всех, в том числе недавно самых отсталых народов СССР, на новый, высший этап развития, вовлечения их в активное и равноправное участие во всей общественной и культурной жизни страны — определил и направление развития теоретической мысли в области советской этнографии. В противоположность «этно-психологам», рассматривающим культуру каждого народа как нечто раз навсегда определенное ее «психической моделью», в противоположность функционалистам, видящим в ней неподвижную систему равновесия слагающих ее элементов, в конечном счете определяемых той же психической моделью, герр. расой, — советский этнограф в общественном укладе и культуре каждого народа видит сложное, противоречивое сочетание борющихся элементов старого, отжившего и отживающего и нового, прогрессивного, рассматривает ее в развитии, в движении. В этом сущность историзма советской этнографии, ее отличие не только от антиисторических концепций современной реакционной зарубежной этнографии, но и от представлений о развитии классического эволюционизма.

Соответственно этим позициям советская этнография не замыкалась и не замыкается в своих исследованиях в узкий круг собственно этнографических источников. В самом деле, если для понимания этнографических фактов, к какой бы области быта и культуры они ни относились, если для решения той или иной встающей перед этнографом проблемы (будь ли это проблема происхождения народа, проблема определения его этнографической территории, или проблема возникновения и развития того или иного, характерного для него общественного института, обычая, верования, или того или иного факта материальной или духовной культуры) необходимо использование данных других исторических дисциплин — актовых или нарративных письменных источников, археологических памятников и т. п., — то ничего, кроме вреда для дела, не

принесло бы искусственное самоограничение этнографа, его отказ от использования этих данных. Нелепо было бы ограничиваться историко-сравнительными приемами восстановления истории, скажем, русской одежды или жилища, принципиально отказываясь от привлечения фресок, миниатюр, старых гравюр и описаний, наконец — собраний исторических музеев и данных археологии. Но вместе с тем мы прекрасно знаем, что для истории русского народного жилища и одежды этнографический материал сборов XVIII—XX вв. дает несравненно более богатые и многокрасочные данные, чем старые документальные и археологические материалы. Поэтому ретроспективное сравнительно-этнографическое освещение отдельных этапов этой истории восстанавливает очень многое, что в противном случае пришлось бы признать безвозвратно утерянным. Этим путем неизменно шли передовые русские этнографы и археологи и в прошлом. Работы Д. Н. Анучина, в особенности его монографии «Лук и стрелы», «К истории искусства и верований приуральской чуди», «Древнее русское сказание «О человецах неизвестных в восточной стране» и др., показывают неизменную плодотворность этого пути. Блестящим опытом комплексно-исторического разрешения на этнографическом и археологическом материале одной из проблем истории русского народного орнамента является известная работа В. А. Городцова «Сармато-дакские элементы в русском народном творчестве».

Новое состоит в том, что советские исследователи не ограничиваются установлением лишь исторической последовательности фактов, а вскрывают за ними проявление определенных закономерностей исторического развития. Это комплексно-историческое направление советских этнографических исследований накладывает яркий отпечаток на творческий профиль большинства ведущих советских ученых, как правило, выступающих в качестве одновременно этнографов и историков, в одинаковой мере вооруженных как для этнографической работы в собственном смысле слова, так и для исследования литературных и архивных памятников и археологических материалов. В ряде случаев не так просто и решить, к какой научной специальности отнести того или иного исследователя, — в такой мере насыщены бывают работы материалами и исследовательскими приемами как той, так и другой. В свое время это даже вызывало некоторую растерянность среди известной части этнографов и разговоры об утере этнографией ее специфики. На деле мы имеем здесь проявление теоретического роста советской этнографии, на наших глазах вырастающей в подлинно историческую науку и завоевывающей себе почетное место в кругу отраслей исторического знания. Нельзя, наряду с этим, не отметить и обратного процесса — все более и более растущего внимания к этнографическим материалам в среде историков в тесном смысле слова и археологов, из числа которых многие нередко превращаются в заправских этнографов.

Советские этнографы, крепко связавшие свои творческие интересы с изучением культуры того или иного народа или группы народов, работая над этим десятилетиями, сплошь да рядом расширяя круг привлекаемых к исследованию источников, становятся ведущими специалистами в области истории данного народа, взятой в целом. Так, перу этнографа Л. П. Потапова принадлежит «Очерк истории Ойротии». Этнограф С. А. Токарев пишет «Очерк истории якутского народа». Этнографу Н. А. Кистякову принадлежит «Очерк истории Каратегина». Этнограф А. Н. Бернштам завоевывает себе одновременно место ведущего исследователя археологических и письменных памятников истории тюркских народов Центральной Азии и Семиречья. Этнограф В. Н. Чернецов становится выдающимся знатоком археологических памятников Северо-Западной Сибири и работает над обширным трудом

по этногенезу обских угров, опирающимся на все виды исторических источников. Этнограф Б. А. Долгих ведет серьезные архивные изыскания по истории исследуемых им народов Средней Сибири. Этнограф Л. А. Динцес в своих исследованиях по русскому народному искусству поднимает обширные материалы археологических памятников и письменных документов. В свою очередь археолог А. П. Окладников пишет ряд интереснейших работ по этнографии якутов, широко используя этнографический материал в своих археологических исследованиях. Археолог Б. А. Рыбаков обильно привлекает этнографические данные для интерпретации фактов древней культуры и искусства славянских племен. Это сближение специальностей, их тесная взаимная кооперация, и в форме контакта научных учреждений и специалистов, и в форме совмещения специальностей, уже дала и продолжает все больше и больше давать богатые результаты, позволяющие по-новому ставить и разрешать различные общие и частные этнографические и исторические проблемы.

Основной формой обобщающего этнографического труда постепенно становится историко-этнографическая монография. Прекрасным примером таких нового типа историко-этнографических монографий является серия трудов известного исследователя народов Алтая и Южной Сибири Л. П. Потапова, в особенности «Очерки по истории Шории» (Л., 1936) и еще неопубликованная капитальная монография (докторская диссертация)¹¹ «Алтайцы». Более скромным по поставленным задачам, но также характерным примером небольшой историко-этнографической монографии является недавно вышедший «Очерк культуры киргизского народа» С. М. Абрамзона (Фрунзе, 1946).

К этому же типу работ принадлежит вызвавший широкий отклик труд С. А. Токарева «Общественный строй якутов в XVII в.», который, при спорности отдельных положений автора, не может не рассматриваться как образец историко-этнографической монографии, основанной на скрупулезном исследовании грандиозного архивного материала, освещенного данными этнографических экспедиций автора и этнографической литературы и, в свою очередь, проливающего новый свет на наблюдаемые этнографами факты.

Целая серия таких историко-этнографических работ, в значительной части еще не опубликованных, была создана за последние годы молодыми советскими этнографами, защитившими эти работы в качестве кандидатских диссертаций. Примерами могут служить хотя бы работы Д. В. Найдич «Быт украинского крепостного крестьянства накануне реформы 1861 г.», Е. Р. Бинкевич «История черкесского жилища», Г. Г. Стратановича «Дунгане Киргизской ССР», М. В. Сазоновой «Аграрные отношения в Хивинском ханстве в XIX — начале XX века»¹², Т. А. Жданко «Родоплеменной состав и расселение каракалпаков в XIX — начале XX века», А. С. Морозовой «Рабство у туркмен и хивинских узбеков в XIX веке», — в которых авторы прекрасно сочетают результаты личных полевых этнографических исследований и личных же архивных и историко-литературных изысканий. Своеобразными формами историко-этнографических исследований являются диссертации С. Р. Смирнова «Восстание махдистов в Судане» и А. И. Блинова «Маорийские войны»¹³, в которых авторы-этнографы по-новому подходят к решению уже чисто исторических проблем, проблем политической истории, заново освещая обширным этнографическим материалом многие

¹¹ Отчет о защите см. «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 214.

¹² Отчеты см.: «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 212; 1947, № 1, стр. 196; там же, стр. 215; 1947, № 3, стр. 169.

¹³ См. «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 196 сл.; № 2, стр. 212.

стороны исследуемых политических событий, остававшиеся до сих пор темными.

Внесение в этнографическое исследование элемента точной хронологии, дающего возможность объективно оценить исторические условия возникновения, изменения или исчезновения того или иного общественного или культурно-бытового явления, вносит в работу советских этнографов важный новый элемент, позволяющий им избежать многих ошибок своих предшественников и зарубежных современников в оценке «древности» или «новизны» любого этнографического факта.

IV

Одной из центральных проблем советской этнографической науки становится с 30-х годов проблема этногенеза в широком понимании этого слова. Это не случайно для советской этнографии, избравшей основным объектом исследования конкретный народ (племя, этническую группу, национальность), рассматриваемый как творец и носитель своей исторически сложившейся культуры, что предопределяет необходимость изучения путей исторического становления исследуемой народности и ее культуры.

Огромную роль в развитии советской школы в области исторической этнографии сыграло сталинское учение о нации как общности людей, исторически сложившейся из различных рас и племен в определенную эпоху — эпоху поднимающегося капитализма. Это учение, основанное на блестящем анализе обширного и разнообразного исторического материала, показало полную несостоятельность расистско-националистических концепций происхождения современных наций, всяческих поисков «чистых» расовых и этнических элементов, якобы лежащих в основе этих наций. Вместе с тем это учение явилось образцом исторического разрешения проблемы генезиса предшествующих нации этнических общностей — племен и народностей первобытного общества — и предшествующих капитализму классовых общественных формаций.

Роль развивающихся в ходе истории процессов сближения и скрещения первобытных расовых и этнических элементов, приводящих к качественной трансформации древних этнических общностей и возникновению новых, более широких этнических объединений, была блестяще раскрыта в трудах выдающегося советского лингвиста, академика Н. Я. Марра, и оказала огромное воздействие на развитие лингвистической, этнографической и археологической науки как в СССР, так и за рубежом. Значительное место в развитии общей теории этногенетического процесса после Н. Я. Марра занимают работы члена-корр. Академии Наук СССР проф. А. Д. Удальцова, посвятившего ряд трудов этногенезу индоевропейских народов, в особенности славян и германцев. Под руководством А. Д. Удальцова развернула свою работу Комиссия по этногенезу Академии Наук СССР, призванная объединить и координировать исследования в этой области представителей различных научных специальностей. Крупную роль в разработке проблем этногенеза сыграли проведенные за последние годы четыре большие сессии Комиссии по этногенезу — сессия 1940 г. по этногенезу народов Севера¹⁴, сессия 1942 г. по этногенезу народов Средней Азии¹⁵, сес-

¹⁴ Материалы сессии опубликованы в «Кратких сообщениях ИИМК», IX, 1941; А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока; Г. Ф. Дебед, Проблема заселения С.-З. Сибири по данным палеоантропологии; В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров; Н. Н. Чебоксаров и Т. А. Трофимова, Антропологическое изучение манси; А. В. Збруева, Происхождение ананьинской культуры; Т. А. Трофимова, Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье; М. В. Талицкий, К этногенезу коми; Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми в свете антро-

сия 1943 г. по этногенезу славян¹⁶ и сессия 1944 г. по этногенезу индоевропейских народов¹⁷.

Если к этим работам добавить труды ряда крупных исследователей по этногенезу народов Кавказа (акад. Джанашиа, проф. Куфтина и др. по этногенезу грузин, проф. Пистровского по этногенезу армян), то мы имеем все основания заявить, что в этой области советскими учеными предельно огромная работа, заложившая основы не только особой школе в вопросах исторической этнографии, но и практически разрешившая целый ряд проблем происхождения и исторического формирования большинства народов Советского Союза, в отношении многих из которых эти вопросы до революции или не ставились совсем, или не выходили за пределы самых примитивных построений.

Исключительно велик вклад советских этнографов (и, добавим мы, археологов) в разработку общих проблем истории первобытного общества. Мы имели уже выше возможность коснуться ряда этих работ, как конкретно-исторических, так и обобщающих накопленные наукой материалы. Обширная серия работ была посвящена периодизации истории первобытного общества. Работы акад. И. И. Мещанинова, члена-корр. АН СССР В. И. Равдоникаса, действительного члена Академии Наук УССР П. П. Ефименко, Е. Ю. Кричевского, Б. Л. Богаевского, А. М. Золотарева и многих других¹⁸, вызвавшие оживленные научные дискуссии, содействовали созданию целостной концепции истории первобытного общества, базирующейся на накопленном после Моргана и Энгельса обширном и разнообразном этнографическом и, особенно, археологическом (как известно, почти незатронутом Морганом и Энгельсом) материале, исследованном в свете исторических указаний

пологических данных; С. А. Токарев, Происхождение якутской народности; не вошедший в этот сборник доклад Г. Н. Прокофьева, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна, напечатан в сб. «Сов. этнография», III, 1940; основные положения доклада А. М. Золотарева, Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии, были опубликованы до сессии в «Известиях Воронежского гос. пед. института», IV, 1938.

¹⁵ Материалы сессии опубликованы в тезисах или полностью (отмечено звездочкой) в сб. «Сов. этнография», VI—VII, 1947: А. Д. Удадьцов, Теоретические основы этногенетических исследований; С. П. Толстов, Основные проблемы этногенеза Средней Азии; Л. В. Ошанин, Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии; К. В. Тревер, Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.; С. П. Толстов, Аральский узел этногонического процесса; И. И. Умяков, Тохарская проблема; Л. А. Мацулевич, Аланская проблема и этногенез Средней Азии*; А. Н. Бернштам, Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии*; М. М. Герасимов, Восстановление типа ископаемого человека и его значение для решения вопроса этногенеза узбеков; Ц. Д. Номинханов, Следы монгольских племен и родов XIII века, встречающиеся на территории Узбекской ССР; Н. А. Кисляков, К вопросу об этногенезе таджиков; В. В. Гинзбург, Этногенез таджиков в свете данных антропологии; А. Ю. Якубовский, Из истории этногенеза туркменского народа в VIII—X вв.; Г. И. Карпов, Этнический состав туркмен; Г. Ф. Дебец, Данные антропологии о происхождении туркмен.

¹⁶ Доклады сессии опубликованы лишь частично: Н. С. Державин, Происхождение болгарского народа; А. В. Арциховский, Культурное единство славян в средние века; Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, журн. «Сов. этнография», 1946, № 1; Т. С. Пассек, К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна; С. П. Толстов, Из предистории Руси; М. Н. Тихомиров, Происхождение названий «Русь» и «Русская земля»; Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне; А. Д. Удадьцов, Основные вопросы этногенеза славян, сб. «Сов. этнография», VI—VII, 1947.

¹⁷ Авторефераты докладов: С. П. Толстова, Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика, и А. Д. Удадьцова, К вопросу о происхождении индоевропейцев, опубликованы в «Кратких сообщениях» Института этнографии, 1, 1946.

¹⁸ См. нашу статью «К вопросу о периодизации истории первобытного общества» в журн. «Сов. этнография», 1946, № 1.

В. И. Ленина и И. В. Сталина. В процессе научных дискуссий, развернувшихся по этому кругу вопросов, советские этнографы сумели преодолеть получившие было у нас распространение некоторые взгляды новейших зарубежных школ, как, например, стремление трактовать родовой строй вообще и материнский род, в частности, не как основную форму общественной организации первобытно-общинной формации, а как незначительный эпизод первобытной истории, и подменить его всяческими «тотемистическими обществами», «дородовыми коммунами» и т. п. Заслугой П. П. Ефименко, установившего наличие матриархально-родового строя в верхнем палеолите, Е. Ю. Кричевского, М. О. Косвена и А. М. Золотарева, подвергнувшего сокружительной критике модную тогда «теорию» «тотемического общества» и доказавшего, что тотемизм есть не что иное, как религиозная идеология родового общества,— является решительный пересмотр этих ошибочных взглядов и возвращение, на основе вновь освоенных материалов, к концепции Моргана и Энгельса: последние, как известно, отводили материнско-родовому строю четыре из выделенных ими шести стадий первобытной истории, исключая лишь «низшую ступень дикости», когда существовали более примитивные формы общественных объединений становящегося человека («первобытное стадо», по определению Ленина), и «высшую ступень варварства», переходную от первобытно-общинного к классовому общественному строю.

Конкретные открытия советских этнографов мобилизовали обширный новый материал в пользу концепции единства исторического процесса, в пользу учения о первобытном этапе истории человечества как первобытно-общинной социально-экономической формации, свойственной всем народам на заре их истории и предшествующей классовым формациям общества. Попыткам современных представителей реакционных течений в зарубежной этнографии трактовать такие закономерные проявления первобытно-общинного строя, как матриархат, дуально-родовая организация, тотемизм и т. д., лишь как частные, свойственные будто бы только отдельным «культурным кругам» явления, советские этнографы противопоставили новые теоретические исследования и внушительный арсенал вновь открытых этнографических фактов, показывающих несостоятельность этих реакционных концепций.

Особенно важным было открытие матриархальных институтов и традиций у народов Северной и Северо-восточной Азии, которые, по В. Шмидту, являются классическими, беспримесными представителями «отцовско-правовых» — «северной пракультуры» и «культуры пастухов-кочевников». Эта территория на карте шмидтовских «этнологических культурных кругов» является единственным «счастливым островом», куда не проникла «материнско-правовая» скверна, единственной областью, отправляясь от которой В. Шмидт и его последователи утверждали историческую возможность существования народов, не знавших в прошлом матриархата. Между тем работы советских ученых в последние полтора десятилетия взорвали этот «остров», покрыв его в различных местах красочными пятнами распространения разнообразных матриархальных институтов и пережитков. Так, в 1936 г. А. Ф. Анисимов установил широкое и повсеместное распространение пережитков материнского рода у эвенков (пережитки матриликального брака, авункулат, высокое положение женщины, культ женского духа-покровительницы очага (Togo musupin) и родового женского духа-покровителя (Bugadi musupin)¹⁹, реконструируя на основании эвенкийских преданий древнеэвенкийское матриархальное больше-домовое общинное хозяйство (тэпэјен)²⁰, близко напоминающее по обществен-

¹⁹ А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов), Л., 1936, стр. 46—56.

²⁰ Там же, стр. 47—50.

ной функции и организации аналогичное хозяйство ирокезов, исследованное Морганом. Авункулат, культ женского духа дома «Поэма мама» (Хозяйка огня) и матриархальные традиции в погребальном обряде отмечены в 1939 г. А. М. Золотаревым у ульчей²¹. К. В. Вяткиной в 1946 г. открыт мощный пласт матриархальных традиций в общественном устройстве и верованиях бурят-монголов (культ женской прародительницы, сказание об амазонках, женское шаманство, роль женщины в культе родового очага, авункулат, отражение материнско-правовых норм в номенклатуре родства, пережитки матриликальности и т. д.)²². Аналогичные материалы собраны советскими этнографами по другим районам нашей страны, по народам Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы. Особенно важно отметить исследования Н. Я. Марра, М. О. Косвена, Е. Г. Кагарова и других, показавшие полную несостоятельность «теории» о якобы исконном патриархате у «арийцев» (т. е. народов индоевропейской лингвистической системы) — теории, являющейся, как известно, одним из существенных компонентов «арийского» расизма.

Значительным открытием советских этнографов в области изучения родового строя, является установление ими (в первую очередь на степечественном, а затем и на зарубежном материале) универсальности и древности одного из важнейших элементов родового строя — так называемой дуальной организации. Как известно, эта форма членения племени на две экзогамные фратрии рассматривалась еще Энгельсом как первичная форма экзогамно-родового устройства. В современной буржуазной этнографии, за редкими исключениями, дуальная или «двухклассовая» организация рассматривается как один из многочисленных и отнюдь не особенно древних институтов первобытного общественного строя. Австрийская католическая школа, вслед за Гребнером, видит здесь институт, свойственный «двухклассовому культурному кругу», связываемому адептами этой школы с земледелием. Риверс, много работавший над изучением дуальной организации, рассматривает ее как результат механического соединения на одной территории племен разного происхождения, сохраняющих свою традиционную обособленность и тогда, когда этнические различия между ними исчезают, — т. е. институт, порожденный условиями, в сущности говоря, случайными и внешними по отношению к прогрессивному развитию каждого первобытного общества, взятого само по себе. В результате работ советских этнографов выяснилось, что дуальная организация (или ее традиции в верованиях и фольклоре) свойственна самым разнообразным по этнической принадлежности, уровню развития и хозяйственному укладу народам. Она была открыта у туркмен (Голстов, 1935), у эвенков (Анисимов, 1936), у хантов и манси (Чернецов, 1939), у ульчей (Золотарев, 1939), у киргизов (Абрамзон, 1946), у различных кавказских народов (Косвен, 1947), у каракалпаков (Жданко, 1947) и др., т. е. у бродячих охотников и оседлых рыболовов тунгусо-маньчжурской и угорской лингвистических групп, у кочевых, полуседлых и оседлых народов Средней Азии и Кавказа, по языку — тюрков, иранцев и яфетидов. Другими словами — у разноплеменных народов, представляющих различные хозяйственные уклады.

Особенно богат и разнообразен собранный и исследованный советскими этнографами новый материал по поздним формам родового строя, по пережиткам родовой организации в условиях феодальных и капиталистических отношений и в период строительства социализма.

²¹ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, стр. 37—42.

²² К. В. Вяткина, Пережитки материнского рода у бурят-монголов, «Сов. этнография», 1946, стр. 137—144.

Выше мы приводили перечень наиболее значительных работ, посвященных этому кругу вопросов, по самому своему существу тесно соприкасающихся с практикой социалистического строительства в недавно еще отсталых районах Союза и поэтому привлечших особенное внимание советских исследователей. В этих работах с особенной силой сказались отмеченные выше специфические черты советской марксистско-ленинской этнографической науки. Именно последовательный материалистический историзм исследования, характерный для советских этнографов, диалектико-материалистический взгляд на изучаемые явления помог им понять сложный и, как казалось на первых порах, противоречивый материал. Советским этнографам удалось разоблачить антимарксистские тенденции в трактовке пережиточных явлений родового строя у многих народов СССР. С одной стороны, это были националистические «теории», пытавшиеся трактовать род как готовую ячейку социалистического строя, маскировавшие наличие в недавнем прошлом у ряда народов Советского Востока сочетающихся с родом элементов феодально-капиталистических отношений, использование пережитков родовой взаимопомощи как для эксплуатации «сородичей» полуфеодальной верхушкой рода, так и для политического влияния эксплуататорских элементов на массу трудящихся кишлака и аула. С другой стороны, это были столь же вредные и дезориентирующие практических работников антинаучные, по существу троцкистские «теории», отрицавшие всякую роль родовых пережитков и рисующие общественный доколхозный уклад у скотоводческих народов Востока и даже у охотничьих народов Севера как вполне зрелый «феодализм» или даже «капитализм».

Руководящими образцами в исследовании этого круга вопросов для советских этнографов являются учение Ленина об укладах и сталинское определение общественно-экономического строя недавно отсталых народов восточных окраин Союза, цитированное нами в начале нашей статьи. Отправляясь от этих замечательных принципов, советские исследователи сумели понять особенности общественного уклада изучаемых народов во всей их сложности и противоречивости, в исторической динамике их изменения, вскрыть причины сохранения и характер бытования общинно-родовых пережитков в разнообразных условиях, существовавших у различных народов СССР в недавнем прошлом. Историко-материалистический метод исследования позволил выявить изменения в ходе исторического развития социальных функций тех или иных архаических общественных институтов, противоречие и борьбу между их традиционной формой и меняющимся содержанием. Указанные исследования не только осветили процессы, протекающие в современности, но пролили ретроспективный свет и на более ранние этапы развития этих явлений, дав возможность понять многие, оставшиеся еще недавно неразгаданными вопросы как конкретной истории отдельных народов СССР, так и истории позднеродового и раннеклассового общества в целом, в особенности у народов с преобладанием неземледельческих форм хозяйства. Разработка проблемы о формах развития раннеклассовых рабовладельческих и феодальных отношений у скотоводческих народов и роли в этом процессе общинно-родовых пережитков является крупной заслугой советских исследователей, среди которых ведущая роль принадлежит этнографам (Бернштам, Потапов, Абрамзон, Токарев и др.).

Работы советских этнографов в области изучения материальной и духовной культуры характеризуются теми же особенностями, как и их труды в области проблемы этногенеза и социальной истории. Особенно надо отметить работы в области истории народного жилища, где новые методы исследования дали особенно богатые результаты. Изучение

жилища в тесной связи с хозяйством и общественным строем — путь, на который в свое время встал Л. Морган в своей классической работе «Дома и домашняя жизнь американских индейцев», — не только позволило понять особенности конструкции и планировки жилища тех или иных народов в их историческом развитии, но выявило в ряде случаев новые, остававшиеся неизвестными особенности самого социального уклада. Примером в этом отношении могут служить работы Кислякова и Кандаурова о жилище таджиков, Никольской о жилище аварцев и др. То же можно сказать и об изучении ряда явлений духовной культуры, например, религиозных верований и обрядов, смысл и историческое значение которых выступило в новом свете, когда их исследование было поставлено в тесную связь с изучением конкретных особенностей социально-экономического строя, с учетом исторического прошлого, происхождения и этнических связей исследуемого народа.

Мы не останавливаемся здесь на обширном разделе этнографической науки, связанном с изучением фольклора и народного изобразительного искусства, — этому вопросу посвящены специальные обзоры. Читатель может убедиться, что и здесь тесная связь с практикой социалистического строительства, последовательный историко-материалистический подход к материалу явились базой для больших исследовательских достижений и что в этой области советской этнографической науке есть чем гордиться, есть о чем рапортовать стране в торжественные дни 30-летия Великого Октября.

V

Мы лишены, естественно, возможности охватить весь обширный круг теоретических проблем, поднятых советскими этнографами, и конкретных открытий, сделанных ими. Нашей задачей было лишь на ряде конкретных примеров выявить общее направление развития советской этнографии как интегральной части советской марксистско-ленинской исторической науки. Советская этнография, как и вся советская наука, целиком отдает себя на службу народу, подчиняя свое развитие великим идеалам советского гуманизма. В этом исток ее подлинной объективности, действительной научности. В этом исток подлинного историзма советской этнографии, исследующей каждую конкретную этническую культуру как продукт исторического творчества народа в его прогрессивном движении и изменении, в конкретной социально-исторической специфике, вместе с тем видя в ней проявление единых законов общественного развития, вскрытых гением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Было бы глубокой ошибкой успокаиваться на достигнутых успехах, не видеть трудностей, стоящих перед нашей наукой, наших слабостей и неудач. Нельзя умолчать о том, что, несмотря на большие достижения в области подготовки этнографических кадров, их все еще несоизмеренно мало по сравнению со стоящими перед нами задачами. Нельзя мириться с тем положением, что в ряде наших республик еще нет своих квалифицированных этнографов, что далеко не во всех университетах поставлено преподавание этнографии, что во многих даже крупных местных музеях, обладающих ценными этнографическими коллекциями, нет в штате специалистов-этнографов. Нельзя признать нормальным отсутствие советского университетского учебника этнографии, создание которого является одной из наиболее неотложных задач. Нельзя не отметить значительного отставания некоторых важных разделов этнографической науки — в частности, разработки теоретических проблем истории первобытной религии. Например, теоретически не исследованными остаются обширные материалы по сибирскому шаманству, в изобилии накопленные советскими этнографами. А мы должны

отдавать себе отчет в том, какое значение имеют исследования в области истории первобытной религии и ее конкретных проявлений и пережитков у различных народов для дальнейшей разработки общего марксистского учения о религии — учения, роль которого в деле воспитания материалистического мировоззрения ясна без комментариев.

Необходимо также отметить отставание в деле фиксации и этнографического исследования грандиозных изменений, которые происходят на наших глазах в культурно-бытовом укладе народов нашей великой социалистической родины. То, что сделано и делается этнографами в этой области, более чем скромно по сравнению с масштабами подлежащих изучению процессов. А между тем вряд ли можно найти более увлекательную задачу для этнографа, как задача показа того, как по намеченному Лениным пути, под руководством партии большевиков, под руководством великого Сталина, десятки недавно еще угнетенных, отсталых, зачастую стоявших на грани гибели народов в невероятно короткие сроки стали полноправными членами великой советской семьи, полноправными участниками строительства социалистической цивилизации, как на основе лучшего из того, что каждый народ создал своим тысячелетним трудом, складывается и расцветает новая, социалистическая культура во всем богатстве и многообразии своих национальных форм. Эта задача велика по своим масштабам, небывала по своей новизне. Для ее выполнения мы должны быть подлинными новаторами в науке, работая не покладая рук над собиранием и научной интерпретацией богатейшего материала.

Все объективные предпосылки для выполнения этой задачи налицо. Успех дела зависит только от нас самих.

Е. В. ГИППИУС, В. И. ЧИЧЕРОВ

СОВЕТСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА ЗА 30 ЛЕТ

Великая Октябрьская социалистическая революция застала русскую фольклористику на стадии незавершенной борьбы между традициями романтической фольклористики начала XIX в. и укрепившейся с 70-х годов позитивистской школы. Борьба этих двух течений, по-разному протекавшая в словесной и музыкальной фольклористике,¹ развертывалась под отчетливо ощутимым влиянием третьего методологического течения, определившегося в русской науке уже с 60-х годов в фольклористических взглядах русских революционных демократов и явившегося истоком советской фольклористики. Его значение было велико благодаря воздействию, какое оно оказывало на отношение к народной поэзии русских писателей и композиторов, на деятельность собирателей фольклора, наконец, на теоретические взгляды наиболее прогрессивной части исследователей начала XX в. (А. В. Марков, Н. Е. Ончуков, Е. Э. Линева, Н. В. Васильев, Б. и Ю. Соколовы).

Воспитанные в традициях исторической школы — яркой выразительницы позитивистской методологии 90-х годов, они пошли иным путем, чем современные им консервативные ученые той же позитивистской фольклорной школы в России и на Западе. Так образовалось «левое» и «правое» крыло исторической школы. В то время как западные исследователи начала XX в., последовательно углубляя и развивая методику позитивистского направления, дошли до формалистического тупика, молчаливое поколение исторической школы (ее левое крыло) еще до революции пыталось примирить позитивистскую методику и отдельные, усвоенные ими общетеоретические положения с прогрессивными взглядами на фольклор революционной демократии. Представители правого крыла исторической школы, отрицавшие творческую роль народа, шли теми же путями, что западноевропейские фольклористы, в работах которых к началу XX в. отчетливо обозначились два основных направления: буржуазно-социологическое и формалистическое. Оба эти направления получили развитие в русской предреволюционной фольклористике; они

¹ Дореволюционные исследователи народной русской музыки не ставили и не разрабатывали общих теоретических проблем. Теоретические искажения русских филологов второй половины XIX в., их споры вокруг основных концепций позитивистского периода (компаративизм, теория миграций, положения исторической школы) почти не коснулись области музыкальной фольклористики и не оставили в ней сколько-нибудь заметного следа. Влияние позитивистской методологии сказалось в области музыкальной фольклористики второй половины XIX в. только на разработке частных теоретических проблем народной русской музыки (проблемы лада и ритмики) и почти не коснулось собирательской практики русских музыкантов, их собирательской методики и, наконец, их общих теоретических представлений о народном музыкальном искусстве, опиравшихся вплоть до революции на старые романтические фольклористические идеи славянофилов и народников. В теоретическом отношении предреволюционная русская музыкальная фольклористика, таким образом, заметно отстала от фольклористики словесной, — в особенности от наиболее разработанных в теоретическом отношении ее областей: русского сказоведения и исследований народной эпической поэзии, являвшихся еще до 1917 г. влиятельнейшими направлениями мировой науки, известными в качестве русской фольклористической школы.

были наиболее ярко выражены в трудах Келтуялы (буржуазно-социологическая концепция) и Перетца (крайний формализм на той же буржуазно-социологической основе).

В России расхождения между правым и левым крылом исторической школы, мало заметные до 1917 г., после революции, обострившей все противоречия, выступили вполне отчетливо. В то время как левое крыло исторической школы в лице братьев Б. и Ю. Соколовых выдвинуло тезис о творческой природе народного искусства, прямо противоречащий буржуазно-социологическому положению о творческом бесплодии народа, правое ее крыло и представители формалистического литературоведения, увлеченные методикой западной фольклористики, попытались направить развитие советской науки по пути западноевропейской.

Буржуазно-социологическая фольклористика пропагандировала мысль о первоначальном создании господствующими классами многих, если не всех, произведений народного творчества. Самое понятие народной словесности объявлялось сомнительным и в сущности исключалось, так как, по концепции буржуазных социологов, произведения, живущие устной жизнью, имеют своим истоком или письменную литературу «образованных и культурных кругов общества, или творчество профессионалов, выполняющих социальный заказ феодальной аристократии и буржуазии». Народ только подхватывает и перепевает эти произведения («Das Volk zersingt das angenommene Lied» — Дж. Мейер), как только они перестают вращаться в создавшей их среде (отставание в заимствовании обусловлено более низким уровнем культуры народа), и, приспособляя их к своему мировоззрению, искажает и нарушает их художественную значимость, не будучи в состоянии овладеть полностью ценностями культуры господствующих классов. Отголоски этих взглядов в 20-х годах имели хождение у нас не только в области литературы и фольклора², но и в области музыкальной этнографии³.

Особенно ярко эти отголоски сказывались на исследованиях былин, сказочного эпоса и лирических песен. Героическая и новеллистическая былина, волшебная сказка, народная баллада, лирическая песня по их происхождению объявлялись творчеством господствующих классов, осевшим в крестьянской среде только в позднейшее время⁴.

В противовес буржуазно-социологическим концепциям, развивавшим теоретические построения дореволюционной исторической школы (непосредственно соприкасавшиеся с теориями ведущих западноевропейских

² См., например, высказывания Б. В. Казанского в книге «Крестьянское искусство севера. Об искусствоведческой экспедиции на русский север», Л., Academia, 1926.

³ См., например, А. Финагин, О взаимоотношении художественной и бытовой песни. «De musica», Временник Отдела теории и истории музыки Государственного института истории искусства (ГИИИ), вып. III, Л., 1927.

⁴ В области русского эпоса была выдвинута так называемая теория напластований. Доказывалось, что записанные в XIX—XX вв. былины стали достоянием крестьянского творчества только в последнее время — первоначально они являлись эпосом господствующих феодальных кругов. Столетия бытования эпоса образовали в нем разные социальные пласты; отсюда: исследователи былин, подобно геологам, должны снимать поздние напластования, чтобы восстановить картину первоначального эпического произведения. Аналогичные социологические построения выдвигались и в области исследования сказок. Так, Ю. М. Соколов (в работе «Что такое фольклор», М., изд. «Крестьянская газета», 1935) писал: «Сказки, так называемые волшебные, например об Иване-царевиче, добывающем себе Царь-девицу, Жар-птицу или какую-нибудь другую диковинку, повидимому, возникли в эпоху феодализма, и, надо думать, не в крестьянской среде, а в боярско-княжеской или купеческой. Лишь потом они были обработаны крестьянами в соответствии с их классовыми вкусами и представлениями». Взгляд на народную песенную лирику как создание господствующих классов сформулированный В. Н. Перетцом, оказал влияние на книгу Н. П. Андреева и В. И. Чернышева «Русская баллада» (М.—Л., «Сов. писатель», 1936). С позиций той же концепции «снижения» культуры господствующих классов написана работа о свадебных чинах П. С. Богословского и другие.

исследователей позитивистского направления: Джона Мейера, Гофмана-Крейера и более поздними взглядами Ганса Наумана, встретившими резкий отпор в советской науке), в 20-х годах выдвигаются порочные вульгарно-социологические схемы, применяемые к народному творчеству. Механистическое социологизирование приводило к подмене раскрытия художественного образа приклеиванием ему ярлыка о предположенной (по происхождению или бытованию) социальной принадлежности. В результате социальная значимость идей народного искусства, понимаемая в плане отождествления изображаемой и изображающей среды, раскрывалась исторически неверно. Более того, снятие идейного оценочного критерия приводило к требованию собирания и изучения явлений антинародных: фактов устной, музыкально-поэтической традиции деклассированных слоев общества, так называемого «блатного фольклора», исследование которого выдвигалось в качестве значительной и необходимой социологической проблемы⁵.

Одновременно с буржуазно-социологическим методом в его вульгарно-социологической редакции в 20-х годах в советской фольклористике отчетливо обозначаются тенденции формалистического анализа фольклора; появляется ряд работ, с формалистических позиций выступавших против социологического метода. Формалистическая фольклористика рассматривала произведения искусства как «явления в себе». Игнорируя вопросы социальной и временной обусловленности произведений, отрицая роль психологических и бытовых условий, формалисты отказывались от раскрытия идейной значимости анализируемых явлений устной традиции, выводили за пределы науки проблему отражения действительности в народном творчестве и воздействия фольклора на сознание человека. Исследователи формалистического направления не всегда прямо отказывались касаться вопросов психологии, проблем быта, генезиса сюжета и текста; иногда они признавали это принципиально желательным, но считали задачу практически невыполнимой. В музыкально-этнографических работах формалистический метод исследования был выдвинут в особой форме: признавались важными эмпирические наблюдения над бытом «в себе» как фоном, на котором — безотносительно к нему — развиваются формы народной музыки (ритмика, стиховая и музыкальная, лад и т. д.)⁶.

Исторический метод анализа исключался, все переводилось в плоскость статической синхронности. Тексты, записанные в XIX—XX вв., рассматривались как исторически одновременные записям и не содержащие следов своей жизни в прошлом. Позитивистская методология, таким образом, являлась основой также и формалистического направления, но в особой редакции. Исследование ограничивалось анализом соотношения частей, формул и пр.⁷ Формалисты стремились дать не только блестящий, технически точный разбор формы, но, разложив ее на элементы, установить законы их взаимного воздействия, дать «формально-структуральный» анализ⁸.

⁵ См., например, публикации «блатного фольклора» в «Сибирской живой старине» и других изданиях.

⁶ Украинская музыкально-фольклористическая школа.

⁷ Значительное влияние на работы отдельных ученых 20-х годов оказал формалистический метод финской (или скандинавской) школы, принятый также рядом немецких и других западноевропейских фольклористов, как словесников, так и музыковедов (см., например, работы Мерсмана). Формалистический метод финской школы, сосредоточивавший внимание на сюжетной структуре и исходивший из схемы сюжета даже в гипотетических построениях о месте и времени зарождения произведения, нашел особенно заметное отражение в работах сказковедов: Н. П. Андреева, А. И. Никифорова и др. Рабочий метод финской школы был критически освещен Р. О. Шор в статье «Проблема фольклористического метода» («Художественный фольклор», II—III, М., ГАНХ, 1927).

⁸ См. книгу Р. М. Волкова, Сказка, 1924.

К началу 30-х годов ведущие советские фольклористы переходят от критики отдельных работ западноевропейских ученых к критике антинаучных теорий и методов. По почину Ю. М. Соколова подвергается критике теория сниженной культуры Ганса Наумана, получившая политически острое звучание в годы пришествия к власти нацистов (анализируя положения Наумана, Ю. М. Соколов приходит к заключению об их теоретической близости к идеологии фашизма и дает их развернутую критику). Фольклорная секция Института этнографии в 1936 г. в Ленинграде проводит специальную сессию, посвященную разоблачению фашистской фольклористики⁹.

Советские исследователи музыкального фольклора (не ограничивавшие предмет исследования только русским фольклором и выдвинувшие ряд общетеоретических проблем исторического исследования музыки народов СССР) выступают в начале 30-х годов с критикой не только буржуазных фольклористических концепций, но и новейших западноевропейских теорий в области «сравнительного музыкознания» — сравнительно-исторического исследования музыки народов мира (расовая теория, теория «культурных кругов» Гребнера — Фробениуса и т. д.)¹⁰.

Еще раньше ленинградские и киевские музыковеды выступают с критикой распространенных в 20-х годах среди московских музыкальных фольклористов, группировавшихся вокруг ГИМН'а¹¹, реакционных романтических взглядов на народную музыку (ретроспективного подхода к ней как к «живой старине», статичного, неисторичного ее понимания, отрицания идейного и художественного значения народной музыки демократических слоев города). В начале 20-х годов Б. В. Асафьев выдвигает новый взгляд на народное музыкальное искусство как на живой творческий процесс — взгляд, опирающийся на его понимание живой музыкальной интонации как средства звукового общения, и исследует музыкально-фольклорные истоки творчества русских композиторов, определившие национально-самобытный путь исторического развития русской музыки¹². Б. В. Асафьев развивает тезис об активном характере народного музыкального творчества (противопоставляемый им западноевропейскому позитивистскому положению о пассивной роли искусства народа); тезис о ценности живых, действенных явлений народного музыкального творчества современности, о роли музыкального фольклора демократических городских слоев как фактора исторического развития русской классической музыки.

⁹ На сессии выступили с докладами Ю. М. Соколов («Фашистская фольклористика в Германии»), Е. Г. Кагаров («Вопросы народного творчества в освещении европейской националистической фольклористики»), Э. В. Померанцева-Гофман («Образы германской мифологии и героики в истолковании фашистской фольклористики»), Н. П. Андреев («Финская школа») и др.

¹⁰ См. Е. В. Гилпиус, «Проблема музыкального фольклора», «Сов. музыка», 1933, № 6. В этой статье, помимо критики теоретических положений западноевропейской буржуазно-социологической фольклористической школы Ганса Наумана (и ее отечественных последователей) и обеих западноевропейских школ «сравнительного музыкознания» (берлинской, развивавшей теоретические положения Гребнера — Фробениуса, и венской — биологической), подвергается критике и самый принцип антинаучного разделения музыки устной традиции народов мира на две отдельные области: музыкального фольклора цивилизованных народов (изучаемого музыкальной фольклористикой) и музыки устной традиции «первобытных и восточных» народов (изучаемой «сравнительным музыкознанием»).

¹¹ В Москве центром музыкально-фольклорной работы до 30-х годов была Этнографическая секция ГИМН (Государственного института музыкальной науки), в составе которой работали главным образом деятели дореволюционной Музыкально-этнографической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

¹² Эти исследования были впервые подытожены Б. В. Асафьевым (Игорем Глебовым в его книге «Симфонические этюды», Пг., 1922).

Впервые в советской науке развернутую марксистскую концепцию народного творчества дал А. М. Горький. Проблема отношения к фольклору и система взглядов А. М. Горького на народное творчество нашла отражение в разнообразных работах. Н. К. Пиксанов в ряде статей и в книге «Горький и фольклор» дал сводку материалов, показывающую возникновение и развитие фольклорных интересов и исканий А. М. Горького; статьи Б. Бялика и А. Дымшица останавливали внимание на его теории фольклора; о роли А. М. Горького в истории фольклористики писал М. К. Азадовский.

Горький подошел к фольклору и его теории, как к явлению, прямо противопоставляемому им декаденству; материалистическое мышление народа, здоровый народный реализм, идейная и эстетическая ценность, художественная образность народного искусства были им поняты и восприняты, как истоки и почва реалистического творчества. Характерным для концепции А. М. Горького является его отношение к фольклору как к творчеству трудового народа. Такое определение фольклора привносит в мысли Горького идейный оценочный критерий, обосновывает признание и популяризацию одних произведений и отрицание других. Международный термин «фольклор» для Горького был условен, почему он чаще пользуется не им, а более четким и определенным понятием народного творчества, устного народного искусства, словесности¹³. Условность термина «фольклор» он подчеркивает его расшифровкой: «...народные песни, народные сказки, народные легенды, вообще все народное творчество, которое собственно и называется фольклором...»¹⁴. Возвращаясь к терминологии Буслаева, Афанасьева, Петра Киреевского и других деятелей русской фольклористики ее раннего периода, А. М. Горький переосмысляет ее. Абстрактное понятие народного искусства, связывающееся в трактовке мифологической школы с идеалистическим представлением о народном духе, конкретизировалось указанием на принадлежность его трудовому народу (ср., например, в статье «О сказках»: «...устная поэзия трудового народа,— той поры, когда поэт и рабочий совмещались в одном лице,— эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы...»).

Вопрос отношения к термину и его раскрытие в данном случае имеют принципиальное значение. А. М. Горький уточнял традиционный термин русской науки, вкладывал в него определенное содержание — «творчество трудового народа» — и тем самым ориентировал на то, что в фольклоре является художественно и идейно ценным, имеющим не только прошлое, но и будущее, открывающееся каждому новому поколению как животворящий родник неиссякаемых творческих сил. Установка на будущее давала и неизбежность в оценках А. М. Горького литературы и традиционного фольклора; вместе с тем она определяла отношение к новому создающемуся творчеству народа. Замечательно в этом отношении одно из писем А. М. Горького, адресованное писательнице Л. Никифоровой еще в 1909 г. В нем Горький писал: «Обязанность,— а то, если хотите — задача литературы не вся в том, чтобы отражать действительность, столь быстро преходящую,— задача литературы найти в жизни общезначимое, типичное не только для сего дня (подчеркнуто нами.— Е. Г. и В. Ч.)... Пора понять, что в стране, которая еще недавно столь величественно всколыхнулась,— в этой стране должны быть и есть свободные, новорожденные люди... Они, люди эти, самое ценное земли, они наша посылка в будущее. Кто они?... Рабочие?... и среди

¹³ Ср. понимание термина «фольклор» в нашей и в западноевропейской науке. В то время, как мы под фольклором подразумеваем устное народное художественное творчество, ученые западной науки включают в него всю духовную жизнь народа, кустарные промыслы и т. п.

¹⁴ Выступление А. М. Горького на съезде крестьянских писателей.

рабочих есть новый русский человек, и среди крестьян и т. д. Вот они сочиняют преуморительные частушки и вот смеются над каторгой, над своими ранами и физическими терзаниями жизни...

Мне хочется сказать вам, что задача времени в том, чтобы раздуть искры нового в яркие огни, а старое, рабье, от крепостного права живущее в душе русской, — оно достаточно подчеркнуто... Поднимитесь немножко над бедной улицей и Питером и над «сегодня» — посмотрите, как великолепно, в конце-то концов, кристаллизуется физическое неудобство жизни в гордые человеческие мысли, в дерзкие дела, в прекрасную мировую жизнь!» (цит. по первой публикации письма из архива А. М. Горького в статье С. Касторского, М. Горький в борьбе с литературным декадансом, «Звезда», 1947, № 6, стр. 170). Вопрос об идейной насыщенности произведения, его народности по тематике и образам, по его художественной значимости, был для А. М. Горького основным; существенный вопрос классового происхождения создателей произведения сопутствовал ему, подвергался рассмотрению в соотношении с теми идеями, какие выражены в созданном художественном тексте.

Иначе подходили к фактам устно-поэтического творчества фольклористы 20-х годов. Например, Ю. М. Соколов решительно возражал против термина «народная словесность», указывая на его «неопределенность». Слово «народный» он (и вместе с ним другие фольклористы) считали лишенным отчетливой классовой характеристики¹⁵. Требование классовой характеристики от термина приводило к пользованию международным словом «фольклор», воспринимаемым как условный знак, распространяемый на устное словесное искусство разных социальных групп и классов. Ориентация на ведущие черты искусства при этом безнадежно терялась, и выдвигались требования определить «классовость произведения». Вульгарный социологизм приводил к тому, что классовость определялась не раскрытием идейно-политической направленности видов искусства и отдельных текстов, а предположительно реконструируемой классовой принадлежностью их создателей (причем за основу, как указывалось выше, принималось отождествление изображаемой и изображающей среды; князя говорили о князьях, бояре о боярах и т. д.).

Горький, стремившийся к раскрытию идейно-политического значения и направленности фольклорных произведений, к выявлению выраженных в них «чаяний и ожиданий народных» (В. И. Ленин), относился к вульгарному социологизированию глубоко враждебно. Еще до революции его возмущала появившаяся тенденция приписать господствующим классам произведения, по своей идеологии, образам, темам принадлежащие трудовым народным массам. Об этом свидетельствует ряд документов, в частности неоднократно цитировавшееся письмо Ляцкому по поводу просмотренной Горьким антологии былин «Старинки богатырские». «В наши дни, — писал он, — когда к народу и его творчеству замечается какое-то странное, скептическое, капризное и несерьезное отношение, тексты — даже и без комментария — очень солидно возражают тем, кто, как, например, Келтуяла, ныне выводит все творчество народное из аристократии, от командующих классов» (1912 г.).

Принципиальное отличие взглядов Горького на фольклор от первоначально сложившихся в послеоктябрьской фольклористике заключалось прежде всего в том, что Горький, развивая в области фольклористики идеи классиков марксизма, утверждал создание искусства трудовым народом, рассматривал фольклор как произведения, выражающие его

¹⁵ Юрий Соколов, Очередные задачи изучения русского фольклора, «Художественный фольклор», I, М., ГАХН, 1926, стр. 5.

идеи, чувства, мысли, и как творчество не только прошлого и настоящего, но и будущего. Только фольклор трудового народа жизненен. Эта исходная точка зрения А. М. Горького позволяла ему рассматривать народное искусство как нечто цельное, проходящее через века и освобождающееся от явлений, противоречащих духу и характеру народа. Раскрытие и детализация взглядов на фольклор Горький дал в своих многочисленных речах и статьях по вопросам культуры, искусства, литературы. Теория Горького, противопоставляющая марксизм вульгарному социологизму, была развернута в анализе фольклорных явлений, в его докладе о литературе, сделанном им на первом съезде советских писателей 17 августа 1934 г. Его доклад развивал взгляды на народное художественное творчество В. И. Ленина и И. В. Сталина, выраженные в их отдельных высказываниях, относящихся к вопросам советской культуры и искусства; одновременно он подводил итог исканиям советской фольклористики и подчеркивал основные прогрессивные идеи, рожденные в этих исканиях¹⁶.

Принципиально новым и значительным в советской фольклористике явилось отрицание взгляда на фольклор как на реликт культурно отсталой деревни. Тезису «народное творчество исчезает, заменяясь художественно низкопробным материалом неразвитой и некультурной массы», советская наука противопоставила мысль о создании трудовым народом величайших ценностей культуры, хранимых и совершенствуемых в устном бытовании как отражение действительности в прошлом и настоящем. Советская фольклористика осознала народное поэтическое и музыкальное творчество прежде всего как факт современной действительности. Ретроспективному интересу к народному искусству она противопоставляет интерес к живым действенным явлениям фольклора, не умирающим, а развивающимся. Тем самым советская наука противопоставила свои интересы культу «живой старины», выявившемуся еще в первой половине XIX в. под влиянием славянофилов и романтиков (возрожденному в русском искусстве в эпоху реакции 1907 и следующих лет в новой модернизированной эстетски-мистически-религиозной форме).

Новый советский взгляд на ценность именно живых, действенных явлений фольклора, получающих развитие в современном творчестве народа, в 20-х годах был одновременно сформулирован передовыми исследователями поэтического и музыкального творчества (Б. и Ю. Соколовы, Б. В. Асафьев — Игорь Глебов). Этот новый взгляд, развивающий фольклористические искания прогрессивных русских писателей и критиков XIX в. (Пушкина, Белинского, Добролюбова, Чернышевского и др.), закономерно повел к пересмотру явлений дореволюционного фольклора. Бытующий фольклор рассматривался как факт современности, характер-

¹⁶ Наиболее полно высказывания А. М. Горького о народном творчестве собраны в его сборнике «О литературе»; см. также вышедший в 1916 г. сборник его «Статьи и речи» (изд. «Парус»). Отношение Горького к фольклору и его теоретические взгляды изложены в работах: Н. К. Пиксанов, Горький о фольклоре, «Сов. этнография», 1932, № 5—6; его же, Горький и фольклор, Л., 1935; см. также: Н. К. Пиксанов, Горький о фольклоре, «Сов. фольклор», 1935, № 2—3; А. Дымшиц, Из темы о Горьком и народе, «Краеная Новь», 1936, № 9; его же, А. М. Горький о народности литературы, «Литературный современник», 1936, № 11; И. Вострышев, Горький и фольклор, «Литературная учеба», 1938, № 3; В. А. Танков, Горький и народное творчество, «Изв. Воронежского гос. пед. института», 1938, т. III, в. I; Н. К. Пиксанов, Горький и народное творчество, «Народное творчество», 1933, № 4; Б. Бялик, Горький и наука о фольклоре, «Звезда», 1939, № 1; его же, Горький и наука о фольклоре, «Сов. фольклор», Л., 1939; С. Ф. Баранов, Народная песня в произведениях М. Горького, «Ученые записки Иркутского гос. пед. института», 1941, в. 7; И. И. Запорожский, М. Горький и народное устное творчество, «Труды сухумского гос. пед. института», 1943; Б. Бялик, О Горьком (Горький и фольклор), М., 1947, и другие работы.

ризирующей творческую силу народа¹⁷. Уходу от действительности противостоит тезис о современном звучании фольклора, обусловленном в своих возможностях происшедшими великими переменами в государстве и народной жизни. Для фольклора характерна его живая связь с современностью, которая его порождает и которую он отражает. И если жанр или отдельное произведение зародились в седой старине, это не означает, что они остались ее достоянием. Прошлое звучит в традиционном фольклоре, но озаряется сознанием современности. Излагая эту мысль, Ю. М. Соколов на примере частушек дал формулу, благодаря своей меткости ставшую ходячей: «частушка, как и многие другие жанры фольклора, есть одновременно и памятник далекого прошлого и громкий голос нашей современности»¹⁸.

В противоположность дореволюционному стремлению собирателей законсервировать архаические художественные явления фольклора, не допустить их изменения в связи с культурным развитием народа (тенденция, характерная для практики современных ученых Запада), советская фольклористика поставила своей задачей борьбу за историческое развитие художественного творчества в процессе культурного роста народного сознания, борьбу с искусственным культивированием отживающих явлений и, в то же время, использование в новом качестве всего ценного, действенного¹⁹.

Утверждение бытующего фольклора как живого искусства наших дней не только противостояло привычному в русской дореволюционной и западной науке взгляду на него как на архаику, но и обусловило изменение самих методов работы. Фольклор, будучи фактом современности, играет роль могучего средства организации человеческого сознания. Перед собирателем народного творчества стоит задача не только записи произведений, но и вдумчивого, внимательного отношения к бытующему материалу. Это значительно расширяет круг работников в области фольклора, включает в процесс собирания и изучения творчества народа советскую интеллигенцию. Массовые формы учета и сбора фольклора, имевшие место и ранее (например, у

¹⁷ См., например, оценку творчества мастеров фольклора в работах М. К. Аздовского (особенно в двухтомнике избранных мастеров русской сказки), в книге Б. М. Соколова, «Сказители» (М., 1924), в статье Е. В. Гиппиуса «Крестьянская лирика в сборнике одноименного названия (М.—Л., «Сов. писатель», Библиографическая серия, 1935) и др.

¹⁸ Тезис о современном значении фольклора наиболее четко сформулирован был Ю. М. Соколовым в его программной статье «Очередные задачи изучения русского фольклора» («Художественный фольклор», I, М., 1926). Впоследствии, в своем учебнике, Ю. М. Соколов расширил свое высказывание о частушке, отнеся его к характеристике фольклора в целом: «Фольклор — это отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего» (Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., Учпедгиз, 1938, стр. 14).

¹⁹ Начиная с конца 20-х годов, в круг задач фольклористов, отправляющихся на полевую работу, включается проведение бесед, лекций, организация выставок-передвижек, диспутов и т. п. Методика этих форм полевой работы оформляется Центральным музеем народоведения (Москва), создающим в помощь экспедициям разнообразные выставки-передвижки о колхозном строительстве, о советской культуре и т. п., и Государственным институтом искусствознания, реорганизованным из Академии художественных наук, направляющим в командировки и экспедиции фольклорную молодежь. В плане фольклорно-собирательской и в то же время политико-просветительской работы проводятся экспедиции начала 30-х годов в Московской области, на Нижней Волге (район рыболовецких колхозов) и др. Особенно типична для этих лет комплексная экспедиция в районы озера Светлояр (Горьковское Затольжье), проведенная совместно с Союзом воинствующих безбожников. Экспедиция во время моления на озере, которое, по преданию, появилось на месте великого града Китежа, провела диспуты, поставила доклады, организовала беседы о колхозном строительстве; одновременно был собран большой и ценный материал по народному творчеству, были открыты ранее неизвестные мастера народного искусства (И. Ф. Ковалев и др.).

нас в деятельности корреспондентов Географического общества), принимают совершенно другие очертания²⁰.

При массовом характере научной деятельности естественно возникает острая потребность в руководящих материалах и программах по собиранию фольклорных и этнографических данных. С первых же лет своего существования советская фольклористика выдвигает требование сохранить научный тип записей и совершенствовать его в условиях массовых работ. С ним связано и появление многочисленных руководств, издававшихся на местах и в центре²¹. Одновременно перед фольклористикой встала новая задача борьбы с засоренностью репертуара идейно чуждым и художественно низкопробным материалом. Было очевидно, что большинство исполняемых произведений характеризуются сохранением лучших традиций искусства трудового народа, идейностью, подлинной народностью содержания и формы. Однако наряду с такими произведениями, которыми гордится советский народ, пелись и рассказывались чуждые произведения, отразившие пережитки классово-враждебной идеологии; уродливым диссонансом с советской действительностью звучали, например, песни, созданные в прошлом деклассированными слоями.

Одним из основных требований стало требование критического подхода к фольклору. Не все, что рассказывается и поется, народно по форме и содержанию. Безидейность и нехудожественность ряда произведений свидетельствовали о необходимости борьбы за очищение фольклора от случайного и чуждого материала. Обращает на себя внимание факт, что критическое отношение к исполняемым произведениям живет в народной среде. Большинство самих носителей фольклора относится к исполняемым произведениям критически. Этот факт свидетельствует о существовании народного оценочного критерия, часто безукоризненного. Из практики работ становилось ясным, что особенно следует прислушиваться к оценкам, даваемым мастерами народного творчества, как наиболее требовательным и суровым. В массовом обиходе бытуют произведения, низко оцениваемые мастерами, и эта оценка нередко бывает справедлива. Здесь не допускается безразличия; от подлинного народного искусства мастер законно требует не только идейности, искреннего выражения чувства, созвучности личным переживаниям и т. п., но и мастерства исполнения, художественности. Сами мастера выносят свое искусство на суд окружающих их, утверждают в народе критический подход к исполнению произе-

²⁰ На протяжении всех 30 лет массовая работа по фольклору возглавляется последовательно разными организациями; имевшиеся недостатки работы их не могут поколебать общей положительной оценки. Краеведные общества и музеи, объединяемые Центральным бюро краеведения, Союз советских писателей, институты Академии Наук СССР, Всесоюзный Дом народного творчества им. Крупской последовательно и плодотворно развертывали свою деятельность, а параллельно с ней проходила организаторская работа, осуществляемая фольклористическими центрами, возникавшими как временные целевые объединения (например, редакция юбилейного издания «Творчество народов СССР» и др.).

²¹ Подводя итоги развития фольклористики за 1917—1926 гг., акад. Ю. М. Соколов в своей статье «Работа по русскому фольклору за революционный период» писал: «В разнообразных краеведческих изданиях... то и дело мелькают вопросы и краткие программы по собиранию фольклорных материалов...». Не исчерпывая полностью всех программ, Ю. М. Соколов в указанной статье назвал 17 работ, вышедших на грани 20-х годов в местных изданиях (см. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 161—162). Наиболее значительные методические руководства начала 20-х годов — книги Бориса и Юрия Соколовых, «Поэзия деревни (Руководство для собирания произведений устной словесности)», «Новая Москва», М., 1926, и М. К. Азадовского, «Беседы собирателя (О собирании и записывании памятник устного творчества применительно к Сибири)», Иркутск, 1-е изд., 1924, 2-е изд., 1925; из руководств по музыкальному фольклору надо указать опубликованную в эти же годы Украинской Академией Наук книгу К. Квитки, «Професійонльні народні співці і музиканти на Україні (програма для досліду їх діяльності і побуту...)», Київ, 1924.

дений²². Свидетельством тому являются состязания певцов, сказителей, сказочников, носителей других жанров фольклора, известные у всех народов (такое состязание замечательно изображено еще И. С. Тургеневым в рассказе «Певцы»).

А. М. Горький не только дал иное, по сравнению с существовавшими взглядами, теоретическое осмысление народного творчества, но и возглавил ряд начинаний в деле собирания и издания фольклора. По его инициативе вышли фольклорные издания в «Библиотеке поэта», началась подготовка тома «Творчество народов СССР»²³, издавались сборники народного творчества в ряде национальных республик. В кропотливой работе собирания и издания русского и национального фольклора Горькому сопутствуют Ю. М. Соколов, М. К. Азадовский и другие фольклористы страны. Необычайная творческая сила и энергия великого писателя группируют вокруг него не только писателей, но и литературоведов и фольклористов. В области фольклористики он становится тем объединяющим началом, которое необходимо для дальнейшего мощного развития науки.

Фольклористическая концепция, сформулированная А. М. Горьким, изменила установившийся в науке критерий оценки фактов фольклора и тем самым поставила на очередь критический пересмотр научных взглядов дореволюционных исследователей. В сущности, история

²² Советская фольклористика делается рычагом культурного строительства и политического воспитания создателей и носителей народного искусства. Работа с мастерами фольклора, конкурсы, публикации их произведений и т. п. в последние годы были продолжены Всесоюзным Домом народного творчества им. Н. К. Крупской (Москва) и подчиненными ему местными Домами народного творчества. В практике ВДНТ стало обычным проведение конкурсов на лучшее произведение искусства, творческих конференций сказителей, обсуждения их произведений, критических разборов их исполнительского мастерства (в отношении к традиционному и к современному творчеству); параллельно проводится работа по выявлению лучших собирателей фольклора (организация конкурсов, система рецензий на сделанные записи и т. п.). Вся эта работа большого значения проводится ВДНТ при помощи научно-исследовательских институтов союзной и республиканских Академий Наук (следует отметить большую роль в этом Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, фольклорный сектор которого возглавляет проф. П. Г. Богатырев, фольклорной кафедры Московского университета, кафедры музыкального фольклора Московской консерватории, секции народного творчества Союза советских писателей и других организаций).

²³ Коллектив сотрудников редакции «Творчество народов СССР», работавших под руководством т. Мехлиса и М. Горького, состоял из редакционных работников (вначале Г. М. Корабельников, затем Н. М. Мор и Н. Членов), фольклористов (внешний консультант акад. Ю. М. Соколов, штатный сотрудник В. И. Чичеров, консультант-редактора переводов национального фольклора (А. Адалис) и др. В работе принимали участие музыковед Л. Н. Лебединский, фольклористы Р. С. Лилец, Э. В. Померанцева-Гофман, С. С. Жислина и др. Тексты перевели: А. Твардовский, М. Исаковский, К. Симонов, М. Алигер, А. Сурков, Г. Томашевская и др. Оформление книги принадлежит Н. В. Ильину. Работа редакции имела особенно большое значение, так как она активизировала деятельность фольклористов центра и мест, объединила в общий коллектив специалистов не только по восточным славянам, но и по всем братским народам СССР. Период подготовки тома совпал с разгертыванием собирательской и издательской деятельности этнографов, работавших, в частности, в области духовной культуры народов СССР. Обширные материалы, собиравшиеся в национальных республиках, областях и округах, тем не менее были известны только небольшому кругу специалистов и не являлись достоянием широкой общественности. Редакция «Творчества народов СССР», ставя своей целью отобрать для юбилейного издания лучшие из собранных материалов, проводит исчерпывающий учет изданного и одновременно обращается ко всем фольклористам Союза с просьбой записать и предоставить для издания новые, неопубликованные тексты. Обращение вызывает подъем в деле собирания фольклора в национальных республиках и выявляет ранее неизвестные кадры любителей — собирателей фольклора. Экспедиции и командировки фольклористов организуются и непосредственно редакцией. Издание этого тома и опубликование в нем произведений с новой тематикой, созданных мастерами фольклора, активизировало творчество народа, вызвало у многих певцов, сказочников, сказителей стремление чище и лучше сохранить традиционный фольклор, а вместе с тем попытаться пойти новыми путями, используя средства традиционной поэтики для выражения идей и чувств нового советского человека.

науки предстала в новом свете. В ней отчетливо обозначилась ведущая роль революционных демократов, определившая своеобразие и мировое значение русской фольклористической школы. Перед советской наукой встала задача раскрыть взгляды и оценки фольклора революционными демократами и показать их влияние на развитие русской фолклористики, не освещенное в основном историографическом труде дореволюционного времени — книге А. Н. Пыпина «История русской этнографии». Работы, посвященные пересмотру истории науки, публикуются с 1935 г. в виде отдельных монографических этюдов²⁴. Заслуга постановки и разработки ранее не исследованных проблем историографии принадлежит М. К. Азадовскому, впервые осветившему значение в истории фолклористики взглядов на народное творчество декабристов, Пушкина, позднее Добролюбова и Чернышевского. М. К. Азадовский, исследуя их взгляды и рассматривая их влияние, вводит в историю науки забытых или недооцененных до того исследователей и собирателей фольклора (Раевский, Прыжов, Худяков, Эрленвейн и др.)²⁵. Исследования М. К. Азадовского явились первыми эскизами созданного им впоследствии обобщающего труда по истории русской фолклористики (законченного перед Великой отечественной войной); однако и в виде отдельных монографических работ они оказали заметное влияние на историографические исследования советских ученых (в частности, на раздел «Историография фолклористики» учебника Ю. М. Соколова «Русский фольклор», хотя в основном этот раздел написан по труду А. Н. Пыпина)²⁶.

В области музыкальной фолклористики работы, связанные с этим общим течением освоения теоретического наследия, были начаты также в 30-х годах. Вопрос об истории собирания народной русской музыки с позиций, близких к Горькому, был поставлен Б. В. Асафьевым в его книге «Русская музыка от начала XIX столетия» (глава «Культивирование народной песни в городе»)²⁷.

Выдвинутое советской фолклористикой новое понимание фольклора как явления современного творчества, противостоящее взгляду на него

²⁴ Выходившие до этого времени историографические работы (см. например, книгу А. Скафтымова, Поэтика и генезис былии, Саратов, 1924, его статьи о Белинском и иные его работы, как и других ученых) ничего нового не внесли, так как продолжали традиции дореволюционной историографии. Иной характер имели историографические разьяскания К. В. Квитки в области украинской музыкальной фолклористики: «М. Лисенко, як збірч народніх пісень» (Київ, 1923) и «Фолклористична спадщина М. Лисенко» (1930). Это были опыты тщательного выяснения источников и обстоятельств создания крупных сборников народных мелодий и скупуплезной критики музыкальных текстов с позиций позитивистской методологии. Наиболее ценной из критических работ К. В. Квитки середины 20-х годов была книга «Первісні тоноради», первоначально озаглавленная автором: «Критика теорії універсально-історического прироритета бесполутової пентатоніки», в которой с тех же позитивистских позиций спровергаются утвердившиеся в русской музыковедческой науке, не подтверждаемые фактическим материалом эволюционные построения Сокольского.

²⁵ См. сборник М. К. Азадовского, Литература и фольклор. Очерки и этюды, Л., ГИХЛ, 1938, в котором собраны его работы, печатавшиеся в повременных изданиях в 1935—1937 гг.

²⁶ Разьяскания с новых позиций в области истории науки остаются в центре внимания советских исследователей как в общетеоретическом плане (см., например, В. Чичеров, Вопросы безличности фольклора в работах фолклористов-мифологов середины XIX в., «Сов. этнография», 1947, № 1), так и при разработке отдельных жанров и тем.

²⁷ Academia, М.—Л., 1930. Историографические взгляды Б. В. Асафьева ранее были изложены не вполне точно А. Финагиным, прослушавшим в 1920—1921 гг. историографический курс Асафьева в Государственном институте истории искусств (см. А. Финагин, Русская народная песня, Academia, П., 1923). В настоящее время Е. В. Гишпиусом разработан раздел истории собирания и изучения русской народной музыки в подготовленном им к печати учебнике «Русская народная музыка». Музеем музыкальной культуры подготовлен к печати «Словарь деятелей русской музыкальной культуры», включающий фолклорный раздел, в котором освещается под новым углом зрения деятельность исследователей и собирателей народной музыки.

как на реликт далекого прошлого, определило новую постановку традиционных в русской науке исследовательских тем. Центральной проблемой исследования традиционных жанров стала проблема их современного состояния и исторического развития, определяющую роль в котором играла идейная созвучность произведений нашей эпохе. Отсюда главное внимание стало уделяться живым и действенным, а не отмирающим элементам фольклора.

Новая постановка изучения традиционных жанров сосредоточила внимание исследователей на целом ряде проблем, которые в дореволюционной России или не изучались, или были под запретом. В круг исследования входят новые материалы по фольклору крестьянских революций, по крепостному праву, народной сатире, беспощадно высмеивающей классового врага, и многие другие. Такой материал ищут, записывают, изучают. Отдельные публикации его появляются и на страницах журналов (см., например, в статьях «Литературного критика») и в специальных фольклорных сборниках (В. Бирюков, Дореволюционный фольклор на Урале, Свердловск, 1937 г., и др.). Еще в 1923—1924 гг. публикуются две работы, посвященные не обследованной до революции теме разинского фольклора, вслед за которыми выходят первые своды песен и легенд о Разине и Пугачеве²⁸.

С темой крестьянских восстаний теснейшим образом связана тема фольклора о крепостном праве, материалы по которому собираются у всех восточнославянских народов²⁹. Составляются антологии народных сатирических сказок, высмеивающих барина и попа³⁰, сборники сатирических частушек.

Наряду с темами традиционного фольклора, выражающими классовый протест народа и его борьбу против порабощения, в советской фольклористике разрабатываются проблемы, привлекавшие внимание дореволюционных исследователей народного творчества. Ставится по-новому проблема современного состояния жанров фольклора, их исторического развития в прошлом. В области сказки особенно интенсивно работает, под руководством акад. С. Ф. Ольденбурга, Сказочная комиссия Географического общества (20-е годы). Былины, песни и другие жанры изучаются фольклористами центров и периферии. Разработка проблем осуществляется характерным для русской фольклористической школы методом единства исследовательской и собирательской работы. Взаимосвязанная кабинетная и полевая работа осуществляется не только Москвой и Ленинградом, но и фольклорными организациями периферии (Иркутск, Саратов, Ярославль и другие города). Наиболее значительной была работа по обследованию русского Севера, проводившаяся в 1926—1930 гг. Московским и Ленинградским искусствоведческими институтами (ГАХН, ГИИИ). Оба эти института широко развернули собирательскую работу по словесному

²⁸ И. А. Белоусов, Песня о Стеньке Разине, М., 1923; М. А. Яковлев, Народное песнетворчество об атамане Степане Разине, Л., 1924. См. также статью Н. К. Пиксанова, Социально-политические судьбы песен о Степане Разине («Художественный фольклор», М., ГАХН, 1926); книгу А. Н. Лозановой, Народные песни о Степане Разине, Саратов, изд. Яксапова, 1926; ее же, Песни и сказания о Разине и Пугачеве, Academia, М., 1935.

²⁹ См. в альманахе «Год XX», Альманах одиннадцатый, М., ГИХЛ, 1937, «Фольклор колхозной деревни Московской области»; в сборниках: Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, Крестьянская лирика, (раздел «Воля и неволя»), М.—Л., «Сов. писатель», 1935; Д. Ревуцкий, Українські думи та пісні історичні, Харків, 1930; в антологии, выпущенной к декаде украинского искусства, «Українська народна пісня», 2-е изд., 1938; Г. Танцюра, Жіноча доля, Харків, 1930; М. Я. Гринблат, Песни белорусага народа, т. I, Музыкальная редакція Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, Минск, 1940; а также З. В. Эвальд, Социальное переосмысление живых песен белорусского полесья, «Сов. этнография», 1935, № 5, и др.

³⁰ Ю. М. Соколов, Поп и мужик, Academia, М.—Л., 1930; его же, Барин и мужик, Academia, М.—Л., 1932.

и музыкальному фольклору в областях, обследованных в XIX в. Рыбниковым, Гильфердингом, Песенной комиссией Русского географического общества. В число поставленных ими задач входило изучение современного состояния песенной культуры северной русской деревни. Проблема современного состояния севернорусской эпической традиции разрабатывалась параллельно московскими фольклорными экспедициями, возглавляемыми Б. и Ю. Соколовыми (экспедиция «по следам Рыбникова и Гильфердинга»), и словесно-фольклорным отрядом Ленинградской комплексной искусствоведческой экспедиции (А. Астахова). Ленинградскими комплексными искусствоведческими экспедициями ГИИИ, наряду с изучением современного состояния исторического эпоса, проводилось обследование песенной и сказочной традиции. Работа осуществлялась в течение четырех лет путем планового обследования районов Заонежья, Пинеги, Мезени и Печоры (словесно-фольклорный отряд: А. Астахова, И. Карнаухова, Н. Колпакова, А. Никифоров; музыкально-фольклорный отряд: Е. Гиппиус, З. Эвальд).

Музыкально-фольклорным отрядом экспедиции ГИИИ (работавшим комплексно со словесным по теме «взаимодействие песенного фольклора деревни и городской народнопесенной культуры») был выдвинут в то же время ряд особых собирательских тем: 1) виртуозные мелодические и многоголосные стили певческих сел (очагов народнопесенной культуры) Заволочья как следы высокой средневековой народнопесенной культуры Великого Новгорода; 2) взаимодействия различных поло-возрастных виртуозных и обиходных мелодических и многоголосных стилей севернорусской деревни; 3) проблема взаимодействия севернорусской народной песенной мелодии и песенной мелодии угро-финских народностей русского Севера: коми-зырян, карелов. Весь музыкальный материал фиксировался звукозаписью (фонограф) в масштабах, ранее не применявшихся дореволюционными собирателями народных русских песен (в течение пяти лет Е. Гиппиус и З. Эвальд сделали на севере около 1700 звукозаписей на 528 фонографических валиках).

Фонографические записи северных экспедиций Ленинградского государственного института истории искусств явились основой учрежденного в 1927 г. Фонограмм-архива народной музыки, который в 1931 г. перешел в систему учреждений Академии Наук СССР (первоначально при фольклорной секции ИПИН, с 1933 г. — Института этнографии). В 1932 г. в Фонограмм-архиве Академии Наук были объединены все дореволюционные звукозаписи народной музыки Ленинграда и Москвы (фонды Музея антропологии и этнографии, Института востоковедения Академии Наук, 1-го отд. Библиотеки АН СССР, Ленинградской гос. консерватории, фонотеки Музыкально-этнографической комиссии Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и личная фонотека Е. Э. Линевой). В результате работы экспедиций фонды фонограмм-архива выросли накануне войны до 12 тысяч записей, и он превратился в один из крупнейших мировых хранилищ звукозаписей народной музыки³¹.

Волнующая проблема возникновения, истории и будущности фольклора решается с учетом особенностей жанра и условий его бытвания. С вопросами о судьбах фольклора связаны работы по повторному обследованию ранее изученных местностей. Новые материалы, полученные при повторных обследованиях, сравниваемые с известными ра-

³¹ Описание Фонограмм-архива были опубликованы в 1931 г. в «Сов. этнографии», №№ 3—4; позднее описание публиковалось в сб. «Архивы АН СССР»; последнее описание см. «Сов. фольклор», № 4—5, М.—Л., 1936, Е. В. Гиппиус, Фонограмм-архив фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР; С. Д. Магид. Список собраний Фонограмм-архива.

нее, позволяли делать предположения и выводы о путях развития фольклора в данной области³².

Рассмотрение современного состояния фольклора выдвигает вопрос соотношения жанров: роста популярности и массовой распространенности одних и одновременно ограничения профессионально-любительским исполнением других. Связываются и противопоставляются в современном бытовании песни и частушка, песня и плач, плач и исторический эпос, сказка, песня и народная драма и т. д. Проблематика бытования традиционного фольклора в современности углубляется попытками установить связи жанров на протяжении их истории и их генезис; исторический анализ фольклорных явлений ставит на твердую почву наблюдения над современным состоянием народного искусства.

Одни и те же вопросы, связанные с изучением современного состояния и исторического прошлого фольклора, ставятся на материале и словесного и музыкального народного творчества. Но разработка этих вопросов идет в разных направлениях. В то время как основным объектом изучения фольклористов-словесников остаются жанры, для музыковедов (в особенности ленинградской группы) им становится проблема стиля и его становления. Ленинградские музыковеды, разрабатывая эту проблему, исследуют музыкально-стилевые особенности мелодии и многоголосья протяжных лирических песен и традиции напевного сказывания старин³³. Стиль и песен и старин исследуется

³² См., например, о былинах, Ю. Соколов, По следам Рыбникова и Гильфердинга, «Художественный фольклор», II—III, М., ГАН, 1929; *A la recherche des bylines, par Boris et Jurij Sokolov* «Revue des études slaves», t. XII, Paris, 1932. В работах более позднего периода выводы, изложенные в этих статьях, подверглись критическому пересмотру (например, в исследованиях А. М. Астаховой, В. И. Чичерова и др.). В 1930 г. Е. В. Гишпиус и Э. В. Эвальд проводят повторное обследование песенной культуры Пинежья (через 3 года после первой поездки в этот район). В 1938 г. сотрудники Фонограмм-архива Института этнографии проводят экспедицию по следам Е. Э. Линевой, повторно обследующую места ее записи в б. Новгородской губ. (см. «Народные песни Вологодской области», Об. фонографических записей под редакцией Е. В. Гишпиуса и Э. В. Эвальд. Записи текстов А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой. Музыкальные записи В. В. Великанова и Ф. А. Рубцова (Музгиз, 1938). Аналогичные экспедиции проводятся по следам братьев Б. и Ю. Соколовых в Белозерский край (1939—1940 гг., МГУ), по следам Д. Н. Садовникова в б. Самарский край (В. Ю. Крупянский и В. М. Седельников), по следам А. В. Маркова в Беломорье (1934 г., В. П. Чужимов; позднее А. М. Астахова — Ленинград, Р. С. Лице — Москва и др.), по следам П. И. Мельникова-Печерского в Горьковское Заповье (1931—1932 гг.: Ю. А. Самарин, Э. В. Гофман-Померанцева, В. И. Чичеров и др.) и т. д. В 1947 г. Казанским филиалом АН СССР, по инициативе и при участии кафедры и кабинета музыкального фольклора Московской гос. консерватории, осуществляется экспедиция по следам Н. Е. Пальчикова (ранние записи русского многоголосья в б. Мензелинском у., Уфимской губ.).

³³ Изучение местных мелодических и многоголосых традиций как источника для истории стилей русской народной музыки — основная проблема, разрабатываемая Фонограмм-архивом в течение 1931—1941 гг. Местные стилиевые формы мелодики и многоголосья изучаются сначала на материале северных экспедиций 1927—1930 гг., затем на дореволюционных фонографических записях Е. Э. Линевой и М. Е. Пятницкого (песни средней полосы); в 1935 г. под этим же углом зрения проводится полевое обследование и делаются новые записи в Московской и близлежащих к ней областях; несколько позднее аналогичная работа проводится на Дону; в послевоенное время включаются дореволюционные и современные звукозаписи, сделанные в юго-западных областях. Результатом этих многолетних изысканий явилась подготовленная к печати Е. В. Гишпиусом монография «Областные стили русского народного многоголосья» (включющая, помимо исследования, 200 образцов многоголосных песен). Вопросы изучения местных стилиевых особенностей русской народной музыки ранее, под иным углом зрения, ставятся в Украинской Академии Наук К. В. Квиткой, которой еще во втором своем сборнике «Українські народні мелодії (Київ, 1922) поставил задачу построить историческую географию украинской народной музыки «на доступном исследованию отрезке времени». С 1937 г. К. В. Квитка ставит те же задачи построения исторической географии народной музыки на материале русских обрядовых календарных песен, обрядов, хороводов и народных музыкальных инструментов и белорусской народной музыки (в Кабинете музыкального фольклора Московской гос. консерватории).

со стороны взаимодействия с музыкальным фольклором соседних восточно-славянских, угро-финских и тюркских народов и с песенной культурой русских городов (в связи с этим фонографируются и изучаются также различные формы городского бытового музицирования).

Решая все эти проблемы, советские ученые исследуют общие и частные темы, создают большое количество работ, разъясняющих настоящее и прошлое фольклора³⁴. В основной теме изучения современного состояния традиционных жанров особо выделяется комплекс работ, посвященных вопросам соотношения коллективного и индивидуального начала в фольклоре, традиции и индивидуальности, творческой роли мастеров народного искусства. Тезис А. М. Горького «Искусство во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив»³⁵ раскрывается во многих работах, посвященных этой проблеме. Изучение творческой индивидуальности носителей фольклора с 60-х годов составляло одну из характерных особенностей русской фольклористической школы; в условиях обостренного внимания к

³⁴ См. работы по историческому эпосу: А. М. Астахова, Северные былины, Сборник и вводное исследование, Л., 1940; ее же, Северный период в истории русской былины (печатается); В. И. Чичеров, Школы сказителей Заонежья (печатается); его же, Об этапах становления русского эпоса (в сборнике теоретических статей Гослитиздата, 1947); А. М. Астахова, Былины в Заонежье, «Крестьянское искусство СССР» (в дальнейшем цит.: «Кр. иск.»), сб. 1, Искусство Севера. Заонежье, Academia, Л., 1927 и др.; по сказочному эпосу: И. В. Карнаухова, Сказочники и сказы в Заонежье, «Кр. иск.», 1; ее же, Сказки и предания Северного края, Сборник и вступительная статья, Academia, М., 1934; Т. М. Акимова и П. Д. Степанов, Сказки Саратовской области, Саратов, 1937; А. И. Никифоров, Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления, «Сов. фольклор», 2—3, АН СССР, 1936; В. Я. Пропп, К вопросу о происхождении волшебной сказки (волшебное дерево на могиле), «Сов. этнография», 1934, № 1—2; см. также другие его работы в области сказочного эпоса и работы М. К. Азадовского; по песням: Н. П. Колпакова, Песни на Шунгском полуострове, «Кр. иск.», 1; Е. В. Гиппиус, Крестьянская музыка Заонежья, там же; З. В. Эвальд, Протяжные песни Заонежья, там же; Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, Песни Пинежья, «Труды Института этнографии АН СССР», Музгиз, 1937; их же, Крестьянская лирика, М.—Л., «Сов. писатель», 1935, и др.; по плачам: М. К. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922; «Русские плачи» (Г. А. Виноградов и И. П. Андреев), М.—Л., «Сов. писатель», 1938; Н. Михайлов, Русские плачи Карелии, Петрозаводск, 1940; по частушкам: В. М. Седельников, Русская частушка, М., «Сов. писатель», 1941; Е. В. Гиппиус, Интонационные элементы русской частушки, «Сов. фольклор», 4—5, 1936, и др.; по обрядовой поэзии: М. Е. Шереметева, Земледельческий обряд «закливание весны» в Калужском крае, Калуга, 1930; ее же, Масленица в Калужском крае, «Сов. этнография», 1936, № 2; Н. П. Гринкова, Обряд «вождение русалки» в с. Б. Верейка, Воронежской области, «Сов. этнография», 1947, № 1; Т. А. Крюкова, Вождение русалки в с. Оськине, Воронежской области, там же; см. также ряд статей А. Б. Зерновой, Н. Тихоницкой, Е. Р. Лепер и др. в «Сов. этнографии»; подготовлены к печати исследования А. И. Никифорова, Календарная поэзия, К. В. Квитки, Русские календарные обрядовые песни (Кабинет музыкального фольклора Московской гос. консерватории), В. И. Чичерова, Зимний обрядовый календарь великорусов, и др.; по семейной обрядности см.: Н. П. Колпакова, Свадебный обряд на реке Пинеге «Кр. иск.», 2; З. В. Эвальд, Песни свадебного обряда на р. Пинеге, там же; М. Е. Шереметева, Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда; Калуга, 1928, и др.; по хороводам и хороводным песням: Е. О. Кнатиц, Метлице — праздничное гуляние в Пинежском районе, «Кр. иск.», 2; Л. В. Кулаковский, Кострома (брянский хороводный спектакль), «Сов. этнография», 1946, № 1; подготовлено к печати исследование Н. М. Бачиной, Русские хороводы; по народному театру: С. С. Писарев и Р. Р. Сусливич, Досольная игра-комедия «Пахомушка», «Кр. иск.», 1; В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Гдовская старина, «Сов. фольклор», 7, 1941; печатается исследование В. Ю. Крупанской, Генезис и история народной драмы «Лоджа»; по загадкам: М. А. Рыбникова, Загадки, Сборник и вводная статья, Academia, М.—Л., 1932 и другие работы; см. также синтетические работы и сборники, напр., Т. М. Акимова (под ред. А. П. Скафтымова), Фольклор Саратовской области, кн. I, ОГИЗ, Саратов, 1946, и др. Обобщение исследований фольклора, достаточно полно учитывающее работы советских фольклористов, дано в учебнике Ю. М. Соколова, Русский фольклор, М., Учпедгиз, 1938.

³⁵ А. М. Горький, Разрушение личности, изд. «Парус», 1916.

социально-политической оценке фольклора проблема личного почина в народном искусстве выявилась по-новому. Исчезла узко биографическая трактовка вопроса; стало невозможным обычное в дореволюционной науке отождествление творчества народных мастеров искусства с творчеством писателей³⁶. Биографическая тема растворилась в общей постановке социальных проблем и вылилась в исследованиях о соотношении личного творчества и идейной жизни коллектива. Пионерами в таком новом осмыслении старой темы были М. К. Азадовский и Б. и Ю. Соколовы. В 1922 г. появляются «Ленские причитания» М. К. Азадовского. Вскоре после них выходит книга Б. М. Соколова «Сказители»; а вслед за тем ряд новых работ М. К. Азадовского: «Сказки Верхнеленского края» (в. I, Иркутск, ВСОРГО, XIV, 1925; новое издание «Верхнеленские сказки», Иркутск, 1927), «Eine sibirische Märchenerzählerin» (Helsinki, 1926, FFS, № 66—68); наконец, в 1932 г. выходит сборник «Русская сказка. Избранные мастера» (I—II, Academia, 1930). Обостренное внимание к исполнителям фольклора, соединенное с глубокой убежденностью в огромных творческих возможностях народа, делает достоянием науки весь открываемых мастеров, творчество которых внимательно записывается и изучается. Талантливые представители народного искусства — Винкурова, Куприяниха (Барышников), Ковалев, Сороковиков, Коргуев, Богданова-Зиновьева, Марфа Крюкова и др. — привлекают к себе общее внимание как творцы фольклора и получают мировую известность. В последние десятилетия интерес к проблеме творчества мастеров фольклора вызывает создание ряда монографических сборников и исследований, составляющих особый вид фольклорных изданий³⁷.

Советская фольклористика, заново подняв проблематику традиционных тем в фольклоре, безнадежному и методологически беспомощному положению старой русской и современной западной науки о разрушении и забвении фольклора противопоставила тезис творческого развития его. Подлинный историзм, вносимый в изучение народного искусства, оценка его как отражения действительности и средства политического и идейного воспитания масс, заставили увидеть в фольклоре все многообразие жизни в процессах ее развития и борьбы. Доказывая, что фольклор современен его носителям, советские ученые

³⁶ См., например, дореволюционные работы Н. Ончукова, Б. и Ю. Соколовых и др. (указанная концепция личного творчества развита в немецкой фольклористике Уландом).

³⁷ См., например, Н. П. Гринкова, Сказки Куприянихи, «Худ. фольклор», I, М., ГАХН, 1926; Э. В. Гофман, К вопросу об индивидуальном стиле сказочника, «Худ. фольклор», IV—V, М., ГАХН, 1929; С. И. Минц, Сказочница Куприяниха, «Литературный критик», 1936, № 4; «Сказки Куприянихи», Запись сказок, статья и комментарий А. М. Новиковой и И. А. Осовецкого, Ред. проф. И. П. Плотникова, Воронежск. обл. издат., Воронеж, 1937; «Сказки А. К. Барышниковой», Воронежск. обл. издат., 1939; «Сказители-орденоносцы Советской Карелии», Петрозаводск, Карельское гос. изд., 1939; А. Н. Нечаев, Сказки Карельского Беломорья, т. I, Петрозаводск, 1939; А. М. Астахова, Беломорская сказительница М. С. Крюкова, «Сов. фольклор», 1939, № 6; А. Н. Нечаев, Сказки М. М. Коргуева, там же; А. Дымшиц, Марфа Крюкова и судьба былины, «Звезда», 1939, № 1; Р. С. Липец, Былины М. С. Крюковой, «Летопись Гос. лит. музея», т. I, 1939; т. II, 1941; Э. В. Гофман и С. И. Минц, Сказки И. Ф. Ковалева, «Литературная учеба», 1939, № 6; их же, Сказки И. Ф. Ковалева, «Летопись Гос. лит. музея», т. II, М., 1941; «Сказки Ф. П. Господарева», Петрозаводск, 1941, и др. Проблема индивидуального певческого мастерства и соотношения индивидуального и массового начала в области народной музыки ставится в теоретической форме в 1933 г. в статье Е. В. Гиппиус, Проблема музыкального фольклора («Сов. музыка», № 6). Позднее та же проблема разрабатывается в сборнике Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, Песни Пинежья (Музгиз, 1937; сопоставление виртуозного мелодического стиля «певцов-умельцев» и массового обиходного стиля пения); в их же сборнике «Хрестиянская лирика» (1935), наконец, в «Словаре деятелей музыкальной культуры» (печатается); в «Словарь» введены впервые монографические очерки творчества выдающихся певцов и сказителей.

опровергли положение о неизменяемости форм и содержания народного творчества и высказали мысль о том, что каждый класс, каждая социальная группа имеют свое устное искусство слова и музыкальной интонации. Вопрос заключается не в том, существует оно или нет,— существование его бесспорно,— а в том, насколько оно выражает прогрессивные идеи и оценки действительности народом. В связи с этим утверждалось новое положение об исторической и художественной ценности поэтического и музыкального фольклора демократических слоев города. Ранее эстетствующие поклонники крестьянской старины не только отрицали художественную ценность его, но и расценивали этот фольклор как неподлинный, как «псевдонародное искусство». В советском музыковедении вопрос об исторической и художественной ценности народного русского песенного искусства демократических слоев города поставил Б. В. Асафьев. Он указывал, что исторически неверная оценка в русском дореволюционном музыковедении песенного фольклора демократических слоев как явления «псевдонародного» влекла за собой неверные оценки многих фактов в истории русской музыки: оценку музыкальных записей и обработок народных русских песен конца XVIII—начала XIX в. (Греча, Кашина, Рупина и др.) как «не подлинно народных»; оценку песенного и романсного творчества Варламова и Гурилева как «псевдорусского»; противопоставление стиля Чайковского как «псевдорусского» «подлинно русскому» стилю Римского-Корсакова³⁸. В начале 20-х годов эти положения были развиты Асафьевым в его двух семинарах по русской народной песне и по русской опере XVIII в.³⁹ В семинаре по русской народной песне он выдвинул тезис о ценности музыкальных записей народных песен в сборниках XVIII—начала XIX в. как памятников народной песенной культуры русских городов⁴⁰. Ценность и значение музыкальной устной традиции русских городов была подчеркнута Б. В. Асафьевым и в семинаре по русской опере XVIII в., утверждавшем мысль о национальной самобытности музыки русских композиторов екатерининского времени⁴¹.

Советская наука разорвала ограничение фольклора привычными рамками крестьянского народного творчества и потребовала внимания и оценки всех явлений устного поэтического и музыкального искусства, утверждая одни и говоря о необходимости борьбы с другими.

Воздимый в орбиту изучения материал объединялся под широким заголовком собирания и изучения городского фольклора. В 1925 г. Ю. М. Соколовым в кн. 1 «Вестника просвещения» была напечатана небольшая статья «Песни фабрики и деревни», написанная на основе экспедиционных материалов, полученных в поездке к рабочим посудной фабрики им. Калинина, Калининской области. Проблема рабочего фольклора вызвала к себе живой интерес. Особенно энергично приступил к работе в этой области П. М. Соболев. Он пишет и публикует ряд статей: «О песенном репертуаре современной фабрики» (Ученые записки Института литературы и языка РАНИОН, т. 2, 1928), «Современный фабрично-городской фольклор» («Печать и революция», 1929, кн. 6), «Новые задачи в изучении фольклора» («Революция и культура», 1929, кн. 1) и др. По поручению РАНИОН'а и ГАХН он в 1928 г. возглавляет первую специальную экспедицию по изучению фольклора фабрик и заводов⁴². В то же время на московских и под-

³⁸ И. Глебов, Симфонические этюды, Пг., 1922, стр. 193—196.

³⁹ Семинары проводились в Государственном институте истории искусств.

⁴⁰ Это положение было позднее развито Б. В. Асафьевым в книге 1930 г. «Русская музыка от начала XIX в.».

⁴¹ См. об этом также статью Б. В. Асафьева о Борзнянском (1927 г.).

московных фабриках и заводах начинается собирание фольклорных материалов.

Работа над фольклором пролетариата вскоре делается общим достоянием советской фольклористики. Много ценного в этой области делают фольклористы Ленинграда, которые уже в 1932 г. выступают в печати с сообщениями о своей работе (см., например, А. М. Астахова и З. В. Эвальд, Отчет о работе бригады по изучению фольклора рабочей среды, «Сов. этнография», 1932, № 2). Изучение фольклора на ленинградских фабриках предпринимает П. Г. Ширяева, начиная с 1932 г. систематически изучающая устное творчество рабочих. Группа фольклористов Ленинграда, собирающая и изучающая рабочий фольклор, расширяет места исследования, проводя под общим руководством М. К. Азадовского работу не только в Ленинградской области, но и в Карелии и в других местностях Советского Союза.

В работу по сбору и изучению фольклора постепенно включаются все более и более широкие круги фольклористов — она становится делом не только столичных, но и местных собирателей. Донбасс, Урал, Саратов, Карелия и другие места делаются объектами в разработке проблемы рабочего фольклора⁴³. Так начинает сосредотачиваться в центральных и местных архивах ранее не учитывавшийся и не собиравшийся материал, разрывающий рамки традиционного представления о фольклоре как о специфически крестьянском, арханчском искусстве. Проблема рабочего фольклора, решаемая исторически в плане собирания устного творчества, сопутствовавшего всему пути развития пролетариата, неизбежно должна была выдвинуть смежную с ней проблему творчества революционного подполья. Была совершенно очевидной невозможность отрыва поэтического творчества пролетариата эпохи революционного движения начала XX в. от большевистской агитационно-пропагандистской работы, в которую входила и подпольная песенная поэзия⁴⁴. Оставались неизвестными и несобранными многочисленные произведения, использовавшиеся в революционной практике. Неизвестны были также авторы многих произведений, творческая история текстов, время их появления, степень распространенности, роль и формы подпольной агитации ими. Перед фольклористами, исследовавшими вопросы пролетарского и революционного фольклора, встала задача обследования мемуарной и научно-популярной литературы, журнальных статей по истории революционного движения, подпольных песенников и пр. Надо было провести и большую работу по записи песен (текстов и мелодий) от участников революционного подполья. Дело учета и собирания революционной поэзии было поднято в 1935—1936 гг.; по инициативе Фольклорной комиссии

⁴² В составе ее работали Э. В. Померанцева-Гофман, М. И. Кострова, А. К. Мореева и др.

⁴³ Из многочисленных работ, посвященных проблеме рабочего фольклора, можно назвать некоторые: П. М. Соболев, Фольклор фабрично-заводских рабочих, Смоленск, 1934; Р. С. Липец, Изучение фольклора подмосковных шахтеров, «Сов. краеведение», 1934, № 11; С. Дмитриев, Рабочий фольклор XVIII в., «Литературное наследство», 1935, № 19—21; П. Ширяева, Из материалов по истории рабочего фольклора, «Сов. фольклор», 1935, № 2—3; А. Гуревич, Фольклор ленинских рабочих, «Сибирские огни», 1935, № 5; А. Л. Дымшиц, Очерки по истории ранней пролетарской поэзии и рабочего фольклора (опубликованы тезисы диссертации на степень кандидата наук), Л., 1936; П. Бажов, Уральские тайные сказки и побызальщины, «Красная Новь», 1936, № 11; «Песни и сказки на Онежском заводе», Петрозаводск, 1937; А. Мисюрев, Легенды и были, Сказания алтайских мастеровых, Новосибирск, 1938; А. В. Гуревич, Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири, Иркутск, 1940, и др.

⁴⁴ В 1930 г. в изд. политкаторжан вышел сборник «Песни каторги и ссылки», явившийся первым опытом антологии русских революционных песен от декабристов и народников до 1917 г.

АН СССР была создана специальная бригада фольклористов и музыковедов (М. С. Друскин, П. Г. Ширяева, С. Д. Магид, В. И. Чичеров и др.), которая провела эту кропотливую и сложную работу восстановления революционного репертуара XIX—XX вв.⁴⁵

Проблематика традиционного крестьянского и городского фольклора, разрабатывавшаяся советскими учеными преимущественно на материалах творчества восточных славян, не является относящейся исключительно к устному искусству русских, украинцев, белоруссов. Восточнославянская фольклористика в этом отношении играет роль ведущего научного отряда, который передает свой опыт и знания братским народам СССР, в чьем устном творчестве нередко встают те же проблемы.

Коррективы в постановку вопроса вносятся, исходя из учета национальной специфики и места народа в общей системе политической и экономической жизни Советского Союза⁴⁶. Постановка научных проблем в отношении творчества народов при этом приобретает тем большее значение, что с традиционными формами его связана политика партии и правительства в деле создания национальной социалистической культуры. Традиционное и вновь создаваемое устное народное творчество, смежное с искусством письменного художественного слова, естественно, должно явиться основой и источником национальной советской литературы.

На значение фольклора в творчестве писателей неоднократно указывал А. М. Горький. В заключительном слове на первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. он говорил, обращаясь к делегатам: «Я обращаюсь с дружеским советом, который можно понять как просьбу, к представителям национальностей Кавказа и Средней Азии. На меня, и я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский: я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза»⁴⁷.

Сокровища национальной культуры братских народов СССР, сохраненные народной памятью и живущие в устной передаче, ценны не только по их намечающимся связям с создаваемой литературой и письменной музыкой, но имеют и самостоятельное идейно-художественное и историко-познавательное значение. Эпос армян «Давид Сасунский», нартовский эпос осетин и кабардинцев, киргизский «Манас», каракалпакский и узбекский эпос об Алпамыше, якутские олонгхо и т. д. говорят о прошлом и настоящем народов Советского Союза, раскрывают их мировоззрение, отношение к действительности, идеалы и устремления. Покоряющая сила устного искусства народов СССР выявляется при первых же соприкосновениях с ним. Это объясняет то, что национальный

⁴⁵ Обширный, детально комментированный сборник, созданный в результате работы бригады, в настоящее время хранится в фольклорном архиве Института русской литературы АН СССР (Ленинград), являясь достоянием советской науки.

⁴⁶ Так, проблема крестьянского и городского фольклора особенно значительна для изучения устнопоэтического и музыкального творчества народов Прибалтики, многих народов Кавказа, Средней Азии. Отдельные проблемы, разработанные на славянском материале (индивидуального творчества, областных стилей и др.), имеют всеобщее значение и разрабатываются на национальном материале (см. исследования эпоса народов Средней Азии В. М. Жирмунского, разработку проблемы местных стилей народного многоголосья Грузии — докторская диссертация Г. З. Чхиквадзе, разработку проблемы индивидуального и коллективного творчества у казахов Н. С. Смирновой, монографии, посвященные творчеству отдельных казахских певцов, А. К. Жубанова и др.).

⁴⁷ А. М. Горький, О литературе. Статьи и речи, 1928—1936, изд. 3-е, дополненное, М., 1937, стр. 481.

фольклор с первых же послереволюционных лет привлекает к себе внимание советских собирателей и исследователей фольклора⁴⁸.

Собирание и публикации материалов национального фольклора были развернуты еще в дореволюционное время крупнейшими русскими этнографами (В. Радлов, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз и др.)⁴⁹. Эта традиция была продолжена после революции советскими этнографами (И. И. Зарубин, Н. П. Дыренкова, А. А. Попов, Б. О. Долгих, В. Н. Чернецов и др.), но ведущую роль в деле собирания фольклора народов СССР получили национальные писатели и композиторы. Вместе с тем большая заслуга в области пропаганды национального словесного и музыкального фольклора принадлежит русским ученым (в особенности Ю. М. Соколову), писателям-переводчикам, композиторам и певцам⁵⁰. Советская наука, литература и музыка за 30 лет обогатились огромным числом публикаций фольклора народов СССР, далеко не исчерпывающим всех собранных материалов, хранящихся в фольклорных архивах Москвы, Ленинграда, центров союзных и автономных республик и областей⁵¹.

Советская действительность поставила фольклористов не только перед фактом активной жизни в нашу эпоху традиционного творчества русского и других народов СССР, но также сделала их свидетелями рождения нового советского фольклора, отражающего современную действительность. Условия и причины рождения советского фольклора были раскрыты в предисловии к опубликованному к 20-й годовщине Октября крупнейшему его своду, подготовка которого была начата по инициативе А. М. Горького,— в книге «Творчество народов СССР». В редакционном предисловии, имеющем программное значение, сказано: «Великая социалистическая революция раскрыла все источники народ-

⁴⁸ Уже в 20-х годах собиратели народной музыки (А. Затаевич, А. Кончевский, Н. Миронов, Я. Эшпай и др.) записали и опубликовали большое число ценных образцов народного музыкального искусства в Поволжье и Средней Азии. Особенно ценной является работа В. Успенского, опубликовавшего в 1924 г. в Бухаре запись полного цикла музыкальных поэм бухарских макомов, а в 1928 г. выпустившего, совместно с В. Беляевым, в Москве капитальный труд «Туркменская музыка». Одновременно широко развернулось собирание словесного фольклора народов СССР.

⁴⁹ Ими собран огромный материал не только словесный, но и музыкальный (в фонограмм-архиве АН СССР хранятся свыше 500 валиков с звукозаписями музыки народов Сибири, относящимися к 1899—1917 гг.)

⁵⁰ Русские певцы сделали общим достоянием творчество народов не только в своем исполнении, но и в подготовленных ими изданиях национальной музыки и песни в художественной обработке (см., например, изданию к 10-й годовщине Октября серию «Песни народов СССР в рабочем клубе» под ред. А. Доливо-Соботницкого, 1—7, М., Музсектор ГИЗ, 1927).

⁵¹ Не указывая ставших общезвестными изданий типа «Манас», «Нартовский эпос», «Гесериада», «Давид Сасунский» и других, подобных им, перечислим несколько менее распространенных работ, интересных также для выяснения широты и разнообразия книг по национальному фольклору. Научная ценность этих изданий неоднородна, но тем не менее они заслуживают упоминания: А. В. Деев, Песни народа манси, Омск, 1936; «Армянские сказки», Л., 1930, М., 1933; «Азербайджанские и тюркские сказки», М., 1935; «Абхазские сказки», Сухуми (разные сборники; изд. 1935, 1940); «Адыгейские сказки» (разные сборники, изд. 1937, 1940, 1946, 1947); «Башкирские сказки», Уфа (разные сборники, изд. 1941, 1943); А. Н. Баландян, Маврийские сказки и песни, Л., 1938, 1939; Ф. П. Беззубко, Народные сказы, Саранск, 1939 г.; «Вепские сказки», Петрозаводск, 1941; Г. Н. Веселков, Туркменское народное творчество, Ашхабад, 1945; «Грузинские сказки», М., 1937; Тбилиси, 1939; Б. О. Долгих, Легенды и сказки иганасанов, Красноярск, 1936; Н. П. Дыренкова, Шорский фольклор, М.—Л., 1940; А. Ерикеев, Татарские народные песни, М., 1936; А. Затаевич, 1000 песен киргизского народа, Оренбург, 1925; «Киргизские народные сказки», Фрунзе, 1944; Нияз Мухамедов, Таджикские сказки, Сталинабад, 1945; «Дайны» (литовские народные песни), М., 1944; «Латышские сказки», М. (разные сборники, изд. 1933, 1941); А. А. Попов, Долганский фольклор, М.—Л., 1937; его же, Якутский фольклор, М.—Л., 1936; «Песни Ойротии» и «Ойротские народные сказки», Новосибирск, 1938; 1940; В. Н. Чернецов, Вогульские сказки, Л., 1935; К. А. Четкарев, Марийские сказки, Йошкар-Ола, 1941; Х. Юсуров, Дунганские сказки, Алма-Ата, 1946, «Узбекские народные сказки», Ташкент, 1940, и другие сборники.

ного творчества. Впервые все народы СССР запели громко, свободно, во всю мощь своего голоса, от всей своей окрыленной победами души. Народы привыкли в поэтических образах отмечать важнейшие события в жизни. Они часто творили легенды, когда жизнь не давала достаточно материала для воспевания героев. Но теперь этот материал хлынул волной. Какие великие, ошеломительные события в короткий исторический срок! Мировая империалистическая война и всемирно-великая социалистическая революция. Восстания против царя, против помещиков и капиталистов. Крах царской империи, которая казалась могучим колоссом. Великий бессмертный Ленин. Диктатура рабочего класса. Союз рабочего класса и крестьянства. Новые люди, каких не бывало никогда, — большевики, напоминающие во многих своих чертах тех героев, о которых народы пели в старых сказаниях и песнях. Освобождение женщины. Герои труда — стахановцы заводов и полей. Грамота, книга, наука. И упорная борьба не на жизнь, а на смерть, с врагами народа. Новый человек поет о самом себе, о своей жизни, которая так не похожа на все прошлое, о будущем своем, которое впервые появилось у миллионов. Он поет о себе — и поет о Сталине, который стал частью души каждого нового человека, который озарил своим гением, своей человечностью, своей сильной волей, своей улыбкой жизнь народов советской страны, стал самым близким, самым родным человеком... Новое вплетается в ткань поэтических сокровищ, собранных и хранимых всеми народами из поколения в поколение. Новое предстает в образах героического легендарного эпоса. Ленин и Сталин воспеваются как богатыри. Они выступают народными героями на легендарном фоне национальной героики, в пышном окружении старинного поэтического орнамента. Народы не расстаются с богатствами национальной культуры. Им дорого их своеобразие. Но оно дорого и большевикам, членам партии, для которой пролетарский интернационализм — это основной завет Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина»⁵².

Отмеченные в предисловии черты народного современного искусства раскрывают в творчестве народов СССР социалистическое содержание, обусловленное великой послеоктябрьской действительностью. Советская фольклористика, собирая и публикуя многонациональное современное народное искусство, дала основание для опровержения одного из самых популярных тезисов мировой фольклористики об исчезновении фольклора и о том, что творчество народа безнадежно иссякло. Вместе с тем она указала на то, что в условиях социалистической действительности фольклор принимает новые формы, делается новым и по качеству и по содержанию. К выяснению процессов, совершающихся в народном творчестве наших дней, и были направлены силы фольклористов, работающих над проблемой отражения современности в искусстве народа. С начала 30-х годов входит в систему публикация материалов и печатание статей по волнующим вопросам современного фольклора. В 1931 г. выходит сборник устных сказов, записанных от уральских рабочих — «Революция» (ред. Ю. М. Соколова, М., ГИХЛ), и запись автобиографического сказа колхозницы Васюнкиной (Р. С. Липец, Жизнь колхозницы Васюнкиной, М., ГИХЛ). В 1934 г. выходит 1-й номер сборника «Советский фольклор» (изд. АН СССР), в котором большинство статей посвящено проблемам советского фольклора, и напечатана библиография — «Современная тематика в фольклоре». В 1936 г. выходит сборник 2-3 «Советского фольклора» и появляется серия статей с современной тематикой в «Литературном критике» и других журналах. Почти одновременно с выходом в свет «Творчества народов СССР» выходят сборники Е. В. Гиппиуса «Народные песни о Ленине и Сталине» (в музыкальных записях, М., «Искусство», 1938), книга В. М. Сидельникова

⁵² «Творчество народов СССР», М., изд. редакции «Правда», 1937, стр. VI—VIII.

«Красноармейский фольклор» (1938), В. М. Абрамкин издает сборник «Фронтовая поэзия» (1938) и т. д.

Работа над современной тематикой в фольклоре становится традицией советской фольклористики. Естественно, что и в годы Великой Отечественной войны внимание к фольклору, рождаемому в боях за освобождение человечества от фашистского ига, не ослабевает. Новые темы, рожденные войной и патриотическим подъемом, становятся в центр внимания фольклористов. Работу по собиранию и систематизации фольклора Великой Отечественной войны на первых порах возглавляет Государственный литературный музей (Москва). В 1942—1944 гг. Фольклорный отдел музея начинает собирание песен, пословиц, сказов и других произведений; индивидуальные беседы собирателей с солдатами и офицерами Советской Армии устанавливают круг бытующего фольклора. Работа проводится в госпиталях, в частях армии, путем переписки и личных встреч; для проведения бесед создается выставка-передвижка. Почти одновременно Всесоюзный Дом народного творчества им. Н. К. Крупской проводит обследование газет, фронтовых изданий, учитывая материалы, напечатанные в них, и начинает в свою очередь собирание материалов на местах. В работу включаются Московский государственный университет и Московский педагогический институт им. В. И. Ленина, организуя сбор фольклора через студентов-фронтовиков (Кривоуикую, Наживина и др.). Москва, явившаяся начинателем политически важного и ответственного дела собирания фольклора войны, проводила работу и в грозные дни, когда враг был у ее стен, и позднее, во время последующих боев. И первая книга, содержащая фронтовые песни и пословицы, вышла в Москве. В 1944 г. Гослитмузей выпустил сборник В. Ю. Крупянской под ред. М. К. Азадовского — «Фронтовой фольклор». В предисловии к книге сформулированы мысли о нашем понимании фольклора как подлинного и живого народного творчества. «Живому голосу народа в дни войны и посвящена настоящая книга...» «В дни Великой Отечественной войны,— так начинается предисловие,— работа фольклориста-собираателя приобрела особый смысл и значение. На долю его выпала большая и ответственная задача запечатлеть голос народа, вставшего с невиданным в истории героизмом и единодушием на защиту своего отечества, учесть и осмыслить те новые факты народного творчества, которые возникли под влиянием грозных и величественных дней войны»⁵³.

В годы Великой Отечественной войны фольклористы не только собирали и изучали материал, но выступали и как составители сборников произведений народного искусства для фронта и тыла. В 1943 г. в осажденном Ленинграде, по инициативе тов. Жданова, к 26-й годовщине Октября вышел сборник русских народных песен («Песенник»), изданный 25-тысячным тиражом для Советской Армии; первый раздел его составляют патриотические песни русской армии. Любимая традиционная народная песня становилась песнью Великой Отечественной войны. «О величии и силе нашей родины, величии национальной русской культуры, о бесплодности попыток немецких захватчиков ее разрушить, говорит нам голос русской песни сегодня. Мощно звучит этот голос в Ленинграде — городе-герое, городе-фронте, городе-крепости, носителе великой русской культуры... Глубоко знаменательно, что именно сегодня Ленинград выпускает песенник русских народных песен, напоминающих народу любимые, родные его песни»⁵⁴. Этот песенник входит в круг многочисленных публикаций фольклора в периодической армейской и фронтовой печати.

⁵³ «Фронтовой фольклор», М., Гослитиздат, 1944, стр. 3.

⁵⁴ Е. В. Гиппиус, Русские народные песни (песенник), Л., 1943, Послесловие, стр. 402.

Фольклорная работа, связанная с темой войны, широко развернувшись в военные годы, не прерывается с переходом на мирное строительство. Особого упоминания заслуживает деятельность украинских, белорусских и карельских фольклористов, создавших большие и ценные собрания песен, сказов, причетей, частушек и других произведений народного искусства, отражающих события военных лет⁵⁵.

В 1945 г. Президиум Академии Наук СССР поручил Институту этнографии (фольклорному сектору) сосредоточить и углубить собрание и исследование фольклора Великой Отечественной войны. В связи с этим Институтом был организован ряд экспедиций и командировок, обследован ранее опубликованный материал, установлена связь с частями Советской Армии, организована сеть корреспондентов и проведены другие мероприятия. Так началась централизация работ в этой области. В 1946 г. фольклорный сектор Института совместно с Всесоюзным Домом народного творчества провел сессию с представителями Украины и Белоруссии по вопросам собрания и изучения фольклора восточных славян об Отечественной войне. В результате проведенных работ в московских научных архивах (преимущественно Литературного музея, Института этнографии, Дома народного творчества) сосредоточился большой фольклорный материал; появилась возможность составить свод фольклора Великой Отечественной войны. Этот свод, подготовленный В. Ю. Крупянской и С. И. Минц, имеет исследовательский характер: он предваряется обширной проблемной статьей и содержит детально разработанные комментарии. Сборник подводит итоги всему, что было сделано до сих пор, и ставит очередные задачи. В деле собрания и изучения военного фольклора, таким образом, советская наука вступает в новый этап. Он начинается проведением в декабре 1947 г. специальной фольклорной сессии, посвященной вопросам дальнейшего собрания, изучения и издания патриотического военного фольклора, которая организуется Институтом этнографии АН СССР с приглашением специалистов, работающих вне Москвы.

К юбилейной дате 30-летия Октября фольклористика приходит новой, вполне сформировавшейся наукой. Мы имеем полное право говорить о советской школе фольклористов, рассматривающих явления народного искусства в их развитии и изменении, понимающих под термином «фольклор» творчество трудового народа, которому принадлежит будущее. В дело собрания и изучения народного творчества наша наука вовлекает широкие массы советской интеллигенции, поднимающей культурный и политический уровень носителей и создателей фольклора. Задачи, поставленные партией и правительством в области работы на культурном фронте, заставляют с еще большим вниманием отнестись к борьбе за высокую идейность и художественную значимость в народном творчестве и в науке о нем. Вооруженная марксистско-ленинской методологией, без которой невозможна научная и идейно-политическая значимость создаваемых трудов, советская фольклористика ввела в круг научных вопросов такие, которые никогда и нигде еще не ставились. Она разрушила традиционное представление об ограниченности фольклора крестьянским бытом, она доказала практикой своей работы ошибочность утверждений о том, что пора народного творчества прошла; анализом обильно собранного современного фольклора она утвердила тезис о разнообразии и изменяемости форм народного искусства, получающего новое качество в условиях социалистической действительности, но остающегося таким же, как и раньше, правдивым и ясным выражением народных суждений о происходящем, воплощенных в художественных образах словесного и музыкального творчества.

⁵⁵ Работы Базанова, Кинько, Гринблата, Ширмы, Меерович и др. Значительная часть материалов подготавливается к печати.

М. Г. ЛЕВИН, Я. Я. РОГИНСКИЙ

СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ЗА 30 ЛЕТ

Когда в 1805 г. в издании Московского университета появилось сочинение Ивана Бенсовича «Слово о пользе физической антропологии», интерес образованных кругов русского общества к этому предмету вряд ли выходил за пределы простой любознательности, равно как и тремя десятилетиями позже, когда вышла книга профессора Лоецкого «Краткое руководство к пониманию племен человеческого рода» (1839) и немногие другие. Историю русской антропологии более уместно начинать с гораздо более крупного имени академика К. М. Бэра. В своей разносторонней деятельности этот выдающийся ученый — отец современной эмбриологии — уделил немало внимания и специальным антропологическим работам. Ему русская антропология обязана не только первыми оригинальными антропологическими исследованиями, но и первыми систематическими сборами краниологических коллекций, и ныне украшающих собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Можно было бы вести линию развития русской антропологии, не переступая границ узкоакадемических кругов, но это помешало бы нам понять источники формирования этой науки в России.

Общее направление передовой русской общественной мысли 40-х — 60-х годов XIX в. привело ее к интересам в области всемирной истории, этнографии и антропологии. Т. Н. Грановскому принадлежит, например, перевод известной работы В. Ф. Эдвардса «О физиологических признаках человеческих пород и их отношении к истории», опубликованной в I томе «Магазина Землеведения», издававшегося Н. Фроловым. Слово «антропология» имело в те годы широкий смысл, и хорошо известно, что основная философская работа Н. Г. Чернышевского носила название «Антропологический принцип в философии». Чернышевский, однако, придавал очень большое значение и собственно антропологическим вопросам в современном значении слова. Его статьи «О расах», «О различиях между народами по национальному характеру», «Общий характер элементов, производящих прогресс», — касаются принципиальных вопросов происхождения человека и его рас и содержат в себе непревзойденный для своего времени критический разбор расовых теорий. Значительное место специальные антропологические вопросы занимают и в сочинениях П. Л. Лаврова.

Оформление антропологии как особой научной дисциплины в России относится к 60-м годам и неразрывно связано с именем профессора Московского университета А. П. Богданова и с основанным им Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Целых три десятилетия, начиная с 1864 г. — года основания Общества — по праву вошли в историю русской антропологии как «Богдановский период». Научные интересы Богданова в антропологии сосредоточивались, главным образом, в области изучения древнего населения России. Отсюда и его интерес к историческим проблемам и к вопросам археологии и этнографии в частности. Уже в исследованиях Богданова вполне определился тот исторический подход к антропологическим проблемам,

который в дальнейшем получил свое блестящее развитие в работах Д. Н. Анучина, сменившего Богданова на посту руководителя русской антропологии.

Мы не будем останавливаться здесь на всем значении разносторонней и многолетней деятельности Анучина в качестве профессора Московского университета, председателя Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, редактора Антропологического журнала и т. д., которая протекала уже частично и в советское время. В богатейшем научном наследстве Анучина особое место занимает среди его антропологических исследований монография о географическом распределении роста мужского населения, где дан прекрасный образец применения историко-географического метода в расоведении, его классическая работа об айнах, исследования об аномалиях человеческого черепа, о древних искусственно-деформированных черепах и некоторые другие. Д. Н. Анучину принадлежит также заслуга в обработке и публикации замечательных материалов Н. Н. Миклухо-Маклая, оставившего неизгладимый след в антропологии своими исследованиями по народам Океании. Имя Миклухо-Маклая навсегда вошло в историю борьбы за идею единства человеческих рас, и эта сторона его деятельности, которая только сейчас может быть оценена в полной мере, по праву составляет гордость русской антропологии.

Названные нами выдающиеся деятели антропологии отражают общие черты русской антропологической науки своего времени. Дореволюционная русская антропология, при относительной скромности масштабов исследований, немногочисленности кадров, незрелости методики с современной точки зрения, тем не менее в целом несла в себе благородные традиции 60-х годов и была чужда тех расистских тенденций, которые были столь широко распространены в зарубежной науке.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции антропология в России была представлена двумя центрами: в Москве, под руководством Д. Н. Анучина, и в Петрограде, где широко развернула свою деятельность группа учеников и сотрудников Ф. К. Волкова. Антропологическая работа велась, хотя и в более скромных масштабах, в Казани и немногих других городах.

Великая Октябрьская революция открыла широкие возможности для развития антропологии в нашей стране.

Уже весной 1919 г., по ходатайству Д. Н. Анучина и В. В. Бунака, в Московском университете основывается самостоятельная кафедра антропологии, а в 1922 г.— Научно-исследовательский антропологический институт, где работают, кроме ближайших учеников Анучина — В. В. Бунака, Б. А. Куфтина, Б. С. Жукова и Н. А. Синельникова,— ряд других московских антропологов: П. А. Минаков, А. А. Дёшин, В. Г. Штефко, М. А. Гремяцкий и др. Развитие краеведческого движения вызывает интерес к антропологии и на местах. Широкое антропологическое изучение населения различных районов проводится Академией Наук по линии Комиссии изучения производительных сил, в деятельности которой принимают близкое участие петроградские антропологи (С. И. Руденко, Д. А. Золотарев и др.).

Уже в первые годы сказались основные черты развития советской антропологии: быстрое развертывание по сравнению с дореволюционным временем конкретных антропологических исследований, широко финансируемых центральными и местными учреждениями, плановость в организации этих работ, привлечение и подготовка новых кадров, популяризация науки в массах.

В 20-х годах стали восстанавливаться прерванные империалистической войной связи с зарубежной антропологией.

После смерти Д. Н. Анучина в 1923 г. его сменяет на кафедре и в Институте антропологии Московского университета В. В. Бунак. Рабо-

та московских антропологов под руководством В. В. Бунака в этот период получает новое направление, связанное с расширением общей биологической базы антропологических исследований и с теоретической разработкой целого ряда методических приемов. Интенсивно развивается начатое еще в предреволюционные годы ближайшим учеником Анучина Е. М. Чепурковским применение в антропологии биометрических приемов и географического метода исследования, получают свое развитие более дифференцированные методы морфологического анализа, устанавливаются связи с биохимией, изучается генетика нормальных признаков. Особое внимание уделяется специальным антропологическим методам исследования.

В 1926 г. под редакцией Бунака была издана «Методика антропологических исследований», основанная на большом числе специальных методических работ, выполненных В. В. Бунаком и его сотрудниками (Г. В. Соболева, Н. А. Синельников).

Помимо методических и расоведческих исследований в этот период впервые осуществляются систематические сборы массового материала, связанного с вопросами прикладной антропологии и медицины. В антропологической литературе значительное внимание уделяется вопросам физического развития, конституции, возрастной морфологии и др. Огромные материалы, которые были здесь собраны для прикладных целей, были широко использованы также для разработки важнейших теоретических проблем морфологии человека.

В целом, период, охвативший первое десятилетие после Октябрьской революции, обогатил науку рядом весьма ценных исследований в различных областях антропологии. Вместе с тем этот период отражает еще недостаточную зрелость теоретической мысли в советской антропологии и несет на себе печать недостаточно критического усвоения теоретических положений зарубежной антропологии, что сказалось в проникновении в советскую антропологическую литературу некоторых далеких нам, а порою и чуждых направлений.

Развитие антропологии, естественно, протекало не изолированно и было тесно связано с развитием ряда смежных дисциплин, в первую очередь, этнографии, археологии и лингвистики, оказывавших сильное влияние на направление расоведческих работ. Для двадцатых годов, которые характеризуются в области указанных дисциплин накоплением весьма ценного материала, можно отметить в то же время увлечение формалистическими методами изучения отдельных элементов материальной культуры (типологический метод в археологии и этнографии), сильным влиянием так называемого культурно-исторического направления (школы культурных кругов), а в лингвистике — безраздельным господством положений индоевропеизма. Под влиянием смежных дисциплин в области расоведения эти методологические установки проявлялись, в первую очередь, в отсутствии достаточно строгого соблюдения исторического подхода к изучению расовых признаков и их сочетаний, в признании постоянного параллелизма между единицами расовой систематики, с одной стороны, и этническими и лингвистическими классификациями, с другой, если не в настоящем, то в прошлом, в связи с чем расоведческие работы нередко сводились к решению единственной заранее сформулированной задачи — конструирования гипотетических расовых типов носителей тех или других «культур», «культурных кругов», тех или других языков. Проблемы антропогенеза, занимавшие сравнительно скромное место в работах советских антропологов, отражали те же теоретические установки и группировались вокруг вопроса о соотношении неандертальского типа и типа *Homo sapiens* — вопроса, разрешавшегося в плане чисто миграционистских построений. Если вопросы о времени и месте становления человека и ставились, то без достаточного рассмотрения социальных факторов антропогенеза.

Попытки пересмотра методологии антропологической науки относятся к началу 30-х годов и связаны с теми коренными изменениями в экономике страны и той борьбой за построение бесклассового общества, которыми характеризуется в нашей стране этот период. Были подвергнуты критике идеалистические течения в области антропогенеза и расоведения и вскрыты методологические ошибки предыдущего периода. Как руководящая идея было выдвинуто положение о качественном различии между человеческими расами и расами животных, как важнейшая основная задача антропологии поставлено было изучение специфических особенностей эволюции человека, резко отличающих его от всего животного мира. Решающее значение имело овладение методами марксизма и стремление применить их в советской антропологии.

На трудах советских расоведов этого периода сказалось сильное влияние школы академиков Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова в области лингвистики и археологии. Как критические, так и конкретные расоведческие исследования были заострены против идей индоевропеизма и его учения о «пранародах» и «праязыках», которые весьма часто использовались их зарубежными адептами для обоснования расовых различий как источника языковой и культурной дифференциации.

В области антропогенеза у советских антропологов обозначилось стремление развивать идеи Энгельса о роли труда в очеловечении обезьяны и противопоставить антидарвинистическим направлениям в разработке проблемы происхождения человека дальнейшую аргументацию идей Дарвина, с одной стороны, и выяснение исторических предпосылок человеческой эволюции, с другой¹.

Вопросу о применении метода диалектического материализма был посвящен ряд докладов на антропологической секции IV всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов, состоявшегося в Киеве в мае 1930 года.

Большую роль в распространении в широких массах антропологических знаний и в борьбе против расистских тенденций сыграла обильная научно-популярная литература того времени и работа Музея антропологии Московского университета, отразившего в своей экспозиции руководящие идеи рассматриваемого периода.

В области морфологии человека отмечается усиленное развитие работ по прикладной антропологии — использование специальных антропологических материалов для выдвинутых социалистическим строительством целей стандартизации формы и построения ростовочного ассортимента легкой промышленности.

Мы отметили положительные стороны теоретической работы советских антропологов, относящиеся к 30-м годам. Однако в ходе полемики было допущено немало серьезных ошибок, которые частично проистекали из упрощенного социологизма школы Покровского. Не будем касать-

¹ В. В. Бунак, Современное состояние и задачи морфологии человека, «Антропол. журн.», 1934, 3, стр. 21—32; его же, Расы, Больш. мед. энциклоп., т. 28, 1934, стр. 342—352; М. А. Гремяцкий, К проблеме расовых различий, «Естествознание и марксизм», 1929; его же, К проблеме расы у человека, «Труды IV Всес. съезда зоологов, анатомов и гистологов» (в Киеве), 1931; его же, Проблемы антропогенеза, «Антропол. журн.», 1934, 3, стр. 33—42; М. Ф. Нестурх, Человек и его предки, М., ГАИЗ, 1934; Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Расы и расовая проблема в работах Маркса, Энгельса и Ленина, «Антропол. журн.», 1933, 1—2, стр. 9—23; их же, Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию, «Антропол. журн.», 1934, 1—2, стр. 28—54; А. И. Ярхо, Основные направления расовой антропологии в СССР, Труды IV Всес. съезда зоологов, анатомов и гистологов, 1931, стр. 330—332; его же, Против идеалистических течений в расоведении СССР, «Антропол. журн.», 1932, 1, стр. 1—23; его же, О некоторых вопросах расового анализа, «Антропол. журн.», 1934, стр. 43—71; его же, Очередные задачи советского расоведения, «Антропол. журн.», 1934, 3, стр. 3—20.

ся явно нелепых утверждений об отсутствии у человека расовых типов, утверждений, которые, конечно, не исходили из среды специалистов, но заслуживают упоминания, так как имели некоторое влияние на отдельные работы популярного характера. Но и в специальных антропологических работах правильная критика миграционизма (как системы, подменяющей идею развития теорией массовых переселений) нередко приводила к неверной тенденции игнорирования бесспорно доказанных переселений. Во многих обобщающих работах того времени сказывается недооценка значения конкретных исторических условий для формирования антропологических типов в данное время и в данном месте. Ставя своей основной задачей критику биологизации исторического процесса и теории стабильности расы, многие работы этого периода противопоставляли этим ложным взглядам абстрактные схемы.

Эти ошибки в дальнейшем были изжиты, и, хотя разработка теоретических основ антропологии ни в коем случае не является законченной, руководящие идеи советской антропологии позволили достигнуть крупных успехов и сделать целый ряд существенных обобщений в различных разделах этой науки.

Центральными темами в области антропогенеза продолжают оставаться конкретные вопросы филогении человека, разрабатываемые на материалах сравнительной анатомии, физиологии, эмбриологии, психологии приматов и палеонтологии гоминид.

Мы не имеем возможности останавливаться на многочисленных конкретных исследованиях по приматологии, осуществленных в различных научных учреждениях нашей страны, из которых, наряду с Институтом, Кафедрой и Музеем антропологии Московского университета и Музеем антропологии и этнографии АН СССР, надо особо отметить Институты мозга в Москве и Ленинграде, где был выполнен целый ряд исследований по макроструктуре и цитоархитектонике мозга приматов, Музей им. Ч. Дарвина в Москве, обезьяний питомник в Сухуми, где с 1927 г. ведутся разнообразные работы по анатомии, биологии и психологии низших приматов, лабораторию И. П. Павлова в Колтушах, Московский зоопарк.

Опубликованные в советской литературе работы по сравнительной анатомии приматов касаются различных систем. Следует назвать работы А. А. Дёшина и Пинеса, посвященные сравнительной анатомии мозга приматов, упомянутые уже выше исследования по цитоархитектонике мозга (Ю. Г. Шевченко, Е. Кононова и др.), работы М. А. Гремяцкого по изучению зубной системы приматов, исследования В. В. Бунака о гребнях на черепах приматов, работу М. Ф. Нестурха относительно добавочных млечных желез у приматов, трактующую интересный вопрос об атавизмах у высших обезьян, ряд исследований по папиллярным узорам у приматов (М. В. Волоцкой и др.), работы Н. А. Синельникова по расположению остеонов длинных костей, проводившиеся в Институте антропологии МГУ, работы по изучению синдесмологического аппарата и мускулатуры приматов, работы Б. К. Гиндце по кровоснабжению мозга и ряд других². Значительная часть указанных работ, к сожалению, в большой

² В. В. Бунак, О гребнях на черепе приматов, «Русск. антроп. журн.», 1923, т. 12, вып. 3—4, стр. 5—24; М. А. Гремяцкий, К вопросу об эволюции нижней челюсти гоминид (Hominiidae), «Русск. антроп. журн.», 1922, т. 12, вып. 1—2, стр. 183—192; его же, О некоторых аномалиях зубной формулы у приматов и их филогенетическом истолковании, «Русск. антроп. журн.», 1927, т. 16, вып. 3—4; А. А. Дёшин, К вопросу об эволюции коры мозга. Развитие центральной области коры (островок Рейля) и ее покрывок у человека, приматов и хищных, «Антропол. журн.», 1934, 1—2, стр. 68—78; Е. Кононова, Лобная область взрослого человека, Труды Гос. института мозга, 1938, вып. III—IV; М. Ф. Нестурх, Добавочные млечные железы у приматов, «Антропол. журн.», 1936, 3, стр. 327—344; Л. Я. Пинес, Борозды и извилины мозга антропоидов. Проблема борозды

своей части еще не опубликованных, касается проблемы локомоции приматов в связи с развитием прямохождения человека и служит подтверждением симиальной теории антропогенеза, получившей, таким образом, дополнительную аргументацию в советской антропологии.

Здесь уместно упомянуть и критические работы советских антропологов, посвященные опровержению концепций ряда зарубежных авторов, выступающих против дарвиновской теории антропогенеза,— таких, как Вуд-Джонс, Осборн, Вестенгефер и др.³

Значительное число работ было посвящено изучению поведения низших и высших обезьян в различных условиях эксперимента в связи с проблемой эволюции психики. Из этих исследований, помимо всемирно известных трудов И. П. Павлова, следует отметить выдающиеся работы Н. Н. Ладыгиной-Котс — автора специальных монографий по шимпанзе, теоретические исследования Л. С. Выготского, работы Н. Ю. Войтониса, проведенные им на основе многолетних наблюдений и экспериментов в Сухумском питомнике, работы Н. А. Тих, А. Н. Леонтьева, Гальперина и др. В этих работах такие вопросы, как взаимоотношения в обезьяньем стаде, манипулирование с предметами, а также интеллектуальные особенности обезьян, были поставлены и освещены с точки зрения проблемы биологических предпосылок очеловечивания. Эти исследования, лежащие вне пределов антропологии, но очень важные для разрешения многих антропологических проблем, получают сейчас дальнейшее развитие в работах сектора психологии Института философии АН СССР под руководством С. Л. Рубинштейна. Мы вынуждены оставить вне рассмотрения специальные работы по физиологии, патофизиологии, патоанатомии и биологии приматов, которые получили широкое развитие в советской экспериментальной медицине и которые нередко оказываются весьма существенными и для теоретических построений в области антропогенеза. Особого упоминания заслуживают обширные исследования А. Р. Лурия по локализации функций головного мозга.

Истекшие три десятилетия ознаменовались замечательными находками ископаемого человека на территории СССР; мы имеем в виду находки в гроте Киик-Коба в Крыму и в пещере Тешик-Таш в Узбекистане. Монография покойного Г. А. Бонч-Осмоловского, посвященная его раскопкам в гроте Киик-Коба и найденным здесь костным остаткам ископаемого человека, представляет собою, несомненно, выдающееся событие в мировой антропологии⁴. Как бы ни решался вопрос об археологической датировке слоев грота, принадлежность киик-кобинского человека к неандертальскому типу в широком смысле не подлежит сомнению. Тем самым киик-кобинская находка значительно расширяет ареал распространения неандертальцев и служит территориально как бы мостом между европейскими и известными палестинскими находками. Но значение находки не только в этом. Блестящее по своей технике исследование кисти ископаемого человека из грота Киик-Коба, проведенное

извилин в морфологии мозга, «Труды Ленинградского гос. института по изучению мозга им. Бехтерева», 1934; Н. А. Синельников, О пространственном расположении остеонов в диафизе бедра человека и других приматов, «Антропол. журн.», 1937, т. 3, стр. 102—116; Ю. Г. Шевченко, Нижнепариетальная область у промежуточной группы обезьян, «Труды Гос. института мозга», 1938, вып. III—IV, В. Г. Стефко, Биологические реакции и их значение в систематике обезьян и человека, «Русск. антроп. журн.», 1922, т. 12, вып. 1—2, стр. 80—91.

³ М. А. Гремяцкий, Теория ологенеза в биологии и антропологии, «Антропол. журн.», 1933, 3, стр. 64—82; М. Ф. Нестурх, Против идеализма на фронте антропогенеза (Новейшие буржуазные гипотезы антропогенеза в свете трудовой теории антропогенеза Энгельса и последние открытия ископаемых представителей гоминид), «Фронт науки и техники», 1937, 5, стр. 50—80.

⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский, Грот Киик-Коба (Палеолит Крыма, вып. I), Академия Наук СССР, М.—Л., 1940, его же, Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба (Палеолит Крыма, вып. II), Академия Наук СССР, М.—Л., 1941.

Бонч-Осмоловским, обнаружило своеобразные признаки в строении киик-кобинского скелета и положило начало дискуссии, касающейся одного из кардинальных вопросов антропогенеза — вопроса о древесной стадии в эволюции предков человека. Основываясь на «лапообразном» строении кисти киик-кобинца, Г. А. Бонч-Осмоловский, как известно, выступил с теорией, согласно которой «не только предок одного человека, но и общий предок человека и антропоморфов не имел специализированной к хватанию кисти, а следовательно, не был существом, узко специализированным к древесному образу жизни». Развитие хватательной кисти у человека и у антропоморфных обезьян объясняется, по Бонч-Осмоловскому, не генетической связью между ними, а конвергенцией — переходом от лазанья по скалам к лазанью по деревьям — у антропоморфных и специализацией к труду — у гоминид.

Теория Бонч-Осмоловского, встретившая и ранее серьезные возражения в советской литературе, в свете новых данных по палестинским находкам оказывается сильно поколебленной. Дело в том, что кисть палестинского человека оказалась типично хватательной — гибкой и узкой, резко отличной от «лапообразной» кисти киик-кобинца. Но значение киик-кобинской находки и работы Бонч-Осмоловского этим отнюдь не умаляется. Эта находка значительно расширяет наши представления о вариациях строения внутри неандертальского типа, и превосходная монография безвременно ушедшего от нас исследователя ставит перед будущими учеными не мало новых вопросов.

К тешик-ташской находке мы вернемся ниже.

Большое значение для исследования проблемы антропологии имели работы советских ученых в смежных областях — четвертичной геологии, палеонтологии и археологии палеолита. Работами В. И. Громова, М. В. Воеводского и других было внесено много нового в датировку палеолитического периода. Предполагаемый этими исследованиями до-рисский возраст мустьерской культуры и существование верхнепалеолитических стоянок в течение ресс-вюрмской и вюрмской стадий оледенения имеет существенное значение для правильного понимания распределения во времени процесса развития палеолита, а также длительности существования *Homo sapiens*.

Но если изучение конкретной эволюции приматов и дало наибольшее число работ, то теоретическая разработка проблемы антропогенеза в целом выдвинула ряд других, не менее существенных вопросов. Это, в первую очередь, общие закономерности эволюции гоминид и неразрывно с ними связанные вопросы о факторах эволюции человека. Названные проблемы впервые во всем их объеме были поставлены в советской антропологической литературе и нашли свою наиболее полную разработку в той части, которая касается становления *Homo sapiens* и его отношения к неандертальскому человеку. По своему значению эти вопросы выходят за пределы собственно проблемы антропогенеза; они неразрывно связаны с кардинальными проблемами первобытной археологии, с проблемой периодизации истории первобытного общества и приобретают поэтому особую остроту. Эти вопросы получили свое освещение в ряде работ М. А. Гремяцкого, Г. А. Бонч-Осмоловского и других, посвященных разработке и уточнению теории неандертальской фазы в эволюции современного человека.

Теория неандертальской фазы, отчетливо сформулированная впервые Алешом Грдличкой в 20-х годах н. с., не получила широкого признания за рубежом, и аргументация в ее пользу, рожденная в борьбе с реакционными течениями в антропологии, представляет заслугу советских антропологов. Основными доказательствами преемственной связи *Homo sapiens* с неандертальским кругом форм (в широком смысле), доказательствами того, что неандертальцы в целом не представляют собою

боковой ветви или параллельной формы по отношению к современному человеку, а стоят на пути эволюции от более древних форм гоминид к *Homo sapiens*, являются следующие факты: широкое распространение разнообразных неандертальских форм в различных областях Старого Света в эпоху нижнего палеолита; повсеместная большая древность неандертальских находок по сравнению с находками *Homo sapiens*; наличие ископаемых форм, носящих промежуточные черты между неандертальским типом и типом современного человека; преемственная связь между мустьерской культурой и верхнепалеолитическими культурами.

По всем этим пунктам в советской антропологии последних лет накоплен значительный материал. Здесь надо, в первую очередь, назвать исключительную по своей значимости первую бесспорную находку костных остатков человека мустьерского времени в глубине азиатского материка — скелет ребенка (в пещере Тешик-Таш в Узбекистане), сделанную в 1938 г. археологом А. П. Окладниковым⁵. Эта находка, принадлежность которой к неандертальскому типу, вопреки мнению Ф. Вейденрейха, может считаться доказанной, заполняет тот пространственный hiatus между европейскими и яванскими неандертальскими формами, который до недавнего времени мог служить еще аргументом в пользу гипотезы о существовании обширной территории в сердце Азии, где одновременно с неандертальцами Европы мог обитать *Homo sapiens*.

Противники теории неандертальской фазы критикуют ее с разных позиций. Одни, основываясь на весьма сомнительных и недостоверных палеоантропологических находках (Галлей Хилл, Пильтдаун, Мулен Киньон и др.), стремятся доказать ашельский, шельский или даже еще более древний возраст человека современного типа и тем самым погружают процесс его возникновения и его генеалогию в полную неизвестность. Другие, значительно более осторожные авторы, не идут столь далеко и конструируют в качестве теоретического предка *Homo sapiens* форму, соединяющую в себе черты обезьяны с особенностями современного человека. Отличия этой гипотетической формы от мустьерских неандертальцев Западной Европы эти авторы считают достаточным аргументом в пользу того, что вообще неандертальской стадии не было и что неандертальцы были боковой ветвью на родословном древе человека.

Первая точка зрения была подвергнута в советской литературе критике, в которой авторы исходили как из общих положений, так и из критического анализа отдельных находок. В частности, оказалось, что череп из Сванскомба, вопреки мнению некоторых зарубежных авторов, не может быть причислен к типу *Homo sapiens*. Другая точка зрения, как показали советские исследователи, исходила из слишком узкого понимания термина «неандерталец», тогда как теория неандертальской фазы не требует повсеместного происхождения *Homo sapiens* и с полным основанием включает в широкий круг неандертальских форм и целый ряд внеевропейских находок.

Из работ, посвященных морфологически промежуточным формам, надо отметить исследования М. А. Гремяцкого, Н. А. Синельникова, О. Н. Бадера по Подкумской, Сходненской, Хвалынской находкам, которые свидетельствуют о широком распространении более или менее

⁵ Г. Ф. Дебеч, Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш, «Труды Узбекстанского филиала АН СССР», Серия I, История, археология, вып. 1, 1940, стр. 46—71; его же, О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека, Изд. МГУ, 1947; А. П. Окладников, Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш (предварит. сообщение). «Труды Узбекстанского филиала АН СССР», сер. I, вып. 1, стр. 3—45, рис. 1—26; его же, Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии, «Советская археология», VI, 1940.

промежуточных форм не только в Центральной, но и в Восточной Европе⁶.

Рассмотренная нами проблема неандертальской фазы в эволюции современного человека есть только часть более широкой проблемы — проблемы стадиальности в антропогенезе.

Мы остановились выше на вопросе о становлении *Homo sapiens*.

Если те изменения морфологических особенностей, которые отмечает собой переход от неандертальского типа к типу современного человека показывают появление качественно новых признаков и позволяют характеризовать этот переход как перерыв постепенности, как скачок в развитии гоминид, то соотношение типов синантропа-питекантропа и неандертальского следует считать, по видимому, принципиально иным. Здесь мы можем говорить о постепенном развитии, протекавшем на протяжении огромного времени, охватывающего почти весь четвертичный период, и вместе с тем как бы раскрывающем в неандертальском типе те особенности, которые характеризуют уже тип питекантропа-синантропа. Такая схема, основанная на изучении морфологических особенностей, согласуется с данными археологии, отраженными в новой периодизации истории первобытного общества, которая была предложена у нас С. П. Толстовым. В этой схеме первый этап первобытной истории — первобытное стадо, соответствующий низшей ступени дикости по Моргану, охватывает весь нижний и средний палеолит (от дошелевской до мустьерской культуры включительно)⁷.

Обращаясь к еще более древней эпохе — превращения нашего животного предка в питекантропа, перехода от предшественника человека к древнейшим гоминидам, мы снова встречаемся с явлением разрыва постепенности и появлением нового качества.

Проблема происхождения современного человека тесно связана с вопросом о числе центров его формирования. Спор моно- и полицентристов в этом вопросе получил различное освещение в советской литературе. Наряду с крайними взглядами в сторону как моноцентризма, так и полицентризма были сделаны попытки такого разрешения этого вопроса, согласно которому современный человек возник в одной, но обширной области, где имело место интенсивное смешение между древними расами⁸.

Если вопрос о морфологическом и хронологическом соотношении неандертальского типа и типа *Homo sapiens* сам по себе является не новым, то другая сторона этой проблемы — вопрос о факторах эволюции человека, о движущих силах процесса сапиентации — привлекла особое внимание советских антропологов.

Переход неандертальского физического типа на новую, более высокую ступень «ископаемого разумного человека» объясняли весьма различно. Большинство авторов указывало на важную роль в процессе становления *Homo sapiens* его более совершенного (по сравнению с неандертальским человеком) двуногого выпрямленного хождения. П. П. Ефименко приписывал наибольшее значение в этом процессе запретам браков между близкими кровными родственниками, т. е. установлению экзогамии, которая привела к превращению неандертальца в

⁶ О. Н. Бадер, Новая палеоантропологическая находка под Москвой, «Антропол. журн.», 1936, 4, стр. 471—475; его же, Находка неандерталоидной черепной крышки человека близ Хвалынского и вопрос о ее возрасте, «Бюллетень Московск. общества испытателей природы», Отд. геологии, т. XVIII (2), 1940; М. А. Гремяцкий, Структурные особенности фрагментов подкумского черепа и его древность, «Антропол. журн.», 1934, 3, стр. 127—141.

⁷ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Сов. этнография», 1946, 1, стр. 25—30.

⁸ Я. Я. Рогинский, Происхождение современного человека и теория «полицентризма», «Сов. этнография», 1947, 1.

более дифференцированный тип современного человека. Эта точка зрения получила широкое распространение в советской археологической литературе. В ряде работ Г. А. Бонч-Осмоловского проводилась мысль о том, что «лапообразная кисть» неандертальского человека была неспособна осуществлять тонкие сочетания движения, необходимые для производства разнообразных объектов позднепалеолитической индустрии; с этой точки зрения основным фактором происхождения *Homo sapiens* было развитие новых признаков в форме суставов и в пропорциях элементов кисти. Наряду с этими взглядами был выдвинут ряд соображений о том, что наиболее существенные отличия палеоантропа и неантропа заключались в более высоком развитии у последнего различных свойств, необходимых для него как социального существа, в частности, — способности к членораздельной речи. Исходя из палеоантропологического материала, было обращено внимание на резкое затухание роли отбора у человека, как раз начиная с появления *Homo sapiens*, свидетельствующее о качественном преобразовании общественной жизни и сознания человека в этом периоде. В обоснование этой гипотезы были приведены различные данные, характеризующие культурные и соматические различия между неандертальским и современным человеком эпохи ориньяка.

В этом разнообразии мнений отражаются различные стороны сложного процесса человеческой эволюции, что должно предостеречь от переоценки отдельных частных факторов в становлении *Homo sapiens*⁹.

Успехи в области разработки проблем антропогенеза нашли свое отражение в обширной научно-популярной литературе (В. К. Никольский, Б. Н. Вишневский, М. А. Гремяцкий, М. С. Плисецкий, М. А. Нестурх, Г. А. Шмидт, А. Н. Юзefович и др.).

В области расоведения 30 лет работы советских антропологов ознаменовались получением огромного нового фактического материала. Можно год за годом проследить, как заполняется антропологическая карта СССР и сопредельных стран. В настоящее время территория Советского Союза является одной из наиболее изученных в антропологическом отношении стран мира. Многие области были подвергнуты почти сплошной съемке, что позволило подойти в выделению локальных типов на обширных пространствах.

Превосходно изучен антропологический состав народов северо-восточной европейской равнины (Н. Н. Чебоксаров, Д. А. Золотарев), Поволжья (В. В. Бунак, П. И. Зенкевич, Т. А. Трофимова, Б. Н. Вишневский), Украины (Л. П. Николаев и его ученики), Кавказа (В. В. Бунак, А. И. Ярхо, В. И. Левин, Н. И. Ансеров, Г. Ф. Дебец), Средней Азии (А. И. Ярхо, Л. В. Ошанин, В. В. Гинзбург, Б. Н. Вишневский), Сибири (А. И. Ярхо, Г. Ф. Дебец, Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова, М. Г. Левин, С. А. Шлугер)¹⁰.

⁹ Я. Я. Рогинский, Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии, «Труды Института этнографии», Новая серия, II, М., 1947.

¹⁰ Н. И. Ансеров, Тальши, Баку, 1932; В. В. Бунак, *Crania armenica*, «Труды Антропологического научно-исследовательского института при МГУ», вып. II, 1927; В. В. Бунак, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen d. Bevölkerung Ost-Europas, «Zeitschr. f. Morphologie u. Anthropologie», 1932, Bd. XXX, H. 3; В. В. Гинзбург, Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза, «Труды Института антропологии, этнографии и археологии», т. XVI. Антропологическая серия, 2, Л., 1937; Г. Ф. Дебец, Антропологический очерк Лукьяновского уезда б. Нижегородской губ., «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, «Антропология», 1941, стр. 103—137; его же, Вепсы, там же, стр. 139—173; его же, К проблеме расового типа «протофиннов», там же, стр. 11—20; П. И. Зенкевич, Физический тип горных и луговых мари, Отд. Отгиск из журн. «Марийская автономная область», 1934, № 8—9 и 10—11; его же, Характеристика восточных финнов, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, «Антропология», 1941, стр. 21—80; Д. А. Золотарев, Кольские лопа-

Здесь уместно вспомнить безвременно умершего советского антрополога А. И. Ярхо, оставившего заметный след в науке как своими теоретическими исследованиями, так и своими многочисленными работами по тюркоязычным народам СССР.

Собраны большие материалы по зарубежным народам Восточной Азии и Центральной Европы.

Если за весь дореволюционный период в Средней Азии было исследовано 935 человека, то в настоящее время эта цифра должна быть увеличена, примерно, в 15 раз. Многие народы были исследованы в антропологическом отношении вообще впервые, и даже в Сибири на ее огромных, труднодоступных пространствах почти не остается неисследованных групп. Нужно добавить, что и программа исследований значительно превосходит по своей детализации огромное большинство работ прошлого.

Большое место в советских расоведческих исследованиях заняли, наряду с измерительными признаками, признаки так называемые «качественные» или «описательные». Важным достоинством собранных материалов является их сравнимость между собой в результате применения унифицированной методики. Это надо особо подчеркнуть, так как, к сожалению, подавляющее большинство полевых материалов, собранных зарубежными антропологами, страдает отсутствием должной унификации. Большую роль в деле разрешения указанной задачи сыграли модели мягких частей лица, изготовленные под руководством А. И. Ярхо. Эти полевые материалы дополняются большим количеством краниологических исследований на современном материале.

В советских работах было обращено внимание на собирание материалов по специальным признакам с более или менее хорошо изученной генной структурой. В первую очередь сюда относятся группы крови. Массовое собирание материала по изогемоагглютинации было предпринято рядом учреждений, главным образом Бюро по антропологическому изучению групп крови народов СССР, организованным в 1927 г. при

ри, Академия Наук СССР, Материалы комиссии экспедиционных исследований, в. 9, серия северная, Л., 1928; его же, Карелы СССР, Академия Наук СССР, Материалы комиссии экспедиционных исследований, в. 24, серия северная, Л., 1930, рец. Г. Ф. Дебец, «Антропол. журн.», 1933, 1—2, стр. 234—237; Г. Дебец, Так называемый «восточный великорусс», «Антропол. журн.», 1933, 1—2, стр. 34—69; В. И. Левин, Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа, «Антропол. журн.», 1932, 2; М. Г. Левин, Антропологические типы Охотского побережья, «Труды Института этнографии», Новая серия, II, М., 1947; Л. В. Ошанин, Иранские племена западного Памира. Сравнительно-антропологическое исследование, «Труды Узбекского института экспериментальной медицины», I, Ташкент, 1937; его же, Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения, «Русск. антропол. журн.», 1925, т. XIV, № 1—2, стр. 131—182; его же, Материалы по антропологии Средней Азии. Узбеки Хорезма, ч. I—II, Ташкент, 1927—1928; его же, Исторические сведения о расовых типах и метисации между ними в пределах Хорезма и Ташкента, «Бюллетень Ср.-Аз. гос. университета», № 16, 1927; его же, Материалы по антропологии Средней Азии. Киргизы южного побережья Иссык-куля, Ташкент, 1927; Н. Н. Чебоксаров, Антропологический состав современных немцев, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 271—308; его же, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, там же, стр. 237—270; его же, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, 1, стр. 30—70; его же, Ильменские поозеры, «Труды Института этнографии», Новая серия, I, М., 1947; А. И. Ярхо, Казахи Алтая, «Северная Азия», 1930; его же, Туркмены Хорезма и Северного Кавказа, «Антропол. журн.», 1933, 1—2; его же, Антропологический состав турецких народностей Средней Азии, «Антропол. журн.», 1933, 3, стр. 3—28; его же, Краткий очерк изучения турецких народностей СССР за 10 лет, «Антропол. журн.», 1936, 1; его же, Ганджинские турки, «Антропол. журн.», 1932, № 2, стр. 49—83. Рефераты многих еще не опубликованных работ; см. «Краткие сообщения о научных работах Н.-и. института и Музея антропологии при МГУ» за 1938—1939 гг.

Музею антропологии и этнографии АН СССР. Много материалов собрано по распределению папиллярных узоров среди населения СССР; эти материалы легли в основу сводки М. В. Волоцкого, предложившего индекс картографирования групповых особенностей папиллярных узоров¹¹.

К числу важнейших успехов советского расоведения относятся многочисленные систематические исследования краниологии древнего населения СССР. В этой части советские антропологи восстановили идущую от А. П. Богданова, а затем в значительной степени прерванную традицию. Из палеоантропологических работ необходимо в первую очередь назвать многочисленные исследования Г. Ф. Дебеца по различным эпохам и территориям, исследования Т. А. Трофимовой и В. В. Бунака по краниологии славян, работы В. В. Гинзбурга по краниологии хазар и палеоантропологии Средней Азии, работу М. С. Акимовой по скелетам из Балановского могильника фатьяновской культуры, работы Е. В. Жирова. Печатающаяся в настоящее время монография Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» подводит итог этим ценным работам и дает первую в литературе сводку материалов, которая послужит не одному поколению антропологов и археологов¹².

Не имея возможности в настоящем обзоре, вследствие его специального направления, касаться весьма важных и ценных работ по морфологии человека, мы должны упомянуть лишь те из них, которые были посвящены морфологии систематических расовых признаков. Интерес к исследованиям подобного рода в советской антропологии связан с теоретическими вопросами расоведения, на которых мы остановимся ниже.

Систематические расовые признаки изучались с различных сторон. В лаборатории проф. В. В. Бунака был проведен целый ряд работ, освещающих вопросы вариаций строения отдельных органов и систем с точки зрения механизмов внутривидовой изменчивости формообразования. Ряд работ был посвящен морфологическому анализу различных признаков, выяснению их анатомической и гистологической структуры. Таковы, например, работы П. И. Зенкевича по волосяному покрову, В. В. Бунака — по макро- и микроструктуре верхнего века, пигменту и т. д. Другие исследования были направлены в сторону изучения изменчивости измерительных признаков, а также их взаимосвязи. Здесь можно назвать работу А. И. Ярхо — по изучению кисти, В. В. Бунака — по пропорциям тела, П. Н. Башкирова — по исследованию связи пропорций тела и конституции и др. Упомянем и работы В. В. Троицкого по строению черепа.

В советской антропологической литературе большое внимание было уделено изучению возрастных постнатальных изменений различных морфологических признаков и связи с важным методическим вопросом о сравнимости между собою различных в возрастном отношении групп, а

¹¹ М. В. Волоцкой, Новый дактилоскопический индекс и его распределение по земному шару, «Ученые записки Московского гос. университета», 1936, 10, стр. 156—172.

¹² М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, «Труды Института этнографии», Новая серия, I (Памяти Д. Н. Анучина), М., 1947; В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии гуннов и саков, «Сов. этнография», 1946, 4, стр. 207—210; его же, Антропологические данные по этногенезу хазар, «Сов. этнография», 1946, 2, стр. 81—86; Г. Ф. Дебец, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, «Антропол. журн.», 1932, 1, стр. 54—73; его же, Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье, «Антропол. журн.», 1936, 1, стр. 65—81; его же, Палеоантропология СССР, «Труды Института этнографии АН СССР», IV (в печати); Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», 6, 1940; Т. А. Трофимова, Краниологический очерк татар Золотой Орды, «Антропол. журн.», 1936, 2, стр. 166—189; ее же, Черепа из Никольского кладбища, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 197—235.

также в связи с более общей проблемой истории становления отдельных признаков.

Для разрешения проблем расообразования большое значение должны иметь исследования генетической природы расовых признаков. В этой области у нас применялся метод посемейных исследований и близнецовый метод, который получил особенно большое развитие¹³.

Рассмотренные нами кратко конкретные расоведческие исследования были сосредоточены в основном вокруг следующих общих проблем: 1) Понятие расы у человека; 2) Факторы расообразования; 3) Систематика современных рас; 4) История возникновения и расселения расовых типов человечества; 5) Антропологический материал как исторический источник.

В зарубежной антропологической литературе 20-х—40-х годов н. с. наблюдается сильное влияние крайне запутанных и мало обоснованных концепций о человеческих расах,— не говоря уже о лженаучных расистских теориях. В советской антропологии этот вопрос получил разработку с разных точек зрения.

Отправляясь от известного Сталинского определения науки, советские антропологи стремились показать прежде всего принципиальные отличия расовых делений человечества от национальных, этнических, лингвистических и других социальных подразделений. С другой стороны, в советском расоведении было развито положение о коренном отличии рас человека от соответствующих систематических категорий у животных, на том основании, что расы у человека не обладают в настоящее время адаптивностью признаков, принципиально иначе, чем животные, связаны с ареалом своего распространения, подчиняются в своих взаимоотношениях, смешении, изоляции, миграции и пр. не биологическим, а социальным закономерностям. Вследствие всего этого к человеческим расам не применимо представление о расах как об образующихся видах.

Раса человека характеризруется в советской антропологии как понятие историческое, что основывается на характере связей между расовыми признаками. Советскими антропологами было разработано положение о различных типах корреляций признаков и выделены так называемые физиологические и исторические корреляции. Первые характеризуются тем,

¹³ П. Н. Башкиров, Пропорции тела у различных конституциональных типов, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 10, Антропология, 1937, стр. 103—117; В. В. Буняк, О некоторых вопросах генетического анализа непрерывно варьирующих признаков у человека, «Антропол. журн.», 1937, 3, стр. 16—40; его же, Макро- и микроструктура верхнего века в период роста, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 10, Антропология, 1937; его же, Опыт типологии пропорций тела и стандартизации главных антропометрических размеров, там же, стр. 7—102; его же, О вариациях пигмента и их значения для вариаций окраски волос, «Биолог. журн.», 1937, 3; его же, Теоретические вопросы учения о физическом развитии и его типах у человека, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 34, Антропология, 1940, стр. 7—57; его же, Нормальные конституционные типы в свете данных о корреляции отдельных признаков, там же, стр. 59—101; П. И. Зенкевич, Смена волосяного покрова у человека, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 10, Антропология, 1937, стр. 187—198; М. В. Игнатъев, Определение генотипической и паратипической обусловленности количественных признаков при помощи близнецового метода, «Труды Мед. ген. института им. М. Горького», III, 1934, стр. 18—32; его же, К вопросу о математической интерпретации близнецовых корреляций, там же, т. IV, 1936, стр. 284—295; О. В. Недригайлова, Монгольская складка у детей украинцев. Материалы по антропологии Украины. Непериодические сборники, входившие в серию «Труды Украинского психоневрологического института», Харьков, I, 1926, стр. 152—163; Г. В. Соболева и М. В. Игнатъев, О гено- и паратипической обусловленности роста и веса, «Труды Мед. ген. института им. М. Горького», т. IV, 1936, стр. 370—382; А. И. Ярхо, О некоторых морфологических свойствах человеческой кисти, «Русск. антропол. журн.», 1926, т. XVI, вып. 1—2, стр. 50—74; A. Jarcho, Die Alterveränderungen der Rassenmerkmale bei den Erwachsenen, «Anthropologischer Anzeiger», 1935, Jahrg. XII, H. 2

что признаки тесно связаны между собою в силу причин, заложенных в самом организме; вторые возникают чисто исторически между независимыми друг от друга признаками и представляют собою комбинации, которые возникают и разрушаются в результате смещений, переселений и т. п. Сказанное относится, правда, не только к человеку, но и к животным, у которых также различают физиологические и «исторические» связи признаков. Однако так называемые исторические корреляции у животных принципиально отличны от таковых у человека, так как история какой-либо группы животных определяется чисто биологическими условиями, в то время как у человека она определяется в первую очередь общественными факторами.

Вот почему представление о расе у человека как о понятии историческое имеет смысл специфический для человека¹⁴.

Из различных факторов расообразования наиболее полно было рассмотрено действие так называемых стохастических процессов, в особенности явлений, связанных с изоляцией малых групп. В общепроизводственной литературе была показана закономерность изменения генетического строения изолированной популяции. На целом ряде конкретных антропологических исследований это положение нашло свое подтверждение¹⁵. Математическое обоснование количественной стороны этого вопроса было дано М. В. Игнатьевым, который рассмотрел действие фактора «случайности» применительно к тем особым условиям, по которым человеческие популяции отличаются от всех других, рассматриваемых в общей теории эволюции, и показал, что анализ изменчивости групповых средних у человека может вскрыть природу происхождения различных локальных групп населения¹⁶. Не приходится говорить, какое значение для расового анализа представляет возможность установить на основании антропологических данных (параметров), имеем ли мы в каждом отдельном примере дело со случайными выборками, или с малыми, не возрастающими в численности подразделениями однородной популяции, или с аналогичными подразделениями численно увеличивающейся группы, или, наконец, с подразделениями, имеющими различное происхождение.

Роль изоляции в возникновении человеческих рас представляет тем больший теоретический интерес, что ее действие только у человека можно наблюдать в наиболее отчетливой форме, так как условия социальной жизни человечества снимают роль естественного отбора как видообразующего фактора.

Изучение смещения, о котором мы уже упомянули, позволило получить ряд интересных данных, касающихся закономерностей формирования типов в результате метисации. Обнаружился, в согласии с имевшимися данными, промежуточный характер большей части признаков в смешанных популяциях. Было показано на ряде примеров, что величина изменчивости измерительных признаков, выраженная величиной среднего квадратического отклонения, не возрастает в заведомо метисных группах, и предложен ряд теоретических объяснений этому факту (Г. И. Меллер).

Наконец, на метисных популяциях были намечены пути изучения наследования и возрастного проявления отдельных расовых признаков.

¹⁴ В. В. Буняк, *Раса как историческое понятие*, Сб. «Наука о расах и расизм», 1938, стр. 5—46.

¹⁵ В. В. Гинзбург, *Изогемоагглютинация у горных таджиков*, «Антропол. журн.», 1934, 1—2, стр. 95—105.

¹⁶ В. В. Буняк, *О некоторых случаях изменения средней величины признаков в смешивающихся популяциях*, «Труды Медико-генетического института им. Горького», 1936, т. IV, стр. 237—253; М. В. Игнатьев, *О пределах приложения математики в антропогенетике*, «Антроп. журн.», 1937, 3, стр. 73—101; его же, *Исследования по генетическому анализу популяций*, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 34, Антропология, 1940, стр. 247—268.

В области изучения метисации надо указать работы А. И. Ярхо по Алтае-Саянскому нагорью, И. Г. Петрова по Бурят-Монголии и некоторые другие¹⁷.

Мы не имеем возможности остановиться на работах по изучению изменчивости и наследственности расовых признаков, в частности на вопросах о полимерии, доминантности, о типах кривых распределения измерительных признаков у человека и т. д., которые также не остались вне сферы внимания советских антропологов.

В советской литературе большое место было уделено критике тенденциозного и незаконного преувеличения роли наследственного фактора у человека и недоучета роли среды в формировании признака в онтогении, в частности критике работ Пирсона и его школы¹⁸.

Переходим к вопросам расовой систематики. Мы не будем касаться общепhilософской стороны вопроса о реальности систематических категорий, вопроса, восходящего, как известно, к средневековому спору между реалистами и номиналистами. Укажем только, что этот вопрос продолжал волновать умы натуралистов XVIII и XIX столетий, причем можно отметить, что провозвестники эволюционной идеи Бюффон и Ламарк, отрицая стабильность систематических категорий, в своем отрицании отказывали этим категориям и в реальном существовании и видели в них лишь приемы мышления. Позже биология нашла то синтетическое разрешение этого кажущегося противоречия, которое хорошо выражено у К. А. Тимирязева, утверждавшего, что вида как категории строго определенной, всегда себе равной и неизменной, в природе не существует, но что виды в наблюдаемый нами момент имеют реальное существование. Само собой понятно, что эта формулировка вполне применима не только к виду, но и к подвидовым делениям.

Как обстоит в этом отношении дело применительно к расовым типам человека? Конечно, вкладывать в понятие расы человека тот же смысл, что и в понятие расы у животных, т. е. приписывать ей жизненно важное значение, неправильно. Но, как подразделения вида *Homo sapiens*, отражающие процесс географической дифференциации человечества в далеком прошлом, современные человеческие расы представляют собою вполне реальные объекты исследования.

Вопросы конкретной систематики расовых типов всегда стояли в центре внимания антропологов; нашли они свое место и в советской литературе. Мы оставляем в стороне имевшую место дискуссию о классификации расовых типов земного шара, отразившую те трудности, которые возникают у антрополога вследствие крайней смешанности в расовом отношении населения эйкумены.

В результате указанных выше конкретных расоведческих исследований наши представления о расовых типах населения СССР и их соотношениях значительно пополнились и во многом видоизменились, что немало помогло в разрешении вопросов расогенеза и этногенеза.

Многочисленные палеоантропологические работы за последние два десятилетия позволили бросить свет на вопросы, связанные с проблемами древности расовых типов, закономерностей их изменений во времени, их распространения на разных этапах истории, генетических взаимоотношений современных типов и др. Скелеты в пещерах Фатма-Коба и

¹⁷ Г. И. Петров (при участии А. Н. Редсиной и С. Т. Серпунина), Материалы Бурят-Монгольской антропологической экспедиции Академии Наук СССР. Труды Совета по изучению производительных сил, Серия сибирская, вып. 4, 1933; А. И. Ярхо, Метисация у турецких народностей СССР, «Труды IV Всесоюз. съезда зоологов, анатомов и гистологов», 1931, 1, стр. 330; его же, Пигментация волос, глаз и кожи у народностей Алтая-Саянского нагорья. «Русск. антропол. журн.», 1929, т. 17, вып. 3—4, стр. 24—58.

¹⁸ М. В. Игнатьев, Карл Пирсон (обзор), «Антропол. журн.», 1937, 1, стр. 115—127.

Мурзак-Коба в Крыму, связанные с мезолитической индустрией, явились первыми на нашей территории находками этого времени и представляют значительный интерес, обнаруживая сходство с мезолитическими скелетами Бретани (Тевьек) ¹⁹. Совсем к недавнему времени относятся открытия целого ряда находок древних скелетных остатков Homo sapiens на территории СССР, которые позволяют набросать общую картину перемещений и изменений границ между большими расами в различные эпохи.

Исследование фрагмента лобной кости в верхнепалеолитической стоянке Афонтовой Горы под Красноярском впервые позволило установить наличие выраженных особенностей монголоидного типа в населении позднего палеолита и тем самым приподнять завесу над одним из самых темных вопросов антропологии — о древности происхождения монголоидных рас ²⁰. Эта находка была тем неожиданней, что до этого было известно наличие в III—II тысячелетиях до н. э. на территории Минусинского края расы в общем европейского облика. Выдающийся интерес представляет сходство этого европеоидного типа с кроманьонским в широком смысле населенном поздне-палеолитической Европы и переживание его в течение последующих эпох как на территории юго-западной Сибири, так и в степной зоне Восточной Европы (Нижнее Поднепровье, Нижнее Поволжье). Естественно, что эти находки поставили вопрос о дальнейшей судьбе этого загадочного европеоидного типа в Сибири. Вопрос этот получил свое разрешение в материалах различного рода. Палеоантропология открывает нам на территории Минусинского же края в последующие эпохи наличие монголоидного типа, все более смешивающегося с древними европеоидами. На Таштыкских масках выступают отчетливые черты этого смешения. И современное население Алтае-Саянского нагорья и Западной Сибири в целом несет на себе следы этих процессов древней метисации. Многие черты так называемого уральского типа, представленного среди хантов, маньси, западно-сибирских татар, северных хакасов, могут рассматриваться как результат смешения различных вариантов двух названных больших рас человека. И те особенности антропологического типа казахов и киргизов, которые отличают их от «классического» монгольского типа, комбинируясь здесь с отчетливо выраженной депигментацией, указывают, по видимому, на метисное происхождение и этого типа и переживание в нем черт древних европеоидов Западной Сибири.

Тот же процесс метисации прослеживается по данным палеоантропологии в Восточной Европе; он намечается в скелетных остатках из Оленьеостровского могильника на Онежском озере и отчетливо выступает на черепках из Луговского могильника ананьинской культуры (территория Татарской республики) ²¹.

Так ископаемый антропологический материал обнаруживает уже в глубоком прошлом далекие взаимопроникновения ареалов монгольской и европейской рас и намечает веки по пути разрешения проблемы заселения лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири. И если приведенные нами факты говорят против широко распространенных недавно в нашей антропологической литературе взглядов о чисто «стадиальном» характере промежуточных расовых типов Западной Сибири

¹⁹ Г. Ф. Дебец, Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму, «Антропол. журн.», 1936, 2, стр. 144—165.

²⁰ Г. Ф. Дебец, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском, «Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода» № 8, 1946, стр. 73—77.

²¹ Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 6, 1940; Т. А. Трофимова, Черепка из Луговского могильника ананьинской культуры, «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 175—195.

и Восточной Европы, то этим вовсе не снимается вопрос о возможности изменения расовых типов во времени без всякого участия метисации.

Советские антропологи изучали факты изменений расовых признаков по эпохам при полном отсутствии доказательств каких-либо вторжений со стороны. Сюда должны быть отнесены такие изменения, как ослабление надбровных дуг, мускульного рельефа черепа, уменьшение наклона лба, сужение лицевого скелета²². К более позднему времени относятся увеличение головного указателя (брахикефализация), которое захватывает самые различные расовые типы. Наконец, как широко распространенное явление обнаруживается увеличение длины тела в течение последнего столетия²³. Только учет этих сложных явлений и тех закономерностей, которым они подчинены, позволил современным антропологам выяснить генетические отношения между расовыми типами и тем самым привлечь антропологический материал в качестве исторического источника.

Выше было указано на отсутствие причинной связи и строго постоянного параллелизма между этническими и расовыми делениями. Тем не менее, это не исключает возможности «эмпирической» связи между ними. Эта связь возникает вследствие формирования и антропологического типа и этнических групп на определенной территории, однако без всякой обусловленности исторического процесса расой. Указанная связь вскрывается нами в целом ряде случаев, из которых наиболее наглядными являются случаи распространения антропологического типа за пределы ареала его формирования. При этих условиях антропологический материал выступает как существенный источник при решении проблем этногенеза. С другой стороны, данные этнографии, археологии, лингвистики используются для решения антропологических проблем — для выяснения условий изоляции, смешений, переселений, длительности пребывания на территории и т. д. Этот комплексный характер исследований вместе с принципиальным отрицанием роли расы в историческом процессе и является характерной особенностью советской антропологической школы в области расоведения.

Советская антропологическая литература богата примерами конкретного применения названных принципов. Приведем некоторые из них.

Исследование антропологических типов древнего и современного населения Восточной Европы позволило внести ясность в старый спор о формировании и путях расселения восточнославянских групп. Уже с эпохи неолита и бронзы можно проследить на территории Восточной Европы ареалы обитания нескольких антропологических типов, которые вошли в состав как позднейшего славянского населения этой области, так и его соседей. В согласии с современными данными археологии и других смежных дисциплин антропология, таким образом, приходит к выводу об автохтонном, в основном, образовании славянских племенных объединений Восточной Европы²⁴.

Широко был использован антропологический материал для решения вопроса о происхождении народа коми. Проследивание входящих в состав коми компонентов (беломорский вариант северной расы, переходный сублапоноидный тип, уральский тип, балтийский тип, восточно-средиземноморские расовые включения) позволило подтвердить данные

²² Г. Ф. Дебец, Брюни-Пшедмост, Кроманьон и современные расы Европы, «Антропол. журн.», 1936, 3, стр. 310—322.

²³ В. В. Бунак, Географическое распределение роста мужского населения СССР, «Антропол. журн.», 1932, 1, 2.

²⁴ Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, 1, стр. 91—136; е е же, Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии, «Сов. этнография», 1946, 3, стр. 51—74.

истории о центрах формирования отдельных групп коми и волнах переселений в разные периоды²⁵.

В качестве примера, относящегося к другой, отдаленной, территории, можно привести данные по антропологии якутов, в расовом типе которых явно выступают черты антропологического пласта, обнаруживаемого у бурят и у древнего населения Забайкалья, что заставляет уделить значительную долю в формировании якутского народа пришельцам с юга²⁶.

Как глубоко может быть прослежена связь современного населения с древними обитателями определенной территории свидетельствует пример с тунгусами Прибайкалья, обнаружившими в своем антропологическом типе теснейшую связь с населением неолита этой территории, что позволило археологу А. П. Окладникову говорить о культурной преемственности указанных групп²⁷.

Мы, конечно, далеко не исчерпали даже наиболее ярких примеров комплексного разрешения вопросов этногенеза. Упомянем еще лишь о классической работе Л. Я. Штернберга «Айнская проблема», где антропологический материал выступает в качестве блестящего аргумента южного происхождения айнской народности.

В 1941 г. было издано учебное пособие по антропологии — первое издание такого рода на русском языке²⁸.

Рассмотренные нами различные области работы советского расоведения, помимо своего основного позитивного значения, имели не менее важное значение в борьбе против лженаучных расистских теорий. Советская антропологическая литература насчитывает и целый ряд специальных антирасистских работ²⁹.

Советские антропологи не были одиноки в своей борьбе с расистскими «теориями». Мы с теплотой вспоминаем выступления во время войны с фашистской Германией таких ученых, как Боас и Грдличка.

Однако основная ответственность идеологической борьбы с фашизмом легла на плечи советской науки.

В отличие от тех не очень многочисленных критических исследований и выступлений отдельных прогрессивных ученых за рубежом, которые характеризуются отсутствием достаточно последовательной, строгой и согласованной в своих частях системы антирасистских воззрений, советские ученые исходили в своей критике из диалектико-материалистического понимания исторического процесса. Только с этих позиций могла быть вскрыта до конца ложность концепции о расе как основном факторе истории и разоблачена классовая сущность расистских построений разных толков. Только опираясь на марксистское положение о глубоком качественном, принципиальном отличии общественных закономерностей от тех, которыми управляется природа, можно было дать действительно уничтожающую критику «теории» о борьбе рас как основном содержании процесса истории.

И конкретные антропологические работы, и специальные критические статьи, и научно-популярная антирасистская литература, и много-

²⁵ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, 2, стр. 51—80.

²⁶ М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. 3, 1947.

²⁷ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этногении Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941.

²⁸ В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский, Антропология. Краткий курс, Под ред. проф. В. В. Бунака, М., Учпедгиз, 1941.

²⁹ Наука о расах и расизм, Академия Наук СССР, М.—Л., 1938 (Труды Н-иссл. института антропологии МГУ, вып. IV); Сб. Расовая теория на службе фашизма, Украинская ассоциация марксо-ленинских научно-исслед. институтов, Институт философии, Киев, 1935 (многочисленные статьи М. С. Плисецкого и др.).

численные публичные выступления в широких массах были посильным вкладом советских антропологов в великое дело борьбы советского народа против фашизма.

Перед советской антропологией стоят большие задачи. Огромные пространства нашей страны, ее разнообразный этнический состав, богатая событиями история населяющих ее народов — уже этого было бы достаточно, чтобы признать антропологический материал по Советскому Союзу выдающимся по своему значению для науки. В нем лежит загадка многих проблем антропологии. Ни происхождение туземцев Америки, ни генезис народов Европы, ни сложные расовые взаимоотношения в Передней Азии, ни многие другие проблемы не могут получить разрешения без всестороннего использования данных советской антропологии.

Перед советской антропологией стоит задача дальнейшего собирания материалов, освещающих антропологический состав населения нашей страны в настоящем и прошлом. Это требует дальнейшей разработки как специальных методов, так и общей методики исследования. Изучение указанных проблем немыслимо без дальнейшего углубления теоретических взглядов по вопросам о факторах расообразования, происхождения и эволюции человека в целом и т. д.

Это трудные и большие задачи. Но можно быть уверенными в том, что советская антропология, передовая по своему методу и мировоззрению, развивающаяся в стране социализма, успешно справится с ними и, наравне с другими областями советской науки, будет продолжать служить делу освобождения человечества от расового и классового гнета.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

АНТЫ И РУСЬ

1.

Сообщения византийских, западноевропейских и сирийских авторов об антах являются первыми совершенно бесспорными историческими сведениями о славянах на восточноевропейской равнине.

В антское время славянские племена впервые предстали на европейской исторической сцене как самостоятельная историческая сила. Вступив в длительную и жестокую борьбу с Византийской империей, они сыграли в жизни империи и Юго-восточной Европы в целом значительную роль, чем другая, современная им, варварская сила — аварский каганат, которому нередко, но совершенно ошибочно, предоставляется первое место в тех случаях, когда речь идет о Византии и ее дунайских соседях.

Военные и политические события, развернувшиеся в поречье Дуная и на Балканах в VI — начале VII столетия, явились вместе с тем и важнейшей страницей в истории самого славянства, тем периодом его жизни, отзвуки которого слышались долгое время не только в фольклоре, в сказаниях о Дунае, но и непосредственно в реальной жизни славянства последующих столетий. Именно здесь, в этом бурном периоде славянского прошлого лежат начала славянского Средневековья, сюда восходят первые побегии славянской государственности.

Всем этим определяется и то важнейшее место, которое занимают анты в этногонических судьбах восточного славянства. Антский период, крупнейшая веха древней славянской истории, не мог не явиться столь же крупной вехой на путях этногонического процесса.

И казалось бы, что все это должно было привлечь к антскому прошлому самое пристальное внимание историков. В действительности же в русской дореволюционной историографии дело обстояло иначе. Об антах, конечно, вспоминали в связи с вопросом о происхождении славян или говоря об истории Византии. Но в то же время антская история, политические и военные события крупнейшего исторического значения, развернувшиеся на Балканском полуострове в VI—VII ст., движущей силой которых являлись славянские племена, оставались вне поля зрения собственно русской истории. Достаточно указать хотя бы, что в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского антам и склавинам посвящено всего лишь несколько скудных строк¹. А ведь В. О. Ключев-

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, М., 1937, стр. 101—102.

ский искал начала русской государственности в VI—VII ст. у дулебов, воевавших с аварами, и, казалось бы, должен был заинтересоваться судьбами антов.

Такая печальная историографическая судьба антского прошлого объясняется прежде всего теми политическими тенденциями, которые довели над русской историографией XIX — начала XX ст. Норманская теория происхождения русской государственности, претворяющая на русской почве взгляды националистической германской историографии, стремилась обрисовать древние восточнославянские племена в виде лесных звероловов, «людей грубых, полудиких, не знающих духа народного», и всячески принизить значение славянства в историческом процессе. Богатое яркими событиями антское прошлое, роль славян в судьбах Византии VI—VII ст., та характеристика антов и склавинов, которую дали им современники, — все это стояло в явном противоречии со взглядами норманистов. Как можно было примирить, скажем, «охотничью» теорию историков начала XIX ст. и Ключевского — Рожкова с картиной земледельческого быта антов, обрисованной древними авторами? Как можно было допустить, что Киевское государство IX—XI ст. являлось не столько началом полнокровной и подлинной исторической жизни славянства, сколько итогом длительного, уже пройденного им исторического пути? Отсюда с неизбежностью следовало, что представление о норманах как создателях исторического бытия восточных славян не соответствует действительности и должно быть отвергнуто. Именно поэтому приверженцы норманизма всячески игнорировали антов или же под тем или иным предлогом стремились оторвать их от истории Руси. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на историографию в целом. Оно наложило серьезный отпечаток и на труды тех исследователей, которые специально занимались проблемой этногенеза и не могли пройти мимо антского прошлого.

И собственно лишь в наши дни, когда советская наука создала свою концепцию исторического процесса, рассматривающую древнерусское государство как закономерный итог всей предшествующей жизни славянства, антское прошлое привлекало к себе должное внимание. В трудах акад. Б. Д. Грекова и других советских историков анты и склавины впервые получили возможность заговорить полным голосом как на языке древних авторов, так и на языке археологических данных². Изучение антской эпохи расширило историческую перспективу, бросило новый свет на Русь киевского периода и на последующие столетия восточноевропейского Средневековья.

В настоящее время сделаны, однако, лишь самые первые шаги на путях изучения антской истории. На основании известий авторов VI—VII ст. и археологических данных представилось возможным нарисовать относительно полную картину экономической, социальной и культурной жизни антов, а также картину их политической истории, в частности взаимоотношений с Византийской империей. И наряду с этим до сих пор не известно, какое же собственно место принадлежит антам в истории и этногонии восточного славянства в целом. Не исследованы генетические связи и отношения антов и того племенного состава восточных славян, который рисует применительно к IX—X ст. «Повесть временных лет».

В свое время в трудах акад. А. А. Шахматова анты рассматривались в качестве предков всего восточного славянства — «всего вообще

² Б. Д. Греков, Киевская Русь, М.—Л., 1944, стр. 18 и сл., 240 и сл.; Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», I, 1939; его же, Ранняя культура восточных славян, «Исторический журнал», 11—12, 1943; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 35 и сл.

русского племени»³. В результате распада антского единства, писал А. А. Шахматов, возникли все восточнославянские, иначе русские, племена, расселившиеся впоследствии по восточноевропейской равнине. Точно таких же взглядов придерживался современник А. А. Шахматова — А. Л. Погодин⁴ и многие другие исследователи, исходившие из индоевропейской концепции славянского этногенеза.

Этот, так сказать, «индоевропейский» взгляд на антов не разделялся многими другими исследователями. Известный чешский ученый Л. Нидерле, русский археолог А. А. Спицын и др. видели в антах лишь южную группу восточнославянских племен⁵. Сюда же примыкало мнение М. С. Грушевского, исходившего, впрочем, из особых соображений. Стремясь воздвигнуть китайскую стену между русскими и украинцами, он доказывал, что анты — это предки только украинцев⁶, что, как мы увидим ниже, очень далеко от действительности.

Наконец, имело место еще одно мнение. Его придерживался в свое время П. И. Шафарик, затем С. М. Соловьев, а позднее акад. И. И. Срезневский. По их мнению, анты — это славянские племена южной части междуречья Днестра и Днепра; их потомками являлись уличи и тиверцы Начальной летописи.

В трудах советских историков вопрос об антах, росах и древней Руси решается пока что лишь в самой общей форме: «Культура, созданная в VI столетии антскими племенами, — пишет Б. А. Рыбаков, — послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой культуры Киевской Руси... Многие явления киевской жизни X—XI вв. уходят корнями в антскую эпоху: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, пополнение сокровищ и т. д. Киевские князья X века говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым антским путям... Анты не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры»⁷.

Такую же широкую картину преемственных связей антов, росов и Киевской Руси рисует акад. Б. Д. Греков. Эпоха VI—VIII ст., по его мнению, — это «период, без перерыва идущий в киевское время»⁸.

Против решения вопроса в данном направлении, если он решается в самой общей форме, возражать, конечно, не приходится. Жизнь и культура Руси IX—XI ст. действительно были переполнены совершенно отчетливыми отзвуками антского прошлого. Но как только мы попытаемся с высоты птичьего полета спуститься на землю, чтобы всесторонне и детально осветить связи и отношения между антами и восточным славянством, создавшим Древнюю Русь, то на нашем пути сразу же возникнет ряд серьезных вопросов.

Рассмотрение этих вопросов приводит к выводу, что совсем не случайно они вызывали дискуссию в русской историографии. Оказывается, картина преемственных связей антов и Руси киевского периода в той форме, как ее рисует, скажем, Б. А. Рыбаков, далеко не полностью соответствует истине; она нуждается в существенных коррективах. Анты и восточные славяне IX—X ст. стнюдь не стояли по отношению друг друга в строго непрерывной исторической последовательности. Их генетические связи были значительно более сложными, чем это может пред-

³ А. А. Шахматов, *Древнейшие судьбы русского племени*, П., 1919, стр. 12.

⁴ А. Л. Погодин, *Из истории славянских передвижений*, СПб., 1901.

⁵ А. А. Спицын, *Русская историческая география*, П., 1917, стр. 18.

⁶ М. С. Грушевский, *Киевская Русь*, т. I, СПб., 1911, стр. 209.

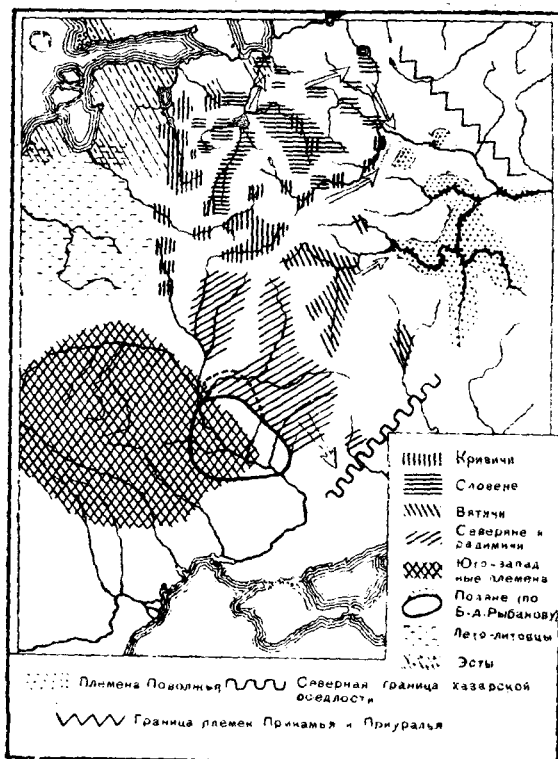
⁷ Б. А. Рыбаков, *Анты и Киевская Русь*, ВДИ, 1939, стр. 337.

⁸ Б. Д. Греков, *Указ. соч.*, М.—Л., 1944, стр. 312.

ставиться на первый взгляд. Анты несомненно явились активной творческой силой, создавшей Русь киевского периода, силой очень важной, но далеко не единственной.

2.

Можно ли объяснить случайностью, что анты и росы, выступления которых отделены друг от друга всего лишь двумя-тремя веками, в известиях древних авторов никогда не связывались между собой? Россы

Схематическая карта восточноевропейских племен во второй половине I тысячелетия н. э.

были встречены в Византии, как новый, до этого времени совершенно неизвестный враг — «северная и страшная гроза». Сообщение псевдо-Захария Ритора о великанах-росах, относящееся к середине VI ст., ко времени, когда имя антов было столь популярным в империи, точно так же скорее разделяет антов и росов, нежели связывает их друг с другом⁹. Конечно, в Византии не всегда хорошо знали о том, что делается к северу от Черного моря. Но отмеченное обстоятельство вряд ли следует объяснять лишь неосведомленностью греков.

По старой античной традиции, обитатели северного Причерноморья долгое время назывались в Византии «скифами». В середине первого тысячелетия н. э. под этим именем обычно подразумевались готы. Евсевий Кесарийский, говоря о современнике Константина Великого, гот-

⁹ А. П. Дьяконов, Известия псевдо-Захария о древних славянах, ВДИ, № 4, 1939.

ском епископе города Томи — Феофиле, называет его «скифским епископом». Евнапий пишет о гетах, как о «скифском народе». То же самое встречается у Зосимы, у Иордана Готского и многих других авторов. Когда появились в Причерноморье гунны, их точно так же стали именовать «скифами». Так поступил, например, Приск, рассказывая об Аттиле. В дальнейшем скифами назывались болгарские племена, хазары и, наконец, печенег.

И можно думать, что отнюдь не случайно ни один из древних авторов не присвоил этого имени антам. Анты, по мнению византийцев, — это геты, сныры, венеты, но отнюдь не «скифы». Совершая набег на Балканы, они оставляли после себя «скифские пустыни», но «скифами» тем не менее не назывались.

Когда же появились на Черном море росы, то о них сразу же стали говорить, как о «скифах». Современник византийского патриарха Фотия — Никита Пафлогонянин, описывая нашествие росов на империю в 860 г., считал их «скифским» народом. Лев Диакон называл росов «тавроскифами», Никита Хониат — «скифами гиперборийскими» и т. д.

Не говорит ли это о том, что в представлении византийцев анты и росы являлись племенами не только различного времени и не связанными между собой, но и обитателями различных областей: анты — северо-западного Причерноморья и Прикарпатья, росы — более восточных, собственно «скифских» земель?

Такому предположению отнюдь не противоречат и другие факты антского и русского прошлого.

Военно-политические и экономические устремления антов локализовались почти исключительно в области Балканского полуострова. Восточным пределом антских походов в южные страны являлся, повидимому, морской путь, лежащий вдоль западного берега Черного моря. Корабли древних росов также не раз плавали этим путем, направлялись в Константинополь или Амастриду. Но главное направление южных походов росов лежало несомненно значительно восточнее: их основной магистралью являлся не только Днепр, но и Дон. Река Дон, Азовское море, Крым, позднее Волга и Каспий — таковы направления походов росов.

Именно здесь, где-то на Днепре и на Дону, обитали когда-то роксоланы, рокасы, росомоны Иордана. На северо-запад от нижнего Дона в 555 г., т. е. в антскую эпоху, рос были известны псевдо-Захарью, о чем уже упоминалось выше. Роксоланы, рокасы, росомоны, рос — все это племена неизвестные, теряющиеся во тьме сарматского мира, но какими-то запутанными нитями несомненно связанные с росами — Русью IX в.

Общеизвестно, что в XI—XII вв., а несомненно и раньше, собственно Русью называлась сравнительно небольшая область в Среднем Поднепровье — Киевская, возможно, Полянская земля. Области северные — смоленские, новгородские, суздальские — Русью не считались. Когда оттуда кто-либо ехал в Киев, говорили — «едет в Русь». Киевское войско называлось русским войском.

Особенно же важно для решения интересующего нас вопроса то, что в число земель, которые Русью первоначально не назывались, входили области галичские, а также лежащая на запад от Киева древлянская земля. Для галичан киевские князья были «русскими» князьями в отличие от своих — галичских, киевское войско было «русским» войском. Изяслав в 1152 г. идет из галичских земель в «Русскую землю», в Киев. Святослав зовет Рюрика из древлянского Овруча в «Русь», в Киев. А ведь галичские и древлянские земли — это бесспорно коренная антская область.

То, что Русь локализовалась на славянском востоке, знали и в Западной Европе. Гвидо Ровеннский и Географ Баварский помещают росов между улицами и хазарами.

Следовательно, между антами, с одной стороны, и росами — Русью, — с другой, действительно лежит как будто бы не только хронологическая, но и территориальная грань.

Об этом же говорят и данные топонимики.

Еще П. И. Шафарик, а вслед за ним и многие другие историки не раз обращали внимание на то, что от корня рос или русь происходит целый ряд наименований рек Восточной Европы. Начиная от древнего имени Волги — Рос (Ros), эти наименования идут полосой к Днепру. Оскол некогда назывался Рось. Книга Большого Чертежа знает Русу, впадающую в Сейм; сейчас это имя также утеряно. Далее, речка Рось, имеющая притоки Россаву и Роську, впадает в Днепр — это известная пограничная река Киевского княжества XI в.¹⁰

А дальше на запад? Дальше на запад, в бассейн Южного Буга и Днестра названия рек, бесспорно происходящие от корня рос — русь, оказывается, не идут. Но они известны на севере. Неман некогда назывался Рось, Нарев имеет приток Рось, река Руса впадает в озеро Ильмень. Словом, если бы реки, в настоящее время или в прошлом называемые Рось — Русь, нанести на карту, то нетрудно было бы убедиться, что они как бы окружают с севера и востока основную антскую область, не заходя в ее пределы.

Недавно проф. С. П. Толстов опубликовал статью, посвященную предистории этнонима Русь, где он связывает русь — рос с древней этнической средой Восточной Европы и Средней Азии¹¹. Восточнославянскую Русь он ведет из области сарматского мира, воскрешая тем самым, на новой фактической и теоретической основе, старую теорию Ломоносова — Иловайского.

Не останавливаясь подробнее на интересных мыслях С. П. Толстова, широта которых, к сожалению, нередко мешает их автору достаточно обосновать выдвигаемые им положения, обратим внимание лишь на одну группу фактов, обобщенных в данной статье. Речь идет о «знаках Рюриковичей», которые можно и должно связывать с росами — Русью.

Если попытаться решать вопрос о происхождении этих знаков — вопрос, еще далеко не разработанный, то станет вполне очевидным, что прежде чем попасть на «владиморово серебро» или на кирпичи Десятинной церкви, эти знаки имели длительную историю в северном Причерноморье и, что особенно интересно, — не в западной, а именно в восточной его части.

Уже давно было отмечено, что знаки боспорских аспургианов, в частности знак Савромата II, напоминают тамгу Рюриковичей. Промежуток в семь столетий, отделяющий боспорские знаки от знаков Рюриковичей, заполняется многочисленными тамгами той же орнаментальной схемы, происходящими в IV—VI ст. из алано-сарматско-болгарского круга племен, а в VII—IX ст. — из западнохазарских поселений. К VI—VII ст. относятся первые «знаки Рюриковичей» в славянских древностях¹². Это знак на подвеске из кургана в окрестностях Смелы из раскопок Бобринского и такой же знак на такой же бронзовой подвеске, входивший в состав известного мощинскогоклада из бассейна верхней Оки — земли вятичей. В статье С. П. Толстова приведены многочисленные и при этом совершенно бесспорные параллели тамге Рюри-

¹⁰ С. Гедеонов, *Варяги и Русь*, ч. 2, СПб., 1876.

¹¹ С. П. Толстов, *Из предистории Руси*, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 39 и сл., 421.

¹² Б. А. Рыбаков, *Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси*, «Советская археология», VI.

квичей среди знаков, происходящих из Средней Азии — из Хорезма, Согдианы и других областей — и относящихся к различным столетиям первого тысячелетия н. э.¹³

На основании указанных параллелей нельзя, конечно, построить генетический ряд, непосредственно связывающий тамгу Рюриковичей со знаком Савромата II или сармато-аланскими и тем более болгаро-хазарскими или среднеазиатскими тамгами. Нельзя также говорить о каких-то древних династических связях, на что намекает в своей статье С. П. Толстов. В настоящее время речь может идти лишь о том, что до возникновения знака Рюриковичей знаки такой же системы, точно такого же орнаментального мотива бытовали у разных племен на восток от Днепра. На запад же от Днепра, в центре земли антов, они известны не были. Они были распространены в Восточной Европе — там, где текли реки с именами Рос — Русь и где это имя с глубокой древности звучало как наименование племени или целой группы племен.

Таким образом, на основании различных данных, как будто бы устанавливается, что древние росы — это действительно не одно и то же, что анты. Росы локализовались на Днестре и на восток от него, теряясь в том круге племен, вероятно оседлых, земледельческих, которые каким-то образом связываются с сарматским миром. Само имя рос акад. Н. Я. Марр не раз связывал именно с сарматами — рошами, указывая, в частности, что эти сарматоидные роши — росы обитали не только на юге, но и далеко на севере¹⁴.

3.

Каким же образом можно примирить сделанный нами вывод с теми многочисленными фактами из области экономической, социальной и духовной жизни восточного славянства, которые прочно связывают антов с Киевской Русью? Нет ли здесь вопиющего противоречия и не запутывают ли наши соображения и без того далеко не ясный вопрос об антах, росах и Руси киевского периода?

Что это не так, что здесь нет никакого противоречия и что приведенные выше соображения не отдаляют, а наоборот, приближают нас к правильному решению вопроса, свидетельствует та конкретная картина восточнославянской жизни середины и второй половины первого тысячелетия н. э., которая выявляется в настоящее время на основании главным образом археологических данных.

В результате исследований последних лет удалось выяснить, что в VI—VII ст. восточнославянские племена занимали в Восточной Европе обширную территорию, простирающуюся на севере до озера Ильмень и Верхней Волги, а на востоке — вплоть до верховьев Оки и левых притоков Десны. Более того, оказалось, что уже тогда, в антское время, являлась вполне реальной та этно-географическая картина восточного славянства, которую рисуют киевский летописец и его современники.

На прилагаемой карте, подробное обоснование которой в отношении северных племен дано нами в другом месте¹⁵, а в отношении племен Среднего Приднепровья дано Б. А. Рыбаковым¹⁶, намечены ареалы распространения восточнославянских и других восточноевропейских племен середины и второй половины первого тысячелетия н. э., разъяс-

¹³ С. П. Толстов, Указ. соч., стр. 46 и сл.

¹⁴ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. V, 1935, стр. 52 и сл., 97 и сл. и др.

¹⁵ П. Н. Третьяков, Северные восточнославянские племена, Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 6, 1941.

¹⁶ Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 81 и сл.

квечей среди знаков, происходящих из Средней Азии — из Хорезма, Согдианы и других областей — и относящихся к различным столетиям первого тысячелетия н. э.¹³

На основании указанных параллелей нельзя, конечно, построить генетический ряд, непосредственно связывающий тамгу Рюриковичей со знаком Савромата II или сармато-аланскими и тем более болгаро-хазарскими или среднеазиатскими тамгами. Нельзя также говорить о каких-то древних династических связях, на что намекает в своей статье С. П. Толстов. В настоящее время речь может идти лишь о том, что до возникновения знака Рюриковичей знаки такой же системы, точно такого же орнаментального мотива бытовали у разных племен на восток от Днепра. На запад же от Днепра, в центре земли антов, они известны не были. Они были распространены в Восточной Европе — там, где текли реки с именами Рос — Русь и где это имя с глубокой древности звучало как наименование племени или целой группы племен.

Таким образом, на основании различных данных, как будто бы устанавливается, что древние росы — это действительно не одно и то же, что анты. Росы локализовались на Днестре и на восток от него, теряясь в том круге племен, вероятно оседлых, земледельческих, которые каким-то образом связываются с сарматским миром. Само имя рос акад. Н. Я. Марр не раз связывал именно с сарматами — рошами, указывая, в частности, что эти сарматоидные роши — росы обитали не только на юге, но и далеко на севере¹⁴.

3.

Каким же образом можно примирить сделанный нами вывод с теми многочисленными фактами из области экономической, социальной и духовной жизни восточного славянства, которые прочно связывают антов с Киевской Русью? Нет ли здесь вопиющего противоречия и не запутывают ли наши соображения и без того далеко не ясный вопрос об антах, росах и Руси киевского периода?

Что это не так, что здесь нет никакого противоречия и что приведенные выше соображения не отдаляют, а наоборот, приближают нас к правильному решению вопроса, свидетельствует та конкретная картина восточнославянской жизни середины и второй половины первого тысячелетия н. э., которая выявляется в настоящее время на основании главным образом археологических данных.

В результате исследований последних лет удалось выяснить, что в VI—VII ст. восточнославянские племена занимали в Восточной Европе обширную территорию, простирающуюся на севере до озера Ильмень и Верхней Волги, а на востоке — вплоть до верховьев Оки и левых притоков Десны. Более того, оказалось, что уже тогда, в антское время, являлась вполне реальной та этно-географическая картина восточного славянства, которую рисуют киевский летописец и его современники.

На прилагаемой карте, подробное обоснование которой в отношении северных племен дано нами в другом месте¹⁵, а в отношении племен Среднего Приднепровья дано Б. А. Рыбаковым¹⁶, намечены ареалы распространения восточнославянских и других восточноевропейских племен середины и второй половины первого тысячелетия н. э., разъяс-

¹³ С. П. Толстов, Указ. соч., стр. 46 и сл.

¹⁴ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. V, 1935, стр. 52 и сл., 97 и сл. и др.

¹⁵ П. Н. Третьяков, Северные восточнославянские племена, Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 6, 1941.

¹⁶ Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 81 и сл.

няющие многие, до последнего времени темные вопросы славянского прошлого.

В настоящее время стало вполне очевидным, что в середине первого тысячелетия н. э. восточное славянство отнюдь не составляло однородного массива, а распадалось на две обширные группы племен, стоящие на разных ступенях стадияльно-исторического развития, — группу южных, точнее юго-западных племен, и группу племен северных и восточных.

Вопрос о происхождении племен южной группы, обозначенной на карте штриховкой, в настоящее время еще далек от своего разрешения¹⁷. Несомненно лишь, что эти племена или предки их, обитавшие между Днестром и Днепром, издавна соприкасались с римской периферией и в той или иной мере явились участниками «великого переселения народов». С глубокой древности они были знакомы с пашенным земледелием и вели обширную торговлю с причерноморскими городами. Они рано распространились с родовым строем и жили теми территориальными общинами, которые в VII ст. славяне принесли с собой на Балканы и в Малую Азию и которые получили отражение в известном Νεμος γεωργικος — византийском земельном законе VIII ст.¹⁸ Именно такими чертами обрисовываются южные племена на основании известных сейчас, правда, далеко еще недостаточных археологических данных.

Племенной состав южной группы восточного славянства в настоящее время еще неизвестен. Но бесспорно, что в результате дальнейших исследований она распадется на несколько особых частей. Не так давно Б. А. Рыбаковым была сделана попытка наметить территорию одного из южных племен, жившего по обе стороны Днепра в районе Киева в середине и второй половине первого тысячелетия н. э. Б. А. Рыбаков убедительно связывает это племя с летописными полянами¹⁹.

Иную характеристику получают на основании археологических данных восточнославянские племена, обитавшие в лесных областях по Верхнему Днепру, верховьям Оки и Волги и на Десне. Их быт в антское время еще изобилует многими архаическими чертами, уже давно забытыми на юге. Древние формы поселений, напоминающие известное городище III—V ст. Березняки, подсечное земледелие и лесные промыслы, грубая глиняная посуда, патриархальный строй — вот самая общая картина северного восточнославянского быта VI—VII столетий н. э.

Состав северных восточнославянских племен этого времени в результате археологических исследований последних лет более или менее определился, главным образом на основании различных форм погребальных памятников, а также различных типов жилища.

В области озера Ильмень и Валдайской возвышенности от VI—VII и последующих столетий сохранились своеобразные славянские погребальные памятники — так называемые сопки новгородского типа. Они принадлежали несомненно тому северному племени, которое выступает в летописи под именем словен новгородских. Сопки известны главным образом по раскопкам Н. Е. Бранденбурга на Волхове и Л. К. Иванова на берегах Ловати и зарегистрированы в настоящее время в 370 пунктах²⁰.

¹⁷ Высказанное еще В. В. Хвойко предположение, что непосредственными предшественниками летописных племен на территории Украины являются местные племена римского времени, известные по материалам «полей погребений», является очень вероятным. Однако до сих пор прямых доказательств этой преемственности для Среднего Поднепровья не найдено.

¹⁸ Е. Э. Липшиц, Византийское крестьянство и славянская колонизация, «Византийский сборник», 1945.

¹⁹ Б. А. Рыбаков, Указ соч., стр. 95 и сл.

²⁰ Н. Н. Чернягин, Длинные курганы и сопки, Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 6, 1941.

При исследовании сопок — этих огромных курганов округло-конической формы обнаруживаются остатки каких-то сооружений из дерева и камня, внутри которых находятся скопления пережженных костей — следы традиционного славянского обряда сожжения умерших. Число их в сопках достигает 10—12, и, таким образом, можно установить, что сопка — это своеобразная усыпальница целой группы несомненно родственных лиц, удерживающая черты обрядности родового строя.

Южнее области словен новгородских лежали земли другого северного восточнославянского племени — кривичей: «ниже седять на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра». Погребальными памятниками кривичей являлись курганы в виде овальных или круглых валообразных насыпей, содержащие внутри, подобно сопкам, остатки нескольких трупосожжений²¹. По времени длинные курганы одновременны сопкам. Они охватывают период от VI—VII до IX—X ст. Выясняется, что кривичей можно отличить от словен и по характеру домостроительства. У словен была распространена рубленая из бревен изба с печкой-каменкой; у кривичей же такая точно изба нередко обмазывалась по стенам глиной.

На востоке от Днепра, на основании археологических данных, обрисовываются еще две локальные группы славянских племен — вятичская на Оке и северянская (северская) в бассейне Десны. Повидимому, к ним примыкала еще и третья группа — радимичская, изученная в настоящее время лишь по материалам IX—XII ст. Территорию вятичей очерчивают неизвестные словенам и кривичам жилища в виде землянок, со стенами, обложенными деревом, и ряд других особенностей культуры. Своеобразный характер имели у них и погребальные памятники — круглые курганы, внутри которых находилось деревянное сооружение в виде ящика или сруба, куда ставились урны с сожженными человеческими костями. Это и был тот самый «столп», о котором упомянул летописец, рассказывая о языческих обрядах вятичей, радимичей и северян. Наиболее ранние из известных сейчас курганов вятичей относятся к IV—VI ст. н. э.²²

Что же касается северян, или, правильнее, северов, то они известны археологам по материалам так называемых роменских городищ, получивших свое наименование от памятников этого рода, исследованных Н. Е. Макаренко в 1907—1909 гг. в бассейне р. Сулы около г. Ромны. Роменские городища с характерными глинобитными жилищами-землянками и типичной керамикой, покрытой геометрическим узором из отпечатков гребенчатого штампа, располагаются в бассейне Десны, по Сейму и южнее на левых притоках Среднего Днепра.

Не останавливаясь на вопросах этногенеза северных восточнославянских племен, получивших посылное в настоящее время освещение в другом месте²³, укажем лишь, что стадияльно-исторические, а также этнические особенности южных и северных племен полностью исключают мысль о происхождении северных племен в результате распада и расселения южной группы, как думал в свое время А. А. Шахматов. Северный восточнославянский быт с его характерными архаическими чертами не мог сложиться в результате модификации той экономики и того социального строя, которые развивались на юге в условиях периферии римской провинции и «великого переселения народов».

В течение второй половины первого тысячелетия н. э. обрисованная выше картина северного восточнославянского быта подверглась, однако, существенным изменениям. Северные и восточные племена вступили

²¹ Там же, стр. 94 и сл.

²² П. Н. Третьяков, Указ. соч., стр. 47 и сл.

²³ Там же, стр. 11 и сл.

в период относительно быстрого роста в области экономической и социальной жизни, как бы догоняя своих южных собратьев.

Постепенно меняется характер поселений. На смену «патриархальным гнездам» — древним городищам, служившим местом обитания патриархальных общин, появляются открытые селения сельского типа, широко раскинувшиеся по берегам рек. Есть все основания полагать, что древнее подсечное земледелие в этот период сменяется земледелием пашенным. Более заметную роль в жизни северных племен начинают играть ремесло и обмен.

Интересно отметить, что на севере — в земле кривичей и словен новгородских этот процесс начался несколько раньше, чем в среде восточных племен, — в VI—VII ст. У вятичей и северян, особенно в некоторых глухих углах, старые формы жизни сохранялись вплоть до IX—X ст.

В IX—X ст. меняется и форма погребального обряда. Вместо древних коллективных погребальных сооружений, отражающих патриархальный строй, — сопок, длинных курганов или курганов с деревянными камерами, постепенно приходят индивидуальные курганы с сожжением. Среди них, наряду с обычными, появляются богатые «княжеские» курганы, свидетельствующие о том, что в процессе формирования новых форм жизни в среде северных и восточных племен складывалось имущественное и социальное неравенство.

Наряду со всем этим в течение второй половины первого тысячелетия н. э. энергично разворачивался процесс консолидации южной и северной групп восточного славянства, приведшей к IX—XI ст. к установлению того значительного единообразия, которым характеризуется материальная культура всей Руси киевского периода, а также славянского средневековья в целом, о чем недавно писал А. В. Арциховский²⁴.

Процесс консолидации южной и северной групп восточного славянства получает объяснение не только в свете обрисованной выше картины социально-экономического развития северных племен, которые, подобно южным, достигли теперь последних ступеней первобытно-общинного строя, что привело к установлению более тесных связей с южными племенами, но и в свете тех значительных передвижений, которые имели место в эти столетия в среде восточного славянства.

В период балканской войны VI ст. огромные массы славянского населения вторглись на территорию Балканского полуострова. Как известно, в составе этого населения были представители восточнославянских племен, о чем говорят не только одинаковые с восточнославянскими племенные имена балканских славян — северяне, дреговичи, но и данные этнографии. В частности, архаизмы в культуре населения, живущего по Дунаю в области, принадлежащей древним балканским северянам и «семи славянским племенам», обнаруживают разительные черты сходства с культурой восточноевропейских северян — северов, известных по романским городищам.

Это переселение, в которое были втянуты не только ближайшие к Дунаю, но и отдаленные племена, естественно, не могло не отразиться на этногонических судьбах восточного славянства в целом. Передвижения в среде восточного славянства не ограничились, однако, переселением какой-то части населения за Дунай в VI—VII ст. Огромное значение в исторической жизни и этногонических судьбах восточного славянства накануне возникновения древнерусского государства имело движение северных и восточных племен в восточном и южном направлениях,

²⁴ А. В. Арциховский, Культурное единство славян в средние века, «Советская этнография», 1946, № 1.

начавшееся в VII—VIII ст. и особенно энергично протекавшее в VIII—IX ст. На основании археологических данных устанавливается, что в VIII—IX ст. северные славянские племена начали движение вниз по Волге, в землю древней мери. Значительно грандиознее было движение славян в области Днепропетровского левого бережья на юг и юго-восток. В VII—VIII ст., судя по археологическим данным, область славянских поселений на юго-востоке ограничилась бассейном Верхней Оки, бассейном Десны и Сейма. Но в VIII—IX ст. многочисленные славянские поселения появляются на юго-востоке, сначала в бассейне Псла и Ворсклы. Угроза вражеского нападения со стороны степей заставляет пришельцев сооружать свои поселения на неприступных отрогах высоких речных берегов и окружать их глубокими рвами, валами и деревянными оградами. Приблизительно в это же время славяне появились на Верхнем Дону, куда до VIII—IX ст. они, повидимому, никогда не проникли. Следующим шагом славянской колонизации юго-востока явилось проникновение славян в совершенно новую для них область — бассейн Верхнего Донца. Древнейшие слои известного Донецкого городища около Харькова относятся именно к этому времени. Все без исключения славянские городища, известные на юго-востоке, принадлежат к группе роменских, т. е. северянских. В X ст., когда славянское население появилось на Нижнем Дону и Азовском море, оно точно так же принадлежало в северянско-роменской группе.

Причины славянского движения на юго-восток и на юг следует искать, повидимому, прежде всего в жизни самих славянских племен. Забывательные стремления политически и социально окрепших племен и желание овладеть черноземными землями, в связи с повсеместным распространением пашенного земледелия, — вот наиболее вероятные причины этого движения, в результате которого северные области отнюдь не пустыли. Это было не переселение в точном значении этого слова, а расширение территории. Очевидно, что в условиях этих передвижений культурные и этнические грани, отделяющие друг от друга южные и северные племена, все более и более стирались.

4.

Таковы в самых общих чертах те явления восточнославянской жизни, которые устанавливаются на основании археологических данных. Познакомившись с ними, вернемся к интересующему нас вопросу и сделаем попытку спроецировать исторические сведения об антах, росах и Руси киевского периода на обрисованную выше картину.

Анты — это несомненно передовые в социальном и экономическом отношении племена юго-запада. В их среде раньше, чем у других славянских племен восточноевропейской равнины, сложился военно-демократический строй, послуживший основной внутренней предпосылкой того, что на рубеже V и VI ст. эти племена вступили в борьбу с Византийской империей — включились в «великое переселение народов», движение варварских племен, направленное против отмирающего рабовладельческого мира.

Византийские авторы сообщают, что политические объединения антов и склавинов отнюдь не отличались прочностью. Политические границы антовского объединения, вероятно, сильно варьировали. Иногда они ограничивали, возможно, лишь часть территории юго-западных племен, иногда же выходили за пределы племен юго-западной группы, распространяясь на земли дреговичей на севере и северян на востоке. Именно в этом смысле и следует понимать сообщение Прокопия Кесарийского об антах, живущих к северу от Меотиды над утургурами.

Распространять имя антов на северные племена, обитавшие на верхнем Днепре, на Волге или на Оке, нет абсолютно никаких оснований. Ни византийских вещей, ни византийских монет, ничего такого, что указывало бы на участие их в антских походах за Дунай, на территориях северных племен не встречается.

Росы - русы, известные псевдо-Захарию Ритору в середине VI ст. на северо-запад от нижнего Дона, до начала IX ст. оставались в тени. Быть может, они и входили когда-либо в состав антского политического объединения, ядром которого являлись юго-западные племена, но роль их в этом объединении была очень скромной. Лишь в IX ст., когда северные и восточные племена достигли последней ступени в развитии первобытно-общинного строя, вступили в период военной демократии и устремились на юг, причем главным образом в области днепровского левобережья в направлении Донца и Дона, в это именно время росы появились на Черном море.

Оба эти явления — обрисованное выше движение славян на юго-востоке и появление росов на Черном море — нельзя не связать друг с другом. Движение славян на юг и юго-восток не могло не отразиться самым решительным образом на исторической жизни Северного Причерноморья. Трудно допустить, чтобы это движение протекало совершенно стихийно, вне какой-либо политической организации, хотя бы и очень примитивной. Массы переселенцев двигались по путям, которые прокладывались вооруженными дружинами. Последние же в свою очередь как бы получали опору в этих потоках продвигающегося на юг и юго-восток населения и черпали в его среде новые и новые силы.

Таким образом, движение древнерусских племен на юго-восток являлось своего рода последним отголоском «великого переселения народов» — движения варварских племен к пределам древнего Средиземноморья и Причерноморья.

Анты и росы - русы — это как бы две волны выходящего из глубин первобытно-общинного строя и вступающего в политическую историю восточного славянства: первая — анты сравнительно небольшая, охватившая лишь передовую в VI ст. юго-западную часть славянских племен нашей страны, и вторая, более могучая, поглотившая первую, представляющая собой уже всю огромную массу восточного славянства. На гребне этой второй волны оказалось одно из юго-восточных племен — росы-руссы. Высокая культура антских племен, наследников тысячелетней культуры Северного Причерноморья, и военно-политическая сила и активность росов-руссов, объединившись, создали Древнюю Русь.

Нельзя ли, однако, определить точнее, где же именно следует искать росов-руссов? В настоящее время намечаются два возможных решения этой задачи. Какое из них окажется правильным, могут показать лишь дальнейшие изыскания.

Выше было указано, что движение на юго-восток — на Донец, Дон и даже к морю осуществлялось северянскими роменскими племенами. Поэтому вполне естественно искать росов именно в их среде. Но не менее вероятно видеть росов-руссов и в другой, соседней с северянами-роменцами племенной группе, которая обитала по обе стороны Днепра, причем главным образом именно на Левобережье. Б. А. Рыбаков, определивший эту группу, связывает ее с полянами, считая возможным отождествить полян с Русью²⁵. Здесь особенно важно отметить, что эта группа неизменно обнаруживает тесные связи с областями, лежащими на восток и север от Среднего Поднепровья. В III—V ст. ее ареал определяется Б. А. Рыбаковым на основании вещей с эмалью. Кроме

²⁵ Б. А. Рыбаков, Указ. соч., стр. 95 и сл.

Среднего Поднепровья эти вещи в значительном числе известны на Верхнем Днепре, Десне, Оке и Верхней Волге, тогда как на юго-западе — в центрах антской земли они никогда не встречаются. То же самое следует сказать о вещах, характеризующих днепровское племя в VI—VII ст. Кроме основной территории, они известны точно также восточнее и, наоборот, совсем не встречаются на антском юго-западе. Карты, составленные Б. А. Рыбаковым, являются в этом отношении очень показательными.

Накануне возникновения древнерусского государства обе эти группы — северянская и полянская в результате движения северян на юг и юго-восток были особенно тесно связаны друг с другом. В некрополях Киева и Чернигова обнаруживается одновременное бытование двух погребальных обрядов — северянского трупосожжения и полянского захоронения в деревянных камерах²⁶.

Нашим выводам о тесных связях полян с северянами и об отсутствии до IX ст. таких связей между полянами и их западными соседями вполне соответствует та картина Среднего Поднепровья, которую рисует летопись и легенды применительно к IX ст. Речь идет о той борьбе между днепровскими племенами, которая предшествовала возникновению Киевского государства и ознаменовала первые десятилетия его жизни, — о борьбе полян с древлянами, северян с древлянами, о войнах киевских русов с уличами, тиверцами и теми же древлянами и их князем Малом. В свое время все эти данные были суммированы и, по нашему мнению, совершенно правильно освещены В. А. Пархоменко, который, однако, искал росов не там, где нужно, — не на Днепре и на восток от него, а в призрачной причерноморской Артании²⁷.

²⁶ П. Н. Третьяков, Указ. соч., стр. 33—34; Б. А. Рыбаков, Указ. соч., стр. 102.

²⁷ В. А. Пархоменко, У истоков русской государственности, Л., 1924.

В. В. МАВРОДИН

К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ И РУССКОЙ НАЦИИ

I

Изучая замечательное произведение И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», а также более поздние его работы, посвященные национальному вопросу и вошедшие в сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос»¹, мы получаем драгоценный материал не только для решения общих методологических вопросов, но и для конкретного исследования. Одному из таких конкретных вопросов и посвящена настоящая статья. Я имею в виду проблему этнического складывания и развития восточного славянства, в частности — великорусской народности и русской нации. Вопрос этот в нашей литературе не только не разрешен, но даже и не поставлен в сколько-нибудь удовлетворительной форме².

В своей статье я не претендую на разрешение вопроса, ибо, как правильно было указано, только мобилизация сил и историков, и этнографов, и языковедов, и литературоведов может обеспечить правильную разработку проблемы образования великорусской народности³. Я предложу только предварительную схему, рабочую гипотезу, удачную или неудачную — судить не мне.

Как сформировалось восточное славянство, каковы были пути его этногонии, какие этапы оно прошло в своем историческом развитии?

В поисках этнических предшественников славян мы углубляемся в тот период времени, когда на территории Европы ряд неолитических племен, еще не будучи славянами в собственном смысле этого слова, выступая лишь в качестве «протославян», т. е. этнических слагаемых, из которых в дальнейшем, в силу исторических условий, образуется славянство, вступает в связь друг с другом, и, на основе общности хозяйственного уклада и сношений между ними, устанавливается культурная и этническая общность или, во всяком случае, близость.

В формировании современных славянских народов приняло участие множество племен и народов древности. При этом основная линия этногенеза идет от дробности к целостности, от множественности к единству, не к расчленению единого пранарода с определенными, с самого начала сложившимися антропологическими (соматическими) и языковыми устойчивыми и неизменяющимися особенностями, а к объединению слабо связанных между собой этнических образований в великие семьи народов. Понятно, что такое сближение происходит и в отдаленные и в более близкие нам времена, чаще всего между племенами, близкими друг другу по образу жизни, уровню общественного развития,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 290—367.

Его же, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1935, стр. 46—89 и др.

² «Об образовании централизованного русского государства» (К итогам дискуссии), Статья от редакции «Вопросы истории», № 11—12, 1946, стр. 9—10.

³ Там же.

по быту, языку, культуре, что имеют место и обратные процессы, а именно расхождение, расчленение единого на дробное, разъединение, выключение племен, их частей или групп племен из этногонического процесса, их передвижения и переселения, поглощение ими других племен или ассимиляция, все новые и новые дробления, перемещения и скрещения. И каждое современное этническое образование является продуктом чрезвычайно сложного исторического процесса схождения и слияния, дробления и распада, переселений и перерождений, скрещений и трансформаций разнообразных этнических, т. е. языковых, расовых и культурных элементов.

Говоря о языковых параллелях, С. П. Толстов пишет: «Эти параллели, благодаря своему конкретно-материальному характеру, свидетельствуют о несомненных исторических связях между весьма отдаленными народами мира, отнюдь не сводимых к синстадиальности, не объясняющей лексические совпадения», и далее указывает: «Примитивность средств сообщения и экономическая замкнутость отдельных племен и этнических групп компенсировалась длительностью периода первобытной истории...»⁴.

Наличие связей между даже очень отдаленными друг от друга этническими образованиями далекой древности предполагает еще более тесные и регулярные связи между соседящими и близкими друг к другу племенами, что способствовало их слиянию в более крупные этнические массивы. Это, конечно, не исключает того, что «для всего периода доклассового общества действительно характерно то обстоятельство, что люди живут обособленными, более или менее мелкими ячейками», каждая со своим языком, ячейками, отдаленными обширными пространствами незаселенных земель⁵.

Необходимо также указать на то, что процесс этногонии отнюдь не прямолинейный и не ограничивается столбовой дорогой интеграции. А. Д. Удальцов совершенно справедливо отмечает, что «примером упрощенчества является сведение процессов этногенеза исключительно к явлениям объединения, этнической интеграции, к принципиальному отрицанию всякой возможности этнической дифференциации», ибо «... этнический процесс является синтезом этих двух тенденций, при котором движение от множественности к единству является лишь главным, определяющим, ведущим процессом»⁶.

Мы не будем в данной статье выдвигать те или иные, более или менее приемлемые гипотезы о возможных предках славян среди неизвестных по наименованию, но сохранивших нам свою культуру племен Европы или среди племен, имена которых до нас дошли, но осталась неизвестной их культура. Это нами сделано в других работах, и еще успешнее разрешали интересующую нас проблему другие советские исследователи⁷. Мы ищем и находим далеких, гипотетических предков

⁴ С. П. Толстов, Проблема происхождения индоевропейцев, «Краткие сообщения» Ин-та этнографии АН СССР, в. 1, 1946, стр. 4—5. См. также сообщение о работе Г. М. Василевич, Древнейшие языковые связи народов Азии и Европы, Рефераты научно-исслед. работ за 1944 г. Отделения истории и философии АН СССР, стр. 47—48.

⁵ Л. П. Якубинский, Образование народностей и их языков, «Вестник Ленинградского университета», № 1, 1947, стр. 140.

⁶ А. Д. Удальцов, Теоретические основы этногенетических исследований, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», 1, № 6, 1944, стр. 26-1.

⁷ А. Д. Удальцов, Основные вопросы происхождения славян, Сборник «Общее собрание Академии Наук СССР 14—17 октября 1944 г.»; его же, Основные вопросы этногенеза славян, Сб. «Советская этнография», т. VI—VII, М.—Л., 1947; его же, К вопросу о происхождении индоевропейцев, «Краткие сообщения» Ин-та этнографии АН СССР, в. 1; его же, Начальный период восточно-славянского этногенеза, «Исторический журнал», № 11—12, 1943; Н. С. Державин, Происхождение русского народа, 1944; его же, Об этногенезе народов Днепровско-Дунайского бассейна, «Вестник древней истории», т. 1, 1939; его же, Славяне в древности; М. И. Артамо-

славян, которых мы вправе назвать, пока не предложен другой термин, «протославянами» (так, впрочем, называют этнических предшественников славян и другие советские исследователи — М. И. Артамонов, Л. П. Якубинский, А. Д. Удальцов и др.), среди первобытного населения Восточной и Средней Европы не только эпохи бронзы и железа, но также позднего неолита, среди трипольцев, создателей лужицкой культуры, культуры лицевых урн и т. п., среди народов Геродотовой Скифии, хотя все они еще не были славянами, а только тем этническим субстратом, из которого сформировалось славянство. Но если говорить о том, когда эти далекие предшественники славян оформились как славяне (ибо процесс этногенеза следует рассматривать стадийно), то этот этап следует приурочить ко II—I вв. до н. э., к I—II вв. н. э., ко временам распространения культуры «полей погребальных урн», к тем временам, когда в Восточной и Центральной Европе распространяется славянская топонимика, к венедам Тацита, Птолемея и Плиния. В этот период основной линией этногенеза был процесс интеграции различных племен Восточной и Центральной Европы в единый славянский массив, что не исключало дифференциации и расселений. При этом славянские племена того времени, как, впрочем, и ранее, и позднее, включали в свой состав и ассимилировали иноязычные и инокультурные элементы, растворявшиеся в их среде, но все же привносившие в славянские языки и культуру особенности своих языков и культур.

С IV—V вв. начинается и в VI в. протекает уже очень интенсивно процесс дифференциации славянских племен, процесс их расчленения и расселения, связанного с включением славянства, вступившего в стадию «военной демократии», в «великое переселение народов». Ф. Энгельс отмечает, что когда в VI в. поступательное движение приостановилось, то «... речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом»⁸. Но и в этот период идет процесс интеграции, ассимиляции и скрещений. К эпохе «великого переселения народов» относится распад славянства на три ветви: восточную, южную и западную, причем первые две еще долгое время сохраняют следы своей былой близости.

Восточное славянство той поры делится на две группы: юго-западную, известную под названием антов, и северо-восточную, причем лес-

---

нов, Венеды, негры и будины в славянском этногенезе, «Вестник Ленинградского университета», № 2, 1946; его же, Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра, «Вестник Ленинградского университета», № 2, 1947; его же, Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. VI, 1940; П. Н. Третьяков, Некоторые вопросы этнографии восточного славянства, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. V, 1940; его же, Археологические памятники восточно-славянских племен в связи с проблемой этногенеза, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. II, 1939; его же, Северные восточно-славянские племена, сб. «Этногенез восточных славян», т. I; его же, Восточно-славянские племена в свете археологических исследований последних лет, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. XIII, 1946; М. А. Тиханова, Роль Западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья и Поднепровья первых веков н. э., «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. VIII, 1940; его же, Культура западных областей Украины в первые века нашей эры, «Этногенез восточных славян», т. I; Сборник «Этногенез восточных славян», т. I, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6; Т. С. Пассек, К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947; Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», т. I, 1939; его же, Ранняя культура восточных славян, «Исторический журнал», № 11—12, 1943; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства; его же, Древняя Русь, 1946.

⁸ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 344.

ные отсталые племена носят в себе элементы древнего этноsubstrата и близки по быту племенам, из которых в дальнейшем сложатся балтийские и финно-угорские племена⁹.

В IV—V вв. на Левобережье и немного позднее на Правобережье Днепра начинают исчезать «поля погребений», что было обусловлено втягиванием антов в «великое переселение народов» и вторжением кочевников. С VI—VII вв. сюда, на юг, проникают северные лесные славяне со своей архаичной культурой городищ «роменского типа». Потомки антов, ранее проникавших на север, сливаются со своими северными сородичами в единый этнический массив¹⁰.

В VIII—IX вв. на Руси обитают различные племена восточных славян, причем многие из летописных племен являются союзами племен (напр., кривичи), тогда как другие остаются отдельными племенами (радимичи, вятичи), а третьи представляют собой уже не племенные, а территориальные политические объединения (поляне, вольняне). Племенные объединения отходят в область предания. Древнее племенное название — дулебы уступает свое место территориальному — вольняне. Племена летописи — это чаще всего сложные межплеменные образования, поглощавшие и сплавливавшие в единую компактную массу мелкие собственно племена. Даже радимичи и вятичи, повидимому, состояли из таких мелких племен.

Воспоминание об этих мелких племенах сохранил нам Географ Баварский, приводящий названия целого ряда восточно-славянских племен с патронимическими окончаниями. Географ Баварский не был русским и не жил на Руси, как составитель Начальной летописи, но зато он был современником русских племен (IX в.), само название которых было забыто во времена Ярослава Мудрого, когда начала складываться наша летопись. Так, например, Географ Баварский к востоку от гаволян, морачан, сербов, чехов и болгар помещает, кроме указанных выше, следующие племена: «Clopeani», «Sittici», «Stadici», «Nerivani», «Attorozi», «Eptaradici», «Vuillerozi», «Zabrozi», «Znetalici», «Aturezani», «Chozirozi», «Lendizi», «Thafnezí», за которыми идут хазары, русы, угры и другие тюркские и финские племена¹¹. Пусть Географ Баварский, по мнению некоторых исследователей, — источник сомнительный, но человек, так внимательно изучавший славянский мир и его соседей, с целью дать материал, могущий стать чем-то вроде «Стратегикона» для борьбы немцев со славянами, а потому интересовавшийся числом городов у каждого славянского племени, не мог выдумывать, а писал, очевидно, на основе рассказов западнославянских и немецких купцов. Поэтому я придаю большое значение его сообщениям, хотя и не считаю возможным локализовать каждое из упоминаемых им племен и объявить «Zwigeani» «свирынями» с реки Свири, а «Zabrozi» — «запорожцами», как это имело место в исторических исследованиях.

Типичные патронимические окончания наименований славянских племен — «ичи», совпадение некоторых названий с наименованиями русских племен у летописцев — все это заставляет нас внимательно отнестись к такому источнику первостепенной важности, как Географ Баварский, ценному и малоизученному, и воздержаться от его гиперкритики. За последнее время в нашей исторической науке были сделаны

⁹ См. указ. выше работы П. Н. Третьякова и статьи Н. Н. Воронина, П. А. Сухова и Я. В. Станкевича в сборнике «Этногенез восточных славян», «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6.

¹⁰ П. Н. Третьяков, Восточно-славянские племена в свете археологических исследований последних лет «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. XIII; см. также другие указанные выше труды того же автора.

¹¹ Шафарик, Славянские древности, т. II, кн. III, прил. XIX, стр. 70.

удачные попытки обратить внимание на этот забытый источник и извлечь из него все, что он может дать¹².

В VIII—IX вв. в передовых землях Руси племенной строй отмирает, уступая свое место государству. Прежнее этнокультурное и языковое единство восточных славян дополняется единством политической жизни.

Общественное развитие, результатом которого было создание древнерусского государства, вызвало большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы. Укрепление на территории Восточной Европы государственности, находящейся в руках русской варварской феодализирующейся, а позднее уже чисто феодальной верхушки, имело огромное значение в формировании русского народа.

Я полагаю, что правильнее будет употреблять по отношению к этническим образованиям, возникающим в дофеодальный период, в период ломки племенного строя и образования «варварских государств», в эпоху разложения первобытно-общинных и возникновения феодальных отношений, термин «народ», употребляя его не в смысле «народ» — трудящиеся массы, а в качестве этнической категории. Употребляя термин «народ», а не «народность», мы этим самым устраняем путаницу, которая может возникнуть, поскольку термин «народность» будет применяться в дальнейшем по отношению к этническому образованию иной эпохи и иного характера («русский народ» — IX—XII вв., «народности» великорусская, украинская, белорусская — XV—XVI вв.). Поэтому я принимаю по отношению к киевскому периоду истории восточного славянства термин «русский народ», а не «древнерусская народность», как это имело место в моих работах «Образование древнерусского государства» и «Древняя Русь». Это соответствует прежде всего самому народному сознанию, каким оно отразилось в письменности и фольклоре¹³.

Киевское государство объединило восточнославянские племена в единый политический организм, связало их общностью политической и экономической жизни, культуры, религии, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси и русского народа.

Развивающиеся торговые связи между отдельными городами и областями Руси, сношения между русским населением различных земель, установившиеся в результате «нарубания» воев, хозяйничания и управления княжих «мужей», расширения и распространения княжой государственности и доменной администрации, освоения княжой дружиной, боярами и их «отроками» все новых и новых пространств, полюдье, сбор дани, суд, переселения по своей инициативе и волей князя, расселение и колонизация, совместные поездки, походы и т. д. — все это в совокупности быстро разрушало первобытную языковую и культурную племенную и территориальную разобщенность. В племенные и областные диалекты проникают элементы диалекта соседей, в быт населения отдельных земель — черты быта русского и нерусского «людья» других мест и т. д. Речь, обычаи, нравы, быт, порядки, религиозные представления, сохраняя много отличного, в то же время приобретают общие черты, характерные для всей русской земли.

Эти изменения в сторону единства в этнокультурном облике славянского населения Восточной Европы идут прежде всего по линии установления общности языка, так как основой этнического образования является язык. Этногония и глоттогония — различные стороны одного и того же процесса.

Два фактора определяют народ как этническое понятие:

¹² М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, «Ученые Записки» МГУ, вып. 99; Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, Сб. «Советская этнография», т. VI—VII, 1947; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, стр. 99.

¹³ См. рецензию Н. Л. Рубинштейна, «Вопросы истории», № 8—9, 1946, стр. 128; А. Д. Удадьцов, Теоретические основы этногенетических исследований. «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», 1, № 6, 1944.

- 1) общность языка (отнодь не исключаяющая при этом диалекты) и
- 2) сознание единства всех людей, говорящих на данном общем языке.

Еще в племенных диалектах наблюдаются явления, свидетельствующие о развитии их в сторону некоего единства. Еще в древности, на самой заре русской государственности, со времен возвышения Киева, говор полян, «яже зовомая Русь», впитавший в себя элементы языков пришельцев в эту местность славянского и неславянского происхождения, выдвигался в качестве общерусского языка.

В древней Руси, стране городов, «Гардарик» скандинавских саг, в IX—XI вв., в результате развития ремесл и торговли и роста городов, в которых сосредоточивается подвижная господствующая знать: князь, дружинники, купцы и т. д., — происходит процесс интенсивного выделения городского диалекта, носящего общерусский характер и отличающегося от пестрых племенных диалектов, сохраняющихся еще долгое время в деревнях. Язык горожанина, и прежде всего представителя полупатриархальной-полуфеодальной знати, отличается все больше и больше от языка «сельского людя». Знать, выступающая в византийских и восточных источниках под названием «росов» или «русов», говорит одним и тем же языком в Киеве и Новгороде, на Белоозере и в Переяславле, на Оке и в Прикарпатье. В этом языке знати и горожан сглажены племенные диалекты, прослеживаются и заимствования из других языков.

Русская дружинная и купеческая верхушка, впитавшая в себя различные племенные элементы, но имевшая своим центром Киев, вырабатывает особый диалект, более сложный и богатый, нежели сельские диалекты, диалект, в основу которого был положен язык «Руси», т. е. Киева, земли полян.

Так родился общерусский язык, точнее — общий разговорный древнерусский язык¹⁴

Вторым источником формирования последнего был язык народного эпоса (песен, сказаний, былин), необычайно распространенного в древней Руси, язык, характерный отвлеченными понятиями, стандартами и элементами чужеземного эпоса, неизвестными речи деревенского населения, язык «боянов», «соловьев старого времени».

Третьим руслом формирования общерусского языка был язык правовых документов и норм, язык деловой литературы, возникшей еще до «Русской Правды», во времена «закона русского», если не раньше. Он вырос из разговорной речи, но специфика его, особое содержание и употребление главным образом все той же верхушкой сделала его наддиалектным.

Этот язык знал письменность. Ею были те «роушкины письмены», которые видел Константин Философ (Кирилл) в Херсонесе во время своей хазарской миссии и ибн-Фадлан на Волге, те «черты и резы», которыми славяне в древности «чгыяху и гадаху» (Черноризец Храбр) и которые мы можем наблюдать на обломках глиняной посуды и в сочинении ибн-Абн-Якуб-Эль-Недима, те письмена, которыми были записаны «закон русский» и договоры Руси с Византией. Но создан ли в период существования этой письменности древнерусский литературный язык — мы не знаем. Когда на территорию древней Руси проник в качестве языка богослужений и «книжности» древне-церковнославянский язык, язык

¹⁴ Не могу согласиться с мнением Н. Л. Рубинштейна, отрицающего наличие общерусского разговорного языка («Вопросы истории», № 8—9, 1946, стр. 112). Он задает недоуменный вопрос: «Какие имеются данные об общерусском разговорном языке?» Что мы о нем знаем? Спешу удовлетворить его законное любопытство и ссылаюсь на след. работы: А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, стр. 77—78 и др.; Ф. П. Филин, Очерк истории русского языка до XIV столетия, «Ученые записки Педагогического института им. Герцена», т. XXVII, стр. 88—108; В. В. Виноградов, Основные этапы истории русского языка, «Русский язык в школе», № 3, 1940, стр. 4—5.

письменности, появившейся на Руси задолго до принятия христианства и пользовавшейся народной речью, он не мог стать единственным языком древнерусской письменности, так как хотя был и не чуждым, но чужим.

Поэтому уже в XI в. оформился древнерусский литературный язык, в основу которого легли древне-церковнославянская письменность и древнерусский разговорный язык. Питающей средой древнерусского литературного языка являлись диалекты восточных славян и древне-церковнославянский язык, впитавший в себя элементы языков народов Средиземноморья. Этим и объясняется исключительное богатство древнерусского литературного языка, высокий уровень развития его, языка с богатой стилистикой и семантикой.

Итак, налицо первый фактор, определяющий собой единство русского народа — язык.

Остановимся теперь на втором — на сознании единства.

Достаточно беглого взгляда, брошенного на наши источники (а они отражают мысли людей древней Руси), достаточно даже поверхностного знакомства с древнерусскими преданиями (а они отражают идеологию народа), чтобы убедиться в том, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма, любви к родине, само понятие родины, земли Русской, какое большое, всеобъемлющее понятие вкладывали они в слова «Русь», «Русская земля».

Яркими памятниками древнерусского патриотизма, отражающими чувство национального самосознания русского народа, являются и «Повесть временных лет», «Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть» и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, и «Память и похвала» Иакова Мниха, и «Слово о полку Игореве», и другие жемчужины древнерусской литературы. Они проникнуты чувством любви к земле русской, они с гордостью говорят о своем русском народе, о его славных богатырских делах. Сознанием единства русской земли, единства русского народа от «Червенских градов» до Тмутаракани, от Ладоги и до Олешья проникнуты произведения «книжных» людей киевской поры. Это сознание единства является величайшим вкладом киевского периода в историю всех трех братских славянских народов Восточной Европы, имевших одного общего предка — русский народ времен Владимира, Ярослава и Мономаха.

В это же время складывается единство культуры от Перемышля и Берлади, от Малого Галича и Бельза до Мурома и Рязани, Ростова и Владимира, от Ладоги и Пскова, Изборска и Белоозера до Олешья и Тмутаракани; единство, проявляющееся буквально во всем — от архитектуры до эпоса, от украшений и резьбы по дереву до свадебных обрядов, поверий, песен и поговорок; единство, роднящее еще и в наши дни гуцула и лемка Карпат с русским крестьянином Мезени и Онеги, белоруса из-под Гродно с жителем рязанских лесов. И в этом единстве мы также усматриваем великое наследие киевского периода в русской истории. И сознание единства, память о том, что во Львове, Галиче, Берестье, Холме, Перемышле, Прящеве, Хусте, Ужгороде, Киеве, Минске, Полоцке живут те же «русские», что и во Владимире, Твери, Новгороде, Смоленске, Ярославле, Суздале, связанные общим происхождением, близостью культуры и языка, общностью религии, историческими традициями киевских времен, — никогда не исчезало из самосознания великорусского, украинского и белорусского народов, и не могли изгладить его ни страшное Батыево нашествие, ни безмерно тяжкое татарское иго, ни вековое господство литовских и польских панов, венгерских магнатов, молдавских бояр, ни годы лихолетья, ни тяжкие испытания, выпавшие на долю всех трех ветвей великого народа русского. То общее, что объединяет великорусса, украинца и белоруса, есть ре-

зультат незыблемых связей, установившихся между населением различных уголков Руси еще на заре истории русского народа и его государства.

На основе древних связей и традиций, на базе этнической общности восточного славянства, в условиях возникающего древнерусского государства, на основе общности языка, обычаев, быта, законов, религии, идеологии, на основе единства материальной и духовной культуры, единства на международной арене, совместной борьбы за «землю и веру русскую» начинает возникать сознание единства русского народа¹⁵.

Но в XI в. начинается, а в XII в. окончательно устанавливается феодальная раздробленность. Процесс слияния восточного славянства в единый народ приостанавливается, замедляется, затем прерывается. Старые языковые и этнокультурные особенности, унаследованные от племен и земель Руси, не ликвидированные общностью киевских времен, усложняются новыми особенностями, возникающими в период феодальной раздробленности и обусловленными экономической и политической изолированностью русских княжеств того времени. Создаются этнические образования, соответствующие крупным «самостоятельным полугосударствам» (И. В. Сталин) периода феодальной раздробленности, крупным княжествам удельной поры.

Подобно тому как «Русь», единое Русское государство, уступило свое место отдельным «самостоятельным полугосударствам» — княжествам, так и складывающееся единство русского народа киевской поры уступает свое место изолированности местных этнических образований восточных славян — населения отдельных «национальных областей» (В. И. Ленин) удельной поры: псковичей и новгородцев, галичан и полочан, нижегородцев и рязанцев.

Не случайно хорошо известное лингвистам, подчас поразительное совпадение границ диалектов русского языка и границ крупных княжеств периода феодальной раздробленности¹⁶. Псковичи с их особенностями речи (смещение «ч» и «ц», «ш» и «с», «ж» и «з», твердое «р», акание, мена «у» и «в»), «бкающие» новгородцы с их особенностями лексики, «акающие» рязанцы, «бкающие» но не по-новгородски, «володимерцы» и другие этнографические образования периода феодальной раздробленности составляют население «национальных областей» Руси.

Одновременно идет процесс культурного обособления отдельных русских земель-княжеств, — процесс, хорошо известный искусствоведам, археологам, фольклористам.

Так складываются этнические образования удельной поры — рязанцы и псковичи, москвичи и новгородцы, тверичи и нижегородцы, со своими диалектами, особенностями быта, нравов, обычаев, культуры и т. п.

В данной статье я не останавливаюсь на формировании украинской и белорусской народностей, имевших одного общего с великорусской народностью предка — русский народ киевских времен, и ограничиваюсь лишь вопросами складывания великорусской народности и русской нации.

¹⁵ Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 5—67; С. А. Богуславский, Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII вв. «Ученые записки» МГУ», вып. 118, стр. 3—26; А. С. Орлов, Героические темы древней русской литературы, стр. 3—39; Л. А. Динцес, Историческая общность русского и украинского народного искусства, сб. «Советская этнография», V, 1941; С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода; Е. Истрина, Рецензия на указ. книгу С. П. Обнорского, «Вестник Академии Наук СССР», 1946, № 10.

¹⁶ А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I, стр. 110 и далее.

Объединение Руси, явившееся результатом развития производительных сил и обусловленное необходимостью организации обороны страны от нашествия извне, приводит к объединению этнических образований удельной поры, населения «национальных областей» периода феодальной раздробленности, в единую великорусскую (или русскую) народность (или национальность).

В этой статье вряд ли необходимо говорить о тех процессах, которые привели к созданию русского централизованного государства, великорусского государства. Об этом я в свое время писал в обоих изданиях книги «Образование русского национального государства», в статье, помещенной в порядке полемики в журнале «Вопросы истории»; этому же сюжету была посвящена дискуссия, развернувшаяся на страницах нашего основного исторического журнала¹⁷. Может быть, стоит только еще раз подчеркнуть, что эти процессы были прежде всего процессами экономического порядка, результатом развития производительных сил, значительно ускорившегося потребностями обороны страны от нашествия извне. В истории северо-восточной и северо-западной Руси указанные явления имели место в XIV—XVI вв.

Чем же они сопровождались в истории восточнославянского мира?

II

Образование централизованного великорусского государства и формирование великорусской народности сопровождают друг друга и являются различными сторонами одного и того же явления.

Термины «великорусская» народность, «великороссы» («великоруссы») можно заменить терминами «русская народность», «русские», но я сознательно останавливаюсь на термине «великороссы», так как 1) этим самым устраняется возможность смещения русского народа (в этническом значении этого слова) киевских времен и русской народности времен Ивана III, его сына и внука, и 2) термин «великороссы» отнюдь не является «великодержавным». В. И. Ленин одну из своих работ, прямо посвященных интересующей нас проблеме — чувству национального самосознания, так и озаглавил: «О национальной гордости великороссов», и всюду в тексте он употребляет этот термин. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» все время пользуется термином «великороссы».

Каким же путем идет формирование великорусской народности?

Экономическое общение отдельных русских земель, областей и княжеств, политические их связи между собой являются основой образования русской национальности.

Позволю себе сделать одно отступление.

И. В. Сталин терминами «народность» и «национальность» часто пользуется альтернативно. Так, например, в работе «Марксизм и национальный вопрос» он говорит, что «...на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей»¹⁸, а в докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» указывает, что «...так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство»¹⁹. Не может быть

¹⁷ См. «Вопросы истории», 1946 г. ст. А. П. Смирнова, И. Н. Смирнова, С. В. Юшкова, К. В. Базилевич, В. В. Мавродина и ст. от редакции.

¹⁸ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

¹⁹ И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1935, стр. 73.

сомнения в том, что в этих двух своих важнейших работах по национальному вопросу И. В. Сталин пользуется терминами «национальность» и «народность» альтернативно, вкладывая в них определенное понятие — этническое образование, предшествующее нации.

Вернемся к высказанной ранее мысли. Постепенно с конца XIV в., начинают падать экономические и политические перегородки, отделявшие одно княжество от другого. Договорные грамоты между князьями пестрят соглашениями — «гостю» «гостить без рубежа» и «мыта держать прежние». Достаточно привести в качестве примера оформлявшие торговые связи грамоты Москвы с Новгородом (1380), с Рязанью (1381) и Тверью (1369 и 1399). Рязанцы все чаще и чаще торгуют в Москве, новгородцы — в Твери, москвичи — в Пскове.

Вместе с ростом влияния великого княжества, с ростом авторитета великого князя, расширяются политические и военно-союзные связи «русского людя» разных княжеств и земель. Постепенное разрушение экономической разобщенности отдельных частей Руси подготавливает объединение русских земель в единый политический организм.

В. И. Ленин указывает: «Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.) и создание национального государства. Экономическая необходимость его. Политическая надстройка над экономикой»²⁰. Здесь Ленин подчеркивает два момента, определяющие собою сдвиги, происходящие в этническом составе страны в результате «сплочения национальных областей» (т. е. в данном случае в результате объединения русских княжеств в единое русское государство): 1) создание единого языка и 2) национальное пробуждение, т. е. рост национального самосознания.

Язык, по определению В. И. Ленина, есть «важнейшее средство человеческого общения»²¹, это основа этноса, следовательно, создание единого языка является основой формирующейся народности, а позднее и нации. И. В. Сталин, определяя нацию как «устойчивую общность людей», подчеркивает, прежде всего, что одной из характерных черт нации является общность языка²².

Как же возникла общность диалектов северо-восточной и северо-западной Руси, общность говоров основной государственной территории централизованного русского государства, общность, которую мы определяем, как основу создания великорусского языка, языка русской национальности, русского языка?

Опираясь на работы И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Б. М. Ляпунова, Н. М. Каринского, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова и Ф. П. Филина, мы можем прийти к следующим выводам.

Феодальная раздробленность изменила и видоизменила, перегруппировала и сгруппировала восточно-славянские диалекты, диалекты русского языка киевской поры. Эти трансформированные диалекты «национальных областей» — земель и княжеств Руси послужили базой складывающихся позднее великорусского, украинского и белорусского языков.

Мы проходим мимо диалектов, послуживших основой формирования украинского и белорусского языков, так как это не входит в нашу задачу, и останавливаемся только на складывании великорусского языка.

Образование великорусского языка происходило на территории древнего Ростово-Суздальского княжества, в междуречье Волги и Оки; питающей средой его явились севернорусские и восточная часть средне-русских диалектов.

²⁰ В. И. Ленин, Национальный вопрос (тезисы по памяти), «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 62.

²¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 428.

²² И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293—294.

Как убедительно показали в указанных выше работах А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и Ф. П. Филин, образование великорусской народности проходило главным образом в средневеликорусской полосе, переходные диалекты населения которой зашли дальше всего в стираний морфологических, фонетических и лексических границ.

С течением времени стержнем, вокруг которого обвивались различные диалекты великорусского языка, точнее — феодально-областные диалекты (тверской, рязанский, нижегородский, псковский, новгородский), становится диалект Москвы, стоявшей на стыке южновеликорусских и северновеликорусских диалектов. Население Москвы одновременно и *окало* по-северновеликорусски и *акало* по-южновеликорусски.

Археологические раскопки последнего времени доказали, что Москва была расположена на территории вятичей, была вятичским городом; эти раскопки дали возможность принять, развить и дополнить предположение А. А. Шахматова о том, что общественные низы Москвы (древнейшее ее вятичское население. — В. М.) *акали*, тогда как феодальная верхушка, пришедшая из Владимира, Суздаля, Ростова, Переяславля, преимущественно *окала*²³.

И в XIV и даже в XV вв., несмотря на то, что с конца XIV в. Москва возглавляет объединение русских земель, московский диалект является еще только одним из равноправных великорусских диалектов, а не «койнэ». Это вполне понятно, если мы учтем полную или почти полную независимость в ту пору отдельных княжеств и земель в пределах даже такого мощного феодального политического объединения, каким было Великое княжение Владимирское.

Но вот на основе территориальной, т. е. политической, государственной общности, сложившейся в начале XVI в., складывается общность и языковая. Правда, диалектизмы еще очень сильны, они веками сохраняются в деревне, правда, наряду с московским диалектом еще очень распространен диалект новгородский, и только XVII век, этот, по определению В. И. Ленина, «новый период» в истории России, о чем речь будет дальше, сгладит областные диалекты в государственном языке Московской Руси. Но уже в XVI в. московский письменный язык, язык московских «книжных» и приказных людей, отражающий речь народных масс, становится общегосударственным языком, и конкурирующие с ним новгородский и рязанский, наиболее обособленные диалекты, внося свой вклад в великорусский язык, отходят на второй план и с течением времени становятся речью главным образом, или даже почти исключительно, новгородской и рязанской деревни. Московский диалект впитывает в себя феодально-областные диалекты, речь населения «национальных областей», что значительно обогащает его синонимику. Регламентированный и консервативный, заключающий в себе меньше элементов живой речи народа, чем, например, новгородский, московский диалект сохраняет и развивает архаизмы, — признак торжественности, которая только и подобает «Третьему Риму» — Москве.

Со времен Ивана Грозного московский диалект подвергается сильному влиянию южновеликорусской речи. Объяснение этого явления мы находим в реформах Ивана Васильевича. «Перебирая» и «передирая людишек», переселяя их своими указами, перераспределяя землю «служилым людям государевым», Иван Грозный искоренял гнезда «бояр-княжат», разгонял их и переселял вместе с «чада и домочадцы», со всякого рода челядью, и так как гнезда эти лежали сплошным массивом

²³ А. В. Арциховский, Курганы вятичей; М. Н. Тихомиров, Начало Москвы, «Преподавание истории в школе», № 2, 1946 г., стр. 22; его же, Начало возвышения Москвы, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», т. I, № 3, стр. 101—102; А. А. Шахматов, Указ. соч., стр. 113, 120—121; В. В. Виноградов, Указ. соч., стр. 11.

на о́кающем севере и северо-востоке, а новым хозяином этих земель становился опричник, зачастую вышедший из служилой мелкоты какой-либо южной или юго-западной «украины» Московского государства, то вполне естественно, что сюда, на север, стала проникать и его о́кающая речь, его вокализмы.

В XVII в. московский приказный язык, язык деловой литературы и «книжности» вместе с разговорной живой речью образованных слоев общества, сплетаясь и сливаясь с ней, сближается с так называемым «славяно-русским» литературным языком, дальнейшие судьбы которого уведут его в разряд профессионально-церковного языка.

Живая речь, речь народа, все больше и больше входит в официальный язык, язык письменности. Объяснялось это чувством национальной гордости, столь свойственным русским «книжным» людям, которое побуждало их не сторониться народной речи, а впитывать ее в свой язык.

Вместе с живой народной речью, речью трудящихся масс, всех этих «молодших», «меньших», «мизинных» людей, с речью посада и всяких служилых людей «по прибору» да служилой мелкоты, хотя и отбывавшей «службу государеву по отечеству», но мало чем отличавшейся по «достатку» от стрельцов и пушкарей, в письменный язык Москвы вошли областные диалектизмы всяких «земель» и «украин».

Так выработывался новый письменный язык, все больше приближающийся к живой разговорной речи средних слоев общества, т. е. тех же служилых, приказных и посадских людей. И эта речь в отдельных случаях становилась одной из форм приказного языка.

Так создавались разные стили языка русской письменности, разные социальные и жанровые диалекты русского национального письменного языка, представлявшие собой видоизмененный московский приказный язык. В XVII в. русский национальный письменный язык вытесняет письменные областные диалекты²⁴.

Из сказанного вытекает, что поскольку речь идет о великорусском языке, а язык — основа народности, то этот последний складывается в конце XV—XVI вв. на базе сращения и слияния русских диалектов периода феодальной раздробленности, языков «национальных областей», причем, так как объединение земель северо-востока и северо-запада Руси, т. е. великорусских земель, возглавила Москва, ставшая «стольным градом» русского централизованного государства, то и в основу великорусского письменного языка, все более и более подчиняющего себе разговорные великорусские диалекты и в то же время впитывающего их в себя, была положена московская речь, московский язык деловой литературы.

В XVII в. завершается процесс превращения московского приказного языка, обогащенного живой речью, в общевеликорусский или, что может считаться альтернативой, общерусский язык.

Итак, налицо «общность языка, как одна из характерных черт нации»²⁵.

Вторая отличительная черта нации — общность территории.

Вряд ли необходимо доказывать, что в конце XV и начале XVI в. при Иване III и Василии III объединение Руси заканчивается²⁶. «Собирание» Руси завершается образованием великорусского государства, быстро идущего по пути централизации, по пути консолидации самодержавного строя. «...в России покорение удельных князей... оконча-

²⁴ Все эти соображения высказываю, исходя из основных положений указанных выше работ А. А. Шахматова, В. В. Виноградова и Ф. П. Филина.

²⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

²⁶ М. К. Любавский, Образование основной государственной территории великорусской народности.

тельно было закреплено Иваном III», — писал Ф. Энгельс²⁷. Общность территории великорусской народности была закреплена успешной объединительной политикой Ивана III и его сына.

К началу объединения русских земель Москвой, точнее ко второй половине XIV в., относится заря национального пробуждения. Искра национального самосознания была только прикрыта иеплом княжеских усобиц, удельных порядков и татарского ига. И она возгорелась. Раздула ее в полымя Куликовская битва. Гроном прокатился по земле русской звон мечей на поле Куликовом. Первая попытка всенародной борьбы, попытка с оружием в руках сбросить ненавистное татарское иго, сыграла большую роль в развитии национального самосознания²⁸. Воспрянул духом русский народ, пробудилось патриотическое чувство. Москва выступила в роли избавительницы Руси от нашествия Мамаю, ее авторитет и популярность в народных массах еще более укрепились и выросли.

Эти симпатии народных масс и заставили новгородскую боярскую знать, враждебную Москве, пойти на уступки новгородским «меньшим», «мизинным людям», «худым мужикам вечникам», восхвалявшим Москву и ее князя за то, что «боронят» его ратные люди «всю землю русскую» «от врага», и вставить в Новгородскую IV летопись пространый рассказ о Куликовской битве, составленный в тоне, благожелательном для Москвы; эти симпатии народных масс заставили Софрония спустя два года после нашествия Мамаю написать в Рязани, князь которой сыграл свою печальную роль в годину Куликовской битвы и «отступил» от Руси, знаменитую «Задонщину», составленную в духе прославления Москвы, грудью вставшей на защиту всей земли русской²⁹.

Куликовская битва дала толчок подъему самосознания русских людей и явилась величайшим фактором идеологической подготовки образования великорусской народности и ее государства. Я особо выделяю идеологическую подготовку, так как образование великорусского государства и складывание великорусской народности диктовались процессами экономического, политического и идеологического порядка.

Национальное пробуждение, последовавшее за Куликовской битвой, стимулировало развитие русской культуры. Это последнее идет в ту пору по линии установления общерусских норм и форм, стремления к «живству», отказа от мрачной подавленности предшествующих времен. И наиболее яркое отражение эта тенденция к реализму, к «живству», если речь идет об изобразительном искусстве, нашла в творчестве Андрея Рублева. Естественный ландшафт, натуральные человеческие фигуры и лица, перспектива, светотень, отход от условного, мрачного, появление в живописи повествовательных и психологических моментов, яркость и разнообразие красок — все эти явления, отразившиеся и в творчестве Андрея Рублева, и в новгородской фресковой живописи второй половины XIV в. (Волотов, Ковалев, Федор Стратилат), свидетельствуют о больших переменах в мировоззрении русских людей³⁰.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 450.

²⁸ Термин «национальное самосознание» я применяю в смысле сознания единства людей, принадлежащих к данной складывающейся национальности (народности), единства ее интересов, психического склада и т. п.

²⁹ ПСРЛ, т. IV, вып. 2, стр. 313—332; Н. К. Гудзий, Хрестоматия древней русской литературы, стр. 128—126; Д. Альшиц, Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа, «Ученые записки» Ленинградского университета, № 36, Серия историческая, вып. 3.

³⁰ Д. С. Лихачев, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, стр. 17. Не могу согласиться с оценкой, данной М. Н. Тихомировым этой работе Д. С. Лихачева, которого он упрекает в «ограниченном национальном самодовольстве» (см. рецензию М. Н. Тихомирова, опубликованную в журнале «Вопросы истории», № 4, 1947).

Национальное пробуждение времен Дмитрия Донского связано с развитием интереса к прошлому, к истории Руси. Этим объясняется целый ряд реставраций древних архитектурных памятников (Успенский собор во Владимире, собор в Переяславле-Залесском)³¹.

Для русской литературы начала XV в., времени так называемого «второго славянского влияния», характерны лиризм и субъективизм, многословие, «словес плетение», психологизм, попытки показать природу, свойственные гуманизму³². Все большее и большее распространение получает музыка, щедро вводимая в церковное богослужение и в быт.

В области летописания очень характерно стремление московских князей и «книжных» людей создать общерусский летописный свод. Областные летописи, летописи князей и княжеств, городов и земель перерабатываются, переоформляются и используются для составления летописи «всей Руси». Эта идеологическая работа московских летописцев «опережала реальный политический рост Москвы»³³. По выражению А. А. Шахматова, характер московского летописания «свидетельствует об общерусских интересах, о единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникли в политических мечтах московских правителей»³⁴.

Первым летописным сводом «всей Руси» был так называемый «Летописец великий русский», составленный в конце XIV в. (по А. А. Шахматову, в 1396 г., по М. Д. Приселкову, в 1389 г.). Но в нем идея общерусского единства еще только намечается. По-настоящему она отразилась в московском летописном своде Киприана 1408 г., в так называемой «Троицкой летописи». Свод Фотия в этом отношении еще ярче, и пронизывающая его идея единства переплетается с отчетливо выступающими демократическими тенденциями, что находит отражение в подчеркивании роли народа, московские посадских людей в обороне своего города («Повесть о нашествии Тохтамыша») ³⁵.

К середине XV в. складывается русский былинный эпос Киевского цикла с его идеей единства и независимости Руси. Былины, возникавшие в разных местах на основе местного исторического припоминания, сохранявшие лишь туманные воспоминания о древнем единстве киевских времен, вместе с ростом сознания общерусского единства теряют локальные черты и поднимаются до идеи «одиначества» земли, власти и народа, становятся достоянием всего русского народа. «Это объясняется в первую очередь тем, что развитие эпоса самым тесным образом связано с историческими воззрениями народа»³⁶. Глубоко прав был Максим Горький, когда писал, что «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории».

Идея единства Руси и русского народа, никогда в нем не умиравшая, хотя и отодвинутая на второй план идеологией «безвременья» удельной поры и сепаратизма княжой «которы» и татарского лихолетья, теперь возрождается на новой основе, в иных экономических и политических условиях, в обстановке иных социальных взаимосвязей, в иные време-

³¹ Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 75.

³² Д. С. Лихачев, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, стр. 18 и далее; его же, Национальное самосознание древней Руси, стр. 68 и др.;

³³ Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 71.

³⁴ А. А. Шахматов, Общерусские летописные своды XIV—XV вв., ЖМНП, 1900, сентябрь, стр. 91.

³⁵ Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 70—74; его же, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, стр. 57—71; его же, Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 173—330; М. Д. Приселков, История русского летописания XI—XV вв., стр. 113—115, А. А. Шахматов, Обзорные русских летописных сводов XIV—XV вв.

³⁶ Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 80.

на, возрождается с новой силой. Носительницей ее становится Москва. И если ранее Тверь и Новгород противопоставляли этой идее свои сепаратистские теории, то с течением времени они сами воспринимают ее и выступают не в роли идейных антиподов стремящейся к единству Москвы, а лишь в качестве ее соперников и конкурентов, вооруженных ее же мечом, принявших ее идеологическое оружие³⁷.

Но и в Новгороде, и в Твери растет число приверженцев наиболее последовательной сторонницы единства Руси — Москвы. Это были главным образом мелкие феодалы и посадский люд. Выражением этих настроений основных масс населения Новгорода была и деятельность Упадыша, заклепавшего новгородские пушки, готовые открыть огонь по московскому войску, и идее «Жития Михаила Клопского».

В «Слове» инока Фомы, адресованном тверскому князю Борису Александровичу, мы найдем и идею единства Руси и «одиначества» власти, и идею самодержавия, впервые названного «царской властью». Идеи «Слова» — несомненно, передовые, прогрессивные, но вопрос о том, кто возглавит Русскую землю — Москва или Тверь, был уже решен в пользу Москвы, и в данной конкретной обстановке прогрессивные идеи опоздавшей Твери были лишь помехой на пути победного шествия Москвы, а в скором времени их вековечный спор был решен оружием в пользу Москвы.

Идея национального, русского единства была столь сильна в Москве и так прочно завоевала литературу того времени, так овладела умами образованных русских людей и государственных деятелей Руси, что ее не вытеснили ни теория «Третьего Рима» с ее «блестящим маревом всемирной власти» и «вселенского царства», ни идея Москвы — наследницы Византии, оплота «истинного христианства», столь распространенная в стране со времен брака Ивана III с Софьей Палеолог. Государи Московские были, прежде всего, государями «всей Руси», а не восточнохристианскими монархами призрачного царства; они были «изначала государи на своей земле», и, по выражению Максима Грека, «искали своих», а не добивались престола порфирородных³⁸. Не случайно Иван Грозный говорил Поссевино: «Мы верим не в греков, а в Христа». Отсюда, из этого чувства превосходства своего национального, русского, вытекало то различие византийских и русских придворных обычаев, церковных обрядов, те особенности взаимоотношений царя и митрополита, а позднее патриарха, которые недавно вновь напомнил в своей книге Д. С. Лихачев³⁹. И изменения в титуле «государя всей Руси», пышность придворного церемониала, гордый и независимый тон русских дипломатических актов времен Ивана III связаны отнюдь не только с женитьбой его на Софье Палеолог, а прежде всего с освобождением от татарского ига, с установлением формальной независимости Руси.

Идея объединения и независимости Руси, идея единства русского народа проявляется во всех сторонах духовной культуры и накладывает на нее неизгладимый отпечаток. Хотя в быту и обычаях, порядках и нравах русских людей разных концов «Матушки Свято-Русь-Земли» остается еще много местного, специфического, но все быстрее и быстрее идет процесс нивелировки. В быт и нравы русских людей разных мест проникают черты быта и нравов ближних и дальних соседей. По всей Русской земле распространяются одинаковые поверья и обычаи,

³⁷ Там же, стр. 83—94; см. Я. С. Лурье, Роль Твери в создании национального государства, «Ученые записки» Ленинградского университета, № 36, Серия историческая, вып. 3.

³⁸ Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 98—101; В. В. Мавродин, Образование русского национального государства, 1941, стр. 158, 163, 168—171.

³⁹ Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 100—101.

однообразный эпос и т. п. Правда, проследить этот процесс нелегко, и упомянутые явления еще ждут своего исследователя⁴⁰.

Идея единства Русской земли и русского народа отражается и в памятниках материальной культуры. В XV в. происходит объединение различных русских архитектурных направлений и школ, местных архитектурных традиций (псковской, тверской, новгородской) в единое русское зодчество, призванное отныне возводить величественные здания в столице «всей Руси» — Москве. И специфические местные особенности зодчества постепенно уступают свое место общерусским архитектурным нормам, сложившимся с учетом локальных архитектурных стилей. То же можно сказать в отношении изобразительного искусства, художественного ремесла и т. п. Их развитие идет по линии распространения и усиления народных мотивов, по линии объединения и нивелировки, несмотря на сохранение местных особенностей.

Я остановился лишь на некоторых важнейших сторонах развития русской материальной и духовной культуры, на развитии идеи единства, росте национального сознания и самосознания, на некоторых сторонах «национального пробуждения», которое определяет складывание народности. Но и приведенного достаточно, чтобы прийти к выводу, что в конце XV и в XVI в. на Руси устанавливается «общность... психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁴¹.

Вряд ли после всего сказанного стоит доказывать, что в конце XV и в XVI в. на основе общности языка, общности территории, а следовательно, общности политической, государственной, на основе общности психического склада, сказывающейся в общности культуры, складывается великорусская народность, или, что является синонимом, — русская национальность.

Но почему мы не можем говорить по отношению к этому периоду времени о русской нации? Кажется бы, что если налицо ряд признаков, определяющих нацию: общность языка, территории и психического склада, проявляющаяся в общности культуры, то можно говорить о формировании русской нации.

Но, как подчеркивает товарищ Сталин, «ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации»; больше того, «только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию», «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»⁴².

III

Какой же признак, определяющий собой нацию, отсутствовал на Руси в XV — XVI вв.? «Общность экономической жизни, экономическая связность»⁴³.

Еще в XVI в. сохранялись удельные традиции, пережитки феодальной раздробленности, и хотя постепенно ликвидировалась былая экономическая изолированность отдельных русских земель, присущая удельной поре, но попрежнему хозяйство страны определяла недостаточная экономическая связность областей и земель Руси, носивших на себе следы своей былой политической независимости и представлявших собой ранее чаще всего «самостоятельные полугосударства». В. И. Ленин говорит об этом времени: «... государство распадалось на отдельные

⁴⁰ Д. С. Лихачев, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, стр. 130—140 (нужно сказать, что из всех глав указанной книги Д. С. Лихачева эта глава наименее удачная); Ю. М. Соколов, Русский фольклор.

⁴¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.

⁴² Там же, стр. 297.

⁴³ Там же, стр. 295.

земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»⁴⁴. И только опричнина Грозного положила конец политическим рудиментам удельной системы и ускорила ликвидацию экономической раздробленности Руси. Все быстрее и быстрее преодолевается хозяйственная замкнутость отдельных областей страны.

Ликвидация политических традиций удельной поры, связанная с деятельностью Ивана Грозного, ликвидация последних уделов (Углицкого, Старицкого) и фактически независимых «отчин» бояр-княжат, способствовала ликвидации экономической раздробленности страны, а преодоление хозяйственной изолированности отдельных областей Руси в результате установления торговых связей подготавливало и ускоряло создание централизованного государства с самодержавной властью во главе, причем в России того времени, как и в других странах Европы «... монархия выступает в качестве цивилизующего центра, в качестве основоположника национального единства»⁴⁵. С. В. Бахрушин убедительно показал этот процесс в своей статье «Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI в.», в которой каждый интересующийся этим вопросом найдет достаточное количество материалов и весьма обоснованные выводы⁴⁶.

Настал XVII век. И начался он для русского народа «смутой», «великим московским разорением».

Интервенция и сопутствующее ей «всеконечное разорение», угроза ликвидации национальной независимости Руси вызвали невиданный подъем патриотических чувств. Во «Временниках», в «Повестях» и «Сказаниях» о «Смутном времени» резко порицаются «разность» и «несогласия» среди русских людей, «нестроение» на Руси, приведшее к «погибели». Литературные памятники той поры говорят о всенародном, «земском деле», о праве народа и земли, о «всей земле». Они проникнуты сознанием силы народных масс, сознанием значения народа и его интересов в государственной жизни страны⁴⁷. Нет нужды говорить о так называемой «переписке городов», об ополчении Ляпунова, о бесчисленных выступлениях против интервентов, «шишах», о народном ополчении Минина и Пожарского.

Очень силен был толчок, данный развитию национального самосознания русского народа борьбой с польско-шведской интервенцией.

В этой борьбе с бесчисленными «ворогами» проявились и оформились особенности психического склада русского народа — стойкость, мужество, любовь к родине, выдержка, мудрость, дух единства.

В XVII в. происходят изменения в самом русском языке. Отмечается местное, специфическое и, наоборот, концентрируются общерусские национальные элементы. Московский язык деловой литературы, все больше и больше отделяясь от славяно-русского языка, выступает в качестве общенационального. На основе синтеза живой народной речи с ее диалектами, областными и социальными, устного народного творчества, т. е. языка фольклора, государственного письменного языка, т. е. языка деловой литературы, складывается русский язык⁴⁸.

В XVII в. имел место еще один процесс, способствовавший консолидации великороссов и их оформлению, их складыванию в этническое образование более высокой ступени. В. И. Ленин указывает, что «...новый период русской истории (примерно с XVII в.) характеризуется дей-

⁴⁴ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 73.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721.

⁴⁶ «Ученые записки» Московского университета, История СССР, вып. 87.

⁴⁷ Д. С. Лихачев, Национальное самосознание древней Руси, стр. 112—119.

⁴⁸ В. В. Виноградов, Уж. соч., «Русский язык в школе», № 4, 1940.

ствительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»⁴⁹.

Итак, в XVII в. создаются национальные связи и эти связи были прежде всего связями экономическими, торговыми.

Установление национальных связей есть не что иное, как ликвидация «экономической раздробленности», установление «экономической связности» (И. В. Сталин), создание всероссийского рынка, если речь идет об экономике, о народном хозяйстве страны. На базе развития торговых буржуазных связей складывается всероссийский рынок и создаются национальные связи — основа формирующейся нации. Начинается длительный процесс переоформления великорусской народности в русскую нацию, процесс, являющийся следствием установления «экономической общности» как одного из признаков, определяющих нацию, при этом признака весьма существенного⁵⁰. И это вполне понятно, ибо «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму», указывает В. И. Ленин⁵¹.

Как же складывается русская нация?

«Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма»⁵². В России период «поднимающегося капитализма» начинается с середины XVIII столетия.

Два явления в экономическом развитии России этого времени не могут не привлечь к себе внимания: 1) отмена императрицей Елизаветой внутренних таможенных сборов и 2) возникновение капиталистической мануфактуры.

Отмена внутренних таможенных сборов свидетельствовала о давно завершившемся экономическом объединении России; внутренние таможенные сборы к середине XVIII в. были уже архаизмом. 20 декабря 1753 г. по предложению Петра Шувалова Елизавета повелевает «все таможи, имеющиеся внутри государства, кроме торговых и пограничных, уничтожить...»⁵³.

Торгово-хозяйственное слияние Украины и России, хозяйственное освоение Сибири на началах тесной экономической связи с Россией, прокладка тракта через всю Сибирь (Охотский тракт), развитие и перестройка ярмарок, торги и кредит, торговое законодательство и судопроизводство, коммерческое образование и купеческий банк («Банк для поправления при Санктпетербургском порте коммерции и купечества», учрежденный в 1754 г., возникший в 1757 г. «Медный банк»), купеческие фирмы и векселя — все это говорит об объединении местных рынков в один всероссийский рынок и об успешном и быстром развитии последнего⁵⁴. Корни этого явления уходят в XVII, даже в XVI в. так же точно, как истоки капиталистической мануфактуры в России — крестьянские кустарные промыслы XVI—XVII вв.⁵⁵.

⁴⁹ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 73.

⁵⁰ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 295.

⁵¹ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 371.

⁵² И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.

⁵³ И. М. Кулишер, История русской торговли, стр. 235.

⁵⁴ Там же, стр. 244—247.

⁵⁵ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 298—352.

В своей работе «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в.» Н. Л. Рубинштейн убедительно показал, как в недрах крепостной системы из бесправных крепостных крестьян-кустарей вырастают капиталисты-предприниматели, эксплуатирующие в своей «светелке» крестьян-оброчников, нанимающихся к ним для того, чтобы уплатить барину оброк и кое-как прожить. Таковы все эти крепостные крестьяне-фабриканты середины XVIII в. — Алексеевы, Грачевы, Бурылины, Бутрымовы и др. Тогда же возникает купеческая капиталистическая мануфактура, основанная на наемном труде (Зимины, Баташевы, Мосоловы, Турчаниновы, Сериковы и др.)⁵⁶.

Нет никакого сомнения в том, что середину XVIII в. мы можем назвать зарей капитализма в России. Установление общности экономической жизни, развитие на этой основе национальных связей, развитие общественных связей не может не отразиться на языке. Продолжается создание, укрепление и внедрение единых норм русского языка. Вопрос о его нормализации поставил Третьяковский, но серьезно принялся за разрешение этого вопроса только Ломоносов. Засоренный Петром иностранными словами и им же, правда, не очень успешно очищаемый от «чужеземных словес», русский язык продолжает очищаться Ломоносовым, призывавшим к «рассудительному употреблению чисто российского языка». Это было и следствием и условием «полной победы товарного производства», так как для последней «необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»⁵⁷. Это сплочение началось давно, еще в XV в., но экономически завершилось оно лишь в XVII—XVIII вв., вызвав соответствующую эволюцию русского языка.

По пути Ломоносова пошел Сумароков, изгонявший из русского литературного языка диалектизмы, «подъяческую речь», галлсманню. Постепенно исчезает деление русской речи на языки «виршей» и од, приказных грамот и разговора. Единый русский язык утверждается в поэзии и науке.

Итак, в середине XVIII в. окончательно складывается «общность экономической жизни, экономическая связность» (И. В. Сталин), т. е. тот признак нации, который отсутствовал в те времена, когда уже существовали другие, когда формировалась великорусская народность, тот признак, отсутствие которого определяло великороссов предшествующего периода не как нацию, а как народность.

Теперь все признаки нации налицо.

Все сказанное дает мне право полагать, что в середине XVIII в., на заре капитализма в России, складывается русская нация — «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁵⁸.

⁵⁶ Н. Л. Рубинштейн, Указ. соч., «Ученые записки» Московского университета, вып. 87, История СССР.

⁵⁷ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 428.

⁵⁸ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.

В. Н. БЕЛИЦЕР

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ УДМУРТОВ

(По материалам женской одежды)

I

Письменные источники об удмуртах восходят к концу XV в. О более раннем периоде удмуртской истории мы не имеем письменных свидетельств, и только легенды, предания и археологические памятники позволяют восстановить культуру местного края и его обитателей в более отдаленную эпоху.

По вопросу о происхождении удмуртов и их древнейшей территории расселения в литературе существуют различные точки зрения. Многие исследователи в этом вопросе придерживались взгляда М. А. Кастрена, считавшего, что древнейшая родина финно-угорских племен находилась в Азии поблизости от Саянского хребта и Алтая. Д. Островский, писавший об удмуртах в 80-х годах прошлого столетия, считал их родиной местность, лежащую между реками Ладогой и Нарвой, так называемую Волскую пятину новгородцев, основывая свое предположение на сходстве названий *воть* и *воды*¹. Историк А. Вештомов помещал родину удмуртов в б. Орловской губернии, в районах расселения племени вятичей, базируясь на созвучии терминов: вятичи, вотяки и р. Вятка². В. Бехтерев также придерживался взгляда, высказанного большинством исследователей прошлого столетия (Кастрен, Кеппен и др.), согласно которому финские народы жили когда-то гораздо южнее и занимали пределы нынешней средней России, но были оттеснены на север новыми пришельцами в эти земли³.

Можно назвать еще целый ряд исследователей, которые выдвигали ничем не обоснованные теории о древнейшей прародине финнов, в частности, удмуртов, и ошибочность взглядов которых в настоящее время вполне доказана.

Более правильной точки зрения придерживался И. Н. Смирнов, профессор Казанского университета, занимавшийся в прошлом столетии вопросами истории и этнографии народов Поволжья. В своей работе «Вотяки» И. Н. Смирнов, оставляя открытым вопрос о первоначальной родине удмуртов, высказывался за частичное, сравнительно небольшое передвижение их из более западных районов на восток. Занимая когда-то вместе с зырянами и пермяками, а также и остатками югры запад быв. Вятской губ. и смежные с ней территории быв. Вологодской и Костромской губ., удмурты постепенно передвинулись на юго-восток, теснимые черемисами и русскими. Более южная группа, теснимая черемисами, двинулась вверх по р. Килмезь и заняла побережья р. Валы, бо-

¹ Д. Островский, «Вотяки Казанской губ. Труды О-ва естествоиспытателей при Казанском университете, IV, Казань, 1874, стр. 6.

² Казанский вестник, ч. XII, кн. 12, 1824, стр. 323.

³ В. Бехтерев, Вотяки, их история и современное состояние, «Вестник Европы», 1880, № 8, стр. 622.

лее северная группа удмуртов, под напором русской колонизации, двигаясь по Чепце, расселилась в пределах быв. Глазовского уезда Вятской губ.⁴

Аналогичного взгляда придерживался и А. Спицын. Привлекая данные топонимики, археологии и местные предания, он считал, что удмурты заняли Вятский край в глубокой древности и до сих пор не вышли за его пределы. «Глазовские вотяки пришли на Чепцу с р. Вятки и, конечно, из ближайших мест»⁵.

Значительно полнее удается проследить древнейшую историю Прикамья и процесс формирования удмуртского народа по археологическим памятникам. Большие археологические работы, производившиеся в XIX и XX вв. на территории Прикамья и современной Удмуртской АССР такими крупными исследователями, как Н. Г. Первухин, А. А. Спицын, А. В. Шмидт, А. П. Смирнов, дали ценный материал, позволяющий установить смену культур и доказать преемственность, существующую между древними культурами края: ананьинской (эпоха раннего железа, VII—II вв. до нашей эры) и пьяноборской (с III в. до нашей эры по V в. нашей эры) с культурой чепецких городищ (X—XII—XIV вв. н. э.), обитателей которых можно считать предками современных удмуртов. В настоящее время археологические материалы с полной очевидностью позволяют видеть в удмуртах аборигенов местного края, которые в XII—XIV вв. занимали примерно ту же территорию, где они размещаются и теперь.

Рассматривая отдельные элементы удмуртской культуры более раннего периода, с V по X в., А. П. Смирнов отмечает прямую связь ее с более ранними культурами Прикамья. Эта связь прослеживается в приготовлении посуды, в одежде и в искусстве, что свидетельствует, по его мнению, о том, что население этой территории обитало здесь с очень раннего времени и в период с V по X в. никаких коренных изменений в его племенном составе не происходило. С другой стороны, археологический материал более поздних могильников XV—XVII вв. позволяет установить целый ряд точек соприкосновения с могильниками X в. в обряде захоронения, в ориентировке могил и погребальном инвентаре, что также указывает на прямую связь этих двух периодов. «Эти соображения, при наличии единой территории и хронологической последовательности,— пишет А. П. Смирнов,— заставляют сделать вывод, что удмурты сформировались на территории Чепцы — Вятки из общего конгломерата родовых групп, известных под именем пьяноборской и ананьинской культур, и еще более древних культур»⁶.

В памятниках ананьинской и пьяноборской культур заметно влияние юга — Причерноморья, продолжавшееся, повидимому, и в более позднее время, в IV—V вв. нашей эры. «Целый ряд вещей: бусы, пряжки, фибулы, римский ковш александрийской работы,— пишет Смирнов⁷,— позволяют установить связь с Боспорским царством, осуществлявшуюся через Сармат. Через Сармат с Прикамьем установила связь и Средняя Азия». С другой стороны, племена Прикамья во времена ананьинской и пьяноборской культур были связаны с восточным Приуральем и срубно-хвалынской культурой среднего и нижнего Поволжья⁸. Эти связи, на-

⁴ И. Н. Смирнов, *Вотяки*, Казань, 1890, стр. 21.

⁵ А. Спицын, *К истории вятских инородцев*, Вятка, 1888, стр. 47.

⁶ А. П. Смирнов, *Прикамье в первом тысячелетии нашей эры*, «Сборник трудов Исторического музея», том VIII, 1938, стр. 154.

⁷ А. П. Смирнов, *Культура населения Прикамья в пьяноборскую эпоху* (рукопись).

⁸ А. В. Збруева, *К вопросу о происхождении ананьинской культуры*, «Антропологический журнал», 1936, № 4, стр. 426.

жившие своеобразный отпечаток на древнюю культуру Прикамья, прослеживаются и в более поздней культуре удмуртов.

Антропологические данные подкрепляют выводы археологов. Они указывают, с одной стороны, на связь современных удмуртов с палеоантропологическим типом данного края и, с другой стороны, говорят о том, что антропологический тип современных удмуртов сложился в результате взаимодействия европеоидных и монголоидных форм. Этот процесс, начавшийся чрезвычайно рано, в эпоху первоначального заселения северо-востока Европы, характерен для ряда современных народностей Волго-Камья и Приуралья: мари, чувашей, коми, татар и башкир.

Среди современных удмуртов можно выделить несколько антропологических типов. Сублапоидный тип преобладает среди удмуртов бассейна р. Кильмезь; в нем более сильно выражены монголоидные особенности. Этот антропологический тип широко распространен у различных народов северо-восточной Европы, в том числе встречается у коми-зырян, коми-пермяков и у мари. В более южных районах, как, например, у ижевских удмуртов, в виде примеси прослеживается другой антропологический компонент — более европеоидный с тенденцией к доликефалии и узколицести; он, по всей вероятности, относится к кругу восточно-средиземноморских форм, с древних времен преобладавших среди населения степной полосы западной Евразии. Северные удмурты, глазовские, по многим признакам занимают промежуточное положение между ижевскими и кильмезскими удмуртами. Во всех группах удмуртского населения наблюдается присутствие светлого европеоидного вальдайского типа, который мог попасть, по крайней мере частично, в Прикамье вместе с русской колонизацией⁹.

По языку удмурты вместе с коми-пермяками и коми-зырянами, согласно общепринятой классификации индоевропейской школы, принадлежат к пермской ветви финских языков. Современный удмуртский язык делится на два диалекта — северный и южный, которые не имеют значительных диалектологических различий. Яфетическая школа в лице академика Н. Я. Марра вскрыла в удмуртском, так же как и в языках коми, очень древний слой, связывающий языки финской системы с древними яфетическими языками Причерноморья (хеттским, скифским), а также с современными яфетическими языками Кавказа. «Изучение финских и нефинских языков Волго-Камья и приморских стран севера, в том числе отнюдь не в последнюю очередь удмуртского и чувашского, представляет не только общий или специальный интерес для изучения и понимания кавказских языков яфетической системы и примыкающих к ним двух языков Армении, но обещает сделать существенный вклад в правильную постановку исследования, я бы сказал прямо — более уточненной дешифровки клинописных языков, относимых в яфетическую систему, именно древнеэламского, шумерского, халдского и мидского»¹⁰.

Обратимся к этнографическим материалам, которые, наряду с данными археологии, антропологии и лингвистики, проливают свет на формирование удмуртского народа и вскрывают древние культурные связи, существовавшие на территории Волго-Камья. В этом отношении народная одежда является наиболее ярким и наиболее устойчивым культурным признаком, который, подобно языку, сохраняет на протяжении многих столетий в своих формах, деталях отделки и способах ношения следы своего происхождения¹¹.

⁹ Н. Н. Чебоксаров, Удмурты (рукопись для справочника «Народы мира»).

¹⁰ Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, М., 1931, стр. 120.

¹¹ Основной материал по одежде удмуртов собран лично автором во время выездов на места в 1930, 1931, 1937 и 1938 гг.

II

Нательной одеждой и одновременно верхним рабочим и выходным платьем женщины-удмуртки является рубашка «дэрем». По своему крою, способу ношения и отделке женские рубашки можно свести к трем основным типам.

Первый тип. Рубашка, сшитая из белого льняного холста, туникообразного покроя без боковых клиньев, с длинными прямыми рукавами, вышитыми шелком или затканными красными бумажными нитками в виде поперечных полос. Воротник у рубашки отсутствует, а головное отверстие имеет форму треугольника или овала. Открытая грудь закрывается специальным нагрудником «кабачи», который носится поверх рубашки и представляет прямоугольный кусок холста 40×20 см с плотной красной вышивкой из шелка. Подол рубашки окаймляет вышитая или тканая полоска. На более новых рубашках имеется небольшая оборка из яркого ситца. Белая туникообразная рубашка в начале XX в. еще бытовала у пожилых женщин в более северных районах Удмуртской АССР. Во второй половине XIX в. белая рубашка встречалась на более широкой территории у малмыжских, сарапульских и сосновских удмуртов¹². Академик Паллас в XVIII в. отмечает у удмуртов белую рубашку, вышитую на груди и на плечах¹³. Туникообразный покрой одежды для современных удмуртов является наиболее архаичным. Б. А. Куфтин¹⁴ и ряд других исследователей связывают ее происхождение с римской туникой. Аналогичный покрой известен в византийском саккосе, дивитисии и других церковных и царских облачениях, также ведущих свое происхождение от римской туники. Туникообразный покрой в одежде широко известен на территории Восточной Европы у народов Поволжья: мари, мордвы, чувашей, а также на старинных рубашках обских остяков. Рубашки перечисленных народов близки к удмуртской не только по материалу и крою, но также по характеру вышивки и ее расположению.

Второй тип рубашки шьют из домотканной посконной клетчатой пестряди «алача». По крою она отличается от рубашки первого типа тем, что значительно шире ее в подоле и бока ее состоят из четырех более коротких скошенных кусков холста, сшитых попарно друг с другом по прямой нитке и пришитых линией скоса к центральному полотнищу. Рукава прямые длинные. Под рукавом вшита квадратная ластовица из пестряди или кумача. Воротник стоячий, застегивается на пуговицу или крючок. На груди прямой разрез, длиной до 25 см, обшивается полосками цветного ситца, тесьмы или кружев, которые образуют своеобразный нагрудник шириной до 10—12 см, известный в Мало-Пургинском, Граховском и других южных районах республики под названием «муресазь». Под рубашкой женщина носит второй матерчатый нагрудник «кыкрак», сшитый из цветного ситца или бархата. Подол заканчивается одной или двумя оборками. На рубашках молодых удмурток, живущих в Башкирии, оборка часто пришивается на линии пояса или даже несколько выше.

Рубашка второго типа, постепенно вытесняя туникообразную рубашку первого типа, получает широкое распространение среди населения центральных и южных районов Удмуртской АССР (Можгинский, Граховский, М. Пургинский и др.), а также среди удмуртов Марийской и Башкирской АССР.

¹² Г. Верещагин, Вотяки Сосновского края, СПб., 1886.

¹³ П. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III, 1788, стр. 32.

¹⁴ Б. Куфтин, Материальная культура русской мещеры, М., 1926, стр. 23.

Рубашка второго типа известна на широкой территории. Она бытует у ближайших соседей удмуртов: мари, чувашей, башкир, татар-кряшен и далее на восток у казахов, киргизов, каракалпаков; известна она и народам Балканского полуострова, болгарам и македонцам¹⁵.

Третий тип рубашки получил распространение значительно позднее, представляя уже переход к городскому платью. Ее шьют из двух

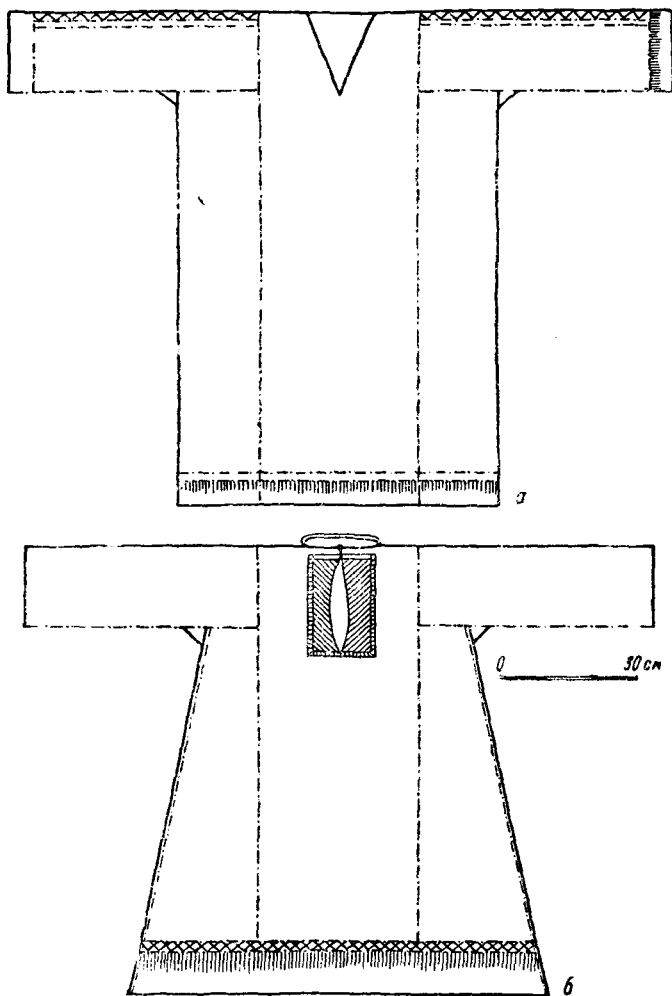

Рис. 1. Женская рубашка „дэрем“: а—тип I (Балезинский район Удмуртской АССР, дер. Бурино); б—тип II (Мало-Пургинский район Удмуртской АССР, дер. Н. Юри)

разноцветных кусков пестряди, а иногда на верхнюю половину, так называемые «рукава», ставят ситец и сатин. Рубашку шьют, как правило, на кокетке с длинными рукавами и стоячим воротником. Грудной разрез плотно застегивается на пуговицы. Нижняя половина рубашки, «дэрем мугор», состоит из трех прямых полотнищ и четырех боковых клиньев. К подолу пришивают оборку из цветного ситца, а на линии соединения верхней и нижней частей прикрепляют пояс. Часто поверх рубашки надевают юбку. Рубашка третьего типа близка к рубашке соседнего русского и коми-пермяцкого населения. На территории

¹⁵ М. Teike, Osteuropäische Volkstrachten, Berlin, 1925, Tabl. 25.

Удмуртской АССР она известна в крупных торговых и промышленных селениях. Была отмечена мной в 1930—1938 гг. в районах: Можгинском, Селтинском, Дебесском, Глазовском и Шарканском.

Из одежды нижней половины тела следует отметить юбку, которая получила широкое распространение в самые последние годы. Юбку принято шить из пяти, шести полотнищ домотканной клетчатой ткани — льняной или бумажной.

Необходимую часть женского удмуртского костюма некоторых групп населения составляют штаны — «ыштан», «эрезь» — из синего полосатого холста, а иногда из двух разноцветных кусков ткани. По своему покрою женские штаны состоят из следующих частей: двух штанин, сшитых из прямых полотнищ ткани со вшитыми в них клиньями, и прямоугольного куска холста (шириной 29 и длиной 54 см), перегнутого поперек и вставленного между штанинами. Верхний край загибается широко рубцом, и в него продергивается тесемка, при помощи которой штаны укрепляются на бедрах женщины. У пожилых женщин штаны бывают более длинные и достигают щиколотки, у молодых не спускаются ниже колен. В районах, где сильнее ощущается влияние русского костюма, штаны совершенно исчезают из употребления. Штаны по всей вероятности, очень рано вошли к комплекс женского удмуртского костюма. Материалы Гляденовского могильника, относящиеся к пьяноборской эпохе, дают нам три женские фигурки, из которых одна, видимо, одета в штаны, спускающиеся немного ниже колен. На полую принадлежность указывают резко обозначенные груди¹⁶. Паллас, наблюдавший костюм удмуртов в XVIII в., также отмечает глухие штаны у девушек и замужних женщин как характерный элемент их одежды¹⁷. Ближайшие аналогии удмуртским «ыштан» мы находим у соседних народов — татар, башкир, мордвы-мокши, луговых мари.

Поверх рубашки или юбки женщина, как правило, подвязывала передник «айшет». С белой рубашкой первого типа носили белый передник, затканый узором из цветных бумажных ниток; среди южных удмуртов в большом употреблении передник с грудью, сшитый из яркой фабричной ткани или цветной пестряди. Часто красное поле фартука бывает заткано геометрическим узором из разноцветной шерсти. Этот передник носят с рубашкой второго типа.

Верхняя женская одежда удмуртов, как и нательная, приготавливалась самим населением из белого и цветного холста, шерстяных тканей и сукон домашнего производства.

В качестве верхней летней одежды наиболее распространен был халат «шөддэрем», сшитый из белого холста, покроем которого можно свести к трем типам.

Первый тип шөддэрема представляет собой длинную распашную одежду туникообразного покроя (без боковых клиньев), сшитую из тонкого белого льняного холста. Под прямыми короткими рукавами вшиты квадратные ластовицы, а на верхней половине рукава сделаны продольные разрезы, отороченные кумачом. Полы халата распахнуты и только на груди соединяются полоской вышивки или бахромой. Спина и подол шөддэрема до талии обшиты полосками кумача, между которыми проложена вышивка. На подоле пришита неширокая оборка из яркого ситца. Данный тип в настоящее время исчез из употребления.

Второй покроем шөддэрема, бытовавший еще в начале XX в. среди удмуртов быв. Глазовского уезда Вятской губ., отличается от первого тем, что у него исчезают рукава, а в боках вставляются с каждой стороны по три клина. Первый и второй шөддэрем носили с белой рубашкой

¹⁶ А. П. Смирнов, Культура населения Прикамья в пьяноборскую эпоху (рукопись).

¹⁷ П. Паллас, Указ. соч., стр. 32.

и подпоясывали фартуком. На рубашку прикрепляли нагрудник «кабачи», который был виден между незапахнутыми полами халата.

Шöддэрем удмуртов очень близок к одежде соседнего населения, живущего в лесостепной, земледельческой полосе. Ближайшие анало-

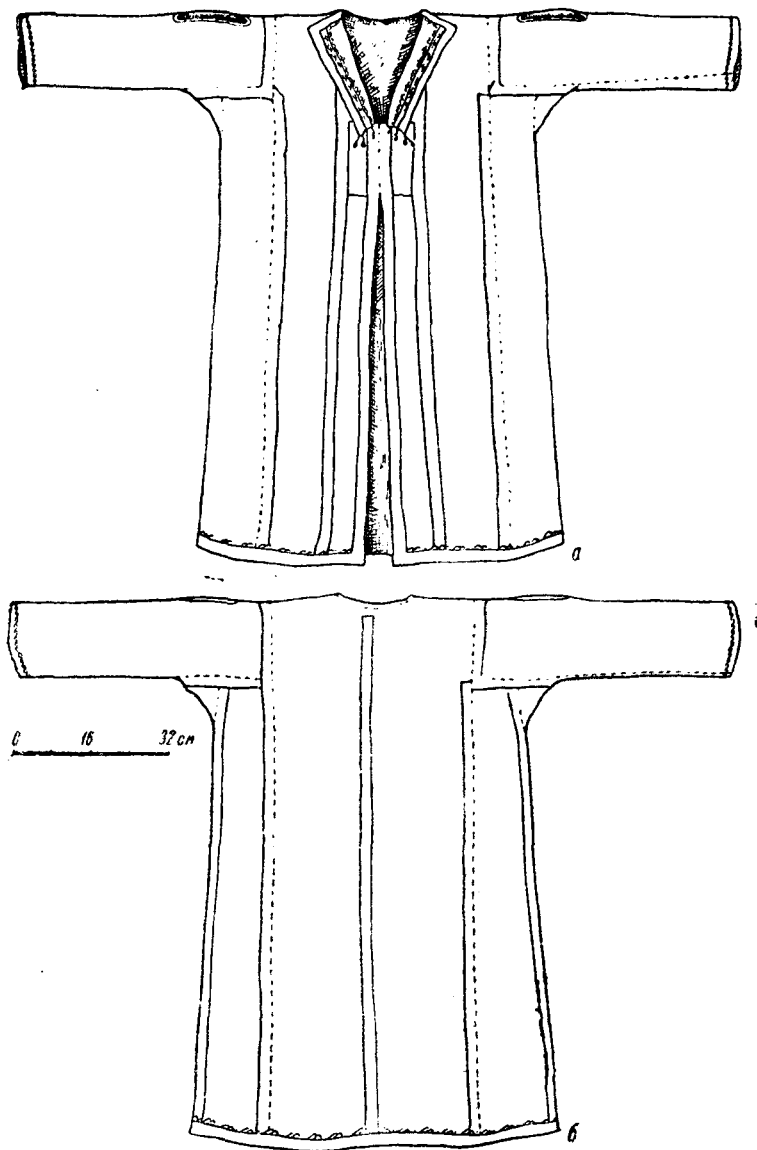

Рис. 2. Женская верхняя одежда „шöддэрем“ (быв. Глазовский уезд., Вятской губ.): а—вид спереди; б—вид сзади.
Рисунок с экспоната Музея народов СССР № 57/173

гии мы усматриваем в «шушпане» южных великоруссов и терюхан, в «руце» мордвы-эрзи, «шовыре» мари и «шобре» чуваш, для которых столь характерна прямоспинная распахная одежда белого цвета, украшенная вышивкой.

Третья разновидность шöддэрема представляет собой позднейшую переходную форму от свободного распахнутого халата к городскому платью, а по материалу — сочетание белого холста с яркими фабричными тканями.

Верхняя одежда — из шерстяных тканей и сукна — представлена в костюме удмуртов «зыбыном», «камзолом», «сукманом», «дукесом» и т. д.

У южных удмуртов (быв. Елабужский уезд) широко бытует до настоящего времени зыбын, который носят поверх рубашки летом и осенью. Зыбын представляет собой кафтан из домотканной шерстяной ткани, чаще всего красного цвета в черную полоску, длиной ниже колен, сшитый в талию, с отрезной спиной и борами, или сильно раскошенный в полосе, с фалдами. Зыбын запахивается на левую сторону и застегивается на две пуговицы у ворота и на поясе. Длинные прямые рукава лишь слегка срезаются у кисти и по нижнему краю обшиваются полосками черного сатина. Вырез ворота круглый, сзади имеется небольшая стоячий воротник. Зыбын шьют на подкладке из холста. Тип одежды и термин зыбын сближаются с «зипуном» чуваш и мещеряков¹⁸. Зипун широко распространен у русского населения. В старину зипуном называли русский кафтан без воротника, сшитый из домотканного сукна белого или серого цвета, с короткой спинкой, почему его носили и женщины¹⁹. Наряду с зыбыном бытует сукман — верхняя одежда аналогичного покроя из белого или серого сукна домашнего изготовления. Суконный кафтан с аналогичным названием известен соседнему населению. Н. И. Золотницкий приводит его для обозначения верхней суконной одежды чуваш — сукман, у тобольских татар — сүкман, у мордвы — сукмян, у казанских татар — чикмян²⁰. Сукман известен и русскому населению. В старину сукманом называли суконный кафтан с борами²¹. К этой же группе одежд относится дукес — верхняя одежда из домашнего сукна серого или коричневого цвета длиной до колен. Ее носят осенью и зимой. Шьют на подкладке, в талию со сборами. По своему покрою дукес напоминает русскую шубу. Более короткая одежда такого же покроя известна под названием «вакчи-дйсь» — короткая одежда.

Для XIX и XX вв. необходимо отметить широкое внедрение в одежду удмуртов покупного фабричного материала.

Одежда в «талию с борами», близкая по покрою к сукману, но крытая сатином или какой-либо другой темной тканью, известна под именем «борчатки». Распространена в районах со смешанным удмуртско-русским населением.

Шуба «пась» из дубленых овчин с «борами» была известна далеко не повсеместно. Она чаще встречалась в зажиточной среде, где являлась обязательным приданым невесты. Однако если русская дубленая шуба является для удмуртов сравнительно поздней, то следует упомянуть о другой, более примитивной шубе пась, встречаемой среди удмуртов и коми-зырян. Этот вид шубы представляет собой короткий прямоспинный пиджак, сшитый из кусков кожи мехом внутрь, без застежек, с запахивающимися полами. Носили его всегда подпоясанным. Надевается мужчинами и женщинами, идущими на работу, часто под сукман и дукес.

К домашней верхней одежде следует отнести камзол. Его шьют из шерстяной цветной ткани домашнего производства. Свадебные камзолы зажиточных невест покрывают сатином или полушерстяной тканью. На спине такой камзол украшают подвесками из серебряных монет. По своему покрою камзол повторяет зыбын, сшитый в талию, но без рукавов. Длина его колеблется от едва закрывающего бедра до длинного,ходящего до колен. Камзол распространен среди удмуртов далеко не повсеместно. Он был известен в XIX в. удмуртам на территории

¹⁸ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, Казань, 1875.

¹⁹ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1863.

²⁰ Н. И. Золотницкий, Указ. работа, стр. 241.

²¹ В. И. Даль, Указ. соч.

быв. Сарапульского и Елабужского уездов быв. Вятской губ. В настоящее время бытует у южных удмуртов в районах: М. Пургинском, Граховском, Нылга-Жикьянском, Ижевском, Пычасском Удмуртской АССР, а также среди удмуртов Башкирской и Татарской АССР.

Камзол аналогичного покроя известен соседним тюркоязычным народам — татарам, башкирам, казахам, киргизам и, по всей вероятности,

Рис. 3. Костюм удмуртской женщины конца XVIII в. Из книги И. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов

был заимствован от них удмуртами. Под тем же термином известна своеобразная верхняя одежда молодых женщин-удмурток, проживающих на территории Марийской АССР. Материалы позволяют установить, что покрой ее оставался неизменным на протяжении трех столетий. В XVIII в. о ней упоминают Г. Ф. Миллер²², П. Паллас²³, Георги²⁴. В XIX в. мы встречаем эту же одежду на фотоснимках, помещенных в книге А. Ф. Риттиха²⁵. Ее описывает Д. Островский в работе «Вотяки Казанской губ.»²⁶ и многие другие исследователи удмуртэв.

²² Г. Ф. Миллер, Из описания языческих народов, в Казанской губернии обитающих, СПб., 1891, стр. 7.

²³ П. Паллас, Указ. соч., стр. 32.

²⁴ И. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, т. I, СПб., 1799, стр. 50.

²⁵ А. Ф. Риттих, Материалы для этнографии России. Казанская губ., ч. II, Казань, 1870.

²⁶ Д. Островский, Указ. соч., стр. 24.

Наконец, совершенно аналогичный камзол был приобретен Музеем народоведения в 1925 г. у удмуртов д. Карлыган Марийской АССР, где он бытовал вплоть до самого последнего времени²⁷.

По своему покрою этот тип камзола представляет распашную одежду длиной до колен, сшитую из красной шерстяной ткани домашнего производства. Покрой — в талию. К подрезанной с боков спинке пришиты клинья (по пяти с каждой стороны), отороченные тесьмой зелено-

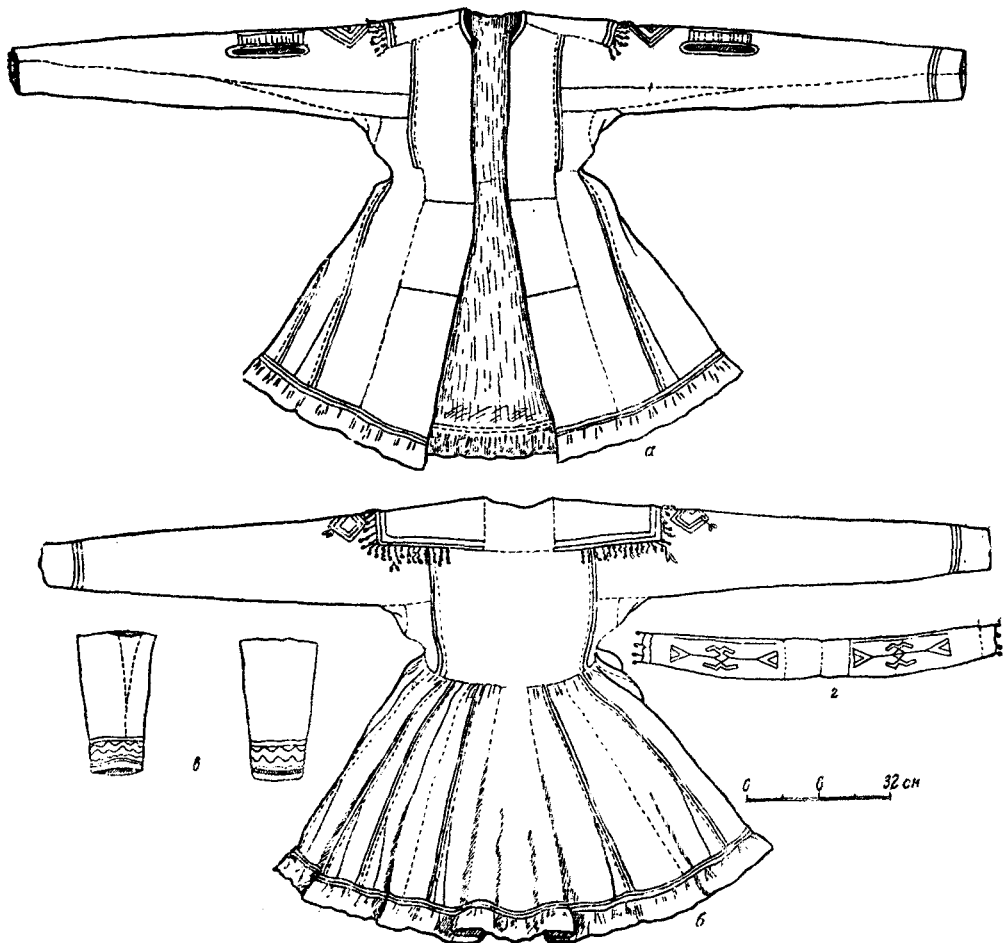

Рис. 4. Верхняя одежда молодой женщины-удмуртки (д. Карлыган Марийской АССР):
 а—вид спереди; б—вид сзади; в—нарукавники; г—пояс.
 Рисунок с экспоната Музея народов СССР № 57/306

го и черного цвета, а также полосками белого холста. На подоле пришита оборка из той же ткани. Очень длинные рукава постепенно суживаются к кисти и на своей верхней половине имеют продольный разрез длиной до 17 см, отороченный кумачом и полосками цветных лент, бархата и позумента. Поперек рукава, над разрезом, нашит ромб из разноцветных лент, заменяющий, по всей вероятности, существовавшую здесь ранее вышивку. Воротник представляет полосу холста, прикрепленную у ворота и спадающую на плечи. Камзол носят накинутым на плечи, причем иногда руки продевают в разрезы рукавов. На руки надевают нарукавники из черного сатина, которые доходят до локтя. Камзол под-

²⁷ Хранится в коллекциях Музея народов СССР в Москве за № 57/306.

поясывают широким поясом, твердая основа которого обшивается яркой цветной материей лилового и розового цвета. На рубашку под камзол прикрепляется красный матерчатый нагрудник, обшитый позументом и бархатом. Этот тип одежды неоднократно привлекал к себе внимание исследователей удмуртского быта. Г. Миллер²⁸ и П. Паллас²⁹ связывают его распространение с влиянием польского костюма и польской моды на удмуртскую народную одежду. Д. Островский³⁰ видит в этом покрое влияние греческих и армянских одежд.

Этнографические параллели в костюмах народов Поволжья (удмуртов и чуваш) с костюмами народов Кавказа отмечают также Н. И. Золотницкий³¹ и Н. В. Никольский³², которые связывают название чувашской вышивки «халтурмач», расположенной на рукавах чувашской рубашки ниже плеча, как и на удмуртских старинных рубашках и вышеописанном камзоле, с джагатайским и азербайджанским термином «колтурмадш», что значит рукава с прорезами верхнего кафтана; рукава либо висят не надеванными, либо закидываются за плечи. Длинные рукава очень рано прослеживаются в одежде восточных славян; уже в Радзивилловской летописи XV в. изображается одежда с длинными рукавами. Фальшивые длинные рукава встречаются в наиболее древнем типе русского сарафана, каким является, например, сарафан-шушун из красного сукна, распространенный в быв. Псковской губернии³³.

Эстонский исследователь J. Manninen связывает этот тип одежды с модным костюмом Германии XIV в., где были распространены те же длинные рукава с прорезами для кистей и свободно спадающими концами. Аналогичные рукава были известны в свадебном костюме сетукезов (быв. Псковская губ.), в южновеликорусской рубашке на территории быв. Рязанской, Московской и Тверской губерний³⁴.

Аналогии уводят нас далеко от современной эпохи. Верхняя одежда с длинными прорезными рукавами знакома нам по многим изображениям на древнеперсидских и греческих памятниках, на саркофаге Александра, помпейской мозаике и др. Судя по этим изображениям, одежда эта носилась накинутой на оба плеча наподобие плаща. Благодаря прорезным рукавам, одежду эту могли носить и иным способом, продевая в прорезы руки и оставляя широкие рукава ниспадающими за спину или висящими под руками. Бляшка, найденная проф. Н. И. Веселовским в Мелитопольском уезде Таврической губ. в селе Верхний Рогачик в 1914 г., воспроизводит верхнюю женскую одежду скифо-сарматской эпохи, которая имеет совершенно аналогичные одежде удмуртов прорезы на рукавах³⁵. Совпадают даже детали отделки. Под разрезом рукав в плечевой части украшен нашивкой, или вошвой. Воротник, полы и подол этой одежды имеют меховую опушку, рядом с которой идет полоска, напоминающая галуны, плетенки и оторочки на русских старинных одеждах. Прорезы на рукавах одежды явление не случайное, их можно видеть также на бляшках, найденных проф. М. И. Ростовцевым и Н. Е. Макаренко в Мордвиновском кургане быв. Таврической губ. И. Е. Забелин, описывая найденную им в Чертомлыцком кургане однородную

²⁸ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 7.

²⁹ П. Паллас, Указ. соч., стр. 32.

³⁰ Д. Островский, Указ. соч., стр. 24.

³¹ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, Казань, 1875, стр. 241.

³² Н. В. Никольский, Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1929, стр. 173.

³³ Б. А. Куфтин, Указ. соч., стр. 106.

³⁴ Г. С. Маслова, Материалы по этнографии карел Калининской области, «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 95.

³⁵ П. К. Степанов, История русской одежды, П., стр. 27.

бляшку, сравнивает изображенную на ней одежду с русской старинной одеждой XVII в.

Для удмуртов эта форма одежды, повидимому,— очень древняя (разрезы на рукавах встречаются и в белых шюддэремах). Она могла проникнуть на территорию Волго-Камья в очень раннее время.

Материалы ананьинской культуры позволяют установить общение древнего населения ананьинских городищ южной части бассейна реки

Рис. 5. Женская одежда скифо-сарматской эпохи. Изображение на бляхе из села Верхний Рогачик. Из книги П. К. Степанова, История русской одежды

Камы со скифским миром. На основании вещественных материалов и свидетельств Геродота исследователь древних культур Прикамья А. В. Збруева делает вывод, что, очевидно, в течение ананьинской эпохи население берегов р. Камы было вовлечено в орбиту широкого обмена со странами далекого юга и востока и что посредниками в торговле Прикамья с греческими городами Причерноморья были скифы³⁶. В пьяноборскую эпоху оживленные связи наблюдались с сарматскими племенами.

Антропологические материалы указывают на присутствие среди южных удмуртов восточно-средиземноморских форм, а языковые данные говорят о существовании древних культурных связей с Причерноморьем. Этнографические материалы подтверждают это положение сохранившейся формой описанной выше одежды, которая вполне отчетливо удержалась в южной части Причерноморья, где население было сильнее вовлечено в орбиту скифо-сарматского мира и где эта форма бытует одновременно с высоким головным убором и орнаментальным мотивом «конских головок», описание которых дано будет ниже.

³⁶ А. В. Збруева, Алавынская культура (рукопись).

III

Женские головные уборы удмуртов разнообразны по своему внешнему виду и форме. Ношение того или другого головного убора связано у удмуртов с определенной прической, возрастом, социальным положением женщины и приурочено к семейным торжествам и религиозным праздникам. По форме и внешнему виду головные уборы удмуртов могут быть

Рис. 6. Удмурты в национальной одежде (с. Карлыган Марийской АССР). Снимок 1925 г.

сведены к нескольким группам: 1) покрывала, платки, полотенца; 2) повязки, налобники, венки; 3) мягкие шапки, чепцы; 4) высокие твердые уборы конусообразной и лопатообразной формы.

Самым распространенным головным убором девушек и замужних женщин всех возрастов является платок. Платки употребляют самые различные: холщевые, ситцевые, шелковые, шерстяные. Сложив платок углом, покрывают им голову, завязывая концы под подбородком или на затылке. В других случаях платок не свертывают и, покрыв им голову, оставляют полотнище свободно свисать по спине, скрепляя под подбородком два конца.

Более архаичной формой удмуртского платка можно считать самодельную косынку из холста «куинь серго» треугольной формы, обшитую кумачом, кусочками сукна и ситца, украшенную вышивкой и позументом. Косынку покрывали поверх мягкой шапочки «подурги», а с исчезновением последней стали носить непосредственно на голове. Косынка куинь серго была распространена почти повсеместно на территории Удмуртской АССР еще до начала XX в.

В южных районах Удмуртской АССР и среди удмуртов, проживающих на территории Марийской и Башкирской АССР, бытовало покрывало «солык» из тяжелой парчевой ткани, на подкладке, отороченное бахромой. Солык употреблялся в качестве покрывала на «айшон» (высокий головной убор) и падал тяжелыми складками на спину женщины. Когда айшон исчез из быта, солык стал употребляться без него в каче-

стве свадебного покрывала и сохранялся еще во многих южных районах Удмуртской АССР до 20-х гг. XX в. Термин «солык» (сюлык) — видоизмененный термин «яулык» казанских татар, относящийся к платку, одеваемому непосредственно на голову в развернутом виде, в отличие от шали, покрываемой поверх головного убора или нижнего платка. Употребление же солыка в качестве покрывала на айшон сближает его с вышитыми казахскими покрывалами, которые носили с высоким головным убором «саукеле».

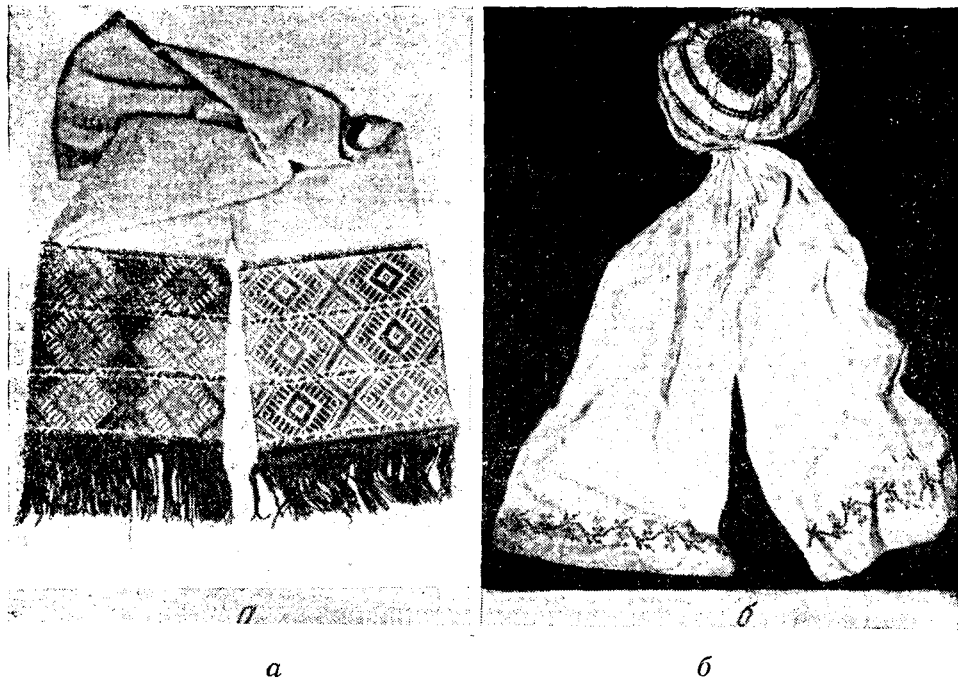

Рис. 7. Головные уборы замужних удмурток (Мало-Пургинский район Удмуртской АССР, дер. Н. Юри): а—, «чалма»; б—, «пелькшет»

К группе покрывал следует отнести также «чалму» — льняное или хлопчатобумажное полотенце шириной 34—38 см и длиной до 150—160 см с затканными концами. Чалму носили молодые замужние женщины до наступления старости. Полотнище повязывали вокруг головы и спускали концы его на спину. Чалма бытует до последнего времени в южных и центральных районах Удмуртской АССР. В восточной ее половине, как, например, в Шарканском районе, встречается разновидность этого же головного убора в повязке «йыр котыр» (вокруг головы), представляющей собой более узкое и короткое полотенце или шелковую косынку, повязанную вокруг головы поверх головного платка.

К группе покрывал-полотенец следует отнести также «пелькшет» (ушной платок). Он состоит из двух частей: круглой холщевой шапочки и пришитых к ней концов из белого миткаля или ситца. Пелькшет встречается в южных районах Удмуртской АССР и заменяет женщине чалму с наступлением пожилого возраста (т. е. прекращения периода деторождения). Район распространения пелькшета совпадает с районом распространения чалмы, т. е. это южные и центральные районы Удмуртской АССР. В районах, граничащих с Татарской АССР, данный головной убор получил название «бигер-кшет» (татарский платок).

Головные уборы в форме полотенца известны финским тюркским и славянским народам. Замужние женщины-мокшанки в Беднодемьянском

районе Пензенской области носят на голове убор, состоящий из «лосника» — мягкого чепца со вставленной в него дощечкой, «затилка» (позатыльника) и «пряруца» — полотенца с затканными разноцветной шерстью концами³⁷. В качестве головного убора замужних женщин у луговых и горных мари употребляют «шарпан» — полоса холста шириной 25—30 см и длиной 150 см, по внешнему виду напоминающая полотенце с вышитыми концами. У луговых мари шарпан при ношении покрывает часть головы, и проходя под подбородком, спускается вышитыми концами на спину. У горных мари шарпан повязывается вокруг шеи, прикрепляясь особыми булавками к «нашмаку» — женской головной повязке. Чувашские девушки иногда обертывали шапочку «тухью» белым полотном, вышитые концы которого выпускали по обе стороны. Этот головной убор назывался «чалма»³⁸. Казанским татарам также было известно головное полотенце «тастар», почти аналогичное с чувашским «сурбаном». Исчезнув у казанцев в начале XX в., он значительно дольше сохраняется у кряшен и мишарей. Аналогичный головной убор в виде полотенца известен у башкир³⁹. Тастар, по мнению исследователя татарской культуры Н. И. Воробьева, являлся распространенным среди широких масс сельского татарского населения древним убором персидского происхождения, проникшим, по его мнению, к туркам через иранцев Туркестана. На персидское происхождение термина «тастар» указывает также Н. И. Золотницкий⁴⁰.

Полотенце являлось древнейшим убором славянских женщин и было известно у славян под различными названиями: у украинцев «намитка», у белоруссов «наметка», у поляков — «наметка» и т. д. Русские называли головное полотенце «ширинкой», «фатой». Способ ношения был различен, но почти у всех народов намитка являлась исключительно убором замужних женщин и у некоторых народов справлялась один раз в жизни, донашивалась до старости и надевалась на умершую при погребении⁴¹.

Взгляды на происхождение полотенчатых головных уборов различны. Д. К. Зеленин, считая намитку древнейшим общеславянским убором, склонен толковать происхождение термина «сарпанка» из персидского. Однако, на основании своих последних исследований в области культурных связей между древнейшими финскими и русскими костюмами, Д. К. Зеленин приходит к выводу, что в действительности тут дело не в русско-финских отношениях, понимаемых узко, а в древнейших модах, которые шли с запада на восток и распространялись независимо от этнических и государственных границ⁴². Мах Вич склонен считать полотенце исконным финским убором⁴³. Приведенные мнения говорят о том, что вопрос о происхождении полотенчатых головных уборов очень сложен. Вероятнее всего, в их распространении можно видеть древнюю культурную волну, которая захватила финские и славянские народы в одно общее течение и шла с юго-востока, из степных районов. Ношение вышеописанных головных уборов было связано с обычаем закрывания лица, распространенным у многих тюркоязычных народов, принявших ислам.

³⁷ Н. И. Спрыгина, Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губ., Пенза, 1929, стр. 30.

³⁸ Н. И. Золотницкий, Указ. соч., стр. 238.

³⁹ С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1925, стр. 159.

⁴⁰ Н. И. Золотницкий, Указ. соч., стр. 238.

⁴¹ Н. Я. Николаровский, Очерки просточародного жителя бытия в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности, Витебск, 1895, стр. 121.

⁴² Д. К. Зеленин, Тезисы доклада «Общие элементы в древних финских и русских костюмах», прочитанного на научной конференции по вопросам финно-угорской филологии, Л., 1947.

⁴³ Мах Вич, Die Wotjaken, Helsingfors, 1882, стр. 15.

Вторую группу составляют разнообразные повязки, имеющие столь широкое распространение у восточных славян, финнов Поволжья, тюркоязычных народов — татар и башкир. Они представляют собой вышитые полосы холста, обшитые позументом, монетами и блестящими. К этой группе головных уборов удмуртов принадлежит повязка «йыр кертэт», которую носили замужние женщины-удмуртки на лбу под головным убором — чалмой, айшоном и под платком. В южных районах Удмуртской АССР (быв. Елабужский и Сарапульский уезды) девушки по праздникам надевали налобную повязку «уко-тук», сделанную из полос позумента с густой бахромой из бити. Повязки, очень близкие к уко-тук, распространены у северо-западных башкир под названием «уко-саяк»⁴⁴. Налобные повязки, отличающиеся друг от друга лишь в деталях, известны мордве, мари (нашмак), чувашам (насмак), башкирам (хараус) и русским. Назначение этих уборов — украсить переднюю половину головы, лоб и край головного убора (откуда и происходит название передник, налобник), а также скрыть волосы на висках и на лбу у замужней женщины.

К этой же группе головных уборов относится большинство девичьих уборов в форме обруча из луба, проволоки, картона, обтянутого холстом, перевязи из лент, наконец венки из цветов, которые широко бытуют у восточных славян, народов Прибалтики и других народов Восточной Европы. По мнению Д. К. Зеленина, «происхождение девичьей повязки восходит к простой перевязке волос стеблем или веревкой»⁴⁵. Таким образом, повязки могли возникнуть совершенно самостоятельно у различных народов на ранних ступенях их хозяйственного и культурного развития, постепенно видоизменяясь, так как каждый народ с течением времени вносил свои специфические особенности в подбор цветов, способ ношения и детали отделки.

К третьей группе головных уборов, объединяющей различные виды легких шапок, колпаков и чепцов, следует отнести девичью шапочку «так'ю», широко распространенную среди удмуртов в XVIII и XIX вв., но в настоящее время уже исчезнувшую из употребления. Так'я удмуртов представляет собой круглую маленькую шапочку из холста, обшитую кумачом и украшенную монетами или поддельными металлическими бляшками. Круглая шапочка из материи, напоминающая своей формой так'ю, прослеживается на территории Удмуртской АССР очень рано. Реконструкция женского костюма из могильника «Чем-шай» IX—XII вв., находящегося недалеко от г. Глазова, дает нам головной убор круглой формы с опушкой из меха. Так'ю как девичий головной убор отмечают исследователи удмуртского быта XVIII и XIX вв.: Миллер, Паллас, Георги, Верещагин, Первухин, Бехтерев и др.

Круглая шапочка так'я широко известна другим народам на территории Волго-Камья; например, тухья чувашей представляет конусообразную шапочку с остроконечной шишечкой наверху и с наушниками, которые заканчиваются тесемками. Остов шапочки делался из грубой шерстяной ткани, а в более раннее время из кожи. С наружной стороны тухья чувашей обшивалась оловянными жетонами, серебряными монетами, раковинами-ужовками и цветным бисером, по преимуществу зеленым. В начале XX в. тухья у чувашей еще продолжала сохраняться как свадебный головной убор невесты и имела в нескольких экземплярах почти в каждой деревне. Старинным девичьим головным убором башкир также являлась «такья», близкая по своему внешнему виду и форме к тухье чувашей. У казанских татар под термином «тухья» разумеется шапочка, шитая серебром. Девичья шапочка текинской девушки-турк-

⁴⁴ С. И. Руденко, Указ. соч., стр. 157.

⁴⁵ Д. К. Зеленин, Женские головные уборы восточных славян, «Slavia», 1927, № 2—3, стр. 555.

менки близка по форме и украшениям к удмуртской, чувашской, башкирской так'е. Н. И. Золотницкий объясняет термин «так'я» из арабского языка, где так'я обозначает шапочка, а в тюркском языке — шлем⁴⁶. Куполообразные шапки, шлемы были известны монголам. Связь чувашской так'и со шлемообразными головными уборами подтверждается самой формой чувашской тух'и с наушниками из кожи. Шлемообразные головные уборы имеются также у каракалпаков. Вероятнее всего, в отдаленную от нас эпоху так'я использовалась как шлем в военных столк-

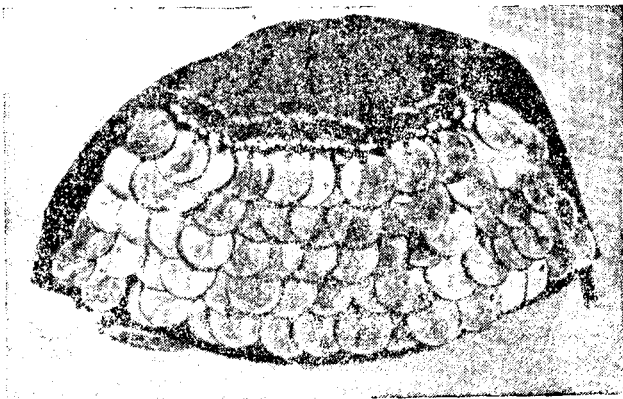

Рис 8. Девичий головной убор «так'я» (б. Глазовский уезд Вятской губ.). Снимок с экспоната Музея народов СССР № 57/284

новениях степняков-кочевников Европы и Азии и позднее проникла к населению, живущему на стыке лесостепной зоны, как богатый праздничный головной убор, распространенный у наиболее зажиточных слоев деревни.

Кроме так'и, которая являлась исключительно девичьим головным убором, замужним женщинам также была знакома круглая шапочка «подурга», сшитая из холста с отделкой из позумента и разноцветных полос ситца. Подургу как головной убор замужних женщин отмечали Гр. Верещагин и И. Н. Смирнов в конце прошлого столетия для населения Сосновского края. В этих же районах (Шарканский и Сосновский районы Удмуртской АССР) подурга продолжала бытовать еще в 30-х гг. XX в. Носят ее замужние женщины непосредственно поверх волос, покрывая сверху платком. В Селтинском районе подургу заменяет мягкий чепчик «йыршет». Подурга и йыршет напоминают «повойник» русского населения.

К группе высоких твердых головных уборов относится «айшон». Его бытование прослеживается на протяжении XVIII и XIX вв. у удмуртов Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губ., а также, в несколько видоизмененной форме, среди удмуртов, живущих в Казанской и Уфимской губ. Исследователи удмуртского быта второй половины XIX в. сообщают о быстром исчезновении айшона в ряде районов. В 1930 г. мне не удалось найти ни одного полного айшона, за исключением одного берестяного остова, обнаруженного в д. Н. Юри Мало-Пургинского района Удмуртской АССР. По мнению В. Бехтерева⁴⁷,

⁴⁶ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, приложение 14, стр. 238.

⁴⁷ В. Бехтерев, Вотяки, их история и современное состояние, «Вестник Европы», 1880, № 8, стр. 640.

айшон напоминает формой русский кокошник. В основе айшона лежит берестяной цилиндр, обтянутый сукном или ситцем. Спереди айшон украшается серебряными монетами, нанизанными наподобие чешуи, покрывающей весь лоб. Над чешуей приделаны к основанию айшона деревянные дужки, обтянутые также сукном или ситцем, вследствие чего высота айшона достигает иногда трех четвертей аршина. С дужек свисают разноцветные ленты и кисти. Все это еще покрывается большим, вышитым шерстями, холщевым платком так, что середина одного края при-

Рис. 9. Замужняя женщина-удмуртка в „айшон“
(б. Сарапульский уезд, Вятской губ., вторая половина XIX в.)

кладывается к темени, а середина другого края спускается на спину до пояса в форме покрывала. Айшон является принадлежностью молодой женщины и одевается впервые на свадьбе. Надевание айшона сопровождалось многочисленными обрядами⁴⁸. Айшон подчеркивал возрастное и социальное положение женщины. У удмуртов быв. Казанской губ., по сообщению Д. Островского, молодуха после года замужества меняла белый айшон с черными полосками на красный, а через 8—10 лет, с наступлением старости, совершенно переставала его носить⁴⁹.

Высокий головной убор в форме усеченного конуса или лопатообразной формы с падающим на спину покрывалом, вышитый или украшенный монетами, встречается у многих народов Восточной Европы и Средней Азии. Старинный женский головной убор луговых мари «шурка» по своей форме и внешнему виду очень близок к айшону; то же можно сказать о высоком головном уборе «панга» лопатообразной формы, встречаемом у мордвы-эрзи.

⁴⁸ М. Ильин, Свадебные обычаи и обряды у вотяков. Научное об-во по изучению Вотского края. Труды, вып. 2, 1926, стр. 54.

⁴⁹ Д. Островский, Указ. соч., стр. 25.

Аналогичные уборы были известны и у тюркских народов. Правда, среди национальных головных уборов казанских татар конца XIX и в XX в. мы не встречаем близких аналогий с удмуртским айшоном, но в литературных источниках встречаются указания на то, что казанские татарки также носили высокие пирамидальные шапки, сплошь унизанные монетами. О высоком уголовном уборе татар, сделанном из ивы и древесной коры, сообщал Плато Карпини⁵⁰. В китайских источниках также имеются описания высоких головных уборов, украшенных парчей и золотом, высотой около трех футов. Такие головные уборы носили

Рис. 10. Головной убор «панга».

Мордва-эрзя.

Снимок с экспоната музея народов СССР № 59/120

Рис. 11. Головной убор казахской женщины «саукеле».

Снимок с экспоната Музея народов СССР КП 24957

жены старейших монголо-татар⁵¹. Высокий головной убор «саукеле» с хвостом, спадающим на спину, украшенный цветными камнями, монетами и бусами, встречается и у казахов. Наконец, отдельные виды русского кокошника могут быть сближены с айшоном удмуртов как по форме, так и по назначению. Головной убор, близкий по форме к айшону, можно отметить у некоторых групп болгарского населения. В округе Карнобат женщины носили головной убор в форме высокой шапки, сильно наклоненной вперед и покрытой платком⁵². В археологических ма-

⁵⁰ Плато Карпини. Любопытное путешествие к татарам в 1246 году, Изд. Языкова, СПб., 1825, стр. 75.

⁵¹ В. П. Васильев, История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. с приложением перевода китайских известий о киданях, джуржатах и монголо-татарах, Труды Восточного отделения, ч. IV, СПб., 1859, стр. 233.

⁵² Ch. Vakarelsky, Note sur l'ethnographie des Bulgares, Sofia, 1936.

териалах причерноморских степей, относящихся к скифо-сарматской эпохе, мы встречаем женские изображения в головных уборах, очень сильно напоминающих по своей форме айшон.

Таким образом, на основании приведенных выше аналогий мы предполагаем, что высокий твердый убор айшон, распространенный у наиболее южных групп удмуртского населения, связан в своем происхождении с древними культурами Причерноморья скифо-сарматской эпохи (а может быть, и еще более ранними), откуда он проник в более северные районы Волго-Камья и далеко на восток, в Среднюю Азию.

Рис. 12. Золотая пластина с головного убора из кургана Карагодеуашх. Из книги П. К. Степанова, История русской одежды

IV

Подведем некоторые итоги. Разнообразные элементы удмуртской народной одежды и различные типы головных уборов могут быть сведены к двум основным комплексам: первый комплекс, который условно для территории современного расселения удмуртов можно назвать «северным», состоял из одежды белого цвета, как то: туникообразной рубашки первого типа, вышитого нагрудника кабаچی, передника без груди, затканного красной бумагой, и холщевого халата шоддэрема; зимой — суконного кафтана сукмана. Головным убором для девушек служила так'я, для замужней женщины холщевый чепец — подурга, который покрывался самодельным платком куинь серго, а сверх платка вокруг головы повязывалось полотенце йыркотыр. На ногах носили: белые холщевые чулки, суконные короткие олучи черного цвета и лапти с шерстяными цветными оборями. В качестве отделки широко применяли вышивку, преимущественно из красного шелка, исполненную набором, косым стежком, а также узорное тканье, браное и многоремизное. Украшения состояли из ожерелий и бус, сделанных из красной мастики и стекла, монет и раковин. Этот комплекс костюма был распространен

в более северных удмуртских поселениях, а именно на территории бывшего Глазовского и Слободского уездов в Балезинском, Поломском, Глазовском, Юкамском и других районах Удмуртской АССР.

Было бы очень заманчиво связать географическое распространение «северного» комплекса с расселением племени вятка. В основном эти районы совпадают, но окончательное утверждение требует еще дополнительной проверки.

«Северный» комплекс удмуртского женского костюма теснейшим образом связан с культурой древнего аборигенного населения. Богатое женское погребение из могильника «Чем-шай», расположенного в бассейне реки Чепцы, относящееся по датировке проф. А. П. Смирнова к IX—XI вв. нашей эры, дало остатки костюма и обуви, которые позволяют говорить о длинной белой рубашке с рукавами, собранными у кисти, обшитой по подолу бусами, напоминающей современную рубашку с вышивкой; головном уборе в виде плоской круглой шапочки с меховой

опушкой, похожей на подургу или так'ю, по бокам от которой спускались длинные подвески, сделанные из тонких проволоочных спиралей, заканчивающиеся тремя бусами и шумящими привесками⁵³. Почти аналогичные привески имелись у удмуртов еще в конце прошлого столетия. Вот как описывает их В. Бехтерев: «В уши продевают из железной проволоки кольца наподобие серег, от которых спускаются до пояса нитки, нанизанные нередко крупными монетами, старинными рублевками и полтинниками, числом иногда больше двадцати»⁵⁴. Обувь состояла из одного куска сыромятной кожи, стянутой у щиколотки тонким ремнем с украшениями на носках в виде шумящих полусферических привесок. В настоящее время у удмуртов преобладает лыковая обувь, но своеобразные украшения из жести на носках лаптя не напоминают ли шумящих привесок древнего времени? Наконец, примитивная обувь из одного куска кожи, стянутого у щиколотки, была известна в недавнем прошлом на соседней территории: у мордвы, эстов, коми-зырян и др.

Современный «северный» комплекс женской удмуртской одежды, кроме того, теснейшим образом связан с костюмом соседнего финского населения, в частности, с костюмом луговых мари, которые в своих исторических судьбах так долго и близко соприкасались с удмуртами. В костюме их роднят материал и покрой рубашек, расположение и характер вышивки, наличие белой верхней одежды и девичьего головного убора так'и, украшений из раковин и бус, употребление верхней суконной одежды белого и коричневого цвета, столь характерной для населения лесостепных районов Восточной Европы — русских, белоруссов, мордвы и др.

Второй комплекс женского костюма условно можно назвать «южным». Для него характерна рубашка второго типа, сшитая из цветной посконной пестряди, под которую надевается нагрудник «кыкрак», составленный из разноцветных кусков материи, и штаны; фартук с грудью из пестряди, затканый цветной шерстью. В качестве верхней летней одежды — зыбын и камзол, сшитые в талию, из цветной шерстяной ткани. зимой суконный кафтан дукес и шуба пась. Головные уборы сохраняют возрастные отличия. Девушки, как и в первом комплексе, носили шапочку так'ю и различные головные повязки. Головной убор замужней женщины был значительно сложнее и состоял из нескольких отдельных элементов: налобной повязки йыркертэт, полотенца — чалмы, высокого убора из бересты — айшона, со спадающим на спину покрывалом — солыком. Пожилая женщина вместо чалмы и айшона в этих районах носила пелькшет — холщевую шапочку с двумя длинными концами, которую покрывала платком. На ногах — пестрые шерстяные чулки, обернутые короткими белыми онучами, и лапти удмуртского плетения.

Для «южного» комплекса характерны металлические украшения, изготовленные литьем и гравировкой или ажурной сканой техникой, ожерелья из монет, браслеты и кольца, наконники и гребни, украшенные парами конских головок, смотрящих в разные стороны. Для украшений широко использовались драгоценные камни и в качестве подделки — цветное стекло. В расцветке костюма преобладает яркая полихромность. Вышивка как отделка костюма встречается очень редко и исполняется почти исключительно тамбурным швом; преобладает яркая тканая отделка из разноцветной шерсти. Наряду с браной техникой тканья, распространена закладная палассная, встречаемая у казанских и крымских татар и характерная для тюркских народов и степей Юга.

Этот комплекс костюма был отмечен в Сарапульском, Елабужском и частично Малмыжском уезде быв. Вятской губ., а по современному

⁵³ Материал и описание взяты из работы А. П. Смирнова, Культура удмуртов с V по X век (рукопись).

⁵⁴ В. Бехтерев, Указ. соч., стр. 640.

административному делению в Алнашском, М.-Пургинском, Граховском, Пычасском и других южных районах Удмуртской АССР, а также среди удмуртов района с. Карлыган Марийской АССР. Если географическое распространение первого комплекса мы в основном связываем с территорией расселения племени вятка, то распространение второго комплекса можно связать с расселением племени калмез.

Этот второй комплекс одежды принадлежит населению, живущему на стыке лесной и степной зон. Он сложился, как и первый комплекс, на базе местных древних охотничьих лесных культур, связанных со срубно-хвалынской культурой среднего и нижнего Поволжья⁵⁵ и находившихся в период ананьинской эпохи под сильным влиянием скифо-сарматской культуры; в нем сильнее прослеживаются южные стеленные элементы и древние культурные связи со скотоводческими и земледельческими культурами Причерноморья и Средней Азии.

Рис. 13. Медный гребень с изображением конских головок (Мало-Пургинский район Удмуртской АССР, д. Н. Юри)

Древний южный пласт (скифо-сарматский) прослеживается в типе высокого головного убора, в покрое верхней одежды с длинными фальшивыми рукавами и прорезами в них, в наличии штанов и в орнаментальном мотиве в виде парных конских головок, смотрящих в противоположные стороны. Этот мотив, широко распространенный в древнерусском искусстве и у народов Поволжья и Прикамья, встречается

на предметах быта, украшениях, резбе и в вышивке. У современных удмуртов можно еще встретить в качестве подвесок медные гребешки, украшенные парными конскими головками, и женские вышитые нагрудники с такими же изображениями. В Прикамье орнаментальный мотив двойных коньков с головами, обращенными в противоположные стороны, получает широкое распространение в ананьинскую эпоху и позднее, в первом и втором тысячелетиях нашей эры; он являлся распространенным мотивом в удмуртских украшениях IX—XI вв.⁵⁶ и генетически был связан с скифо-сарматской культурой нижнего Поволжья. В раскопках П. Рау, произведенных в 1927 г., среди вещей погребального инвентаря женских могил сарматского населения нижнего Поволжья встречается совершенно аналогичный орнаментальный мотив конских головок на костяных наконечниках гребня⁵⁷.

Локализовать этот древний пласт южной степной культуры очень трудно, он выступает ярче во втором комплексе, но отдельные элементы его прослеживаются далеко на север. Так, например, в более северных районах Удмуртской АССР в конструкции временных жилищ на сенокосах ощущаются реликты степных юрт, мотив конских головок имеет широкое распространение в вышивках северных удмуртов и т. д.

Мощная волна турецких племен, проникших в прикаспийские степи, и расцвет Хазарского каганата в период VI—IX вв. н. э. оказали сильное воздействие не только на Болгарское государство, но и на соседнюю территорию Прикамья, которая находилась в свою очередь в сфере болгарского влияния. Болгары вели оживленную торговлю и снабжали соседние народы готовыми изделиями из металла, украшениями, тканя-

⁵⁵ А. В. Збруева, К вопросу о происхождении ананьинской культуры, «Антропологический журн.», 1936, № 4, стр. 126.

⁵⁶ А. П. Смирнов, Культура удмуртов с V по X век (рукопись).

⁵⁷ И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории нижнего Поволжья, «Советская археология», VIII, стр. 77.

ми и другими предметами быта. Ряд общих элементов в костюме удмуртов, мари, мордвы и чувашей, как то: полотенчатые головные уборы, шапки, обшитые монетами и бисером, черезплечные украшения из раковин и бус, техника чеканки металла, отделка из разноцветных камней, паласная техника тканья и т. д.,— все эти элементы южного степного происхождения проникли к народам Волго-Камья через болгар из одного поволжского центра и лишь потом были видоизменены в деталях согласно вкусам их носителей.

С падением Болгарского государства судьбы удмуртского народа тесно переплетаются с историей Казанского ханства и с культурой татар Поволжья. Если политическая зависимость удмуртов от последних существовала несколько столетий, то культурное воздействие продолжалось значительно дольше и ощущается вплоть до настоящего времени, особенно в пограничных районах, где наблюдается тесное общение с татарским и башкирским населением. Этот более поздний пласт татарской культуры в «южном» комплексе удмуртского костюма очень мощный, он прослеживается в терминологии, в покрое верхней одежды и платья, в расцветке, отделке, способах ношения платка и т. д.

Однако не всегда удается легко раскрыть происхождение отдельных элементов культуры и в частности одежды. Многие элементы удмуртской одежды выпадают из первого и второго комплексов. Они являются или позднейшими видоизменениями национальных форм, или следствием внедрения общеевропейских мод, как то: рубашка на кокетке; шоддэрем из белого холста с цветными рукавами из ситца, юбка из клетчатой ткани и т. д. Многие элементы женской одежды проникли в удмуртскую среду после знакомства с русской культурой, как, например, русская дубленая шуба, поддевка, крытая сукном борчатка и т. д., и завоевали в удмуртском быту прочное место.

Анализ приведенного материала убеждает нас в том, что современный женский костюм сложился среди местного аборигенного населения на базе древних культур Прикамья, находящихся в свою очередь под сильным воздействием южных культур Причерноморья и Средней Азии. С другой стороны, удмуртский костюм не стоит изолированно от костюма других народов, формирование которых происходило на соседней территории и в состав которых вошли те же культурные компоненты, что и в состав удмуртского народа. Наличие достаточно однородной культуры в прошлом, а с образованием этнических групп продолжавшаяся языковая и культурная близость между такими народами, как удмурты, мари, коми-пермяки и коми-зыряне, содействовали сохранению общих элементов в костюме этих народов вплоть до настоящего времени. Наряду с местными элементами лесо-земледельческой культуры в костюме удмуртов сильна южная струя, идущая от степных кочевых культур Средней Азии и нижнего Поволжья, не прекратившаяся до самого последнего времени.

Огромное влияние на развитие и «жизнь» удмуртского костюма оказали еще два фактора: близкое знакомство с бытом русского населения и столкновение с русской городской культурой. Все эти причины содействовали изменению форм, вносили новые черты и сделали костюм таким, каким он является в наши дни.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. А. СЕРГЕЕВ

МАЛЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В ЭПОХУ СОЦИАЛИЗМА

Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие

Сталин

I

За истекшие после Октября тридцать лет осуществлено построение социалистического общества среди всех народов Союза ССР, находившихся на весьма различных ступенях развития.

Так называемые малые народы Сибирского севера занимали в царской России особое место. Состояние этих народов характеризовалось глубокой, всесторонней отсталостью — и в хозяйственном, и в политическом, и в общекультурном отношении. Ко времени Октябрьской революции народы Севера переживали длительное и сложное переходное состояние от первобытной общины к классовому обществу. Наблюдавшиеся у них формы хозяйства представляли собой различные ступени перехода от патриархального уклада к товарному, а их социальные отношения — разные степени становления классового общества. Неуклонное падение хозяйства, обнищание и голодовки, повышенная смертность, невежество, дикость — все это характеризует положение малых народов Севера в первые десятилетия XX вв. Политика царизма способствовала консервации архаических отношений, искусственно задерживала промышленное развитие Сибири. Туземцы Севера были ярким примером народов, которые старый режим веками «удерживал на ступени первобытной тупости»¹. Но вместе с тем присоединение Сибири к России означало включение отсталого хозяйства этой обширной страны в сферу влияния значительно более передового в экономическом отношении российского государства.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла малым народам Севера социалистическое переустройство их хозяйства и общественных отношений, минуя капиталистическую фазу развития.

«Декларация прав народов России», принятая 3 (16) ноября 1917 г., возвестила равенство всех народов, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России». К таким «этнографическим группам» принадлежали и малые народы Севера.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1933, стр. 246.

Проблема перехода малых народов «из первобытных форм хозяйства» в «стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм», разработана наиболее конкретно в трудах И. В. Сталина по национальному вопросу. И. В. Сталин определил основные принципы и пути социалистического строительства у наиболее отсталого населения. Программные положения эти, высказанные применительно к восточным народностям, относятся полностью к этнографическим группам Севера, из всех народов Союза наиболее близким к первобытно-общинному укладу.

Конкретное содержание национального строительства у малых народов состоит в ликвидации трех форм отсталости — политической, хозяйственной и культурной, указанных И. В. Сталиным².

Важнейшее требование советской национальной политики — учет конкретно-исторической обстановки, в которой застала революция разные этнические группы. Советская национальная политика требует особого ее применения в отдельных районах, у различных народностей, соответственно их конкретному состоянию и уровню развития. Отсюда вытекает необходимость считаться в практике социалистического строительства со всеми (хозяйственными и культурными) особенностями отсталых народов; на эти особенности неоднократно указывали Ленин и Сталин³.

Другое требование ленинско-сталинской национальной политики — особая помощь со стороны Советского государства отсталым народам с преобладанием феодальных или патриархальных отношений. На это также указывали Ленин и Сталин⁴.

История социалистического строительства в Сибири представляет характерный пример строгого учета «исторически-конкретной обстановки», «осмотрительного и продуманного» приспособления общей политики к местным условиям. Отсюда — гибкость в выборе путей национального строительства, своеобразии форм и методов политической, хозяйственной и социально-культурной работы.

При всем разнообразии форм национально-территориальных автономий в Сибири явственно выступают два главных направления в государственно-политическом устройстве, соответствующие двум основным, по культурному уровню, группам сибирских народностей. У более крупных народов, преимущественно скотоводов, отчасти земледельцев — тюрков и монголов, со сравнительно сильным развитием феодальных отношений и элементов капиталистических отношений, государственное советское устройство выразилось в форме автономных республик (бурят-монголы и якуты) и автономных областей (ойроты, хакасы, тувинцы). У малых народов Сибирского Севера, наиболее отсталых охотников, рыболовов и оленеводов, переживавших различные ступени разложения первобытно-общинного строя, строительство происходило в форме национальных округов (остяки и вогулы, ненцы, тунгусы, чукчи, коряки), национальных районов (ламуты, гольды, гиляки) и национальных (туземных) советов (остяко-самоеды, кеты)⁵.

Дата окончательного освобождения Сибири от белогвардейцев — 15 января 1920 г., дата ликвидации интервенции на Дальнем Востоке —

² И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 76, 79.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 431; также т. XXIV, стр. 125—126; т. XXVI, стр. 191 и 243 (здесь, между прочим, прямое указание на Сибирь); И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 314 и 359; Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 398—399; Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 160.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 289, 354; И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 79, 88 и др.

⁵ Мы употребляем здесь те названия народностей, которые упоминаются в документах и литературе того времени, так же как и термины: «туземцы», «туземный».

15 октября 1922 г. На крайнем же севере Сибири и Дальнего Востока события эти наступили в 1921—1923 гг. (на Сахалине — в 1925 г.). Советское строительство у малых народов началось, таким образом, на 4—8 лет позже, чем в центральной России. Между тем, за продолжительный период империалистической и гражданской войн положение северных племен катастрофически ухудшалось. Грабежи белогвардейцев и интервентов, прекращение торговых связей, резкое падение охоты, рыболовства и оленеводства окончательно разорили туземцев. Поступавшие из освобожденных районов Сибири сведения гласили, что «туземцы Севера живут за пределами Конституции РСФСР» (доклад Енисейского губисполкома ВЦИК'у в 1923 г.), нуждаются в «экстренных мерах по спасению»⁶, скорейшем включении их в сферу влияния советской власти.

Правительство немедленно создало специальный орган по устройству малых народов, вследствие чрезвычайной культурной отсталости не способных к самостоятельному осуществлению прав, предоставленных Конституцией. Идея эта родилась в Народном комиссариате по делам национальностей, руководимом И. В. Сталиным. Постановлением Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г. был создан при ВЦИК «Комитет содействия народностям северных окраин» (Комитет Севера)⁷, призванный помочь осуществлению того равноправия, которое юридически было предоставлено «Декларацией» 1917 г. и Конституцией 1918 г. Ему надлежало сплотить, организовать малые народности, пробудить в них сознание своего равноправия, поднять их на высший уровень развития. Задача Комитета состояла в том, чтобы путем развития советских форм управления вовлечь самих туземцев в строительство нового социалистического общества.

В первые годы революции в центре отсутствовали сведения даже о численности и расселении малых народов. Ведомость о населении Севера, составленная по переписи 1920 г., содержала, например, следующие данные: «Гиперборейцы, юкагиры, чукчи, коряки, камчадалы, айны, телеуты — 67 605 чел., прочие — 545 999 чел.». Первый по времени закон о «туземцах северных окраин» (см. далее «Временное положение» 1926 г.) приводил, наряду с обычными литературными названиями и некоторыми самоназваниями существующих этнографических групп, много наименований отдельных мелких, локальных и родовых подразделений (юраки, орочны, самагиры, манегры, манджу, тазы, карагинцы, олюторы, кереки) или давно исчезнувших групп (солоны, бирары, дауры), или такие неопределенные указания, как «орды затундринских обществ». В дальнейшем, по мере выяснения этнической принадлежности и расселения народностей Севера, перечень их постепенно уточнялся⁸ и в начале 30-х годов определился окончательно. В группу «малых народов Севера» вошло 27 народностей, в том числе 26 сибирских⁹ (две из них — ненцы и вогулы — живут частично и в Европейской части СССР) и одна (лопари — саамы), обитающая исключительно на европейском севере.

Десятилетняя деятельность Комитета явилась реализацией программы по национальному строительству, намеченной Сталиным применительно к наиболее отсталым народностям.

⁶ Эти и последующие выписки из местных документов (докладов, протоколов и пр.), за исключением особо оговоренных, почерпнуты в Архиве Комитета Севера.

⁷ Собр. узак. и распор., 1924 г., № 57, ст. 556 и 1925 г., № 12, ст. 79.

⁸ См. Собр. узак. и распор., 1927 г., № 34, ст. 225; 1928 г., № 21, ст. 186; 1929 г., № 2, ст. 15; 1933 г., № 49, ст. 209.

⁹ Сюда относятся: обские угры (остяки и вогулы), все самоеды (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), тунгусо-маньчжуря (тунгусы, долганы, ламуты, негидальцы, голды, ульчи, орочи, ороки, удэ), палеоазиаты (чукчи, коряки, камчадалы-итильмены, юкагиры, чувачцы, эскимосы, алуоты, гиляки, кеты), из тюрков — карагасы и сойоты (тункинские).

Ценным памятником первых этапов строительства служит обширное и разнообразное законодательство, относящееся к малым народам, «переустройству их быта на социалистических началах», «социалистической перестройке сельского и промышленного хозяйства» и т. д. Многочисленные постановления, касающиеся административного и земельного устройства, революционной законности, снабжения, кооперирования, школьного и больничного строительства и пр., иллюстрируют особые заботы и особые формы помощи малым народам. Одновременно производились значительные материальные затраты на подъем их хозяйства и культуры.

Первоначальная советизация северных районов Сибири осуществилась, ввиду сохранившихся сильных пережитков родовых отношений, на основе родового деления населения. Построение первичных советов требовало организации населения, стягивания его отдельных и разрозненных частей. Применение нормального территориального принципа было в то время невозможно за отсутствием сведений о расселении народностей, о взаимосвязях распыленных групп, о связи их с определенными территориями. Единственным возможным признаком при организации населения была осознаваемая им самим родовая связь. Низовые советы могли при этом условии объединить вокруг себя как органов власти определенные группы, сознающие свое этническое единство и осваивающие общеродовые (известные им самим) территории.

Принято в 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Временное положение об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР»¹⁰ положило начало административно-судебному устройству. Органами местного управления были: родовые собрания, родовые советы, районные туземные съезды и районные туземные исполнительные комитеты. Низовой коллективной единицей принят был род «или другое туземное объединение (ватага, наслег, улус и т. п.)», имеющее определенную территорию хозяйственно-промысловой деятельности. На общем родовом собрании выбирался родовый совет. Следующей ступенью была совокупность нескольких коллективных единиц (родов или других туземных объединений), принадлежащих к одному племени и занимающих известную территорию. Территория эта управлялась районным туземным исполнительным комитетом («тузрик»), избиравшимся на районном туземном съезде (нескольких родов или других объединений).

«Временное положение» во всех своих деталях исходило из особенностей быта и состояния малых народов. Одновременно с советами был введен туземный суд, действовавший на основе обычного права.

Самые принципы «Временного положения» и весь порядок его применения осуществляли важнейшую задачу национальной политики, состоявшую, в том, чтобы помочь отсталым народам «развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов»¹¹. Следует подчеркнуть, что «Положение» 1926 г. было временным, рассчитанным на подготовку населения к организации нормальных советов.

В тех случаях, когда сильное разложение родовых связей делало невозможным или нецелесообразным строительство советов по «ватажному» (родовому) признаку (как, например, у гольдсов, ульчей, гиляков, негидальцев, собственно тунгусов), советы были организованы по территориально-национальному принципу. По тому же принципу были созданы у крайне-западных ненцев (канино-тиманских и малоземельских) и у эскимосов (так называемые лагерные комитеты).

¹⁰ Собр. Узак. и распор., 1926 г., № 73, ст. 575.

¹¹ Из резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе».

Деятельность первых родовых советов протекала в сложной обстановке. Население было не в состоянии организовать собственные силы, неспособно было осознать смысл совершавшегося великого переворота. Ему были непонятны самые принципы сменившей старую администрацию власти: выборность, коллективность, самоуправляемость. У малых народов еще были крепки традиции подчинения единовластия родовых «князьцов», старшин, тойонов и т. д. Сугланы, как общеродовые правомочные собрания, выродились в фикцию: на них вершили дела те же князьцы и русская чиновная администрация, процветало спаивание.

Первое время власть советов воспринималась населением исключительно в форме единоличной власти председателей¹².

Не сразу уяснили туземцы разницу между советами и судами. Раньше и административные, и судебные функции осуществлялись одним лицом (тем же князьцом). В советских условиях суд, как таковой, был еще понятен туземцам, но далеко не так обстояло с советами: взимание ясака отпало, а основная деятельность советов (административная и особенно хозяйственная и социально-культурная) была совершенно нова и непонятна. Отсюда, очевидно, родилось сопоставление суда и совета: туземный суд был «большой начальник», больший, чем совет.

Немало препятствий встретило привлечение в советы женщин; их неизменно устранили даже от обсуждения общественных дел. Архивы того времени хранят фотографию группы тунгусок, приехавших на суглан, но не допущенных на него и сидящих в стороне от своих мужей и отцов.

Велики были организационные трудности. В глухих местах, отрезанных в то время даже от ближайших русских пунктов, первоначальную связь с населением устанавливали иногда торговые организации. В Хатангской тундре в 1924 г. «советы» были просто назначены работниками кооперации. Родовые собрания и съезды приходилось назначать чуть ли не за год: иначе не удавалось собрать даже членов одного рода.

Если упомянуть еще о значительном влиянии, а иногда и непосредственном участии в первых советах враждебных элементов, о пассивности бедноты, о сплошной неграмотности, то общая картина совершенно ясна. Понятен поэтому и затяжной характер становления советской власти у малых народов.

В этих условиях была предпринята большая разъяснительная работа, чтобы сделать советскую власть «прежде всего понятной» для местного населения. Нужно было помочь им осмыслить необходимость полной перестройки старой жизни, осознать идеи и задачи советской власти, принципы управления, значение здравоохранения и просвещения и пр. Только так можно было пробудить самодеятельность населения, достичь понимания того, что «советская власть не есть власть, оторванная от народа,— наоборот, она единственная в своем роде власть, вышедшая из русских народных масс и родная, близкая для них»¹³.

Деятельность советов распространилась постепенно на всю местную жизнь и стала наглядно полезной, понятной населению. Советы боролись с нарушением правил охоты, заботились о снабжении, оказывали материальную помощь бедноте. При большинстве советов были созданы для этого Комитеты взаимопомощи, выдававшие бедноте ссуды оленями, огнеприпасами, продуктами питания. Создавались, на случай бывавших в то время голодков, общественные запасы питания — мясные ямы на Чукотке, склады юколы у коряков. Население почувствовало улучшение

¹² Архивы содержат характерные иллюстрации такого понимания. Председатели туземных органов говорили обычно о себе: «я — родовой совет» или «я — тузрик»; на вопрос о местонахождении совета следовал часто ответ: «родовой совет (т. е. председатель) уехал».

¹³ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 61.

своего положения: «Раньше бедные сильно голодали; теперь бедные не голодают — кормиться можно», — говорили тунгусы.

Присвоение советам права административного взыскания, а местным районным исполнительным комитетам — издания обязательных постановлений, самостоятельного распоряжения соответственными денежными средствами, способствовало укреплению авторитета советов. Даже наличие у них печати импонировало местному населению, и акт ее передачи принимал иногда торжественный характер. Постепенно местное население начало понимать, что ему принадлежит власть, стало чувствовать себя хозяином тайги и тундры. Вокруг советов появился актив, усвоивший элементарные представления о советской власти, охотно помогавший в работе. Из этого актива вышли первые комсомольцы и партийцы Крайнего Севера.

Сеть советов стала расширяться. Население глухих отдаленных районов, где советов еще не было, узнавало о новой власти, заботящейся о трудящихся, и, не умея организовать их, обращалось за помощью к приезжавшим торговым работникам, врачам. Гиляки Ныйвы и окрестных селений потребовали открытия нового совета, так как ближайший к ним — Лунский — был слишком удален от них. «Плохо наши люди на Онгол и в Дженке живут — у них нет своего туземного совета», — жаловались торгонские гольды. Собравшиеся на суглан таймырские, чунские и другие тунгусы сами решили организовать не один, а два родовых совета. К 1930 г. у малых народов действовали уже 381 родовой совет и 61 туземный районный исполнительный комитет.

Наиболее наглядной и убедительной для местного населения явилась советская экономическая политика, состоявшая в конкретной помощи населению, в постоянных заботах об его нуждах. Постановления правительства РСФСР и СССР от 1927 г. и следующих лет малые народы были освобождены от уплаты всех налогов, сборов и пошлин¹⁴.

Сильно улучшила положение малых народностей уже в эти первые годы борьба советской власти с их эксплуатацией частными торговцами (неэквивалентный обмен пушнины, спаивание, наследственное долговое закабаление). Постановления правительства РСФСР 1924—1929 гг.¹⁵ сначала ограничили, а затем совершенно прекратили деятельность частного капитала «на окраинах Крайнего Севера, находящихся в особых бытовых и хозяйственных условиях». В 1927—1930 гг. запрещен ввоз и продажа спиртных напитков на северных окраинах¹⁶. Нарушителям грозили: штраф, принудительные работы, конфискация предмета сделки, высылка и запрет проживания на северных окраинах. Все сделки с туземцами, связанные с торговлей алкогольными напитками, отныне считались недействительными.

Много внимания было уделено восстановлению промыслового хозяйства малых народов. Основные промыслы, особенно пушная охота, находились в сильном упадке. Разнообразные меры были направлены на восстановление и охрану сырьевой базы (естественных запасов промысловой фауны) и на регулирование самого процесса добычи¹⁷.

¹⁴ Собр. узак. и распор., 1927 г., № 34, ст. 225; 1928 г., № 21, ст. 186; 1931 г., № 7, ст. 85; 1933 г., № 32, ст. 188 и др.

¹⁵ См. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 9 января 1924 г. «О порядке осуществления мероприятий, имеющих целью охрану туземцев Севера от эксплуатации»; от 7 сентября 1925 г. «О мероприятиях, направленных к организации правильной торговли в северных окраинах РСФСР и защите туземного населения от торговой эксплуатации со стороны частного капитала» (Собр. узак. и распор., 1924 г., № 18, ст. 180; 1925 г., № 61, ст. 498).

¹⁶ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 мая 1930 г. (Собр. узак. и распор., 1930 г., № 31, ст. 406) и др.

¹⁷ Не имея возможности останавливаться на этом вопросе, сослался на известное «Положение об охотничьем хозяйстве» (Собр. узак. и расп., 1923 г., № 17, ст. 216 и 1930 г., № 9, ст. 109) и «Положение о рыбном хозяйстве» (там же, 1927 г., № 102,

Среди других мер по укреплению туземного хозяйства надо упомянуть о начатом в те годы землеустройстве малых народов. Землеустройство должно было «обеспечить действительную охрану экономических интересов малых народов Севера, особенно в отношении закрепления за ними в трудовое пользование необходимых для ведения их хозяйства угодий»¹⁸. Оно разрешало важные политические и хозяйственные задачи: защищало местное население от возможных утеснений при отводе земель предприятиям и новопоселенцам, «прекращало захваты туземных угодий местными и пришлыми сторонними пользователями», лишало «пользования угодьями отдельных лиц и их групп, если они эксплуатируют население или ведут хищническое использование угодий».

В результате районы Крайнего Севера были очищены от самовольных поселенцев, скупщиков пушнины, торговцев спиртом и опиумом («ижемцев» в Канино-Тиманской тундре, староверов в Нарыме, «ангарцев» на Енисее, «карагасников» на Саянах, китайцев в Уссурийском крае). Землеустройство было необходимой предпосылкой для последующего хозяйственного планирования и национально-территориального районирования Крайнего Севера.

Все эти меры имели большое значение для уничтожения губительного колониального наследия. Они положили начало ликвидации нищеты и явились сильным фактором перелома в отношении населения к новой власти.

Самым мощным средством подъема и перестройки местного хозяйства и быта была на этом этапе торгово-кооперативная политика. Плановость, регулярность и полнота снабжения составляли предмет большого внимания советского правительства, начиная с первых лет советизации¹⁹. Значительную помощь малым народам оказало устройство «хлебозапасных магазинов для туземного населения Севера в целях поддержания его экономического благосостояния и хозяйственного развития»²⁰. Магазины эти выдавали ссуды «при стихийных бедствиях в непромысловые годы и, в отдельных случаях, маломощным хозяйствам». Коренные изменения претерпел ассортимент снабжения. Исчезли спиртные напитки и разная колониальная «заваль», появились «тяжеловесы» (мука, крупа, сахар), почти отсутствовавшие в прошлом вследствие невыгодности транспортировки их. Промысловое и хозяйственно-бытовое снабжение, сводившееся раньше лишь к ружьям, огнеприпасам и металлической посуде, значительно расширилось и состояло из разнообразных инструментов, орудий, материалов и сырья, в зависимости от местных особенностей. Началось широкое кредитование беднейшего населения товарами.

Большая перемена произошла в области сбыта местной продукции. Орудовавшие в прошлом частные капиталисты скупали, за редкими исключениями (европейские тундры, Обь, Амур), только пушнину. Советские заготовки распространились на самую разнообразную промыслово-оленьеводческую и кустарную продукцию (рыба, шкуры, сало и другие продукты морской охоты, оленье сырье, мясо диких зверей и птиц, орехи, ягоды, изделия домашнего производства). Это расширение сбыта сильно повысило товарность хозяйства, улучшило материальное положение населения.

ст. 684), на устройство заповедников и заказников, применение запусков, запрет вредных орудий добычи (кулём на соболя, крючковых снастей на рыбу и т. д.).

¹⁸ См. Собр. узак. и расп., 1931 г., № 60, ст. 437 и 1930 г., № 40, ст. 547 («Положение о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового населения северных окраин РСФСР»).

¹⁹ См. закон «О снабжении населения Крайнего Севера продовольствием и предметами первой необходимости» (Собр. узак. 1924 г., № 62, ст. 605), установивший впервые принцип «планового снабжения» малых народностей.

²⁰ Собран. узак., 1926 г., № 31, ст. 236.

Благотворную роль сыграла политика цен, исходившая из интересов местного населения: твердые отпускные цены на привозные товары и твердые заготовительные цены на местную продукцию, в том числе и на пушнину. Население почувствовало реальные блага, принесенные новой властью ²¹.

Тогда же началась ликвидация «торговых пустынь» Крайнего Севера. Торговая сеть увеличилась с 677 точек (факторий, кооперативов, госторгов, агентур) в 1926 г. до 1865 в 1933 г., т. е. за семь лет почти втрое. Глубинные, особенно кочевые, районы обслуживались развозным торгом, возродившимися, но совершенно изменившими свое лицо туземными ярмарками и (впоследствии) колхозными базарами.

Важнейшим проводником экономической политики была в те годы интегральная кооперация. Своеобразие обстановки (чрезвычайная распыленность населения на громадных пространствах, комплексный характер хозяйства и т. д.) вызвало организацию единой кооперации смешанного (интегрального) типа, которая могла охватить все население, все стороны его деятельности. Советское законодательство подчеркивало соответствие интегральной формы хозяйственному укладу малых народов и отнесло к ее задачам и торговые, и кредитные, и производственные операции ²².

Туземные кооперативы стали возникать в 1924 г. и в ближайшие два года появились во всех районах обитания малых народов от Канино-Тиманской тундры до Чукотки. Кооперативы оказывали разнообразную помощь населению: снабжали его средствами производства и материалами, обслуживали ремонтными мастерскими. В первые годы население получило (частью бесплатно) свыше 10 тыс. нарезных ружей с патронами, много капканов, сетей и пр. В дальнейшем кооперация проникла еще глубже в местное хозяйство. По мере своего укрепления кооперация начала охватывать различные производственные объединения народов Севера, юридически не оформленные, получившие название «диких», «неуставных» или «бытовых» артелей. Организация кооперированного труда облегчалась тем обстоятельством, что многие способы промысла по самой природе своей требовали коллективных усилий (запоры и заезды в рыболовстве, загоны и облавы в сухопутной охоте, добыча моржей и китов в морской охоте, промысел линной птицы). В 1926—1927 гг. действовали повсюду, при интегральных кооперативах, разнообразные промысловые «артели». Наиболее широко распространены они были в рыболовстве, требовавшем больших трудовых затрат и в процессе подготовки к промыслу, и в самом лове. Кооперация представляла таким объединением крупные и дорогие орудия добычи, непосильные для индивидуального хозяйства. У народностей низовьев Амура было учтено в 1927 г. до 70 артелей, много их было на Оби и на Енисее. В тайге — у охотских и камчатских ламутов, у карагас, тунгусов и др. — действовали сезонные объединения охотников, которых кооперация обеспечивала оружием и снаряжением. Образовались «товарищества» по грузоперевозкам у тунгусов. У морских охотников (чукчей и эскимосов, пенжинских коряков) такие объединения при кооперативах назывались «промысловыми группами». Производственно-экономической базой их служили вельботы с необходимым оборудованием, предоставленные

²¹ «При царе жилось плохо, — говорили туринские тунгусы, — не было оленей, не было товаров, пороха, муки. Промышлять было нечем. Сейчас, при советской власти, жить стало лучше, есть и олени, и порох, и мука, и другие товары» (Н. Никольшин, Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков, Л., 1939).

²² Собр. узак., 1929 г., № 2, ст. 13 и № 58, ст. 564; 1931 г., № 26, ст. 217; 1933 г., № 53, ст. 309.

кооперацией. У гольдов появились «артели» даже в таких новых отраслях, как огородничество и лесозаготовки.

Возникли и женские объединения — «бригады» по обработке шкур и пошивке одежды и обуви (у тунгусов, ламутов, гольдов, чукчей, коряков, эскимосов и др.), по выделке мешков из налимьей кожи и берестяных тисок (у остяков, ненцев), по вышивке художественных изделий (у остяков, ненцев, гольдов и др.). Многие из этих «прикооперативных» объединений послужили ячейками будущих колхозов, строительство которых развернулось в последующее время.

Советская власть на Сибирском севере осуществляла ленинский кооперативный план переустройства крестьянского хозяйства, разработанный и претворенный в жизнь Сталиным, план, включавший все формы кооперации — от низшей, снабженческо-сбытовой, до высшей — производственно-колхозной.

Отношение малых народностей к кооперации — одна из интересных страниц в истории национального строительства. Кооперация была наиболее доступной пониманию жителей Севера формой советской организации, непосредственно их касавшейся, и притом на важнейшем для населения участке. Большим преимуществом, сравнительно с прошлым, было значительное приближение товаров к населению. У него отпала необходимость отправляться лично на далекие фабрики или поручать свои торговые дела посреднику-эксплуататору. Очень целесообразным и удобным оказалось сосредоточение в одном месте и продажи товаров, и покупки местного сырья, и кредитных операций и пр.²³ Полезную работу кооперации население чувствовало не только в области торговли, но и во всей своей жизни. Кредитование бедноты на покупку оленей, предоставление объединениям более совершенных и эффективных средств добычи, содействие развитию новых отраслей производства, широкое и дешевое кредитование (особенно бедноты) мукой, удешевление привозных товаров и хорошая оплата местного сырья²⁴, активное участие в строительстве школ и медицинских пунктов — не могли не поднять авторитета кооперации. Отсюда понятна популярность кооперации у самых широких масс, считавших ее своей. Этим объясняется быстрый рост кооперирования местного населения. В начале 30-х годов кооперация охватывала от 40 до 100% хозяйств малых народов (у карагас — 100%, у вогулов — 91,5%, у остяков — 90,4%, у народов Амура — 73,3%, у ненцев — 42,5%). Кооперативы стали первыми очагами общественной жизни малых народностей. Они шли туда со всеми своими делами и находили невиданные ими до того культурные развлечения — кинематограф и радиовещание, даже «заезжую избушку» с излюбленным чаем. Вокруг интегральной кооперации создался первый туземный актив, насчитывавший немало женщин; многие кооперативы даже в глухих местах, как Чукотка, обслуживались самими туземцами. Кооперация выполнила громадную воспитательную работу. Она приучила население к сознательному ведению своих хозяйственных дел и была первой школой общественной работы.

Уничтожение главной формы эксплуатации — торгового капитала достигнуто было сравнительно легко. Эта эксплуатация имела явные формы, и носителями ее были чуждые и ненавидимые населению торговцы.

²³ Верное понимание кооперации хорошо выразили карагасы: «Своя лавка пользу приносит. В одну кучу класть, из одной кучи брать — лучше» (Очерки жизни и быта карагас, Иркутск, 1926).

²⁴ Торговля у малых народов носила в эти годы (да и много позже) форму прямого обмена промысловой продукции на товары по определенным твердым расценкам в денежном выражении. Законодательство о снабжении неземледельческого населения Крайнего Севера упоминает поэтому наряду со словом «продажа» и термин «товарообмен» (Собр. узак., 1924 г., № 62, ст. 605; 1926 г., № 31, ст. 236).

Аналогично обстояло дело и с другими эксплуататорами — бывшей царской администрацией, самовольными засельщиками — захватчиками угодий и пр. Борьба с ними была завершена в первые годы административно-судебным и экономическим путем (запрет частной торговли, аннулирование прежней задолженности, выселение торговцев). В 1931 г. СНК РСФСР уже констатировал «освобождение туземцев и трудового населения Крайнего Севера от вековой эксплуатации частного капитала путем ликвидации в основном в районах расселения малых народов частного торгово-посреднического и прочего предпринимательства, замененного кооперацией и государственными хозорганами»²⁵.

Сложнее протекала борьба с туземными эксплуататорами, сохранившими в значительной степени свои позиции и в советах, и в экономике. Хотя «Временное положение» о советах и лишило избирательных прав лиц, предусмотренных ст. 69 Конституции РСФСР, но родовый принцип построения советов не обеспечивал полного устранения «старших», «лучших» сородичей, бывших зачастую и эксплуататорами. Во многие советы проникли «кулаки» и близкие к ним крепкие «средняки»²⁶, в некоторых (у тунгусов, чукчей, эскимосов) беднота первое время в советах отсутствовала. Но даже и не будучи в составе советов, тойоны, старшины пользовались, по традиции, большим влиянием на родовых собраниях, где решались важнейшие дела. Еще сильнее было это влияние в хозяйственной жизни. Уничтожение частной торговли, сосредоточение всех операций в кооперативных и государственных организациях, приближение торговой сети к населению — подорвали зависимость его от туземных посредников. Однако в глухих местах с недостаточной торговой сетью (в начале 30-х годов на Тобольском севере и в Якутии одна торговая точка приходилась на 5—10 тыс. кв. км., на Дальневосточном севере — на 10—20 тыс. кв. км.) посредники еще орудовали. Сохранилось и экономическое господство крупных оленеводов как держателей основного источника существования тундровой бедноты.

Советская политика по отношению к различным социальным группам исходила из общих принципов национального строительства у отсталых народностей, прежде всего из конкретно-исторической обстановки их бытия. Применительно к малым народам нельзя было не считаться с исключительной неразвитостью классового самосознания трудящихся, с гнетом вековых традиций, с неограниченным влиянием крупных оленеводов. Отсюда вытекала недопустимость чисто административной борьбы с туземными эксплуататорами и осуществления ее силами русских советских работников. Глосное администрирование привело бы к затемнению социальных противоречий, к объединению туземцев-трудящихся с «кулаками» и шаманами в общем сопротивлении «русским начальникам» во имя «общеродовых» интересов. Борьбу следовало осуществлять силами самого местного населения, а для этого нужно было рассеять ту видимость патриархальных отношений, которая затуманивала классовое самосознание, сглаживала социальные противоречия и прикрывала эксплуатацию, нужно было привести массы к пониманию противоположности интересов трудящихся и эксплуататоров, создать крепкий туземный актив, завоевать доверие трудовой части населения. Именно в этом направлении велась непрестанная разъяснительная работа и действовала охарактеризованная выше экономическая политика советской власти, давшая возможность «народным массам вкусить от материальных благ революции»²⁷ и привлекавшая их на сторону новой власти.

²⁵ Постановление СНК РСФСР «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» от 8 сентября 1931 г., № 957.

²⁶ Эти термины применены в данном случае лишь условно.

²⁷ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 61.

Это позволило уже в первые годы начать наступление на эксплуататорские группы путем их ограничения, изоляции и вытеснения. По инициативе трудовой части населения, эксплуататоров лишали избирательных прав и устраняли из советов. Применялся классовый принцип в землеустройстве и снабжении. Крупным оленеводам давали твердые задания по поставкам оленей, пушнины, рыбы; неисполнение этих заданий вызывало штрафы и конфискацию. Отпуск нормированных товаров обуславливался обязательной сдачей оленьей продукции.

Кулачество ожесточенно боролось с новой властью, активно противодействовало всем ее начинаниям — организации советов, кооперированию населения, строительству совхозов. Известны случаи существования в некоторых местах, наряду с официальными советами, «нелегальных» родовых управлений во главе со старыми князьями, творившими суд и расправу. На родовых собраниях и в советах эксплуататоры нередко добивались враждебных советской политике решений: прикрепления бедняков «на еду» (на прокормление) к кулакам, выгодной для богатых разверстки угодий или подушной раскладки местных сборов. Ожесточенное сопротивление встретило вовлечение женщин в социалистическое строительство, борьба за их равноправие, за участие в общественной жизни, за отмену калыма, сорората и левирата.

Стремясь сохранить влияние на бедноту и восстановить против советов всю туземную массу в целом, кулаки пользовались пережитками старой патриархальной идеологии. «Неправильно делить один народ на богатых и бедных». «Богатые и бедные живут вместе, одинаковой жизнью». Богатый — покровитель и благодетель бедняков. Он защищает «своих людей» от высоких кооперативных паев, от сдачи рыбы, от школы и «русского шамана» — врача. Он их «кормилец», заботится о них, а бедняки тоже «помогают» ему. Покорность зависимой бедноты поддерживалась экономическим воздействием — «кормлением», раздачей скота, подарками.

Однако беднота даже самых глухих тундр начала сознавать необходимость борьбы с эксплуататорами. Вместо обычных ответов: «Я боюсь хозяина, потому что пью и ем у него», — слышались радикальные высказывания: «Мы знаем, что за оленями ходим мы; если мы за ними ходим, то они должны быть нашими, это верно», — говорили на собраниях коряки-пастухи Пенжинского района. В начале 30-х годов оленеводческое кулачество было значительно ослаблено во многих местах: в ненецких тундрах, от Канино-Тиманской до Ямала включительно, на севере современных округов Ханты-Мансийского и Эвенкийского, на Таймыре и в Якутии. В других, более глухих районах — на Сосве и Казыме, на Югане и Вахе, в Корякии и особенно на Чукотке оленеводы-кулаки были еще сильны.

Важнейшей предпосылкой успехов на этом этапе было социально-культурное строительство, направленное к ликвидации общей культурной отсталости малых народов. Именно в эти годы началось приобщение их к просвещению и образованию, положено начало заботам об их физическом состоянии, внесены в быт зачатки культурных навыков. Большое своеобразие имело и в этой работе. Обычные формы ее — школьное обучение и ликвидация неграмотности, политико-просветительная деятельность, лечебная помощь и пр. — были приспособлены к местным условиям. Так возникли, наряду со стационарными, передвижные учреждения, осуществлявшие комплексное обслуживание населения.

Оригинальной формой явились культурные базы Комитета Севера в составе: школы-интерната с детским домом, больницы с амбулаторией и яслями, «дома туземца», клуба, радио- и киноустановки, ветеринарно-зоотехнического пункта, показательных ремесленных мастерских, исследовательской краеведческой ячейки. Устраивали их в наиболее глухих, изолированных местах, куда тяготели оседлые и кочевые

туземцы²⁸. «Положение о культурных базах» подчиняло их работу «основной цели — вовлечению всех туземцев в социалистическое строительство и превращению баз в центры хозяйственно-культурной жизни каждой народности»; при этом подчеркивалось, что «достижение этой цели невозможно без глубокого всестороннего изучения людей и природы северных районов». Помимо просветительной и лечебной работы, культбазы создали много показательных производственных и бытовых предприятий. Таковы были питомники племенных собак, оленей и пушных зверей, опытные агрономические и животноводческие пункты, столярные, слесарные, сетевязальные мастерские, показательные хлебопекарни, даже жилища. Действовали различные курсы по подготовке работников из местного населения.

Население скоро оценило деятельность культбаз. И мужчины, и женщины вошли в их повседневную работу в качестве пастухов и каюров, санитарок. Туземки учились правильному уходу за детьми, стирке белья, хлебопечению. Мужчины становились слесарями, механиками, кооперативными и советскими работниками. Показательная работа баз распространилась далеко по тайге и тундре.

В ближайшие годы базы стали настоящими туземными городками, подлинными «центрами хозяйственно-культурной жизни» северных народностей. Там обычно находились туземные советы и районные исполнительные комитеты, интегральные кооперативы, учреждения связи и т. д. Около баз возникали первые туземные колхозы (Хаседа-Хард, бухта Лаврентия и другие).

Культурным базам Комитета Севера принадлежит почетное место в истории национального строительства на Крайнем Севере, и деятельность их заслуженно привлекала внимание многих иностранных ученых и общественных деятелей.

Аналогичным комплексом были широко распространенные на Севере передвижные «красные чумы», которые вели политико-воспитательную, культурно-бытовую и санитарно-просветительную работу среди населения, не охваченного стационарными учреждениями (культбазами и «домами туземца»). Красные чумы передвигались на оленях, собаках и лодках («красные лодки»), сопутствуя кочевому населению, останавливаясь в местах массового скопления туземцев на сугланах, ярмарках, факториях. Работа их охватывала все стороны жизни населения, от ухода за детьми до борьбы со знахарством.

В 1925—1926 гг. появились первые туземных школ, а к 1929—1930 гг. на Сибирском севере (кроме Якутской и Бурят-Монгольской АССР) было уже 131 школа. Учились в них, в среднем, около 20% детей школьного возраста (от 9 до 69% в отдельных районах). Значительная часть школ была интернатами. Стационарная сеть дополнялась передвижными школами, обслуживавшими наиболее удаленные кочевые группы.

Привлечение детей в школы встретило вначале сильное противодействие населения. От открытия школ до появления первых учеников проходило иногда два года в уговорах и разъяснениях. Учителя ездили по району, обходили юрты и чумы, долго увещевали родителей отдать детей в школу. Туземцы говорили: «Учить оленя надо, учить собаку надо, но зачем учить человека? Он и сам знает, как надо промышлять

²⁸ Комитетом Севера были открыты следующие культбазы: Хаседа-Хард, Ярсале и Хальмер-Сэдэ (для большеземельских и ямальских ненцев и тазовских ненцев и селькупов), Сосвинская (для вогулов), Казымская (для остяков), Туринская, Усть-Калаканская, Усть-Майская и Чумиканская (для енисейских, витимо-олекминских, алдано-майских и чумиканских тунгусов), Хатангская (для долган и иганасан), Нагаевская (ламутская), Сахалинская (для гилияков, ороков, тунгусов), Пенжинская (корякская), Чаунская и Вилюнейская (для одноименных чукчей), Чукотская — в бухте Лаврентия (для чукчей и эскимосов).

и жить; чему полезному может научить его школа, да еще русская?» Родители боялись, что дети, узнав в школе что-то новое, неизвестное самим родителям, отобьются от старой жизни, разучатся охотиться и рыбачить, пропадут в гундре и тайге. Особенно непопулярна была школа в таких глухих местах, как внутренний Ямал, Гыданская и Тазовская тундры, Казым, Вах, Таймыр, Чукотка.

Эти сомнения были хорошо выражены делегатами на одном из первых пленумов Комитета Севера: «Наш народ поручил нам спросить у самого большого начальника: а правду ли на месте нам говорят, что нам нужно учиться и что мы должны отдавать детей в школы?»

Стремясь изолировать население от советского русского влияния, кулаки и шаманы агитировали против образования. Они противодействовали вербовке в школы, апеллируя к родительским чувствам (тягость разлуки с детьми), указывая на существенную помощь от детей в хозяйстве, запугивая и родителей и детей разными мнимыми бедами.

Враждебному влиянию была противопоставлена энергичная борьба за школу. Наглядная польза всей советской политики, интерес самих детей к тому новому, что несла школа, — довершили перелом, и через один—два года школы были полны.

Работа северных педагогов была нелегка. Дети поступали в интернаты привычными к совершенно иному быту. Все им в школе было в диковинку; они долго и с трудом воспринимали элементарные культурные навыки. Много недель проходило, пока они приучались носить белье и раздеваться на ночь, спать на кроватях, мыться, пользоваться мебелью и посудой. Постепенно дети привыкали к новому быту. Ненецкий школьник, долго сопротивлявшийся первой стрижке, сам напоминал о ней перед каникулами, так как это спасало его летом от паразитов. А за ним требовал того же его младший брат, не побывавший еще в школе.

Вся работа школы исходила из особенностей быта северных народностей, была приспособлена к их нуждам. Учебные планы строились на краеведческом материале (более понятном и нужном для школьников), применительно к главным типам местного хозяйства — оленеводческому, охотничьему и рыболовецкому. Распределение учебного года соответствовало хозяйственному календарю населения. Обучение состояло из очень ограниченного круга знаний по языку и арифметике. Преподавание в эти первые годы велось на русском языке и было сопряжено с большими трудностями. Практиковалась разнообразная методика. В одних школах применялось запоминание графических образов слов с помощью самодельных рисунков, в других — буквенный или слоговой метод.

Родители внимательно следили за жизнью и учебой детей в школах-интернатах и убеждались, что им живется там лучше, чем дома²⁹. В дальнейшем население уже само требовало открытия новых школ, снабжало их юколой, олениной, само потянулось в школы. Взрослые люди нередко приезжали в интернаты, заявляя: «Мы не уедем отсюда, учи нас читать и считать, будем вместе с детьми учиться», — и садились на школьные парты рядом с сыновьями и внуками.

Трудно переоценить культурное значение северной школы. Пионеры-школьники были активными проводниками советского влияния в туземные массы. Они приносили в семью материалистическое объяснение явлений природы, новые представления об общественной жизни и советской власти, знакомство с русским языком, культурные навыки

²⁹ Вспоминается по этому поводу следующий эпизод. В корякском интернате несколько ребят погибло от кори. Учителя пришли в смутение, опасаясь, что население перестанет отдавать детей учиться. Между тем отец одного из умерших привел другого сына со словами: «Старший помер — так возьми этого». Объяснялось это тем, что в стойбищах эпидемия была сильнее, чем в школе. (Из дневника автора).

(мыло, гребенка, нательное белье). А следом появлялся букварь, правда, еще не доступный взрослым.

Окончившие школу туземцы продолжали образование на курсах и в туземных отделениях техникумов, рабочих факультетов, советско-партийных школ и школ промысловой молодежи в различных городах Сибири (Тобольск, Туруханск, Игарка и др.). Позднее возникли самостоятельные туземные техникумы и училища (Колпашево, Енисейск, Хабаровск, Николаевск на Амуре и др.). Видное место в подготовке туземных кадров занял Институт народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. Зародышем его была северная группа рабочего факультета (впоследствии Северный факультет) Ленинградского университета; там появились в 1925 г. первые 26 студентов — туземцев Крайнего Севера.

Развернулась массовая политико-просветительная работа. Широко использовались для этого все формы общения с населением на родовых и кооперативных собраниях, на культурных базах и ярмарках, в заезжих домах («дома туземцев»), избах-читальнях. Туземцы засыпали работников самыми разнообразными вопросами и любили получать разъяснения в повествовательной форме. Многие политические доклады облекались поэтому в форму рассказов.

Уже в это время родилось стремление к просвещению среди взрослого населения. Сымские и токминские тунгусы, остяки и другие туземцы, работавшие в советах и кооперативах, самоучками или с помощью русских соседей усваивали грамоту, счетоводство. Ургувай, председатель одного из первых гилякских колхозов, жаловался: «Надо свободное время учиться, а то плохо — неграмотный председатель», и отправился на пункт ликбеза, хотя ему было уже 54 года. Однако, хотя к началу 30-х годов грамотность у малых народностей несколько поднялась, но во многих районах тайги и тундры, особенно среди кочевников, царила еще в то время сплошная неграмотность.

Проникновение медицинской помощи сопровождалось едва ли не большими трудностями, чем внедрение школы. Шаманы, осуществлявшие и функции лекаря-знахаря, всячески противодействовали советским врачам. И тут косность и предубеждение были сломлены работой и разъяснениями советских медиков. С 1924—1925 гг. на Севере действовали разъездные «врачебно-обследовательские отряды Российского общества Красного Креста». Кроме оказания медицинской помощи, они вели большую санитарно-просветительную работу. Чрезвычайно восприимчивые к инфекционным заболеваниям («мягкие к смерти», по выражению чукчей), страдавшие почти поголовно бытовыми болезнями, туземцы ощутили пользу советской медицины.

Так протекала в 1925—1930 гг. культурная революция у северных народностей.

Важнейшим итогом первого пятилетия национального строительства было окончательное укрепление советского строя у малых народностей. Население осознало сущность новой власти, неизменно заботившейся о трудящихся. Малые народы поняли, что все появившееся у них новое и хорошее принесла советская власть. Отсюда родилось прочное доверие ко всему, от нее исходящему. «Советская власть сделала и дала тунгусам много добра. Это добро — наше хозяйство, его надо беречь», — говорили забайкальские тунгусы. Узнав об избрании остяка Шиянова во ВЦИК, соплеменники его заявили: «Если Шиянова выбрали в самый главный совет, то значит советская власть любит остяцкий народ, и мы будем еще крепче стоять за нее».

«Массы увидели, что советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний»³⁰.

Велика была популярность среди малых народностей Великого Эрема (могучий, сильный человек) — Ленина. Председатель родового совета коряк Тылман, который «уже два года служит Ленину», передавал на собрании его слова, что «войны между белым большим человеком и маленьким человеком (туземцем.— М. С.) больше не будет», что «тундра будет принадлежать коряку, чукче и всем маленьким народам». Малые народы хорошо знали, что «Ленин — за бедных, и запретил обижать бедного маленького человека, отбирать у него пушнину за шальную воду» (водку)³¹.

Население Дальнего Востока, запуганное интервентами, скоро поняло ложь антисоветской агитации. На съезде гиляков, ороков и тунгусов Сахалина в 1930 г. делегаты заявляли: «японцы говорили: большев (большевик.— М. С.) придет — нас убьет, боялись — страшно было, теперь не страшно. Очень, очень советское правительство родные нам люди»³².

Громадный авторитет завоевала в эти годы коммунистическая партия, руководившая национальным строительством.

Понятие советской власти олицетворяли в глазах населения русские люди. «Теперь мы знаем, что есть такие начальники, которым можно сказать, какая беда, — они всю беду поправят», — говорили карагасы. Постоянное общение с советскими учреждениями способствовало сближению населения с русским народом, усвоению русского языка, проникновению новой культуры. Замечательное стремление к ее восприятию проявляли карагасы, пригласившие в свой колхоз русскую семью, которая должна была научить их выпечке хлеба, уходу за скотом, разведению огородов и т. п.

Протоколы туземных собраний показывают, как быстро малые народности научились критиковать недостатки своих учреждений: «Прошлый год хоть злой секретарь, да был. Хоть работы и не видели — хотя ездил, а теперь нет никого — совсем худо стало. Надо требовать секретаря», — заявляли быстринские ламуты. «Родовому совету хорошо работать надо, защищать туземцев. Прошлый год мы жили плохо, потому что родовой совет плохой». «Маленько лечить надо, врача прислать надо, оленей лечить надо». «Посылать таких докторов надо, которые от самоедов не отрекаются». Такими заявлениями пестрят выступления туземцев³³.

Разъяснительная работа, борьба с насильственными браками, многоженством, калымом и другими тягостными для женщины пережитками вызвали доверие туземок к советской власти. Они сделали самостоятельнее, стали участвовать в общественных делах и в советах. У енисейских тунгусов первыми добились совещательного голоса вдовы — главы семей. А в 1928 г. суглан тех самых таймурских и соседних родов, которые несколько лет назад лишили женщин права голоса, постановил: «Восстановить женщин в одних правах с мужчинами решать вопросы из тунгусской жизни и, кроме того, допустить женщин быть избираемыми в родовые советы и в родовые суды»³⁴. В конце 1929 г. в туземных советах было шесть делегатов. Многие туземки начали обращаться в суд при семейно-имущественных и брачных недоразумениях, связанных чаще всего с калымом, левиратом, родовыми нормами

³¹ Из дневников автора.

³² Во время советско-китайского конфликта в Хабаровск попал замечательный документ за подписью 12 гольдов: «Просим Комитет Севера дать нам план, как нашим семьям лучше перебраться с китайской стороны на русскую, советскую нам сторону... В настоящее время за границей нам очень тяжело жить: нас притесняют китайские отряды, забирают последнее имущество, отобрали у нас охотничье оружие, и мы не можем охотиться. Над нашими семьями китайские солдаты издеваются».

³³ Из дневников автора.

³⁴ Н. Н. Кульшин, Цит. соч.

наследования. Передовые туземные суды (ненецкие, тунгусские, карагасские) уже в те годы исходили обычно из советского права: признавали противозаконность калыма, право вдовы на самостоятельность.

Важным событием в жизни туземок было состоявшееся в 1930 г. при ЦК ВКП(б) совещание по работе среди женщин северных народных территорий. Совещанием принята обширная программа мер «по раскрепощению трудящихся женщин-туземок и развертыванию массовой воспитательной работы среди них в целях широкого вовлечения тружениц Севера в социалистическое переустройство северных окраин Советского Союза». Деятельность местных организаций сильно оживилась. Побывавшие на совещании туземки стали пользоваться на родине исключительным авторитетом, так как они встречались в Москве с самыми «большими советскими головами», и сделались активными проводниками партийной политики.

II

Успехи национальной политики подготовили почву для следующего этапа — национально-территориального районирования Крайнего Севера. Новые задачи, поставленные в те годы перед страной, — завершение индустриализации и реконструкции сельского хозяйства — требовали коренного изменения старой системы управления на Крайнем Севере, перехода от условного «Временного положения» к постоянной нормальной организации власти. Постепенный переход от родовой к территориальной системе начался еще в первые годы советизации³⁵. С 1927—1928 гг. некоторые местные органы, по собственной инициативе, укрупняли родовые советы, переименовывали их в «туземные советы» и применяли «Положение о сельских советах» с изменениями в зависимости от местных условий. Происходило это под руководством ВЦИК («Центризбирком») и Комитета Севера.

1927—1932 гг. были периодом искания новых, специфических для народов Севера форм организации. К 1929 г. на Севере было, помимо родовых, уже около 100 территориальных (сельских, национальных, наследных) советов. В 1929—1930 гг. возникли первые национальные районы (Нанайский, Ульчский, Чукотский, Эскимосский), некоторые из них (Алеутский, Тофаларский) — по инициативе самих туземцев. Тогда же появился первый национальный округ — Ненецкий³⁶.

Опыт организации национальных районов оказался удачен: повысилась активность населения, ускорилось хозяйственное и культурное развитие, появились первые колхозы. Вскоре этот опыт был распространен на всю территорию обитания северных народов. Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера»³⁷ учреждено 8 национальных округов (в составе 36 районов) и 8 национальных (тунгусских) районов, не входящих в округа.

³⁵ Напомним, что у некоторых групп советы были с самого начала организованы по территориальному признаку.

³⁶ История его образования вкратце такова. Территории расселения европейских ненцев находились в Архангельской губ. и области Коми. Развитые более других, европейские ненцы осознали себя в советских условиях единой народностью. IX съезд ненцев Архангельской губ. потребовал в январе 1929 г. у Комитета Севера и Архангельского губисполкома «объединить всех ненцев вместе, в один округ». Соседние малоземельские ненцы присоединились к этому: «Мы, ненцы Малоземельской тундры, ходатайствуем и настаиваем на решении IX Ненецкого съезда советов о создании единого Ненецкого округа, объединив тундры: Малоземельскую, Большеземельскую, Тиманскую, Канинскую... Мы, ненцы (самоеды), просим нам дать полные национальные права, как велел В. И. Ленин» (23 мая 1929 г.). Летом того же года желание это осуществилось.

³⁷ Собр. узак., 1931 г., № 8, ст. 98.

Организация новых национально-административных единиц была закончена в 1931 г. Изданное в следующем году «Положение об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР»³⁸ определило порядок образования, структуру и компетенцию новых органов управления. Одновременно решен вопрос о низовой сети советов³⁹. В национальных округах образованы сельские (с большинством оседлого населения) и кочевые (с большинством кочевого и полукочевого населения) советы. Сельские советы действовали на основе общего о них «Положения», кочевые — на основании особого, утверждаемого ВЦИК.

Права советов и районных исполнительных комитетов значительно расширены; они стали теперь органами не только самоуправления, но и власти. Подчинялись они уже не родовым собраниям, а вышестоящим организациям. Вслед за этим организованы органы юстиции — окружные и народные, сельские и кочевые общественные суды⁴⁰. Все это завершало построение у северных народностей единой нормальной советской системы управления и суда, исходившей из особого состояния малых народов.

«Положения» о низовых советах и окружных органах прямо ссылались на «особые условия работы органов советской власти в национальных округах на Крайнем Севере РСФСР»⁴¹. Эти особые условия сказались более всего в законах, относящихся к кочевому населению, к его советам и судам⁴². В перечне «предметов ведения кочевых советов» особо упоминались: защита интересов батраков и «охрана от бытовой эксплуатации» (ст. 17 и 19). Предусматривались специальные формы связи совета «с отдельными кочевыми группами, кочующими не по линии передвижения кочевого совета», через особых уполномоченных (ст. 38). Каждый совет должен был «иметь два временных местопребывания, на летних и зимних стоянках основной массы населения, а остальное время передвигаться с основной массой кочевого населения» (ст. 42). Работу советы вели на родном языке населения (ст. 41). Аналогичную специфику находим и в «Положении» о кочевых судах: «Время суда устанавливается с учетом всех местных условий, причем всячески должны быть использованы общие собрания граждан, ярмарки, массовый приезд на фактории и т. п.» (ст. 12). К проступкам, подведомственным кочевым судам отнесено, между прочим, «удаление роженицы из дома в опасное для жизни и здоровья матери и ребенка место» (ст. 9).

«Положение» об окружных органах также проникнуто особой заботой о северных народностях. Большие отличия от общих норм в таких вопросах, как советско-административное устройство, планирование, финансы, предоставляли национальным округам широкую самостоятельность и инициативу, обеспечивали их развитие, оберегали от шаблонного отношения к ним вышестоящих органов, увеличивали их ответственность и значение в общей системе Советского государства. В своей совокупности черты эти, свойственные положениям об автономных областях, придавали объединениям малых народностей характер первичной формы национально-территориальной автономии.

Эта первичная «племенная» автономия, предоставленная этнографическим группам Севера, наглядно иллюстрировала указание

³⁸ Собр. узак., 1932 г., № 39, ст. 176.

³⁹ Там же, ст. 196.

⁴⁰ Там же, 1933 г., № 21, ст. 170.

⁴¹ Там же, 1932 г., № 39, ст. 196.

⁴² «Положение о кочевых советах в национальных округах и районах Северных окраин РСФСР», Собр. узак., 1933 г., № 49, ст. 209 и «Положение о кочевых общественных судах в национальных округах и районах Северных окраин РСФСР», Собр. узак., 1933 г., № 54, ст. 241.

И. В. Сталина, данное им в 1920 г.: «Эта эластичность советской автономии составляет одно из первых ее достоинств, ибо она (эластичность) позволяет охватить все разнообразие окраин России, стоящих на самых различных ступенях культурного и экономического развития»⁴³.

Национально-территориальное районирование Крайнего Севера означало новый этап развития советской власти на громадной территории, создание на самых отдаленных окраинах опорных пунктов Советского государства, осуществляющих социалистическое переустройство. Районирование открыло новую страницу в истории национального строительства у малых народов. Оно оказало громадное влияние на политическое, хозяйственное и общекультурное развитие бывших «иногородцев» царской России. Образование самостоятельных районов, объединявших распыленные ранее родовые советы, а для многочисленных народностей (ненцев, остяков и вогулов, эвенков, чукчей, коряков) — округов, охватывавших разрозненные туземные районы, уничтожало административную черезполосицу, препятствовавшую объединению отдельных народностей. Завершение этапа собирания разобщенных родовых и племенных групп способствовало развитию у них национального самосознания, их сплочению и организации. Эти процессы формирования новых исторических народностей начались у таких, более крупных этнографических групп, как ненцы, остяки и вогулы, тунгусы и ламуты, гольды, чукчи и коряки.

Сыграло известную роль в этом отношении и разрешение в 1929—1930 гг. вопроса о самоназваниях народов. Старые названия вносили не мало неясности и ошибок⁴⁴. Иногда они объединяли одним термином совершенно различные, порой даже не родственные этнографические группы: остяков с кетами и остяко-самоедами, собственно тунгусов с ламутами, ненцев (юраков) с энцами и нганасанами, карагас с чулымскими татарами и т. д. В других случаях они, наоборот, искусственно разделяли единые этнические образования на разные, будто бы, части; примером служат: гольды с самагирами, коряки с кэрэками, ненцы с юраками, собственно тунгусы с орочен/л/ами и др. Замена старых, считавшихся иногда оскорбительными (правда, без достаточных оснований) названий новыми самоназваниями⁴⁵ была свидетельством политического такта и внимания к малым народностям.

Осознание этнического единства нашло материальное выражение в начавшемся, вслед за образованием новых административных единиц, процессе стягивания разрозненных племенных групп в свои национальные районы. Остяко-самоеды южных и западных частей Нарыма (рек Кети, Оби, Чаи, Парабели, Васюгана), так называемые суссе-кум, стали переселяться во вновь образованный Тымский национальный район, населенный другой группой остяко-самоедов — чумыл-куп. Аналогичные переселения наблюдались у камчатских ламутов, колымских юкагиров, на Амуре — среди гольдов и ульчей.

Национальное районирование имело и другое последствие. Оно ликвидировало унаследованную от прошлого разобщенность малых народностей от остального населения Крайнего Севера, объединило туземцев со всеми другими жителями в общем деле социалистического строительства, усилило культурное влияние передовой русской народности. С организацией национальных объединений увеличилась мощь советского государства малым народностям. Высшие правитель-

⁴³ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 60.

⁴⁴ Иллюстрацией этому служат приведенные выше (стр. 122) первоначальные списки северных народностей и разработки триполярной переписи 1926—1927 гг.

⁴⁵ Однако не все новые термины удачны; некоторые из них искусственно надуманы и не привились населению (долганы, луораветланы и др.). На очереди поэтому вопрос об их пересмотре.

ственные органы РСФСР и СССР уделяли неизменное внимание и громадные материальные средства национальным округам и районам⁴⁶.

Еще более вырос авторитет советской власти, партии и «главного, вместо Ленина, большевика Сталина, работающего так, как говорил Ленин»⁴⁷.

Наиболее важным событием в области просвещения было в этом периоде создание письменности на языках малых народностей. Ему предшествовала большая работа по изучению этих языков, выполненная главным образом Научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера. В 1932 г. Президиумом ВЦИК образован специальный Комитет нового алфавита народов Севера с сетью филиалов в национальных округах и районах. Началось издание литературы на языках малых народностей. На Крайнем Севере появились полиграфические базы, располагающие комплектами шрифтов на местных языках. В окружных и районных центрах стали выходить газеты, доступные местному населению.

Создание письменности явилось мощным фактором дальнейшего культурного развития малых народностей. К 1934 г. было уже более 300 туземных школ с 11 тысячами учащихся (свыше 60% всех детей школьного возраста), а в некоторых национальных районах (Алеутском, Анайском, Тофоларском) школой были охвачены 100% детей. К началу того же 1934 г. общая грамотность малых народов поднялась до 30%, появились районы сплошной грамотности (три упомянутые выше, Ульчский, Катангский и др.).

Усилилась в эти годы подготовка национальных кадров. Общее количество учащихся в семи основных техникумах и институтах народов Севера достигло 900. В ленинградском Институте народов Севера было 400 студентов. С 1931 по 1937 г. институт выпустил 206 туземцев-специалистов. Многие из них стали впоследствии государственными деятелями. Из его стен вышли первые ученые — алеут Хабарсов, ненец Пырерка и другие.

Сталинская Конституция открыла новую главу в советской истории малых народностей. Она завершила разрешение важнейшей задачи, состоявшей в том, чтобы «приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и насадить, таким образом, национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам»⁴⁸. Отсталые северные племена полностью приобщены к государственной жизни страны. Через Совет национальностей они участвуют, наравне с другими, в законодательной деятельности, в образовании Президиума Верховного Совета, правительства и Верховного суда. Эпоха Сталинской Конституции ознаменовалась новым подъемом малых народов, вовлечением в социалистическое строительство широких туземных масс, дальнейшим ростом хозяйства и культуры национальных районов.

Неизменное внимание к малочисленным и отсталым народностям нашло яркое отражение в избирательном законе, предусматривающем представительство в Совете национальностей каждого национального округа, независимо от численности его населения. Распыленность насе-

⁴⁶ См., например, Постановления Президиума ВЦИК и СНК РСФСР «по докладу Комитета Севера» от 30 сентября 1931 г. (Собр. узак., 1931 г., № 60, ст. 437), «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» от 8 сентября 1931 г. за № 957, Президиума Совета национальностей ЦИК СССР «Об обслуживании малых народностей севера» от 2 июня 1932 г. и др.

⁴⁷ Из резолюции III съезда советов пенжинских коряков, самых отсталых в прошлом из всех многочисленных групп этой народности (журнал «Советский Север», 1932 г., № 3).

⁴⁸ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 156.

ления на громадных пространствах вызвала специальное постановление ЦИК СССР «об избирательных участках в северных и кочевых районах и мелких поселениях» от 3 октября 1937 г. Сложная в северных условиях подготовка к выборам пользуется большим вниманием правительства.

Выборы 1937 г. показали высокую активность, организованность и культурный рост местного населения. С тех пор дни выборов и открытия новых сессий Верховного Совета стали у народов Севера популярными праздниками. Они знаменуются перевыполнением производственных планов, принятием новых социалистических обязательств. В эти дни происходят любимые местным населением состязания в стрельбе и беге, устраиваются собачьи и олени бегая. Чукчи, коряки, эскимосы и ламуты Камчатской области заявили в своем приветствии первой сессии Верховного Совета в январе 1938 г.: «Впервые в истории в верховном органе власти будут решать государственные вопросы бывшие пастухи северной тундры чукча Тывлянто и коряк Обухов».

Громадные изменения во всей жизни малых народов (в экономике, быту, общей культуре) явились предпосылкой для коренной социально-технической реконструкции их хозяйства.

Коллективизация на Крайнем Севере происходила с учетом особенностей хозяйства, быта, общекультурного состояния малых народов. Господствующей формой колхоза в начальном периоде (1928—1932 гг.) было простейшее производственное объединение (ППО), равнозначное по социальному содержанию ТОЗ (товариществу по совместной обработке земли) в крестьянском хозяйстве. Основую ППО являлось объединение промысловых угодий и коллективное их использование, без обобществления средств производства. В оленеводческом хозяйстве ППО создавались для совместного выпаса оленей. Временный характер объединения, отсутствие обобществленного имущества, распространение коллективного труда лишь на одну отрасль, а не на все хозяйство — таковы отличительные черты первых ППО.

ППО стали крепнуть, охватывать все отрасли труда. Появились так называемые смешанные ППО. Возникли новые источники дохода — второстепенные промыслы (дичный, ягодный, ореховый и др.) и заработки (извоз, лесозаготовки). Бригадная организация труда и применение новых, более совершенных, не доступных ранее средств производства (неводов, пловучих средств, капканов и пр.) повысили производительность труда. Увеличивалось, благодаря лучшему выпасу, олень поголовье. Возросли доходность и товарность. Создавались, в результате обобществления части доходов, неделимые фонды.

Население встретило первые ППО с большим интересом. Не вошедшая в колхозы масса внимательно следила за ними. Многие приезжали издалека и, пользуясь обычным гостеприимством, жили подолгу в колхозах, присматривались к их работе, выжидали ее результатов.

1932—1933 гг. были в северном колхозном строительстве годами перелома, аналогичными «великому перелому» 1929 г. в центральных районах. К этому времени относятся важнейшие директивы ЦК ВКП(б) (от 22 и 26 июня и 1 сентября 1932 г.) о коллективизации малых народностей и появление «примерных уставов» (интегрального кооперативного товарищества, простейшего производственного северного смешанного товарищества и других отраслевых), окончательно определивших социально-экономическую и юридическую природу туземных колхозов.

Дальнейшее строительство колхозов развивается в двух основных формах — товарищества и артели. Артели создаются в более освоенных, хозяйственно и политически окрепших районах, обычно южных (таежных) и приморских, в большинстве у оседлого промыслового населения. В северных (тундровых и внутренних) районах, в соответствии

с общим более низким уровнем развития, преимущественно у кочевых оленеводов, основной формой остаются ППО. Но по мере своего хозяйственного укрепления и развития района они переходят на устав артели.

Колхозный строй складывался в обстановке ожесточенного сопротивления кулачества, принявшего особенно острые формы у тундровых оленеводов. Одним из сильнейших средств в борьбе с кулачеством была попрежнему экономическая, особенно торговая, политика. Сосредоточение товарооборота в социалистическом секторе изменило социальное содержание товарных связей туземного хозяйства и освободило его от эксплуатации.

Видное место в наступлении на эксплуататоров заняли кочевые общественные суды и кочевые советы, которые в лице туземцев-активистов ревностно защищали интересы трудящихся. Практика ненецких, остяцких, тунгусских, корякских судов показывает, что они расторгали кабальные сделки кулаков с беднотой, часто вскрывали бытовую эксплуатацию и т. д. Широко практиковалось лишение нетрудовых элементов избирательных прав и изгнание их из советов.

К 1939—1940 гг. коллективизировано, в среднем, около 75% хозяйств малых народностей (от 98% в Эвенкийском национальном округе до 42,1% в Чукотском). Социалистический уклад стал, таким образом, господствующим на Крайнем Севере.

III

Попытаемся наметить в общих чертах результаты социалистического строительства у малых народов. Остановимся, в первую очередь, на ликвидации хозяйственной отсталости.

Значительно изменилась техника основных промыслов: увеличилось количество и повысилось качество старых орудий, появились новые типы вооружения. Преобладавшие ранее устарелые ружья (шомпольные, кремневые, пистонные) сменяются усовершенствованными патронными, центрального боя и специально созданными для малых народов новыми типами ружей. Реконструировано основное орудие песцового промысла — архаическая «пасть», приносившая громадный ущерб охотникам. Современная «корытная пасть» защищает добычу от хищников. Широко распространены новые приборы — ящичные ловушки и железные капканы. Особенно улучшилась техника рыбного лова. Широко распространены эффективные сетеснасти (в том числе крупные неводы), почти не встречавшиеся в прошлом у малых народов. Механизирована неводная тяга, промыслы обслуживаются моторными судами. Морской промысел на Чукотке обеспечен китобойными «пушками», гарпунными и нарезными ружьями, рульмоторами и вельботами. Характерным переходным типом является тут архаическая байдара, приспособленная под рульмотор.

Главную роль в основных отраслях (рыболовство, сухопутной и морской охоте) играют уже не туземные, а привозные, более совершенные, иногда весьма крупные средства производства. Большинство их принадлежит к так называемым активным орудиям, рассчитанным на активные действия промышленника, а не на пассивное ожидание добычи. Применяются мускульная сила лошади, различные механизмы (вороты, лебедки), тракторы. Почти исчезли архаические орудия: лук, копьё, спица, марики и другие, широко бытовавшие в недавнем прошлом. Отмирают самобытные, экономически нецелесообразные и вредоносные приборы (давящие и ущемляющие ловушки, запоры) и способы добычи (поколки). Хотя повсюду еще используются старые средства производства, но решающее значение в промыслах принадлежит

уже новым, приносящим преобладающую часть продукции. Особенно это относится к рыболовству.

То же нужно сказать и о водотранспортном инвентаре, обогатившемся «настоящими» пловучими средствами, снабженными килем, рулевым управлением, парусами, парной греблей (русские лодки, баркасы, вельботы, плоскодонные баржи и кунгасы), и механизированным транспортом (катеры, моторные лодки, кавасаки и проч.). Вместе с тем сохранились и старые средства передвижения — долбленные обласы, ветки и баты, берестяные оморочки, карбасы, байдары и пр. Основным средством сухопутного сообщения остались незаменимые в условиях Крайнего Севера олени и собаки. Наряду с этим успешно развивается конный и даже автомобильный транспорт (у гольдов, ульчей, охотских ламутов). Для некоторых народностей характерно одновременное развитие нескольких видов транспорта: оленного, собачьего и конного (коряки и охотские ламуты), оленного и конного (карагасы и колымские юкагиры), собачьего и конного (камчадалы).

Изменилась и такая отсталая отрасль, как оленеводство. Улучшилась кормовая база благодаря внедрению правильного пастбищеоборота. Рационализированы условия выпаса. Отмирает первобытный, так называемый вольный выпас, являющийся временным отказом от приручения животных и сопровождающийся громадной их потерей. Практиковавшие его туруханские остяко-самоеды, енисейские тунгусы и другие таежные оленеводы перешли к выпасу с дымокурами в огороженных участках тайги. Восточно-сибирское, наиболее примитивное оленеводство обзаводится, правда медленно, оленегонными собаками. Ненцы европейские и ямальские, тунгусы, коряки применяют коррали, известные в прошлом одним только лопарям. Оленеводство получило невиданную ранее ветеринарно-зоотехническую помощь. Много новшеств появилось в транспортном оленеводстве. Сконструировано новое верховое и вьючное седло, практикуются седлание на спину, парные дышловые запряжки; стало развиваться и доение оленей (у селькупов).

Далее нужно констатировать сильное развитие исконных и новых источников существования. Рост основных промыслов (сухопутной и морской охоты и рыболовства) вызван привлечением новых объектов, ранее не эксплуатировавшихся, и расширением добычи во времени и пространстве (удлинением охотничьего сезона, переходом к круглогодичному рыболовству, освоением новых угодий).

Значительно изменился хозяйственный комплекс. Усилился рыбный промысел у тех, у кого он ранее был случайным (нарымские тунгусы, карагасы, чукчи). У других он стал из второстепенного основой хозяйства (карские и ямальские ненцы, кеты, долганы). Приобрела значение малоразвитая в прошлом пушная охота у некоторых кочевых и оседлых (чукчи, чуванцы, эскимосы). Появилось пушное звероводство. Возобновился регулярный промысел кита на Чукотке. Увеличилась распространность оленеводства среди оседлых, в том числе и не занимавшихся им раньше (чукчи, коряки, гиляки, орочи, алеуты).

Сильно развились второстепенные добывающие промыслы (ягодный, ореховый, отсутствовавший раньше сбор грибов и лечебно-технического сырья) и разные кустарные занятия: пошивка обуви, одежды, ковриков и пр. (почти повсеместно), производство лодок, сетеснастей, веревок из тальника (на Оби, Енисее и в других местах), костерезного (особенно у чукчей и эскимосов), слесарного (у коряков), художественных вышивок (у тунгусов, народов Амура, коряков и пр.). Возникли кустарно-ремесленные артели городского типа. Гольдская артель «Нанайский труженик» (сел. Найхин, Нанайского района) организовала столярное, гончарное производство, фотографию, парикмахерскую и женскую мастерскую по выделке рыбных и звериных шкур, пошивке унтов, меховых чулок и перчаток с художественными вышивками.

Появились другие постоянные заработки непромыслового характера — от лесозаготовок и сплава (остяки, вогулы, остяко-самоеды, гольды, ульчи, гиляки) и особенно от грузоперевозок. Эскимосам, например, заработки давали в 1938—1939 г. около четверти всего их дохода.

Самое замечательное — почти повсеместное развитие сельского хозяйства. У большинства народов (и отдельных групп) отрасль эта возникла только после революции. Впервые узнали его: ненцы (ямальские), остяко-самоеды (тымские, туруханские), кеты (суломайские), тунгусы, (енисейские, катангские, северобайкальские, якутские), ламуты (охотские, быстринские, марковские), орочи, удэ (не тазы), юкагиры (колымские, коркодонские), чукчи (марковские), карагасы. У остальных оно было в зачаточной форме и ничтожных размеров. Теперь изменились технический уровень и экономическое значение сельского хозяйства; оно ведется культурными методами, механизировано, приобрело крупные размеры, дает значительный доход, в том числе и товарный. У некоторых групп (остяков, вогулов, тунгусов, гольдов, ульчей, гиляков) оно стало главной отраслью, и колхозы приобрели здесь форму сельскохозяйственных артелей.

Наиболее успешно развивается сельское хозяйство у гольдов и ульчей. Главным домашним животным служит здесь лошадь, вызвавшая полный переворот в экономике; вытесняется ездовая собака, развиваются сенокосение и возделывание кормовых культур, земледелие, извоз, лесозаготовки. В гольдских и ульчских колхозах появились даже плодоводство и пчеловодство.

Развитие новых, отчасти и старых отраслей (земледелия, скотоводства, рыболовства, ремесел, заработков) связано обычно с переходом кочевников к оседлости. Но производственная деятельность расширилась даже в наиболее замкнутых в прошлом натуральных типах хозяйства — оленеводческом тундровом и морском зверобойном.

Хозяйственный комплекс претерпел, как это видно, не только количественные, но и глубокие качественные перемены. Он не исчерпывается уже только добывающими промыслами, т. е. присвоением готовых продуктов природы. Наряду с ними, появились другие отрасли, создающие новые продукты, приносящие регулярный доход. Разнообразная производственная деятельность ликвидировала былую неустойчивость чисто присваивающего хозяйства, которая была результатом сильнейшей зависимости человека от стихий природы.

Мощный подъем хозяйства малых народов обусловлен громадными изменениями не только в средствах производства, но и в организации труда. Коллективизация сделала возможной правильную расстановку сил в комплексном хозяйстве в форме постоянных специализированных бригад. Новая техника и организация труда уменьшили громадную в прошлом трудоемкость производственных процессов. Крупные эффективные орудия лова и механизированные пловучие средства понизили затраты труда в рыбном и зверобойном промысле (на сооружение громоздких запоров и заездов, долбленных лодок и т. д.). Наряду с этим, повсюду от Оби до Чукотки наблюдается массовое привлечение женщин к производству. Они участвуют в охоте и рыболовстве, в выпасе стад, в разделке продукции, работают в сельском хозяйстве, обслуживают грузоперевозки. Во многих колхозах (остякских и вогульских, тунгусских в Тунгурском районе, ламутских на Охотском побережье и др.) вовлечено в производство около 100% трудоспособных женщин.

Сильно повысилась общая культура труда. Требуемая четкости работа новыми средствами производства, в частности механизированными, приобщила население к сложным трудовым процессам. Совместная с русскими рабочими и крестьянами деятельность на рыбных промыслах, лесозаготовках, в смешанных колхозах привила производственные

навыки и оказала большое организующее и дисциплинирующее влияние. У промыслового населения появилось сознание ценности времени и необходимости его разумного использования и распределения.

Социалистическое соревнование возникло внутри бригад, затем распространилось на целые бригады, колхозы, сельские и кочевые советы, районы. Большую популярность завоевали ударничество и соревнование в пушном промысле. Прежде охотники добывали пушнину в уплату ясака или для торговца-ростовщика, а сами оставались нищими. Теперь она идет советскому государству, заботящемуся о них. Лучшие охотники, в совершенстве знающие свое дело (промысловые угодья, повадки зверей и пр.), стали выдающимися стахановцами и ударниками и пользуются общим уважением.

Техническое перевооружение, новое распределение рабочей силы и отношение к труду вызвали подъем производительности труда. Исчезла былая нищета. Колхозное хозяйство окрепло, доходность его увеличилась, зажиточность колхозников стала обычным явлением. Ограничимся несколькими иллюстрациями, относящимися к различным типам хозяйства. Валовой доход колхозов Ямальского национального округа, типичного тундрового оленеводческого района, увеличился с 371 тыс. руб. в 1932 г. до 10 284 тыс. руб. в 1939 г. Средний заработок «колхозного двора» поднялся с 1817 руб. в 1933 г. до 2365 руб. в 1939 г.; доходы отдельных колхозников достигают 10 тыс. руб. В соседнем Ханты-Мансийском национальном округе, не менее типичном рыболовном районе, валовой доход колхозов возрос с 6599 тыс. руб. в 1935 г. до 24 548 тыс. руб. в 1939 г., а одного «двора» — соответственно с 1089 р. до 2089 р. Такой же подъем благосостояния наблюдается и в других типах хозяйства. У таежных охотников-оленьеводов Эвенкийского национального округа средний заработок колхозника повысился к 1938 г. до шести с лишним тысяч рублей. Доход эскимосской зверобойной артели «Ударник» (сел. Сиреники) поднялся за вторую пятилетку с 27,3 тыс. руб. до 109,7 тыс. руб., колхоза «К новой жизни» (сел. Чалино) с 21,1 до 104,0 тыс. руб.

Замкнутое в прошлом туземное хозяйство связано теперь неразрывными узами с общесоветским народным хозяйством и его товарооборотом. Сильно возросла товарность рыболовства, которое было раньше, за редкими исключениями (у народов Оби, Амура, отчасти Енисея), чисто потребительским. Продукция его стала товарной у остяко-самодов (кетских, тымских, туруханских), кетов, долган, тунгусов и ламутов (охотских, быстринских), орочей, коряков (оседлых), юкагиров, алеутов, даже у чукчей (оседлых), у которых оно почти отсутствовало.

До Октябрьской революции исключительно низкой товарностью отличались оленеводство (за исключением европейских нэнцев) и морская охота (за тем же исключением). Ныне они дают почти повсюду товарную продукцию. Сдаются на заводы разнообразные продукты зверобойного промысла охотскими ламутами, пенжинскими коряками, камчадалами (ительменами), прибрежными чукчами и эскимосами. Вовлечены в товарооборот чисто натуральные в прошлом охота на парнокопытных и бортовую дичь и сбор дикорастущих. Быстро стала товарной новая отрасль — сельское хозяйство (у народов Амура, Сахалина, Оби). Дают продукцию рынку и ремесленно-кустарные занятия.

Одновременно возросло приобретение населением привозных товаров.

По мере усиления товарных связей началось отмирание натурального обмена и развитие денежного обращения в среде местного населения.

Социально-экономические сдвиги обусловили переход кочевников на оседлость. Уже в период простейшего кооперирования наблюдалось ослабление кочевой формы, уменьшение так называемого бытового кочевания. Отвод при землеустройстве удобно расположенных угодий,

усиление совместного выпаса мелких стад, обслуживание передвигающихся охотников и пастухов на производстве — уменьшили и размеры кочевков и контингент их участников. Не участвующая непосредственно в выпасе или в охоте часть семьи отставалась часто на летних рыбалках или на зимовках вблизи факторий. Это происходило у многих групп европейских ненцев, у забайкальских и амгуньских (чекундинских) тунгусов и др.

Важнейшей задачей оседания было преобразование хозяйственной базы населения путем интегрирования новых оседлых и прежних кочевых занятий. Это выразилось в развитии отраслей, связанных с оседлостью (рыболовного, зверобойного промысла, сельского хозяйства), при одновременном сохранении старых, вызывавших кочевание (оленоводство, охота). Решающая роль принадлежала здесь землеустройству, такой организации территории, которая сочетала все необходимые для комплексного производства угодья (охотничьи и оленно-пастбищные, с одной стороны, рыболовные, зверобойные, сельскохозяйственные — с другой). По мере укрепления колхозов сами туземцы приходили к необходимости оседания⁴⁹.

В предвоенные годы оседание приняло, благодаря увеличившейся помощи государства, массовый и планомерный характер. На Оби и на Енисее, в Якутии и на Дальнем Востоке сооружались новые селения для переходящих на оседлость колхозов. Но ошибочно было бы полагать, что оседание протекало легко и безболезненно. Даже при благоприятной хозяйственной обстановке долго еще сказывалась вековая психология кочевника. Непривычным было для него не только постоянное пребывание в одном месте, но и самое проживание в жилом доме вместо чума.

Полностью и первыми на всем Крайнем Севере перешли на оседлость карагасы, далее европейские вогулы (ивдельские и гаринские), часть остяков (ваховских, казымских), значительные группы европейских (канино-тиманских, мало- и большеземельских, карских) и сибирских (ямальских и енисейских) ненцев, часть туруханских остяко-самоедов, кеты суломайские и сургутихинские, многочисленные группы тунгусов (аяно-майские, восточно-сахалинские, тугуро-чумиканские, катангские и др.), часть долган, большинство охотских и камчатских ламутов (полностью северо-эвенские и быстринские), все удэ и ороки, часть чукчей, значительные группы коряков (тигильские, авековские, карагинские, алюторские), все верхнеколымские юкагиры.

Социальное содержание процессов оседания в дореволюционное время и в советскую эпоху совершенно различно. В обстановке колониальной эксплуатации переход на оседлость был обычно следствием разорения, потери оленей. В условиях социализма это — не стихийное, а планомерно-организованное, глубоко прогрессивное явление, часть общего реконструктивного процесса. Оно связано с более интенсивным и широким использованием природных ресурсов, с переходом к высшему уровню развития производительных сил, с общим подъемом хозяйства и культуры.

Большие перемены произошли не только в хозяйстве, но и во всей жизненной обстановке малых народов (в жилище, пище, одежде, домашнем обиходе).

Изменились самые формы расселения, характерные распыленностью

⁴⁹ Автору припоминается по этому поводу беседа его с ненцами старейшего колхоза «Плюк», только еще помышлявшими о переходе на оседлость. На вопрос «не надо ли строить дом», они ответили: «Это на уме живет, давно живет. Почему худо, хорошо бы дом строить там, где постоянно промышляем рыбу... думаем строить на Сядуй Нос (мыс.— М. С), тут хорошо: катеф подходит, кругом близко (т. е. в центре колхозной территории.— М. С.) Но дом надо большой, и не один. Будет наверно в колхозе человек двести. А кредит просить стыдно, и так много нам помогли советы».

народов Севера на громадных пространствах и ничтожными размерами населенных пунктов. В непосредственной связи с коллективизацией развивается новое размещение населения, отчасти ликвидирующее его разобщенность.

В середине 30-х годов началось, по инициативе колхозников, «стягивание» мелких поселков, укрупнение старых и образование новых селений. В результате этого движения оседлого населения и оседания кочевников появились сотни новых, крупных (по северным масштабам) населенных пунктов. В Ханты-Мансийском национальном округе образовалось 51 крупное селение с 1048 остяцкими и вогульскими хозяйствами. То же произошло у остяко-самоедов кетских, тымских, туруханских (крупные центры — Максимоярдовское, Красноселькупск, Фатово, Верхняя Баиха), кетов суломайских (Черный остров), тунгусов Эвенкийского национального округа, Забайкалья и Дальнего Востока.

Наиболее интенсивно протекали эти процессы у туземцев Амура. Родилось это движение в Нижне-Халдинском сельском совете, Комсомольского района. В новое место, на берегу Амура, стянулись десятки карликовых гольдских селений, разбросанных на сотни километров в глухой тайге. Почин был подхвачен в других районах. В результате стали переселяться в низовья своих рек гольды-киле, удэ и тунгусы Кура и Урми, гольды-самагиры Горина, ульчи, негидальцы, орочи. У охотских ламутов увеличилось, благодаря приселению, старые населенные пункты (Армань, Бараборка, Гальянжа) и появились новые (Гарманда, Оротук, Тахтаяма, Эсчан и др.). Аналогичное стягивание произошло у коряков (Гижиги и обоих побережий Камчатки), чукчей (особенно чаунских) и эскимосов, у которых возникли новые поселки в заливе Креста; значительно увеличилось селение Сиреники.

Уничтожение вековой разбросанности и изолированности населения явилось важнейшей предпосылкой организационно-хозяйственного укрепления колхозов, вызвало дальнейший общекультурный подъем. Новые селения объединяют не только разнородовые, но и разноплеменные группы. Это свидетельствует о ликвидации былой племенной разобщенности, сопровождавшейся иногда недоверием и враждой, о возникшей дружбе между соседствующими народами.

Переустройство домашнего уклада малых народов должно приобщить население к новой культуре, не отрывая его от привычной природной производственной обстановки, не лишая его высокой, выработанной веками, приспособленности к ней. Недопустима поэтому резкая ломка старого, необходим постепенный безболезненный переход к новому быту, соответствующему местным условиям.

Проникновение новой культуры происходит разными путями. Велика в этом отношении роль русского населения, живущего и работающего бок о бок с местным. Значительно влияние школьников и собственной интеллигенции, узнавшей иную жизнь в городах, а также военных, приносивших из Красной Армии новые привычки и запросы. Большое значение имеют массовая просветительная работа и хозяйственно-культурный подъем, сопровождающийся появлением новых потребностей.

Переход к новому материальному быту малых народов происходит в форме непосредственного восприятия высшей, общесоветской, в основном русской культуры. Что касается старой («племенной») культуры, то, как правило, сохраняются те ее элементы, которые обусловлены неизменившейся спецификой природной среды обитания и производства. Но и тут нужно сделать существенную оговорку. Многие из таких старых элементов видоизменяются, «окультуриваются» и являются часто переходной формой от старого к новому. С другой стороны, новые элементы вытесняют старые даже в этих специфических областях в тех случаях, когда они рациональнее старых.

Я не ставлю своей задачей описание того нового, что является принесенным извне (к примеру, русская рубленая изба, платье и обувь фабричного производства и проч.). Ограничусь поэтому лишь иллюстрацией упомянутых процессов проникновения новых элементов, общих тенденций и переходных форм.

Завершившийся массовый переход к обычной русской (рубленой) избе в разных ее вариантах наблюдается обычно в результате возникновения новых селений в пунктах стягивания оседлого или оседания кочевого населения. В значительных размерах этот переход произошел у остяков и вогулов, у гольдов (особенно в районе Комсомольска), ульчей, удэ, из кочевых — у селькупов (туруханских), кетов, карагасов, чукчей (чаунских) и др. Характерно, что некоторые туземцы (остяки, карагасы, удэ) строят новые дома собственными силами.

У некоторых наблюдаются частичные улучшения старого жилища. В старой бревенчатой юрте остяков, вогулов и остяко-самоедов (нарымских) чувал сменился русской печью, появились деревянный настил на земляном полу и досчатый потолок.

На Амуре, наряду с новыми жилищами и сохранившимися старыми (полуземлянкой с надземным срубом и летним четырехугольным берестяным «огдан» у негидальцев, двускатным коническим и сферическим шалашом и четырехстенным корьевым «дауру» у гольдов и др.), встречается (у гольдов) причудливое сочетание старого и нового жилища: пристройка новой избы к старому жилью при одной общей входной двери. На новой половине живет молодое поколение, на старой доживают век старики. Бытующие еще у гольдов старые большие зимники, типичные для периода патриархальной общины, претерпели характерные изменения, отразившие распад большой семьи: они разделены внутренними перегородками на отдельные помещения для индивидуальных семей. У осевших ламутов и юкагиров появилась палатка с досчатым полом, окнами и железной печью.

Любопытные переходные формы наблюдаются у оседлых чукчей и эскимосов. Спальное меховое отделение яранги («полог») обтянуто материей, в нем устроены окна и вытяжное отверстие с трубой для вентиляции. Эскимосы залива Креста соорудили «надземные землянки» собственной конструкции: тонкие деревянные каркасы, целиком покрытые дерном.

У перешедших на оседлость кочевников остались в качестве производственного жилья (на охоте и на выпасе) старые разборные чумы. Наряду с ними, широко распространены палатки (брезентовые, бязевые, полотняные, реже суконные), более портативные, легче и быстрее устанавливаемые и разбираемые. Зимние палатки снабжены обычно железной печью с трубой и часто досчатым полом.

Сохранившие кочевой быт ненцы пользуются зимой нартыным чумом, с окнами, крашеным деревянным полом и железной печью, летние чумы покрыты брезентом (вместо бересты). У долган почти исчез шестовый чум, встречающийся теперь только летом. Значительно улучшились у них нартыные чумы: стали больше по размерам, обиты пестрым ситцем, снабжены полом.

Переходным типом от чума к рубленой избе являются у некоторых оседающих групп (тунгусов, ламутов) деревянные балаганы.

Что касается хозяйственных построек, то, наряду с новыми, связанными главным образом с развитием сельского хозяйства (конюшни, скотные дворы, овощехранилища), зачастую сохранились старые амбары, шайбы и прочие сооружения на столбах, весьма удобные в северных условиях и столь же распространенные среди русских старожилов.

Повсюду распространены русские и особенно железные печи. На Амуре русская печь вытеснила старую глинобитную с китайским кот-

лом. Вместе с новым жилищем изменяется внутренняя обстановка: появились кровати, столы, табуреты, утварь и т. д. Для освещения служат керосиновые лампы, свечи и особенно привившиеся фонари («летучая мышь»). Керосиновое освещение совершенно заменило на Амуре жировые светильники из песчаника, глинистого сланца или древесного наплыва, а на Чукотке начинает вытеснять жирники. Утратило у многих свое старое значение «священное место» против входа; здесь висят теперь полочки с посудой, будильниками, книгами, фотографиями.

Многие населенные пункты совершенно изменили свой облик. Селения распланированы, проложены улицы, правильными рядами стоят новые дома. В крупных колхозных центрах много общественных зданий — школы, больницы, клубы, пекарни, магазины, и они похожи на культурные русские села. Таковы, например, образцовые селения гольдов (Троицкое — на Амуре, Найхин), удэ (Гвасюги, Бира), ульчей (Булава). Некоторые села — в Ханты-Мансийском и Ямальском национальных округах, на Амуре и Сахалине, на Охотском побережье и Чукотке — электрифицированы.

Основу весьма однообразного в прошлом питания составляли мясо, рыба и у некоторых групп (морских охотников, отчасти оленеводов) — животный жир. Потребность в растительной пище удовлетворялась только дикорастущими (кореньями, травами, ягодами, орехами). И набор, и количество привозных продуктов («чужой пищи», по выражению чукчей) были ограничены и сводились в массе к спиртным напиткам и чаю. Мука и мучные изделия, соль, сахар потреблялись немногими и в ничтожных размерах. Готовилась пища весьма примитивно. Широко распространено было сыроедение. Настоящего жарения не знали, а пекли (и то в редких случаях) на огне или в золе костра. Ели рыбу и мясо вареные (часто полусырые) и вяленые. Почти все потребляли квашеные (так называемые «кислые»), хранившиеся в земле и полуиспорченные продукты (рыбу, мясо, дичь).

Теперь нормальное место в питании заняли хлеб, бывший ранее редким лакомством, крупа, растительное масло, сахар, кондитерские изделия, собственные овощи и молоко (в южных районах). Совершенно изменилось детское питание. Организм получает таким образом почти отсутствовавшие ранее углеводы, минеральные соли.

От прошлого сохранились популярные местные кушанья: юкола, строганина (гольдская «тала»), порса, вяленое мясо и др. Попрежнему широко распространена от Оби до Чукотки и Сахалина смесь из рыбных, реже мясных, продуктов, жира и дикорастущих («дя» лесных ненцев, «хулта» ламутов, «фирун» гольдов, «колобок» чукчей, «толкуша» ульчей, ороков, орочей, камчадал и др.). Бытуют и «лакомства» рыбаков и охотников: рыбы головы и хрящи, костный мозг, печень и ласты, черемуховые лепешки «дутун» и чумизовая каша «бода» гольдов и т. д. Морские охотники, чукчи и эскимосы, потребляют попрежнему много животного жира, необходимого при больших затратах физических сил в арктических условиях.

Отмирает пользование разными дикорастущими в качестве суррогатов чая и возбуждающих или опьяняющих веществ (папоротником, «сладкой травой» — борщевиком, «пьяной травой» — золотистым рододендромом, мухоморами). Исчезла характерная в прошлом нерегулярность питания. Население круглый год питается более или менее одинаково. Прекратились страшные предвесенние голодовки промыслового населения.

Особенно заметно переходное состояние в одежде. Наряду с очень распространенной обычной советской одеждой, повсюду сохранилась, в той или иной мере, старая, самобытная. Очень стойко держится приспособленная к суровой обстановке зимняя и промысловая одежда и обувь: разные меховые «круглые» и двойные рубахи и балахоны (малица, со-

вик, сакуй, парка, гусь, кухлянка), меховые и ровдужные сапоги и чулки (унты, бахари, торбазы, чирки, чижи). Но привились и новые теплые вещи (особенно популярны стеганые ватники и такие же штаны) и специальная промысловая одежда (проолифенные и брезентовые куртки и брюки, резиновые и брезентовые сапоги). Часто встречается причудливая смесь старого с новым. Тунгусы любят пиджаки и русские косоворотки, но упорно носят унты, ноговицы, натазники и головные платки. Очень смешанные формы наблюдаются на Амуре. Старая одежда (халаты, штаны, наголенники, нарукавники) сохранилась в известной мере у всех народностей, преимущественно у старого поколения. Негидальцы и ороки почти утратили самобытную одежду, больше всего уцелела она у орочей и удэ. Женщины удэ и гольдки иногда расширяют старинным орнаментом европейское платье и часто надевают поверх его халат. Матерчатые женские шапки окончательно вытеснены головными платками. Исчезли носовые серьги (на Амуре) и татуировка (у эскимосов), хотя автор наблюдал ее еще в 1937 г. у молодых (14—15-летних) девушек. Проникновение европейского платья сопровождается дифференциацией мужской, женской и детской одежды, в прошлом у многих совершенно одинаковой.

Неправильно было бы считать, что переход к новому быту происходит легко и просто или что процесс этот уже закончился. Столкновение старого с новым, исконных привычек с непонятными и часто чуждыми новыми явлениями происходило порой очень болезненно. Процессы восприятия нового протекают по-разному у различных групп. Зависит это и от общего уровня культуры населения, и от степени сохранения самобытности в прошлом. Одни, архаические и уродливые, с нашей точки зрения, навыки исчезают сравнительно быстро под натиском новых влияний, другие отмирают медленно и бытуют донныне. Наиболее сильные перемены произошли у оседлого населения, в староосвоенных периферийных районах и в местах крупных советских новостроек (Обь, Амур, Сахалин, Охотское побережье, отчасти Енисей, Камчатка, Чукотка и др.). Особенно разительны, конечно, перемены у перешедших к оседлости кочевников.

Легче всего воспринимали новое те группы, которые находились в длительном и близком соприкосновении с русскими старожилками и переняли от них хотя бы зачатки высшей культуры или очутились под непосредственным и интенсивным воздействием социалистического строительства. Сюда относятся: приобские и прииртышские остяки, кондинские вогулы, обские и часть кетских и тымских остяко-самоедов, некоторые кеты, низовые негидальцы (ходен), гольды (собственно нанай или монгокан), улчи амурские, камчадалы (ительмены), коряки (карагинские, тигильские), алеуты; из кочевых — канинские ненцы, долганы, карагасы, часть забайкальских и якутских тунгусов, северо-охотские ламуты. Другие, замкнутые и изолированные группы (казымские, аганские, ваховские остяки, ямальские ненцы, таймырские нганасаны, енисейские тунгусы, чукчи, коряки и мн. др.) воспринимают изменения гораздо труднее. Нелегко, в частности, было кочевникам приспособиться к оседлой обстановке. Такие исконные охотники, как тунгусы и ламуты, не представляли себе, как можно постоянно жить на одном и том же месте. Сымские и кетские тунгусы недоумевали, откуда возьмутся дрова, если изведешь весь сушняк около дома и не будешь передвигаться дальше по тайге, как добудешь зимой воду, если в одном постоянном месте поселится много народа. Перейдя в настоящие дома, кочевники нередко покидали их и возвращались в «старое состояние». Смущали их и замкнутое стенами пространство, и размеры нового жилья, и отсутствие привычного костра. Трудно было привыкнуть проводить всю повседневную жизнь не на земле, пользоваться столами,

табуретами, кроватями или нарами. Охотские ламуты прорубали в новых домах пол для устройства костра и над ним выходное отверстие для дыма. Токминские тунгусы жаловались, что болеют — простуживаются в доме. Жены их, привыкшие всегда сидеть на одном месте, у костра, и иметь все под рукой, сетовали: «В избе худо: темно, ходить надо». Первое время они не пользовались печами и отсились к избе, как к чуму.

Еще труднее воспринималась личная гигиена. Не сразу нашло доступ мыло, известное раньше очень немногим. Некоторые, как это наблюдалось нами у коряков, не зная назначения мыла, принимали туалетное мыло, благодаря его запаху, за съедобный продукт. Но вскоре именно это душистое («духовитое» по тунгусскому выражению) и особенно жидкое мыло широко вошло в обиход. Многие привыкли к постоянному умыванию, к ныне популярной бане, даже к небывалому купанию в реке. То же, в общем, надо сказать и о других культурных навыках: ношении нижнего белья, которое вначале «мешало» туземцам, и его стирке, снятии на ночь одежды, стрижке волос, замене древесных стружек и мха полотенцами, бинтами, пеленками.

Началось и оздоровление жилища. Энергичную деятельность в этом направлении проявляют местная общественность, передовые туземки и молодежь. Разъяснения о необходимости чистоты, периодические обходы населения, соревнования, конкурсы на лучшее жилище помогли навести порядок в доме и благоустройство поселков. Образцовы селения карагас, гольдов, алеутов.

Коренная перемена жизненных условий, рост материального благополучия и общей культуры отозвались на физическом состоянии населения. Ликвидирована громадная смертность от губительных эпидемий, опустошавшая целые селения и стойбища. Сильно уменьшилась исключительная высокая смертность, один из главных факторов пониженного в прошлом прироста населения. Заметно смягчены профессиональные (от тяжелых условий промыслового производства) и бытовые заболевания, связанные со скученностью, антисанитарией, вечной жизнью у костра, сыроедением и т. д. Естественный прирост населения приближается к нормальному. Повышение прироста, в некоторых случаях значительное, наблюдается у ненцев, тунгусов, коряков, гиляков и др.

Заметно прекращение происходившего до революции угасания некоторых народов Севера и их групп. Сюда относятся кеты (оседлые), ительмены (камчадалы), юкагиры (колымские), карагасы, алеуты. В результате усиленных забот о положении этих малочисленных групп, наступил перелом в естественном движении населения, и после некоторой стабилизации оно стало показывать прирост. Примером служат алеуты и карагасы, находившиеся на грани вымирания. Численность алеутов упала с 619 чел. в 1890 г. до 364 в 1923 г. (убыль составила 255 чел. или 41,2⁹% населения). Несмотря на исключительные заботы об алеутах после советизации Командорских островов (1923 г.), убыль их продолжалась еще около 10 лет, правда, прерываемая в отдельные годы и приростом. Лишь с 1935—1937 гг. наступил, наконец, перелом — сначала стабилизация, а затем наметился и прирост населения⁵⁰.

Изменилась и духовная жизнь малых народностей. На совершенно новой материально-общественной основе социалистического уклада развивается новое общественное сознание, далекое от древней первобытно-общинной идеологии. Восприятие новых, никогда невиданных явлений

⁵⁰ Подробные данные о движении населения алеутов и карагасов приведены в работах автора: «Советские острова Тихого океана», 1938 и «Тофалары сегодня» («Советская этнография», сб. IV, 1940).

во всех областях жизни — в производстве, домашнему быту, общественных отношениях — обогатило сознание жителей Севера, расширило их кругозор. Наблюдения советских исследователей содержат интереснейший материал для изучения процессов восприятия туземцами новой техники, особенно механических двигателей, осознания ими новых общественных явлений, обогащения в результате этого языка, развития ответственного мышления, национально-политического самосознания и т. д.

Представление жителей Севера об окружающем ограничивалось довольно узким кругом явлений. Знание явлений природы исчерпывалось теми из них, которые были тесно связаны с промыслами. За пределами материального круга интересов было забвение от алкоголя или одурманивание шаманским ритуалом. На общественных интересах и отношениях лежал тот же отпечаток родовой ограниченности. Редкое общение между разрозненными и изолированными родовыми группами происходило лишь на пьяных ярмарках и сугланах да на тех же ритуалах. Вечный гнет нужды, зависимость от богача-соплеменника, шамана и торговца-эксплоататора создавали психологию рабства, приниженности, забитости, вечного страха. Нищие материально и духовно народы Севера были целиком в плену вековых предрассудков и традиций.

Социалистическое строительство взорвало эту архаическую идеологию. Умственный кругозор людей расширился в результате проникновения к ним новых явлений и знаний. Реалистическое понимание законов внешней природы, биологических процессов в человеческом организме, новой техники вызывает отмирание анимистических и шаманистских представлений, а с ними и вообще влияния шамана как хранителя архаичных традиций.

Малые народы осознали свое достоинство человека, независимо от этнической принадлежности, свое право на жизнь и развитие. У них проснулась жажда знаний, стремление скорее наверстать свою отсталость и полностью приобщиться к новой жизни. Они стали осознавать себя членами единого советского коллектива, строящего социализм. По-своему, примитивно, но правильно объясняли ламуты это новое для них понятие: «Кулака-оленевода, у которого пасли олешек, нет. Колхоз существует. Это что? Социализм это. Нужды у ороца нет. Это что тебе? Тоже социализм. Много добра в колхозе: рыбы, зверя, коров, лошадей. Это все социализм. А клуб, школа, книги, газеты, что это? Социализм».

Интеллектуальное развитие характерно отразилось на лексиконе малых народов, претерпевшем сильные изменения в советскую эпоху. Наряду с отмиранием устарелых слов (царь, исправник, ясак) появилось иное осмысление старой терминологии и много новых терминов. Некоторые из новых слов, преимущественно касающиеся социально-политических понятий, представляют простое заимствование или перенос русских или международных форм. Другие являются продуктом народного языкового творчества, самостоятельным образованием новых терминов на основе своего языка. Они отличаются замечательной выразительностью, образностью, рождены часто ассоциацией или аналогией и свидетельствуют о сметливости и наблюдательности северных народов. Иллюстрируем это немногими примерами. «Часы» — «сердце-стукалка»: стучат как человеческое сердце (чукчи); «самолет» — «железная леталка» (они же) или «летающий пароход» (ульчи), «телефон» — «говорящая проволока» (гольды). «Колхозы» при первом их появлении обозначались у ненцев сложным понятием «вместе работать и жить». Любопытны чукотские термины, относящиеся к коммунистам, — «умнейшие», «старейшие», «передовые».

В сознании северных народностей прочно утвердилось понятие советского государства, социалистического отечества и своего гражданского долга перед ним. Это сказалось еще в период пятилетних планов

и в начальные годы действия Сталинской Конституции и проявилось в полной мере в грозные годы Великой Отечественной войны.

Стремление к участию в обороне страны наблюдалось у малых народностей уже в начале 30-х годов. Отдельные группы населения добивались у местных властей права исполнять почетную обязанность — служить в Красной Армии. Карагасы Восточных Саян, ламуты Колымы заявляли: «Охотники наши попадают белке в глаз; так же метко они будут стрелять по врагам, которые вздумают напасть на советскую страну». При обсуждении проекта Сталинской Конституции это стремление стало массовым. Повсюду раздавались требования о призыве народов Севера к исполнению воинской обязанности. Третий чрезвычайный съезд советов Ямало-Ненецкого национального округа постановил: «Просить правительство призывать в ряды Красной Армии ненцев и хантэ, живущих на Крайнем Севере. Мы, ненцы и хантэ, желаем вместе со всеми народами Советского Союза защищать с оружием в руках свою родину». Правительство пошло навстречу этому желанию, и в 1939—1940 гг. состоялся первый призыв в Красную Армию молодежи северных народностей.

В Великой Отечественной войне народы Севера заняли почетное место. Тут они проявили замечательные качества охотников-следопытов: искусство ориентироваться в любой природной обстановке и незаметно подкрадываться; беспримерную выносливость, мужество, хладнокровие и находчивость; исключительную меткость и высокое мастерство стрельбы. Ударники и стахановцы пушного промысла стали на фронте хорошими разведчиками, лыжниками, снайперами. Из глухой тайги и далеких тундр отправились защищать свою родину сотни представителей малых народностей — тунгусы, долгань и ламуты, гольды, ульчи и удэ, гияки, остяки и вогулы, ненцы, карагасы. Многие никогда не выходившие за пределы своего района жители Севера прошли с боями всю Европу. Они защищали Ленинград, освобождали Украину, Румынию и Венгрию, участвовали в битвах на Дунае и на Шпрее. Летописи войны упоминают выдающиеся подвиги туземцев Севера, неоднократно отмеченных высшими наградами⁵¹. Звание Героя Советского Союза получили тунгусы: Эдян, выдающийся разведчик на Южном фронте, Иннокентий Увачан, погибший при форсировании Днепра, и замечательный снайпер Семен Моноконнов. Провожая на фронт Моноконнова, соплеменник его, старик Бирауль подарил воину заветную древнюю кремневку, которая насчитывает теперь 217 зарубок, означающих число пораженных врагов. Прославились военной доблестью целые семьи представителей северных народов. За свои подвиги получил звание Героя Советского Союза гольд Максим Пассар. После его гибели в боях за Сталинград нанайский народ послал на фронт Александра Пассара. Александр, сперва снайпер, потом разведчик, прославился своим мастерством брать «языков». В ноябре 1943 г. он проник днем в немецкий штаб, взяв документы и 16 немцев, в марте 1944 г. на его счет уже было 25 «языков», и он получил благодарность маршала Рокоссовского, в сентябре того же года он стал Героем Советского Союза с 7 боевыми наградами. Прославился и третий Пассар — Иван, сменивший Максима в обороне Сталинграда.

Больших размеров достигла добровольная помощь фронту. Самый маленький национальный район, Тофаларский, внес свыше 1 млн. руб., тысячи теплых вещей, сотни тонн продуктов питания. Из глухих тундр Ямала поступало золото старой чеканки, хранившиеся десятилетиями в качестве «сокровища» отсталыми кочевниками. Чукчи собрали на тан-

⁵¹ Приведенные факты взяты нами из периодической печати национальных районов и округов и сибирских областных и краевых центров. Дополнительные сведения получены от гвардии майора М. Г. Воскобойникова, которому автор, пользуясь случаем, выражает благодарность.

ковую колонну 2 261 719 руб., а после получения благодарности от товарища Сталина в несколько дней собрали еще 2 016 414 руб. Охотники, рыбаки и оленеводы Таймыра приобрели военного займа 1943 г. на 12 млн. руб. Крайний Север стал в это время важным тыловым участком народного хозяйства страны. Даже в глухих его районах появились новые предприятия, развились местная промышленность, земледелие, животноводство и туземное промыслово-олениводческое хозяйство.

К послевоенным выборам в Верховный Совет национальные округа и районы Севера пришли с большими достижениями в области хозяйства и культуры, с морально-политическим единством населения, проникнутого горячим чувством благодарности и любви к советской власти и ее великому руководителю. Чувства эти хорошо выразил неграмотный чукча-кочевник, прибывший из далекой тундры на предвыборное собрание в заливе Лаврентия: «Я и мои товарищи-кочевники очень хотели бы хоть один раз в жизни увидеть самого большого человека нашей страны — товарища Сталина, который даже в трудные годы войны не забывал о нас и помогал нашему народу. Мы очень хотели бы поблагодарить его за заботу о нас. Мы выбираем своего депутата и отправляем его в Москву. В Кремле вместе с ним будут глаза и сердца всего нашего народа. Он будет смотреть на товарища Сталина нашими глазами. И пусть от всех нас он скажет большое спасибо любимому вождю советского народа».

Совершившийся впервые в мировой истории переход на путь социалистического развития первобытных охотничьих народов имеет большое научно-теоретическое и практически-политическое значение. Исключительный интерес для науки представляет конкретное разрешение проблемы отсталости в сталинской постановке этого вопроса — происшедшая на глазах современников смена патриархальщины социалистической формой. Изучение экономического, социального и общекультурного состояния малых народов Севера, в котором застала их пролетарская революция, и конкретных путей социалистического переустройства их бытия должно привлечь большое внимание этнографов и историков. Социалистическое строительство у малых народов Севера — замечательный пример торжества ленинско-сталинской национальной политики, ее высокой принципиальности и исключительной гибкости. Только благодаря ей безгосударственные и бесписьменные, распыленные этнографические группы с невиданной быстротой превратились в культурные народности, активно участвующие в жизни нашей социалистической страны.

Не менее велико международное значение этих фактов. Практическое разрешение в СССР проблемы некапиталистического пути развития так называемых примитивных народов дает ключ к ее разрешению во всем мире. Социалистическим строительством на Сибирском севере доказана возможность для самых отсталых племен избежать, при наличии советской демократии, мучительного (а зачастую и губительного) капиталистического «дозревания». Особенный смысл и значение это приобретает в нашу эпоху, когда расовая дискриминация и национальный гнет усилились во всем колониальном мире и исключительно острыми стали вопросы о так называемых подопечных и зависимых странах.

И. П. ЛАВРОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

(Народные художественные промыслы РСФСР)

I

А. М. Горький в 1896 г. писал о художественной промышленности: «Эта отрасль промышленности заслуживает серьезного изучения и глубокого внимания, как верный знаменатель высоты культуры страны. Она должна быть ярким выразителем национального вкуса к изящному, показателем степени понимания русским человеком красоты, уровня культуры его духа»¹.

Уровень развития народной художественной промышленности — яркий показатель материальной крепости и духовных сил народа.

Народные промыслы художественной обработки дерева, камня, кости и других материалов уходят своими корнями еще в доклассовое общество. Многовековой опыт превращения косного материала в полезные и красивые вещи передавался из поколения в поколение. Созданные руками мастера вещи воплощали идеи коллектива. Коллективные представления, определяемые развитием производительных сил и социально-экономических отношений, лежат в основе народных форм декоративно-прикладного искусства. Передаваемые по наследству, вместе с профессиональными навыками и художественными приемами, коллективные представления превращались в традиции.

Выраженные средствами изобразительной символики поэтические воззрения первобытных охотников, пастухов и земледельцев отложились в формах, конструкциях и декоративном убранстве предметов, до сих пор сохранившихся в народном быту. Дошедшие до нашего времени изобразительные формы, орнаменты и узоры — это в архетипе объемно пластические символы и графемы первобытного древнего мышления, защищенные временем, измененные бесчисленными повторениями.

В. В. Стасов, много занимавшийся исследованиями в области орнаментики, писал: «Орнаменты вообще всех народов идут из глубокой древности, а у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий и представлений. Ряды орнаментики — это связанная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также для ума и чувства»².

Среди многообразия народно-декоративных форм выделяются две основные группы, содержащие пример переживания в орнаментике древнейших стадий мышления. К первой группе относятся изображения животных на бытовых предметах и предметы в форме животных, например, енды, ковши и другие сосуды в виде птиц и зверей. В подобного рода

¹ «Одесские новости», № 3726, 23 августа 1896 г.

² В. В. Стасов, Русский народный орнамент, вып. 1, 1872, стр. XVI.

вещах отложились древние представления, связанные с тотемизмом и астрально-космическим восприятием природы. Ко второй группе относится бесконечно варьируемая солярная символика, отразившая следующую, более высокую стадию мышления древних пастухов и земледельцев; это — круги, розетки, ромбы и другие астральные (геометрические) фигуры на прялках и иных предметах крестьянского быта, связанных с обработкой льна. Лен — дар солнца. Из льна готовилась одежда, символизирующая силу солнца, согревающую, охраняющую от опасностей холода. В семантическом пучке, связанном с небом-солнцем, заключены древнейшие астрономические наблюдения: ритм чередования суток и сезонных явлений, имеющих важное хозяйственное значение. С «геометрической» резьбой связан древнейший деревянный календарь.

Солнце — символ обновления природы и возрождения жизни не только запечатлено в знаках и порезках позднего неолита, не только проглядывает всюду в северной крестьянской резьбе (главным образом «геометрического» типа), — сквозь современное нам роскошное изобилие цветочного орнамента также сияет немеркнущий свет солнца.

«Магическая» привлекательность орнаментального наследия заключается не столько в чисто декоративном значении различного рода комбинаций линий и красок, сколько в семантике орнамента, его идейном содержании, выраженном специфическими средствами образной символики, подобно музыке волнующей наше воображение. Орнаментальные мотивы и мелодии, как бы звучащие из глубины веков, вызывают в нас радостное чувство гордости за человека, который в тяжелой непрерывной борьбе за существование смог подняться до столь совершенных форм мышления и внести в хаос борьбы ритм и гармонию творческого преобразования мира.

Художественные образы и орнаментальные символы — это вечные памятники борьбы человека с природой и великого чаяния красоты и счастья миллионов людей. Пройдя по пути всего человечества, искусство объединяло племена и народы, приобщало к всечеловеческой культуре отставших.

II

В русском искусстве, как в многоцветном узоре старинной парчи, сплелись драгоценные нити художественных традиций, тянущихся из прошлого многочисленных племен и народов, населяющих Евразию. Крепкими узами этнического родства связана древнерусская художественная культура с антами, скифами и другими предшественниками славян на русской равнине. Тонкие, но не менее прочные нити тянутся из классических эпох прошлого. «Древняя Русь, — указывает акад. Б. Д. Греков, — была в разное время связана с самыми культурными народами мира: эллинами, римлянами, арабами, греками (византийцами) и др.»³.

Жизнерадостным, светлым восприятием мира проникнуто русское народное творчество, духом античности веет от образов, созданных пластически ясной мыслью русских мастеров. Восточной роскошью красочного изобилия насыщены русская народная живопись и ювелирные изделия. В русском народном искусстве, как в горниле, переплавились куски и обломки ценных традиций Востока и Запада, но отлитые из разнородного сплава вещи выходили из рук русских мастеров чисто русскими, ибо велика творческая, преобразующая сила русского народного гения. Еще в древние времена дивились этой силе самые просвещенные, самые тонкие ценители искусства. «Слава о русских мастерах, — пишет Б. Д. Греков, — шла далеко по земле уже в IX и X веках». В знамени-

³ Б. Д. Греков, Культура Киевской Руси, 1944, стр. 8.

гом трактате Теофила (IX в.), посвященном технике живописи и прикладного искусства (*Diversarum artium schedula*), в перечне стран, развивших у себя различные виды художественных производств, Русь поставлена на второе место после Византии, впереди Италии, Франции, Германии⁴. Искушенный в искусстве монах среди самого ценного, созданного культурнейшими странами Востока и Запада, назвал и «все, что приобрела Русь в искусстве эмалей и разнообразии черни». Но не только художественно-металлическими производствами славилась древняя Русь. «Помимо эмали, золотых дел мастерства, скани, басменного дела и пр., — указывает Н. П. Кондаков, — южнорусская художественная промышленность достигла высокого состояния в великокняжеском периоде во многих, нам пока не известных или мало известных сферах»⁵.

Одной из таких «сфер» древнерусского мастерства является искусство резьбы по кости, которое не менее, чем художественное металлическое производство, было развито в древней Руси. От XII в. имеется свидетельство в письме митрополита Дристры о том, что резьба по кости в его время почиталась даже скифской или русской специальностью⁶. Византийский писатель XII в. Иоанн Тцетцес, получивший в подарок от своего друга, митрополита болгарского города Доростола, резную из кости коробочку (пиксиду), сделанную русским мастером, в стихах воспедал красоту и изящество резьбы, сравнивая искусство русских мастеров с умением легендарного Дедала. Итальянец Плано Карпини из всей роскоши при дворе Гуюк хана отметил только трон, сделанный русским мастером Козьмой: «Трон был из слоновой кости, там было также золото, драгоценные камни, если мы хорошо помним, и перлы»⁷.

Знаменитый «дорог рыбий зуб» (моржовые клыки, добываемые на Севере), предмет вывоза (по свидетельству арабских, персидских и европейских писателей) уже в VIII и IX вв.⁸, явился тем благодарным и высокохудожественным материалом, в котором древнерусские мастера проявили себя с особым блеском, оставив о своем искусстве воспоминания не только в записях просвещенных путешественников и писателей, но и в народной памяти. В русских былинах с присущей народному языку меткостью и образностью охарактеризована сложная тонкость и мастерство сквозной резьбы.

В былине о Вольге Святославовиче говорится:

Стоит подворотенка — дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезано,
А и только в вырезу мурашу пройти⁹.

Рыбий зуб упоминается в описании корабля:

На том соколе-корабле
Сделан муравлен чердак,
В чердаке была беседка — дорог рыбий зуб.
Подернута беседа рытым бархатом¹⁰.

Встречающиеся в былинах кровати, скамьи, стулья, каличи клюшки и даже сохи, украшенные резной костью, говорят о том, что народ хо-

⁴ Théophile prêtre et moine, *Essai sur divers arts*, Paris, 1843, Б. Д. Греков относит время написания трактата к IX в. (Указ. соч., стр. 5).

⁵ Н. П. Кондаков, *Русские клады*, т. I, 1896, стр. 80.

⁶ Там же, стр. 80.

⁷ Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*.

⁸ «Руссы привозят меха и шкуры, мед и воск, рабов и мечи, рыбы зубы (моржовые и мамонтовые клыки) и янтарь». В. Мавродин, *Древняя Русь*, 1946, стр. 116.

⁹ А. Марков, *Бытовые очерки русских былин*, М., 1904, стр. 17 и 18.

¹⁰ Сборник «Древнероссийские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», 1882, стр. 2.

рошо знал, любил и высоко ценил этот широко применяемый русскими мастерами красивый и прочный материал.

Исключительное стилистическое и техническое многообразие художественной промышленности древней Руси: множество изысканных и утонченных приемов и способов обработки металла, кости и других материалов и в то же время выразительная простота, глубина и даже суровость образов, уходящих корнями в древние пласты первобытного сознания, объясняются сложными взаимоотношениями, существовавшими у наших предков с окружающими их большими и малыми народами. «В художественно-бытовых древностях,— писал Н. П. Кондаков,— как бы залегла глубина вековой народной старины, совместившей в себе предания и формы тысячелетней жизни среди культурного Востока и Запада, среди своеобразия инородческих племен, нашествий необозримых кочевых полчищ, среди походов на берега Каспийского и Черного морей, в Византию и Болгарию»¹¹.

«Инородческие» племена (инородцами в царской России назывались отставшие в своем развитии малые народности) — это целый океан самобытных племен и народов, окружавших полуостров русской культуры, соединяющейся с материком стареющей классической цивилизации. Непрерывно обновляемая этническими волнами, русская художественная культура сохранила обаятельную красоту и здоровую силу молодости свежести восприятия мира.

Но неустанно накапливая силу в многовековом мирном общении и борьбе с народами, выходящими из мрака доистории на русскую равнину, русский народ часто дорогой ценой платил «исторической судьбе», сделавшей его родину мостом между Азией и Европой. Орды кочевников азиатских степей на Востоке, полчища варваров на Западе угрожали самостоятельности русского государства, самобытности русской национальной культуры. Много горя видела русская земля, много выстрадал русский народ. В исторических преданиях и летописях прошлого, в замечательном памятнике русской словесности — «Слово о полку Игореве» повествуется о жестоких сечах, о горе народа, вынесшего тяжесть борьбы за национальную независимость и единство русского народа.

Распространившееся в X—XI вв. по Руси христианство, воспринятое из Византии, оказало очень большое влияние на русское искусство. На древние основы художественного мышления наслаивались новые пласты, вызвавшие появление новых форм художественного труда. Особенно сильное развитие получила живопись: фреска, икона и книжная миниатюра. Изменилось содержание художественных изделий из металла и кости.

Расцвет киевской культуры (которая впоследствии легла в основу национальных культур русской, украинской и белорусской народностей) был вызван не только обилием художественных образцов, занесенных византийскими художниками и мастерами, но, главным образом, теми национальными традициями русского художественного мастерства, которое в новых условиях возрастающих духовных потребностей и повышенного интереса к сюжетно-изобразительным формам искусства нашли для себя новое и значительно более широкое поле деятельности.

Исследователями неоднократно указывалось, что русские мастера обладали удивительной способностью творчески перерабатывать заимствованное извне. Отметим также, что, обладая редким даром отбора, из массы художественно-идеологического материала, заносимого на русскую культурную почву, они сохраняли только наиболее близкое духу русской культуры.

¹¹ Н. Кондаков, Указ. соч., т. 1, стр. 7.

Русские мастера умели учиться, умели использовать лучшие достижения иноземной художественной техники; но искусство русских мастеров, в свою очередь, обладало столь совершенным мастерством и ярко выраженной самобытностью, что нельзя недооценивать и обратного воздействия художественной промышленности древней Руси на формирование художественных вкусов той же Византии, не говоря уже о варварской Европе, черпавшей из русского творческого источника вплоть до того времени, когда монголо-татарское нашествие задержало развитие русской культуры.

Начавшееся в XI в. храмостроительство потребовало привлечения множества русских мастеров. Характер древних храмов, в большинстве случаев самобытно-русский, свидетельствует о том, что русские мастера при постройках пользовались не столько указаниями византийских архитекторов, сколько своими исконно-русскими традициями построения хором, теремов и культовых сооружений дохристианского периода. Убранство храмов и утварь, употребляемая при богослужении, также, за небольшим исключением, является продуктом творчества русских художников, проявивших глубокое понимание поставленных перед ними творческих задач и решавших их с исключительной смелостью и мастерством.

В то время, когда московское княжество, начав освободительную борьбу, собирало вокруг себя все силы народа, значительное место в развитии русской художественной культуры занимали монастыри. В Андрониевском монастыре, на берегу Яузы начал свою творческую деятельность величайший из народных мастеров древней национальной живописи Андрей Рублев. Замечательное народное искусство лицевой миниатюры и украшения рукописей также развивалось в уединенных монастырях и скитах Заволжья и северного Поморья.

В то же время в патриархальном землевладельческом хозяйстве продолжало сохраняться почти без изменений бытовое крестьянское искусство. Сугубо практическое по своему складу, всегда связанное с вещью, с ее назначением, оно содержало в себе первобытные еще магические представления, передавая их из поколения в поколение от времени, когда каждая вещь, каждое орудие производства обладало магическими функциями. Орудия, утварь, украшения обладали магической силой и свойствами оберега.

Крепостное право закрепостило и крестьянское творчество, отдав его на милость помещика. Руками мастера и мыслью народного художника создавалась усадебная роскошь. Даровой труд крепостного раба украшал и возвеличивал сытое барство. Руки мастера были вечно заняты работой на барина. Рабу оставалась только песня; в ней народ изливал свои чувства. Многодельное и кропотливое рукоделие крепостных показывает большое мастерство, но творческий дух народа в нем скован холодом ложного классицизма.

Отмена крепостного права в условиях развивающегося капитализма не только не облегчила положение народа, не только не раскрепостила народное творчество, но еще сильнее закабалила народных ремесленников и мастеров художественного труда. Открывшаяся в 1896 г. Всероссийская выставка, которую российский капитализм хотел превратить в торжественную демонстрацию своей мощи, показала полное оскудение кустарной художественной промышленности. Молодой Горький, писавший о выставке в серии очерков и фельетонов под заглавием «С Всероссийской выставки» и «Беглые заметки», пришел к выводу, что художественной промышленности в России в сущности нет, что художественная кустарная промышленность находится в идейном и экономическом тупике. Горький произнес суровый приговор капиталистическому режиму, принизившему творчество народных мастеров, убившему в на-

родных художниках творческую инициативу и чувство прекрасного. Он писал: «У нас нет никакой художественной промышленности, нет ее и не может быть»¹².

Причины вырождения «исконных, чисто самобытных кустарных промыслов», в том числе и художественных, при капиталистическом режиме были вскрыты В. И. Лениным в его работе «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин развернул потрясающую картину беспощадной эксплуатации кустарей, невыносимых условий труда, в которые были поставлены народные мастера скупщиками и предпринимателями. Ленин констатировал «полное преобладание низших и худших форм капитализма в пресловутой «кустарной» промышленности». «Разделение труда в капиталистической мануфактуре,— писал он,— ведет к уродованию и калечению рабочего,— в том числе и детальщика-«кустаря»¹³. Творческий труд, рассеченный капиталистической мануфактурой на ряд подетальных процессов, убивал искусство, превращая художника-творца в унылого ремесленника.

В этих условиях народное искусство неминуемо превращалось в жалкое ремесленничество. Прекрасное старинное крестьянское искусство теряло свои лучшие качества: богатство образов, конструктивную четкость форм, чувство материала, нарядную праздничность и тщательность исполнения. Изделия деревенского кустаря, несмотря на дешевизну их, не выдерживали конкуренции с заполонившей рынки фабричной продукцией. Народные промысла затухали. «Обеднели мы красотой, из жилищ, из утвари, из нас самих, из задач наших ушло все красивое»¹⁴,— писал один из представителей художественной интеллигенции.

Попытки даже наиболее просвещенных немногих ревнителей русской культуры в дореволюционной России, направленные к поддержанию национальной художественной промышленности, в уродливых условиях капиталистических отношений не привели, да и не могли привести, к положительным результатам. Итоги хозяйничанья капитала в нашей стране сформулировал В. И. Ленин: «Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью»¹⁵.

III

Великая Октябрьская социалистическая революция возродила творческие силы народа. Народное искусство вступило в новую фазу своего развития. В нем произошли за 30 лет существования советской власти такие глубокие изменения, что советская народно-художественная промышленность может быть названа детищем советской эпохи.

Расцвет хозяйства и культуры, в результате победы социализма в нашей стране, обеспечил все условия для развития народных талантов. За годы сталинских пятилеток народные художественные промыслы окрепли экономически. В городских и сельских районах, в местах исконного бытования художественных производств построены просторные и светлые, хорошо оборудованные мастерские. Все достижения современной техники — всевозможные механические приспособления, если они, заменяя мускульную силу мастера, не вредят его искусству, используются народной художественной промышленностью. Мастера и народные художники, объединенные в художественно-промысловые артели, имеют все необходимое для плодотворной творческой работы и совершенствования

¹² «Одесские новости», № 3726, 23 августа 1896 г.

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 334.

¹⁴ К. Рерих, Воспоминания о Талашкине, Талашкино, 1905, стр. 13.

¹⁵ В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 491.

своего мастерства. В настоящее время только в системе промышленной кооперации (основной организации, объединяющей художественные производства по РСФСР) имеется 1400 таких артелей¹⁶.

Сбылись пророческие слова В. И. Ленина: «Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубины на поверхность жизни»¹⁷.

Заглохшие до революции народные промыслы и древние очаги художественного производства вновь возродились к жизни, показав всему миру, какие могучие творческие силы таятся в народе и как чудесно они проявляются, когда разрушены сковывающие их капиталистические отношения и уничтожены классовые преграды, мешающие их развитию.

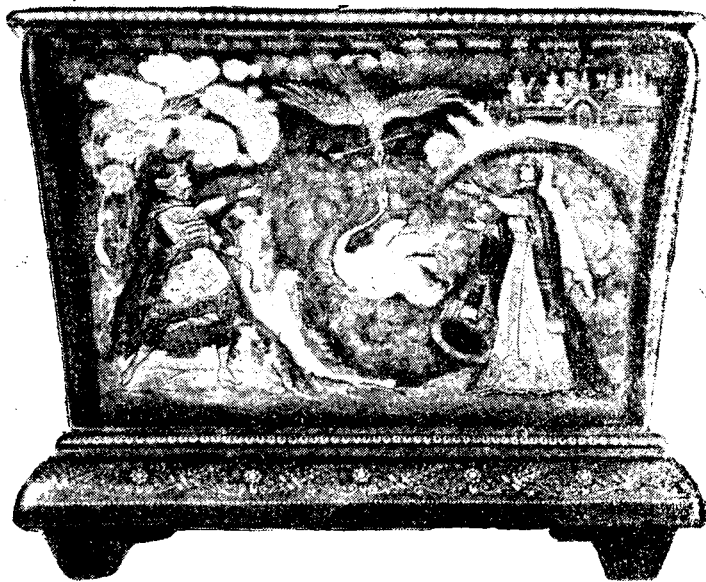

Рис. 1. Солоница. Миниатюрно-лаковая живопись.
Работа А. Дыдыкина, Палех (Ивановская обл.)

За годы сталинских пятилеток народные промыслы не только вернули былое многообразие своего мастерства и восстановили все лучшее из старого ассортимента изделий, многие из них буквально переродились или, скорее, родились вновь — так неузнаваемо прекрасно и молодо их радостное цветение. Старинный иконный промысел, влачивший жалкое существование по захолустьям царской России и, казалось, навеки скованный феодальными канонами и веригами жалкого ремесленничества, почувствовав в себе скрытые творческие силы, вновь явил миру древнюю красоту русского мастерства, обновленную блеском и дерзостью революционного творчества. Начавшийся четверть века назад «Палехский ренессанс» продолжает свое победное шествие, увлекая за собой все новые и новые молодые творческие силы.

О замечательном искусстве глубоко национальной драгоценной живописи палехских мастеров существует целая литература. Вдохновенное творчество крупнейших художников этого широко известного центра революционизированного древнерусского искусства изучалось крупнейшими искусствоведами в нашей стране и за границей. Большие художники слова посвятили палешанам не мало проникновенных страниц.

¹⁶ Данные Главхудожпрома на 1 января 1947 г.

¹⁷ Клара Цеткин, Из воспоминаний о Ленине, Сборник «Ленин о культуре и искусстве», 1938, стр. 298.

Изумительные произведения покойных мастеров — неистового в красках Ивана Голикова, ясного мыслью и богатого опытом классика народного искусства И. М. Баканова и ныне здравствующих и еще полных творческой энергии И. В. Маркичева, И. П. Вакурова, А. В. Котухина, А. А. Дыдыкина, Н. Зиновьева и других мастеров старшего поколения являются драгоценным вкладом в сокровищницу советского народного искусства. Творческие искания и дерзания более молодых и совсем юных мастеров уже теперь дают нам право сказать: «Нет предела творческому гению народа, достигнутое может быть и должно быть превзойдено».

Вторым интересным центром возрожденного народного искусства является село Мстера, Владимирской области, где некогда также существо-

Рис. 2. «Физкультурный парад». Миниатюрно-лаковая живопись. Работа М. Серебрякова. Мстера (Владимирская обл.)

вал иконописный промысел. Мстерцы славились как знатоки древнего письма; кроме того, они занимались реставрацией и подновлением старых икон, которые они сбывали преимущественно в старообрядческие скиты. После революции в Мстере, по примеру Палеха, возник новый промысел миниатюрной живописи на папье-маше, отличающийся своеобразием приемов и более реалистической (чем в Палехе) манерой письма. Из художников Мстеры особенно прославились ныне умерший Н. П. Клыков — мастер «буколической» живописи, любивший писать сцены мирного труда на фоне сельского, поэтически переданного пейзажа. Написанные в холодноватых, серебристо-голубых и зеленоватых тонах пейзажи Клыкова необычайно правдивы; в то же время сдержанная палитра мастера и своеобразные приемы письма напоминают иконы новгородского стиля. «Лучший мастер Мстеры — Н. П. Клыков весь свой век работал на хозяев и только под старость, когда пришла революция, узнал наслаждение свободным творчеством»¹⁸.

Кроме Клыкова, лучшими мастерами Мстеры почитались основоположники новой артели живописцев: А. И. Брягин — художник-лирик,

¹⁸ Журнал «Наши достижения», 1935, № 5—6, стр. 86.

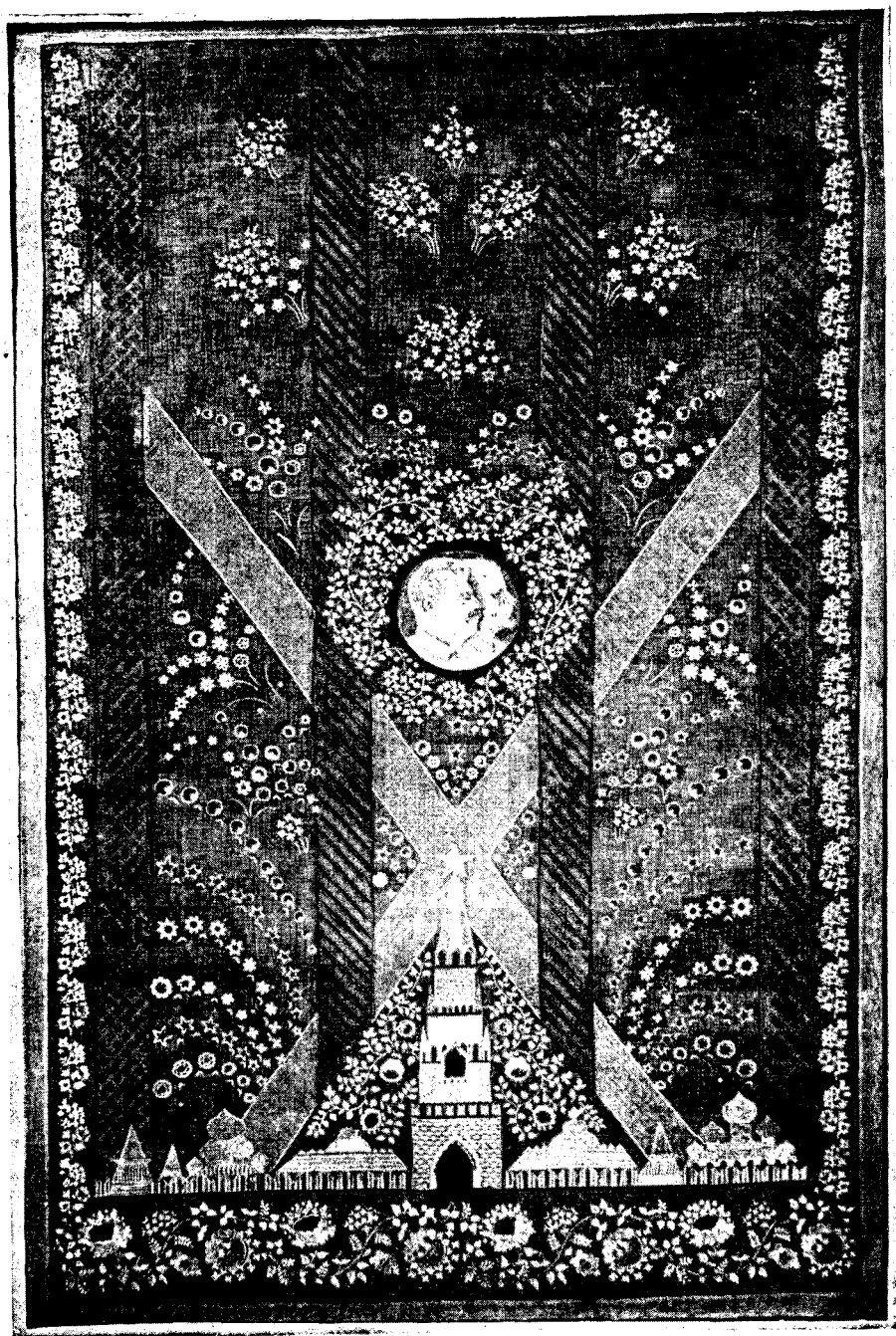

Рис. 3. Панно „Салют“. Вышивка гладью.
Работа В. Н. Носковой, Мастерская артель художественной вышивки

мастер сложных композиционных построений и изумительного колористического дарования, и А. Ф. Котягин, более мужественная живопись которого (с явным тяготением к реализму) отличается сочностью красок и несколько суровой простотой композиции.

Из ныне ведущих старых мастеров выделяются И. Н. Морозов, И. А. Фомичев, В. Н. Овчинников, И. А. Серебряков. Из молодых: художники М. И. Петрова, К. И. Соколова, Е. Н. Зонина и другие авторы ряда интересных композиций на исторические и современные темы, исполненных в традиционной манере мстерской живописи.

Обильная художественными промыслами Мстера известна не только миниатюрно-лаковой живописью, но и ювелирно-металлическим произ-

Рис. 4. „Гимн Советского Союза». Миниатюрно-лаковая живопись. Работа К. Костерина. Холуйская художественная артель (Ивановская обл.).

водством. Хотя мстерские ювелиры-металлисты далеко еще не достигли высоты мастерства своих односельчан-живописцев, они упорно стараются улучшить художественное качество своих изделий.

Третий вид художественного производства Мстеры — замечательная, тонкая по качеству исполнения и изяществу орнамента гладьевая вышивка. Искусные мастерицы гладевой вышивки, обладающие не только исключительной трудоспособностью, но и вкусом и выдумкой, смело расширяют тематические границы гладьевого искусства. Декоративное панно — занавес «Салют» мастерицы В. Н. Носковой, на Всесоюзном конкурсе-выставке и выставке народно-декоративного творчества получившей первую премию, и нарядная композиция Т. М. Дмитриевой-Тупиной «Победа» — являются новым достижением мстерских мастериц.

Третий центр бывшего иконописного промысла — в селе Холуй, Ивановской области, после долгих поисков новых декоративных форм также приобщился к миниатюрно-лаковой живописи на папье-маше; уже имеются очень интересные достижения в этой области.

Композиции К. В. Костерина, В. Д. Пузанова, Молева, С. А. Мокина и др. отличаются декоративно-реалистической манерой письма, крепким рисунком, некоторым пристрастием к деталям и несомненными композиционными и колористическими достоинствами. В Холуе пока мало твор-

ческих сил. Здесь с 1943 г. вновь открыта специализированная художественная школа. Среди обучающихся в ней 70 юношей и девушек имеются яркие дарования; в этом — залог будущего расцвета холуйской миниатюры.

Наиболее давним центром развития лаковой живописи на папье-маше является Федоскинская артель в селе Даниловке, Московской области. Старые мастера, работавшие еще на фабрике Лукутина, заложили основы нового объединения народных живописцев. Подготовленные ими молодые кадры, да и сами старые мастера, расширили традиционный круг тем и сюжетов, украшавших крышки чернолаковых ларцов и коробок, включив в него все жанры живописи, начиная с пейзажа и кончая портретом. Третьяковская галерея и ленинградский Русский музей служат неисчерпаемым источником для творческого воспроизведения богатого живописного наследия прошлого и лучших достижений советской живописи. Федоскинцы несут в быт богатства русской живописи, но это не репродукция, это народно-массовые творческие интерпретации станкового индивидуального искусства, в основу которых положены своеобразные народные приемы, придающие «копиям» новые качества, столь привлекательные в работах А. А. Кругликова, М. И. Попенова, В. С. Бородкина, В. И. Лаврова, отличного портретиста И. С. Семенова.

В лучших из этих интерпретаций — «венециановская» ясность живописного восприятия и мастерство подлинного искусства.

Родственный Федоскинскому промысел лаковой декоративной живописи по металлу процветает в селе Жестово, Московской области; основное место занимают декоративные подносы, изобильно украшенные виртуозно написанными сочными и яркими букетами цветов. Среди живописцев-цветочников имеются талантливые мастера-пейзажисты. Смело написанные «подносные пейзажи» трактованы в плане живописного приятия. Феерические по краскам пейзажные композиции построены на кистевом приеме и изощренной технике.

Производство цветочно-декоративных подносов имеется и на Урале, в г. Тагиле, Свердловской области. Уральская народная живопись не менее славится мастерством исполнения и выработанностью техники, отличаясь от московской большей лаконичностью в цвете и условностью цветочных форм.

Золотая Хохлома, до революции тускневшая в прспитанных чадом горелого лака «работных», как киноарная лесеми. Вот уже 30 лет с каждым годом все краше и краше радостное цветение древнего узорочья, обогащенного разнообразием и многоцветием живых форм, рожденных советской новью. Из мастеров хохломской росписи, творчески перерабатывающих старое наследие и создающих новые формы декорировки, известны старые ковернинские мастера: Ф. Бедин, Н. Подогов и более молодые мастерицы: Анна Бедина и Мария Железнова; из семеновских — Антон Муравьев.

Тончайшее по своему мастерству и художественной выразительности искусство резьбы по кости Холмогор, ведущее свое начало еще с XVI в., в XVIII столетии достигшее большого совершенства, а в начале XX в. замершее и почти забытое, усилиями молодых советских мастеров вновь достигло высокого мастерства и чистоты стиля, сочетая элементы изящного русского рокайля и ампирных форм с героическими образами. Немалую роль в восстановлении былой славы холмогорской резной кости сыграли покойные мастера В. П. Гурьев и В. Т. Узиков, преданные своему искусству, создавшие интересные образцы и хорошо подготовившие молодую смену, а также безвременно умерший талантливый Федя Гурьев, из семьи потомственных костерезов Гурьевых. Из молодых мастеров выделяются творческими способностями П. П. Чернякович, М. А. Христофоров (к сожалению, в последнее время мало участвующий

Рис. 5. Столешница. Хохломская роспись по дереву. Семеновская артель (Горьковская обл.)

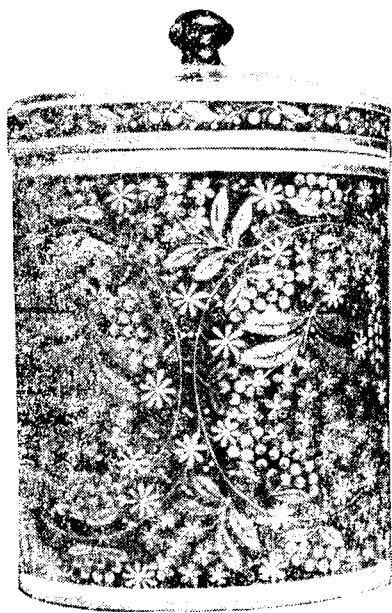

Рис. 6. Поставец. Хохломская роспись по дереву. Ковернинский район (Горьковская обл.)

на выставках), А. Е. Штанг, замечательные мастерицы — У. С. Шарыпина, М. П. Синькова, Е. Н. Брюховецкая и др.

Замерший промысел тобольской резьбы из мамонтовых бивней также восстановлен и обновлен исканиями творческой молодежи, вносящей в

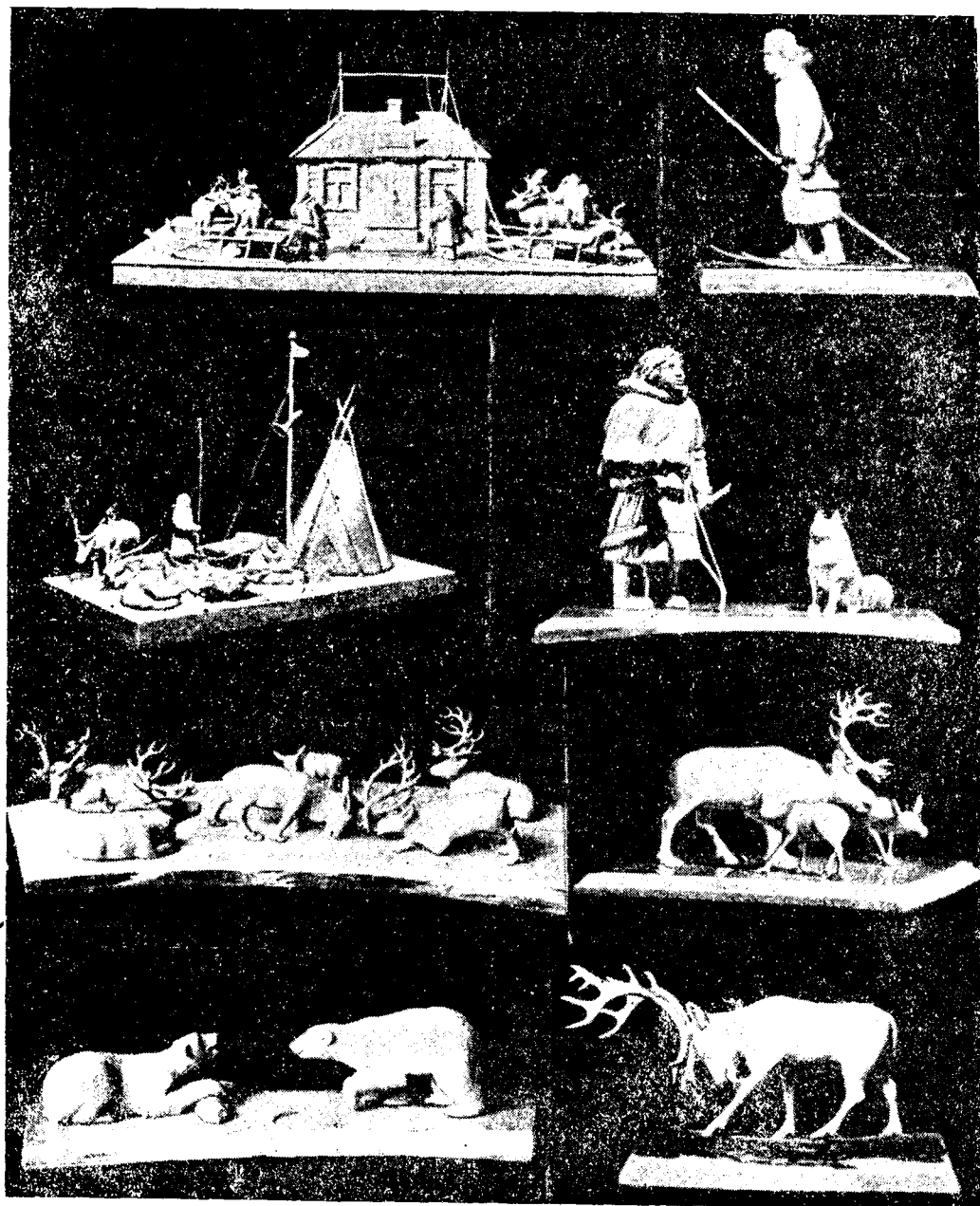

Рис. 7. Миниатюрная скульптура. Резная кость.
Работа тобольских мастеров. Тобольская костережная артель (Тюменская обл.)

несколько наивный примитивно-этнографический натурализм старых тобольских мастеров свежую струю идейного реализма. Большое участие в восстановлении и развитии промысла принимали старые мастера: П. В. Терентьев, В. П. Денисов и В. В. Песков, давшие ряд интересных образцов и подготовившие группу талантливой молодежи. Из более мо-

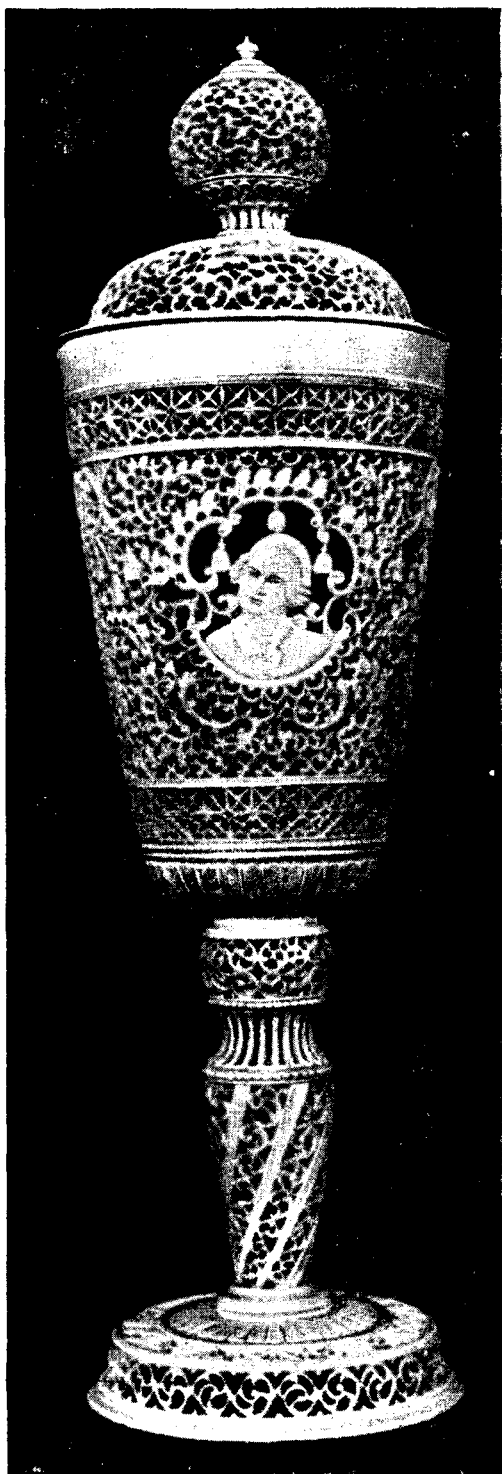

Рис. 8. Кубок „Великие русские писатели“. Резная кость. Работа А. Штаге и М. Синковой, Ломоносовская костерезная артель (Архангельская обл.)

лодых мастеров выделялись творческими способностями и высоким мастерством Виктор Лопатин и С. И. Трегубов, отдавшие жизнь в боях за родину. Среди одаренной молодежи, восстанавливающей промысел в послевоенный период, выделяются П. Г. Бизин, К. Т. Песков, В. Иванов, Н. С. Синицких, талантливый москвич А. Ремизов и др.

Художественная обработка дерева, главным образом резьба и роспись, занимает в художественных промыслах РСФСР самое большое место, так как 95% лесных богатств Советского Союза сосредоточено на ее территории. Кроме уже упоминавшегося производства хохломских

Рис. 9. «Крестьянин и медведь». Резное дерево.
Работа И. Стулова. Богородская артель (Московская обл.)

изделий, получивших большое развитие в лесных районах Заволжья (Семеновском и Ковернинском), не менее интересным центром художественной обработки дерева является лесное Подмоскovie, Загорский район, где в самом Загорске и окрестных селениях Богородске и Хотькове с давних пор существует производство яркой и образной народной игрушки, интересной бытовой скульптуры и художественной мебели.

Кировское производство изящнейших изделий из золотисто-узорного капо-корня продолжает славные традиции Вятского народного мастерства. Совершенствование форм изделий в соответствии с потребностями советского быта является постоянной заботой мастеров.

Шемогодские мастерицы¹⁹ — известные Вепревы и др., отлично владеющие техникой резьбы по бересте, превращают этот дешевый материал в драгоценное узорочье, вводя в берестяное кружево, вырезаемое прямо от руки острым ножом, новые советские мотивы и эмблемы.

Давнее уральское производство художественных изделий из камня, опошленное хозяйничавшими до революции скупщиками, навязывавшими мастерам свои «вкусы», вновь возвращается к лучшим традициям русского камнерезного мастерства, прославленного мастерами Петергофа, Екатеринбурга и Кольвани.

Миниатюрная живопись по финифти, до войны успешно развивавшаяся в Ростове-Ярославском, расцветает снова, и тонкий аромат ее

¹⁹ Шемогодская артель под Великим Устюгом.

нежных по краскам, изящных цветочных композиций привлекает ценителей русского народного искусства к этому прихотливому промыслу.

Сказочно красочное производство глиняных скульптур-игрушек Лысковской слободы под Вяткой (ныне г. Киров), оставленное нам в наследство Анной Афанасьевной Мезриной и ее сверстницами-мастерицам Пенкиной и Кошкиной, со все возрастающим успехом продолжается молодыми мастерицами под неизменным руководством художника-энтузиаста Алексея Деньшина, тридцать лет тому назад открывшего этот чудесный родник народного творчества.

Замечательная гжельская расписная керамика, особенно развившаяся в XVIII в. и с тех пор заглохшая, возвращена к жизни. Старый ма-

Рис. 10. Кувшин и чайник. Керамика.
Работа мастериц Гжельской артели «Художественная керамика»
(Московская обл.)

стер-гончар М. И. Денисов и молодые мастерицы росписи Т. С. Дунашова и М. С. Толпегина с увлечением восстанавливают забытое искусство Гжели и ищут новых форм изделий и декора, более отвечающих современному вкусу.

Восстанавливается забытое фантастически затейливое производство гончарных изделий Скопина, Рязанской обл. В этом промысле, сочетавшем в себе старорусские традиции гончарного мастерства с неудержимой фантазией народных художников XVIII и начала XIX в., таятся большие декоративные возможности. Задачей ближайшего будущего является полное раскрытие этих возможностей художниками и мастерами. Из старых мастеров, вполне владеющих техникой скопинского производства и еще хранящих в памяти скульптурно-керамические образы прошлого, выделяются М. И. Тащев, которому уже исполнилось 75 лет, и И. И. Максимов 70 лет.

С каждым годом все интенсивнее, все углубленнее идет созидательная работа по восстановлению художественных промыслов, развиваются и крепнут ювелирно-художественные металлические промыслы Красносельского района, Костромской области. Художниками-производителями села Красного Н. С. Грустливым и А. И. Удаловым ведутся успешные поиски новых, более совершенных форм изделий. Вытесняется с

производства «ходовой» товар, ныне уже не отвечающий возросшим культурным запросам советского потребителя. Из производств, имеющих наибольшую художественную ценность, выделяются сканно-филигранные работы, отличающиеся изяществом узора и тщательностью исполнения.

Художественное чернение по серебру в Великом Устюге — единственное в своем роде производство не только у нас, но и за границей, отличающееся красотой и прочностью черногого узора. Секрет черневой работы (составы черни), сохраненный ныне покойным мастером

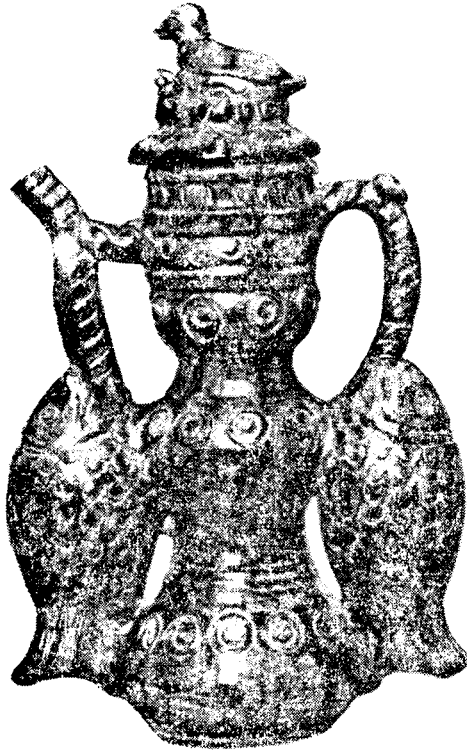

Рис. 11. Декоративный кувшин. Керамика.
Работа М. Ташеева, г. Скопин (Рязанская обл.)

Н. П. Чирковым, передан им в верные руки молодых восприимчив старинного мастерства М. А. Сычевой (Угловской), М. А. Подсекиной (Мелентьевой) и др.²⁰

Устюжским художником Е. Шильниковским созданы многочисленные композиции для украшения бытовых изделий из серебра на темы русских сказок и басен, имеющие успех у советских потребителей и за границей, куда изделия экспортируются в большом количестве.

Исконно женские художественные промыслы, возникшие в очень отдаленные времена, занимают самое большое место в нашей художественной промышленности. Производство строчье-вышивальных изделий широко распространено в областях: Архангельской, Воронежской, Костромской, Кировской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Тульской, Саратовской, Ярославской. «Крестецкие» швы, исполняемые мастерицами селения Крестцы, Новгородской области; «рязанские» швы и филе

²⁰ Перед первой империалистической войной приезжали в Великий Устюг иностранцы, желающие выведать секрет составления черни. Они предлагали Н. П. Чиркову 15 тыс. руб. и звали его переехать в Лондон. Мастер не сменял Сухону на Темзу и не продал секрета англичанам (Н. Никольский, Северная чернь, «Наши достижения», 1935, № 5—6, стр. 217).

кадомских вышивальщиц Рязанской области; драгоценное золотое шитье Торжка, под Калининским; вологодские, елецкие и кировские кружева; знаменитое искусство вышивальщиц Тарусы, Калужской области, которыми руководит талантливая художница М. Н. Гумилевская; производство замечательных цветистых русских ковров ворсовых и паласного типа Тюменской, Курской, Курганской, Пензенской и Воронежской областей — свидетельствуют не только о возродившемся мастерстве этих промыслов, но и о том, как велика потребность в народе беречь и развивать бытовое искусство во всех его проявлениях, сохранять тончайшее, несравненное мастерство ручного художественного труда, являющегося неотъемлемой частью русской народной культуры.

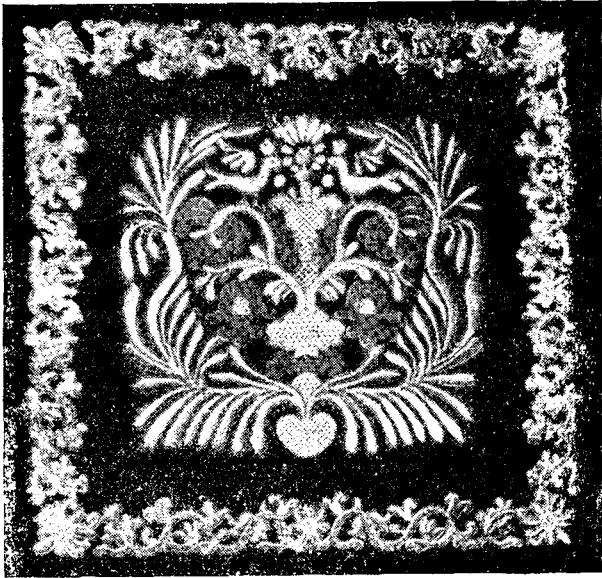

Рис. 12. Диванная подушка. Золотое шитье.
Работа мастериц Торжокской золотошвейной артели,
по эскизу худож. З. Кашкаровой.

IV

Успехи Сталинской национальной политики и социалистического строительства в национальных районах, вызвавшие мощный культурный подъем ранее отсталых народностей, обеспечили расцвет национально-бытового искусства. Производство строчечных вышивальных изделий Мордовской, Чувашской, Марийской АССР, отличающееся неисчерпаемым богатством национальной орнаментики, разнообразием техники и исключительно высоким мастерством, показывает очень интересные образцы применения традиционных форм покроя одежды и вышивок для создания новых фасонов, главным образом, женских платьев и костюмов, отвечающих современным требованиям.

Редкие по красоте оригинальные чувашские вышивки, так называемые «мудреные швы», цветная перевитая «роспись», эрзянские швы мордовских мастериц, марийская косая стежка и т. д., исполненные с большим художественным вкусом, повсеместно в селах и городах нашей страны, да и за границей, пользуются огромным успехом.

Дагестан славен своими великолепными коврами: кумыкские паласы и узорные войлоки, лезгинские и табасаранские ворсовые ковры, мафроши, хурджумы, арбабаши и другие красивые и прочные ковровые изделия, изготавливаемые талантливыми Бадар Эмировой, Гюльнар Жи-

мартовой, Анисэ Хадаровой, Шарнет Косамбековой и многими другими не менее искусными мастерицами Дагестана, являются драгоценным вкладом раскрепощенных революцией женщин Кавказа в сокровищницу многонационального народного творчества нашей страны. Глубоко традиционная, благородно сдержанная по цвету орнаментированная бытовая керамика аулов Балхара и Сулевкента, известная не только в Дагестане, но и далеко за его пределами, получила большое развитие. К сожалению, трудный путь из аулов нагорного Дагестана в Москву делает пока еще редкими гостями на всесоюзных выставках эти хрупкие произведения кавказского гончарного мастерства.

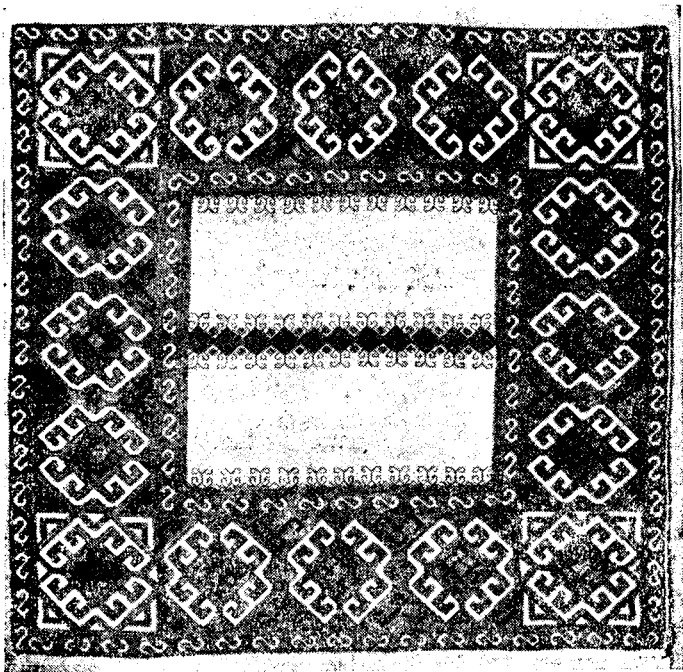

Рис. 13. Подушка. Вышивка „косой стежок“.
Профтехническая школа художественной вышивки,
Марийская АССР

Прекрасно изощренное искусство златокузнецов Дагестана. Хранителями орнаментально-стилистических традиций являются: из мастеров старшего поколения Алихан Ахмедов, Гаджи Кишов и другие и достойные восприимчивые их высокого мастерства молодые талантливые кубачинцы Расул Алиханов, Гаджибахмуд Магомедов и многие другие.

Изящная резьба по кости, обогащенная золотой насечкой, украшает оружие, шашки и кинжалы, изготавливаемые кубачинскими мастерами и оружейниками в дар героическим военачальникам Советской Армии.

Нельзя не упомянуть развившееся во второй половине XIX в. среди аварских горцев аула Унцукуль интересное производство бытовых предметов из твердых пород дерева — кизила, самшита, абрикоса, украшаемых металлической насечкой. Унцукульская инкрустация на тростях, шкатулках, портсигарах и других вещах прочна и красива.

В Рыбной Слободе под Казанью снова оживился промысел ювелирно-художественных сканных и черневых изделий национального характера, восходящих к народному искусству Татарии XIV—XIX вв.

Самобытное, национальное по форме якутское орнаментальное искусство резьбы по мамонтовой кости и гравюры по серебру, издревле быто-

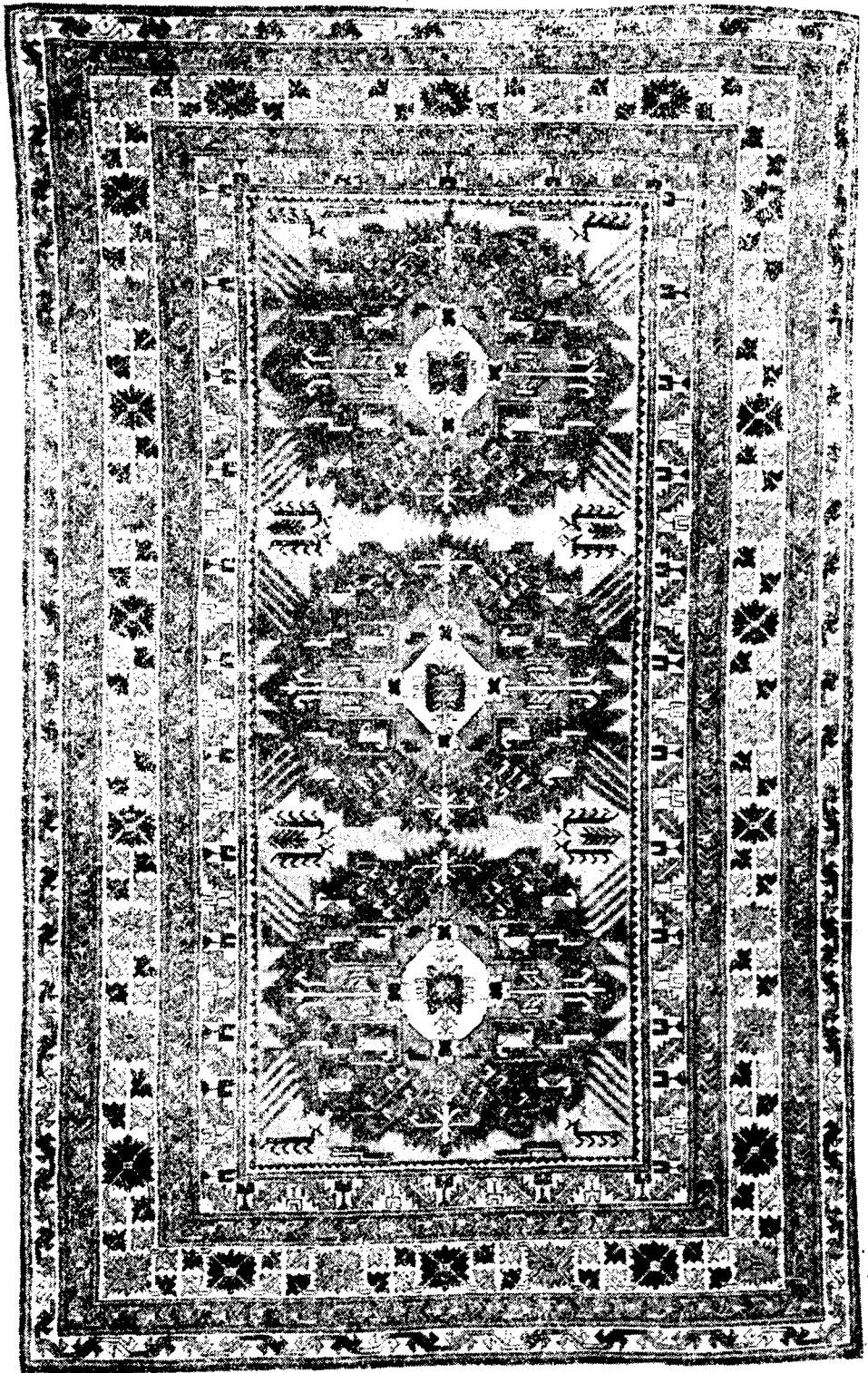

Рис. 14. Дагестанский ковер.
Работа мастериц Дагестанской АССР

вавшее в якутском народе, показывает новые образцы высокого мастерства и опыты сочетания национальной орнаментики с величественными образами советской эпохи.

Год от года все интереснее, все совершеннее полная неповторимого своеобразия и первобытной силы чукотско-эскимосская резьба по кости, особенно развившаяся за годы советской власти на побережье Берин-

Рис. 15. Рукоять кавказской шашки. Гравировка по серебру с золочением.

Работа кубачинских мастеров
(Дагестанская АССР)

Рис. 16. Рукоять кинжала. Резная кость с золотой насечкой.

Работа кубачинских мастеров
(Дагестанская АССР)

гова пролива, на мысе Дежнева и в Уэлене, в реалистических монументально-миниатюрных скульптурах и тончайших, слегка подцвеченных, гравюрных рисунках на моржовых клыках, отразивших суровую природу Севера. Звериный мир Арктики, сцены охоты и быта морских зверобоев и оленеводов, героический труд советских полярников и все то новое, что принесла с собой советская власть отсталым народам северных окраин, запечатлено в творчестве народа-художника, как с полным правом можно назвать чукотско-эскимосский народ. Искусство на Чукотке не является уделом немногих, особенно одаренных личностей, им владеют почти все и почти с одинаковым совершенством.

Вот далеко не полный обзор того, чем славна народная художественная промышленность Российской Федерации. Все это развивается, дает ростки нового, зацветает невиданными цветами и неизменно радуется ши-

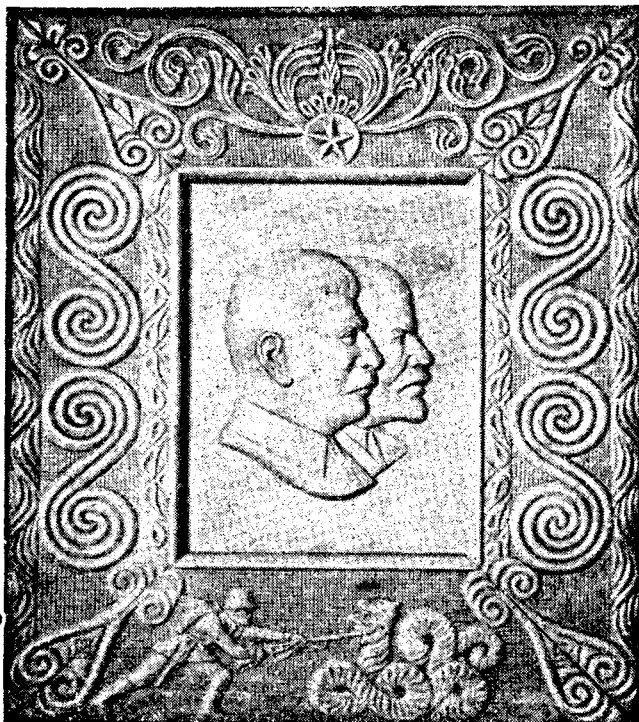

Рис. 17. Барельеф с портретами В. И. Ленина
и И. В. Сталина.
Резная кость. Работа якутского мастера

рокие массы трудящихся нашей страны на выставках-смотре народного творчества.

Рис. 18. Цветная гравировка на моржовом клыке.
Работа мастера Онно (Чукотский нац. округ)

V

Сталинская конституция, ознаменовавшая дальнейший подъем советского демократизма, еще более укрепившая морально-политическое единство народа, предоставив ему все возможности для свободного роста

и развития творчества, открыла перед народными мастерами и художниками новые возможности великого служения родине.

Большие, сложные творческие задачи, поставленные советской эпохой перед искусством, потребовали для своего разрешения не только всех средств пластической выразительности из художественного фонда прошлого, но и приобщения народных художников и мастеров к передовым идеям современности.

Народное искусство, бытовавшее в народных низах, даже в самые мрачные времена феодально-помещичьего и капиталистического режима,

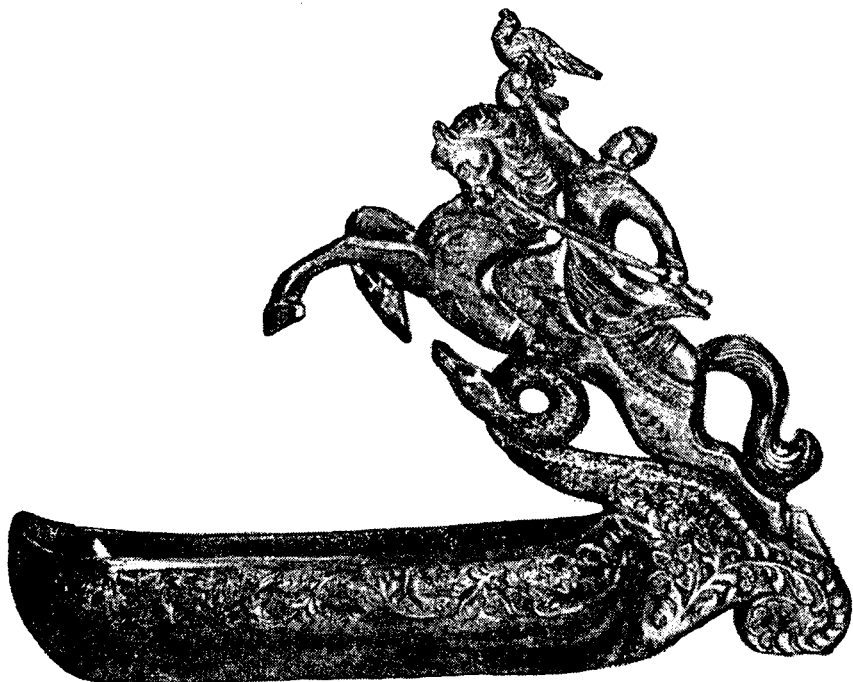

Рис. 19. Декоративный ковш. Резьба по дереву.
Работа Василия Ворноскова, Кудринская резная артель (Московская обл.)

в значительной части сохранило в чистоте свое подлинное назначение — быть полезным народу. Народное искусство, как могло, скрашивало скучную жизнь трудового люда. В глуши северных лесов укрывалась древняя красота крестьянского искусства от разлагающего влияния капиталистического рынка. В убогом быте ремесленников и кустарей Подмосковья, Вятки, Поволжья никогда не умирал жизнерадостный народный юмор, и нет-нет да и появлялась на свет острая народная сатира. Вырезая из дерева, лепя из глины, пестро размалевывая глупую барыню, незадачливого кавалера, толстопузого купчину, похотливого монаха и другие не менее выразительные «игрушки», народ выражал свое отношение к господствующим классам царской России. Именно эти качества искусства крестьян и кустарей дают ему преимущественное право в нашей стране называться народным.

Конечно, идейное содержание старого крестьянского ремесленнического искусства теперь уже не соответствует тем высоким задачам, которые призвано решать искусство в нашей стране. В Советском государстве нет антагонистических классов и классовой борьбы. Советский народ воодушевлен единым стремлением завершить построение бесклассового общества.

Искусство создания бытовых вещей не могло оставаться и не осталось только декоративным. Проникая в самую гущу трудящегося

населения, оно несет с собою не только радость красочного преображения быта, оно не только украшает и делает праздничным наше жилище, одежду, утварь, оно вместе с тем напоминает нам о нашем долге ревностного служения великому делу Ленина-Сталина, делу народа. Оно постоянно воскрешает перед нами трудный и величественный путь, пройденный народом, воссоздает картины суровой борьбы с природой и поработителями человечества.

Идейная направленность народного искусства оплодотворила творческие поиски и усилия мастеров, бесконечно расширив круг тем и образов. Мастера ювелирно-миниатюрной живописи — Палеха, Мстеры, Холуя, мастера реалистического письма — федоскинцы, резчики по де-

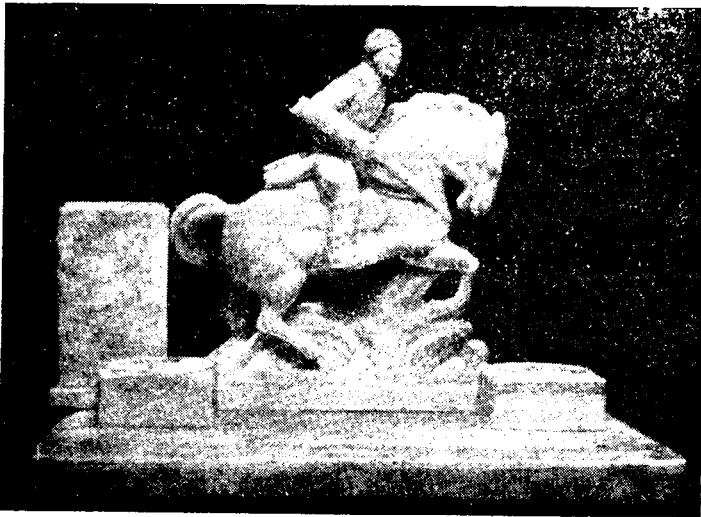

Рис. 20. Письменный прибор с конной фигурой. Резной камень.

Работа М. Тарасова, Чоркуновская камнерезная артель (Горьковская обл.)

реву Подмосквья, мастера росписи Заволжья, камнерезы Урала и Горьковской области, холмогорские, тобольские, чукотские костерезы, мстерские вышивальщицы и т. д. показали интересные образцы тематического искусства, в которых средствами образного претворения действительности ярко отражена героика труда и борьбы советского народа.

Наполнившись новым идейно-художественным содержанием, советское народное искусство изменяет и самые формы художественных изделий в соответствии с растущими культурными запросами советского потребителя, стараясь повысить функциональное значение вещей и их художественное качество, расширяя ассортимент изделий, постоянно проверяя его жизненность в нашем быту, внося в него много нового, современного, отвечающего духу эпохи.

Огромная творческая работа, проводимая народными художниками и мастерами с помощью специалистов-искусствоведов на основе научных изысканий, позволяет вскрыть под поздними наслоениями упадочных стилей, навязанных народному искусству извне, прекрасные древние формы, забытые и только теперь возвращаемые к жизни.

Народное искусство восстанавливает и хранит самое лучшее из достижений прошлого, сочетая его с новым, рождающимся из самой жизни. Оно свято бережет драгоценные образцы подлинно-народного полнокровного крестьянского искусства, орнаментальное сюжетное богат-

ство национально-декоративного фольклора, включая и творчество отставших в своем развитии угнетаемых царским правительством и чине приобщенных к культурному строительству малых народов,— всё, в чем сохранилось мастерство и здоровое творческое начало. Но народное искусство органически не приемлет все выродившееся, больное, всякую уродливую декадентчину, являющуюся продуктом распада загнивающего капитализма.

Музеи, библиотеки и другие хранилища веками накопленных культурных богатств предоставляют мастерам художественного труда возможность изучать великие памятники искусства прошлого. Народные мастера — постоянные посетители музеев, но они приходят не только полюбоваться прекрасными формами или подивиться необыкновенному

Рис. 21. „Ряд конницы в тыл врага“. Миниатюрная живопись. Работа Л. Котухиной. Холуйская художественная артель (Ивановская обл.)

мастерству исполнения. Мастера пытливым оком всматриваются в то, часто неуловимое, что составляет великую тайну очарования художественного произведения, чтобы постичь заключенную в нем красоту и воссоздать ее в новых, еще более прекрасных творениях,

Основной задачей художественных артелей является массовый выпуск высококачественных и доступных по цене художественных изделий. Но одновременно народные мастера и художники имеют возможность месяцами, а иногда и годами трудиться над уникальными вещами, создавать шедевры декоративного искусства. В процессе работы мастера всегда могут получить творческую помощь квалифицированных художников и специалистов-искусствоведов.

Специально созданный научно-исследовательский институт художественной промышленности, имеющий в своем составе восемь специализированных по видам художественного производства лабораторий, располагающий кадрами художников и научных работников, призван решать вопросы идейно-художественного направления народных промыслов и оказывать мастерам помощь в их творческой работе. Вводятся в обиход новые виды материалов и более совершенные способы их обработки. Не осталось без изменения и орнаментальное убранство вещей: узоры и орнаменты подвергаются творческой переработке, очищаются от наносных, чуждых народному искусству, дореволюционного модерна и формалистических влияний Запада. Изучение народного искусства, исследовательская и экспериментальная работа в области создания новых художественных образцов, передаваемых на производство, являются задачами Института художественной промышленности.

После разгрома гитлеровских полчищ, научные работники и художники Института художественной промышленности были направлены в центры художественных производств и особенно туда, где помощь была особенно необходима, в районы, разрушенные и разграбленные немецкими захватчиками. В Москве оказались богатейшие коллекции зарисовок, исполненных художниками Института художественной промышленности во время командировок и экспедиций, проводившихся до войны много лет подряд, и это позволило оказать народным мастерам и художникам Белоруссии и Украины, восстанавливающим свои художественные производства, быструю и эффективную помощь.

Народным мастерам и художникам предоставлены широкие возможности выставлять свои работы в музеях и демонстрационных залах столицы. Произведения народного искусства постоянно гостят за границей, где неизменно встречают радушный прием. Только за последние два года изделия народных мастеров экспонировались на выставках в Лондоне, Праге, Хельсинки, Тегеране и Каире.

Ежегодно устраиваемые в Москве и других городах выставки-смотри народного творчества — эти демонстрации многогранного художественного мастерства и правдиво-образного отражения советской действительности — поистине стали всенародными праздниками.

Постоянно проводимые курсовые мероприятия, конкурсы, творческие конференции, выезды специалистов в районы производств и творческие командировки мастеров в Москву — все направлено к тому, чтобы дать возможность мастерам и мастерицам безгранично развивать свое творчество и совершенствовать мастерство.

VI

Подготовка кадров художников и мастеров художественной промышленности являлась главнейшей задачей. Художественно-стилистические традиции, приемы и навыки мастерства передаются только из рук в руки. Еще до революции большие народные мастера были редкостью, после первой империалистической и гражданской войн их стало еще меньше, да и те были в преклонном возрасте. Нужно было торопиться. Все формы ученичества, начиная от подсаживания учеников к мастерам прямо на производстве, бригадного ученичества, краткосрочных курсов и т. д. и кончая открытием школ и техникумов, были применены для обеспечения молодой художественной промышленности новыми кадрами.

Советские юноши и девушки колхозных сел, равно как и городская молодежь, чувствуя призвание к художественному труду, могут освоить производственные навыки не только непосредственно на производстве, но и поступить в специальные художественные школы, имеющиеся за редким исключением везде, где развит тот или иной вид художественного производства. В школах, специализированных по видам производства, помимо производственных и художественных дисциплин, преподаются история искусства и другие гуманитарные науки.

Только по РСФСР (в системе промкооперации) открыто 23 такие школы, из них 5 — в Московской области. Из последних пользуются известностью Федоскинская школа живописи по папье-маше, Богородская школа резьбы по дереву. Интересна Абрамцевская школа в Хотькове, получившая свое название от известного подмосковного имения мецената Мамонтова, где в 80-х годах под влиянием художников Поленовой и Врубеля возникло объединение кустарей-резчиков, создавших своеобразный стиль мебели и декоративно-бытовой утвари. Под влиянием Абрамцевских мастерских сложился и более народный Кудринский стиль. Творцом Кудринского стиля по праву считается талантливый резчик В. П. Ворносков, проработавший более 45 лет и оставивший после себя не менее талантливых наследников — «сыновей Ворносковых», поныне

продолжающих дело, начатое отцом. Оба эти направления легли в основу изучения резьбы в школе.

Широкой известностью пользуется Загорская школа художественной игрушки в бывшем Сергиевом Посаде, старинном центре народного художественного производства. Художественная школа открыта в Мстере, Владимирской области, где учатся 100 юношей и девушек, изучающих стиль письма великих зографов прошлого, художественные способы обработки металла и искусство вышивки. Торжокская художественная школа золотошвейного мастерства готовит мастериц золотого шитья, великолепного искусства, некогда зародившегося в теремах и светелках древней Руси и ныне привлекающего ценителей тонкостью и драгоценностью узора.

Даже на Чукотском побережье, в Уэлене строится специальная художественная школа с хорошо оборудованными мастерскими и интернатом.

Художественный техникум, готовящий мастеров по всем видам художественной обработки металла, открыт в селе Красном, Костромской области. Кадомский техникум (в Рязанской области) готовит кадры мастериц художественной сточки и вышивки.

Значительные кадры художников и руководителей художественных производств готовит Московское художественное четырехгодичное училище им. Калинина, где учатся наиболее одаренные юноши и девушки, окончившие среднюю школу.

Изменившаяся социально-экономическая обстановка преобразовала самое существо народного искусства. Только теперь мы называем продукты народного художественного труда искусством, а народного мастера — художником. Только теперь, в советскую эпоху, произведения художественного труда народных мастеров носят имя мастера, создавшего эти произведения. Раньше творчество народа было безыменным. Народный мастер не смел поставить свое имя на задуманной и исполненной им вещи, да и кого это могло интересовать!

Сталинская забота о людях, в первую очередь о людях творческого труда, дала возможность отчетливо выявиться совершенно новым чертам в произведениях народного искусства. Оно раскрылось перед нами как творчество пламенных патриотов, преданных родине, своему вождю и учителю Сталину. Народное искусство раскрылось как творчество замечательных талантов, сумевших подняться до выражения общественных идеалов советской эпохи и в то же время вложивших в свое творчество лиризм личных переживаний и неповторимое своеобразие индивидуальности. Старые понятия народности, национальности искусства обогатились новыми качествами, возникшими в процессе формирования общества более высокого, более совершенного типа. При этом мы еще раз убеждаемся, что в условиях социалистического общества творческая индивидуальность не только не противостоит народности исторически сложившегося стиля, но, наоборот, сливается с ней в гармоническом единстве синтеза.

Ценный вклад в народное творчество Сталинской эпохи сделали советские женщины. Художественное производство в прошлом строго делилось на профессии мужские (резьба по дереву, кости, камню, литье, чеканка, оформление жилищ и утвари) и женские (ковроткачество, вышивка, кружевоплетение, да еще, пожалуй, изготовление тряпичных кукол). В советской художественной промышленности нет такого разделения, — все виды художественного производства одинаково доступны мужчинам и женщинам, вследствие чего появились новые черты в традиционной художественной практике. Например, современная резьба по кости, выполняемая холмогорскими мастерицами Шарыпиной, Синьковой и др., показывает нам образцы исключительного изящества и какой-то особенной женственности, которые так соответствуют пластической при-

роде этого материала, позволяющего превращать его в тончайшее кружево.

В нашей стране народное искусство пользуется всеобщей любовью, а народные мастера — уважением и почетом. Партия, правительство и лично товарищ Сталин уделяют большое внимание народно-художественным промыслам.

Награды и дипломы за лучшие изделия, присуждаемые мастерам и художникам на конкурсах и выставках, отмечают творческий путь наших мастеров. Талантливейшие И. П. Вакуров и А. В. Котухин получили почетное звание заслуженных деятелей искусства. Старейший из славной плеяды палехских чудодеев И. В. Маркичев носит звание народного художника. Палех дал лауреата Сталинской премии, художника Н. М. Парилова. Имя избранника народа, депутата Верховного Совета РСФСР, народного мастера Н. А. Правдина также связано с Палехом.

VII

За годы второй мировой войны большинство артелей прекратило производство художественных изделий. Многие художественные мастерские превратились в оборонные цехи, в госпитали.

Но как только напор вражеских полчищ был сломлен, первой заботой Советского правительства была забота о восстановлении разрушенного хозяйства, о сохранении народного достояния. В самом начале 1943 г. постановлением СНК РСФСР были начаты большие работы по восстановлению основных художественных производств, художественных школ и техникумов; было создано Главное управление художественными промыслами и организованы специализированные художественные союзы в различных областях и районах. По указанию И. В. Сталина, лучшие мастера и народные художники, хранители исконных традиций и поколений накопленного опыта, были отозваны из армии к своим станкам и мольбертам. Творческий подъем, охвативший стариков и молодежь, был так велик, что еще в то время, как наши доблестные воины рвались на Запад, в главное логовище врага, со всех концов нашей обширной страны в Москву стали прибывать первые вестники возрождения народного искусства, «первые ласточки» готовой художественной продукции.

Война заставила старых мастеров пересмотреть свой творческий багаж, творчество молодых стало серьезней и углубленней, рождались новые замыслы, Пережитое, выстраданное в отечественной войне за счастье народное, гордость за свое советское отечество, не только устоявшее, но еще больше окрепшее в ураганах битв, беспредельная преданность и любовь к своему полководцу, учителю и отцу родному Сталину — требовали своего воплощения в вечные формы монументального фольклора. Сложные творческие проблемы, поставленные народными мастерами, требовали участия и помощи научных и художественных сил Москвы.

Особенно сильно пострадали от ярости фашистских варваров западные области и братские республики, принявшие на себя внезапный удар предательского нападения. Многострадальная Белоруссия, издревле славившаяся своими женскими промыслами — художественным ткачеством и вышивкой, древнейший очаг богатой художественной промышленности, щедрая народными талантами Украина, нуждались в самой неотложной помощи. Немцы разграбили и сожгли дотла Полтавский музей, где были собраны замечательные коллекции народных декоративных изделий, опустошили музеи Киева, Чернигова, Харькова. Ценнейшие художественные производства были разрушены и сожжены. Разрушения и уничтожение были настолько полными, что казалось невозможным воссоздать все эти прекрасные образцы. К счастью, погибло не все. Многие хранилось за пределами республик, и в частности в Москве. Но

погибли не только материальные ценности — коллекции прекрасных художественных изделий. Сотни талантливых молодых мастеров, выпестованных за годы советской власти, отдали жизнь в боях за родину, и эта тяжелая потеря, казалось, нанесет непоправимый урон художественным промыслам. Но старые мастера, даже те, что по возрасту ушли с производства, вернулись к своим рабочим местам и взяли на себя социалистические обязательства подготовить новую смену. Молодежь, возвратившаяся с победой домой, окрыленная творческими замыслами, вооружившись кистью и резцом, перешла в наступление на всех фронтах художественного труда. Основной темой новых художественных композиций была «Победа».

Всесоюзная выставка народного декоративного искусства 1946 г., первая после войны, показала радостный новый расцвет народного искусства.

* * *

В данной статье мы показали развитие народных художественных промыслов Российской Федерации. Не менее бурный подъем переживает народное искусство братских республик; достаточно вспомнить украшавшие залы выставки ковры и декоративные ткани Туркмении, Азербайджана, Армении, Киргизии, Узбекистана, украинские килимы и гобелены, резьбу по дереву узбекских и эстонских мастеров и многие другие образцы замечательного мастерства и национального творчества народов, возрожденных к жизни Великим Октябрем.

Два с половиной года, отделяющие великую дату тридцатилетия Советской власти от радостного дня победы, прошли в неустанном творческом труде и исканиях новой художественной правды. Народные художники и мастера, вдохновленные огромным вниманием партии и правительства, создали новые замечательные произведения, возвеличивающие мирный труд и благородную борьбу народа за независимость и единство своей Родины.

Открывающаяся в Москве к 30-летию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Всесоюзная выставка народного творчества еще шире развернет великолепную гирлянду народных дарований. Прекрасное, вечно юное народное искусство, воплотившее в исконно национальные монументально-декоративные формы все многообразие Сталинской эпохи, снова предстанет перед нами. Цветущее творчество 16 советских республик продемонстрирует всему миру подлинное возрождение народного искусства и явится величественным отображением торжества дела Ленина — Сталина.

Г. Я. МОВЧАН

ИЗ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АВАРСКОГО НАРОДА

(Два памятника архитектуры)

Народы горной территории Кавказа довели искусство архитектуры жилища до большого совершенства. Этим в значительной степени объясняется интерес, проявленный архитекторами-исследователями за последние годы к изучению народного жилища Кавказа¹.

Рис. 1. Общий вид селения Тидиб

Жилища с деревянно-купольными перекрытиями Закавказья (карадам, эрдояни сахли, дарбази), в особенности грузинский дарбази, представляют собою памятники архитектуры выдающегося качества по своеобразию и конструктивной изобретательности. Превосходными в художественном смысле надо признать жилища Верхней Сванетии, а также некоторых районов Армении, Северной Осетии и другие.

В ряду этих памятников архитектуры едва ли не исключительное место должно занять жилище горной Аварии.

¹ Упомяну некоторые из новейших исследований: работу П. Д. Барановского о древней архитектуре Азербайджана, исследование группы бакинских архитекторов о народной архитектуре Азербайджана, работу Н. Б. Бакланова об архитектуре Дагестана, а также ныне продолжающиеся капитальные исследования грузинского дарбази архитектором Д. С. Сумбадзе в Институте теории и истории Академии архитектуры; исследование древнего жилища Северной Осетии архитектором И. А. Мамневым в Московском архитектурном институте; большой материал, собранный Э. Б. Бернштейном по архитектуре Кабардинской АССР (музей Академии архитектуры).

Публикуемые здесь впервые два замечательных по своему великолепию и своеобразию памятника выбраны из обширного материала, накопленного по архитектуре жилища комплексным экспедиционным обследованием территории горной Аварии и северо-западной части горного Дагестана, произведенным в 1945—1946 гг. Академией архитектуры СССР совместно с Институтом этнографии Академии Наук, под руководством Е. М. Шиллинга. Материалы экспедиции в целом свидетельствуют о высоких достижениях и исключительной одаренности аварского народа в искусстве архитектуры.

1. Дом Хадү Гитин⁶ в селении Тидиб, Кахибского района Дагестанской АССР

Одним из самых сильных и энергичных обществ Вольной Аварии было общество Гидатль. Вероятно, немаловажную роль в его процвета-

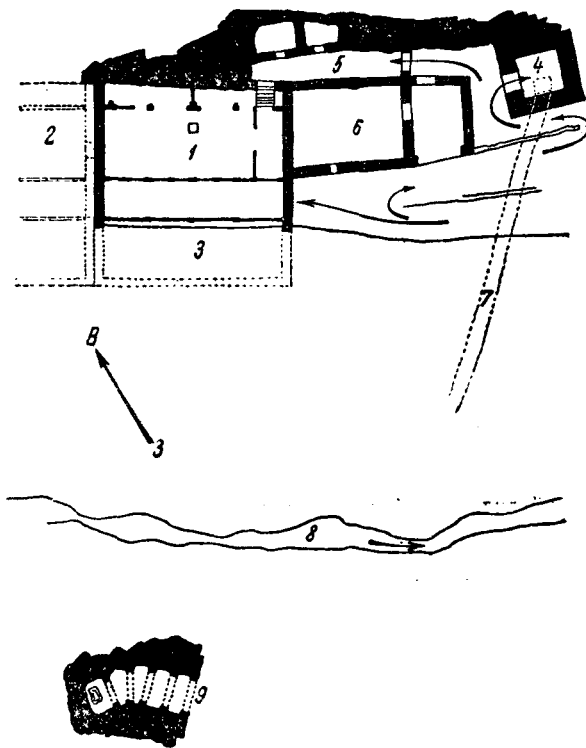

Рис. 2. Схематический план комплекса

1—нижняя жилая камера дома Гитин; 2—дом Хаджиал, примыкавший ранее к дому Гитин и соединявшийся с ним; 3—предлагаемые конюшни дома Гитин в первом этаже; 4—башня; 5—подземный проход в нижнюю жилую камеру Гитин; 6—соседний дом; 7—подземный ход на башню к источнику; 8—ручей; 9—источник

нии сыграла дислокация населения в относительно просторной и плодородной долине. Процветание аулов Гидатля растет и сейчас, но даже сквозь кипучую современность пережиточно сохранились многие явления, указывающие на существование и в прошлом большой местной культуры. Во всяком случае, архитектура жилища достигла здесь форм, исключительно развитых по сравнению с соседними территориями. В свою очередь, развитые формы оказались наиболее живучими и обеспечили памятникам сохранность. Во время экспедиционной работы в аулах Гидатля, осенью 1946 г., автору удалось зафиксировать целую коллекцию памятников, восходящих к эпохе господства родовой организации и позволяющих говорить об особом стиле, о местной архитектур-

ной школе. Одним из памятников этого стиля, является дом Хадү Гити² нб в гидатлинском селении Тидиб².

Памятник состоит из комплекса сооружений — жилого дома, родового башни, находящейся на расстоянии около 17 м от дома, и подземного источника, на расстоянии около 300 м от дома и башни. Все три сооружения связаны между собою подземными ходами сообщения. Самый дом является большим трехэтажным сооружением (высота его по фасаду 16,70 м, длина 14,25 м, глубина корпуса около 10 м), стоящим на крутом откосе скалы. Задней стороной дом примыкает к вертикально выработанной поверхности скалы. Лишь половина высоты верхнего этажа доложена кладкой выше уровня земли позади дома. Сооружение пред-

Рис. 3. Общий вид ансамбля. Слева, наверху — дом Гигино. Справа от него — башня Гигино

ставляет собою деревянную конструкцию с тремя продольными рядами опор. По рядам опор идут продольные прогоны, поддерживающие поперечные балки двух междуэтажных перекрытий и плоской крыши. Первый опорный ряд состоит из столбов, расположенных в 2 этажа на расстоянии 70—120 см от скалы, служащей задней стеной. Второй ряд — на расстоянии 5,20 м от первого. Пролет между ними образует в обоих верхних этажах две одинаковые обширные жилые камеры. Площадь каждой камеры около 70 м². Второй опорный ряд представляет собою деревянную стену, ограждающую снаружи жилые помещения в обоих этажах, рубленную из горизонтальных массивных досок. В трех местах стена перерублена поперечными стенками-коротышами, а в промежутках между ними и по концам стены — схвачена парными стойками в обжим. Стойки входят в гнезда нижней обвязки и верхнего прогона. Третий опорный ряд состоит из пяти столбов. Пролет между вторым и третьим опорными рядами образует в обоих этажах открытую галлерею, выходящую на фасад, перед жилыми помещениями. Ширина галлерей 4,10 м. Нижняя галлерея на высоту выше половины забрана дощатой же каркасной стенкой из досок стоймя и горизонтального заполнения между ними. Боковые стены дома выложены из местного камня на земляном растворе аккуратной кладкой из прямоугольных

² Тидиб — второй по величине гидатлинский аул. «Столицей» вольного общества Гидатль считалась Урада.

квадров разного размера и имеют необычно большую толщину (42 см в верхнем, 75 см во втором и 95 см — в нижнем этажах). Благодаря установке деревянных столбов по концам каждого опорного ряда, каменные боковые стены не несут никакой нагрузки, изолированно выполняя только функцию ограждения.

В нижнем этаже под галереями находится проезд с широкими проемами в обоих торцах, а под жилыми помещениями — две камеры, со входами из проезда, служившие конюшнями. Первый этаж сделан в камне, так же как и передняя подпорная стена, поддерживающая снизу фасадную часть дома.

В верхней жилой камере задний ряд опор представляет собой три огромных столба-пилястра из досок. Одна доска образует ствол столба

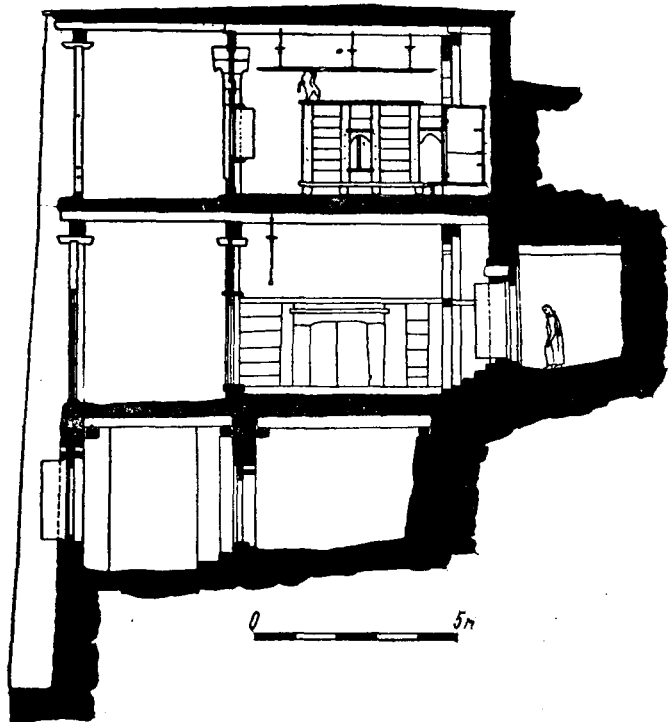

Рис. 4. Дом Гитинó. Поперечный разрез в современном состоянии. Верхняя жилая камера разрезана посередине, нижняя — по входу. В нижнем помещении показана поперечная ширма-перегородка более позднего происхождения

с сильным утонением, вторая — подбалку-капитель с двумя гигантскими полукружиями. Столбы украшены замечательной резьбой из тонких концентрических колец, располагающихся по сторонам, по центрам полукружий капители. Наружные кольца двух дисков соединены друг с другом гирляндаобразно, обходя снизу средний — третий — диск посередине ствола столба. Каждое кольцо заглублено в тело доски и внутри украшено волнообразно вьющимся усиком с поочередно ответвляющимися вправо и влево спиральными завиточками. Все усики завалены полукругло, что является, конечно, весьма трудоемкой работой.

В двух междустолпных поставлены на лежнях в одну плоскость со столбами два шкафа-амбара (ц'агура), совершенно одинаковых по виду и устройству. Перед ц'агурами и столбами, закрывая щель под ц'агурами, располагается лавка с арочками в стенке для прохода кошки под ц'агур и за ц'агур. Средний столб несколько больше боковых. Левый

столб с наружной стороны не имеет утонения и обрезан вертикально. К нему примыкает третий ц'агур, подобный двум другим, поставленный поперек, вдоль торцовой стены. Выход из камеры через правый пролет, далее, через массивную дверь, через крытый проход, наклонно вверх на улочку за домом.

В нижней жилой камере расположение столбов не совпадает с верхними и образует другую композицию. Посередине стоит еще более огромный столб, и два почти таких же столба с полукапителями — по углам, а в пролетах между ними поставлено по одному тоненькому столбу с миниатюрной капителью. Убранство нижних столбов аналогич-

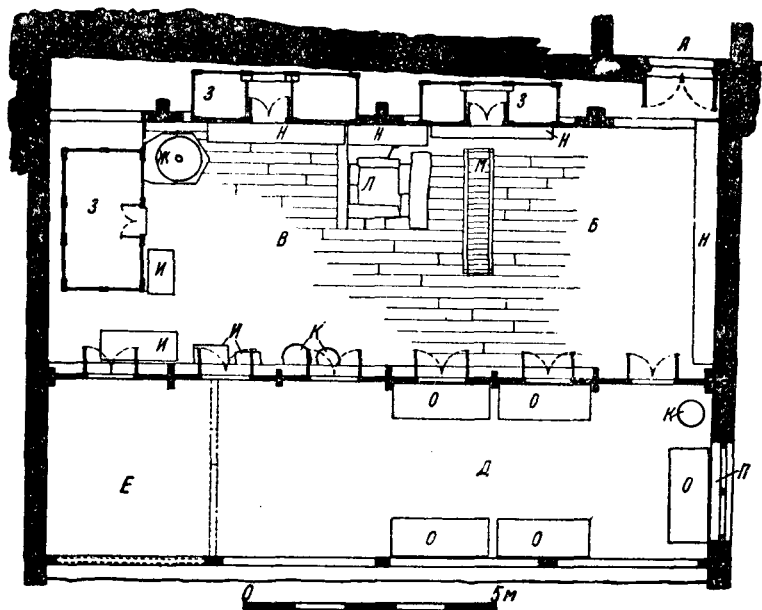

Рис. 5. План верхнего этажа дома Гитинó (в современном состоянии): А — вход, Б — мужчины и гости, В — женщины, Г — место детей за трапезой, Д — галерея, Е — камера позднейшего происхождения, Ж — фундамент под мельничным поставом, З — закрома (цагуры), И — сундуки, К — долбленные бочки, Л — очаг, М — диван, Н — лавка, О — современные кровати, П — проем позднейшего происхождения

но верхним. В нижней камере ц'агуров не сохранилось. Имеются лишь следы их примыкания к столбам во всех пролетах. Вход, как и наверху, — в правом пролете. Поперечная дощатая ширма высотой 215 см отделяет в этой камере входные сени от собственно камеры.

Перекрытия камер состоят из мощных прямоугольных балок, уложенных не на ребро, а плашмя (соотношение высоты к ширине — 28 : 42 см). Между балками, вместо обычного наката из жердей, — настил из широких чисто обрезных досок. Перекрытия по доскам устроены обычным способом: сучья, солома и слой трамбованной земли.

Пол верхней камеры — деревянный, из широких досок, настланных вдоль помещения. Все доски соединены попарно шпонками в форме ласточкиного хвоста, врезанными снизу, впотай. Стыкуются доски вразбежку, и таким образом весь пол составляет один щит. Пол в нижней камере вымощен каменными плитами.

Открытый очаг в обоих этажах представляет собою квадратное поле 80 × 80 см, слегка углубленное ниже пола и обложенное ребровыми камнями. От главного столба к противоположной стене проходят две

толстые круглые жерди, крепящиеся в гнезда столба и стены. По ним над очагом укладывалась поперек третья, с провисанием посередине, чтобы предотвратить ее качение по первым двум жердям. К поперечной жерди подвешивалась очажная цепь. Специальных отверстий для дыма нет. Дым выходит в окна.

В деревянной стене, отделяющей камеру от галлерей, в каждой панели между столбами расположены окна. Они закрываются изнутри массивными двустворными ставнями, вращающимися в подпятниках. Особенно интересны окна в верхнем этаже, придающие фасаду боль-

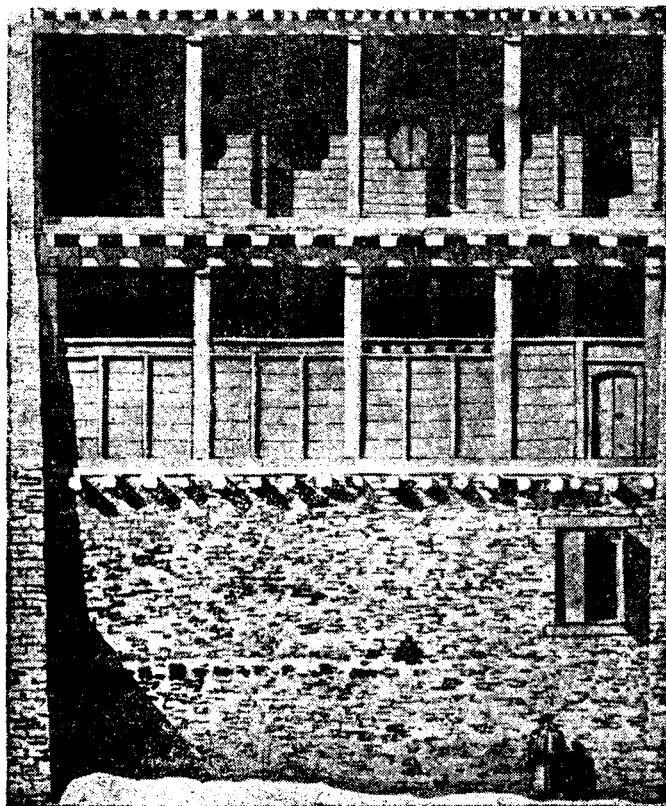

Рис. 6. Фасад дома Гитинó (Показан в современном состоянии за исключением двух комор, пристроенных недавно в левой стороне каждой из галлерей; коморы на чертеже не показаны).

шое своеобразие. Их странная форма не может быть понята без связи с цепью аналогичных форм в архитектуре горной Аварии; она возникла, очевидно, как пережиточное употребление профилей рубленых стен при рубке угла с остатком. Над этими окнами помещены другие, маленькие, обрамленные резьбой, с узорной дырочкой в ставне. Верхние окна — зимние. Нижние — летние.

Все деревянные конструкции дома выполнены из сосны и ели. Техническое качество работ — безукоризненное: разбивка правильная, углы прямые, плоскости ровные, поверхности гладкие. Все элементы выработаны топором и соединяются друг с другом без помощи других материалов (металла, клея и т. п.). Фасадная поверхность столбов выделена особой фактурой: видны мелкие следы ударов топора, располагающиеся в елку. Внутри помещения все деревянные части окрашены черной краской и, кроме того, закопчены и осмолились. Они черны и слегка

сверкают, как антрацит. Сохранность деревянных элементов — идеальная, благодаря антисептическому, консервирующему действию дыма от очага.

Родовая башня сооружена по обычному в Дагестане типу — квадратная в плане, размером снаружи около 5,50 м в стороне, почти без сужения кверху. Междуэтажные перекрытия башни — обычные, деревянные. Каменная кладка состоит из крупных прямоугольных блоков весьма аккуратной работы, особенно по углам. В верхней части кладки с фасадной стороны находится громадный камень, размером от угла до середины башни приблизительно 270×40 см, однохарактерный по

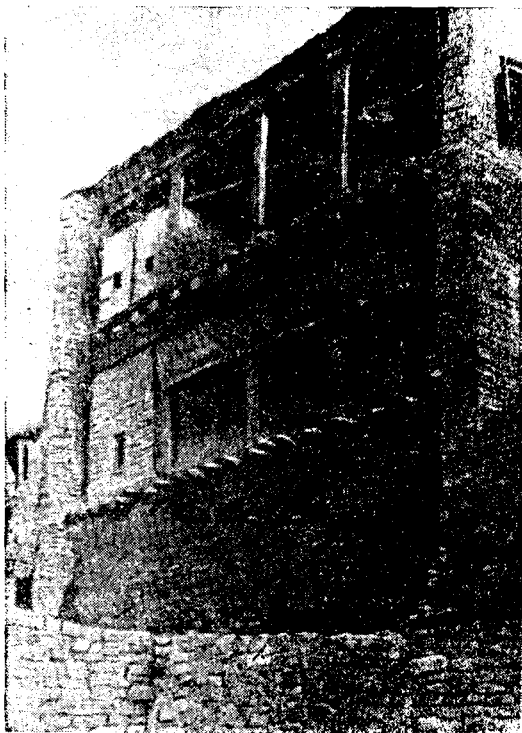

Рис. 7. Вид дома Гитинб

обработке с остальной кладкой, с рисунком, состоящим из изображения всадника и геометрических фигур. Рисунок выполнен частично гравированием контура, частично углубленным рельефом. От других многочисленных петроглифов Аварии он отличается правильностью расположения рисунков и их орнаментально-декоративным характером. Ниже находятся в ряд еще несколько камней с лабиринтами, спиральями и другими геометрическими рисунками.

Вход в башню располагается в первом этаже со стороны прохода, соединяющего башню с домом. Этот проход, частью крытый, частью подземный, подводит сзади к нижней жилой камере дома. Другой подземный ход ведет изнутри башни к источнику, располагающемуся внизу, по другую сторону ложа пересохшего ручья.

Родовой подземный источник представляет собою наклонную штольню, перекрытую полуциркульными арками, между которыми уложены примитивные ложные своды, образованные постепенным напуском неправильных горизонтальных каменных плит при пересечении углов. Таким же способом перекрыта и последняя камера, где находится глубокий резервуар с ключевой водой.

Дом, башня и источник, связанные подземными ходами сообщения, составляют общую военно-оборонительную систему. К оборонительным мероприятиям, вероятно, можно отнести и любопытное, нигде в других местах не встреченное, устройство мельницы в самом жилом доме. Мельничный постав с вертикальной осью находился в углу, на полу верхней камеры, а конный привод — в нижней.

Весь комплекс имеет много признаков переделок и разрушений. Многозначительны увечья, нанесенные прекрасным столбам верхней камеры. По рассказу, дом в прошлые времена был после осады взят приступом врагами. Полукружия капителей, свисающих по обе стороны столбов, были отсечены, чтобы обесилить столбы и нанести бесчестье им и тем самым самому роду: священные столбы являлись олицетворе-

Рис. 8. Камень с гравированным рисунком в кладке башни Гитино

нием силы и счастья рода. Цагуры в верхней камере и ширмы в нижнем помещении по стилю и качеству работы значительно ниже великолепных столбов, а также всего остального, почему их приходится считать позднейшими заменами. Перекрытие верхнего этажа и галлерей в нескольких местах заменено. Вместо идеально отесанных брусьев уложены необработанные круглые бревна с накатом из жердей по ним. Несут следы переделок и добавлений и деревянная стена и передние стойки галлерей. В обеих галлерейях в концах пристроены каморы со стенами, обмазанными глиной. Нижняя галлерейя поверх описанной уже перегородки заплетена хворостом, благодаря чему в нижнем жилом помещении стало совсем темно. В первом этаже, перед проездом, по словам, были расположены конюшни, со входом из проезда. В последнем левый проем, если смотреть с фасада, заложен. Оставлена лишь небольшая дверь.

В настоящее время в верхнем этаже дома живет потомок Гитино — колхозник Хадү с семьей. Нижний занят воспитательницей колхозного детского сада гр. Хирай, но фактически необитаем. Первый этаж пустует.

Верх башни разрушен. Сохранилось три этажа из шести ранее бывших, по рассказам. Первый этаж пуст. Второй и третий этажи заняты под жилье. Прориты широкие окна. Тоннель к источнику завален, и исследовать его не удалось, хотя свидетели утверждают, что и сейчас можно пролезть по нему на 150 м.

Имеется, однако, счастливая возможность восстановить многое важное из переделанного и разрушенного. Материалы обследования, произведенного в Тидибе в 1925 г. экспедицией А. С. Башкирова и Н. Б. Бакланова, а также рисунки акад. Е. Е. Лансере, имеющиеся в распоряжении автора, дают новые интересные сведения об описываемом памятнике.

По свидетельству проф. Н. Б. Бакланова, дом Гитино был последним в ряду, состоящем из нескольких, совершенно одинаковых домов, расположенных вплотную друг к другу, так что из дома Хадү был даже непосредственный вход в жилую камеру соседнего дома. Нижний проезд дома Хадү, продолжаясь под другими домами, составлял общую коммуникацию. В 1925 г. эта группа домов еще существовала. Действительно, записи о существовании домов, подобных описываемому, были

произведены на месте во время работы экспедиции, в 1946 г. Там можно видеть даже остатки фундаментов несохранившихся домов. Сооружение всей группы домов приписывается одному местному тидибскому мастеру. Возможно, что и непонятный сейчас интервал между домом Хаду и башней, занятый в настоящее время тоже довольно старым, но меньшим по размеру домом с лоджией сбоку, был в свое время заполнен еще одним домом, подобным дому Хаду, а башня и источник обслуживали всю группу родственных семей, заселявших весь комплекс

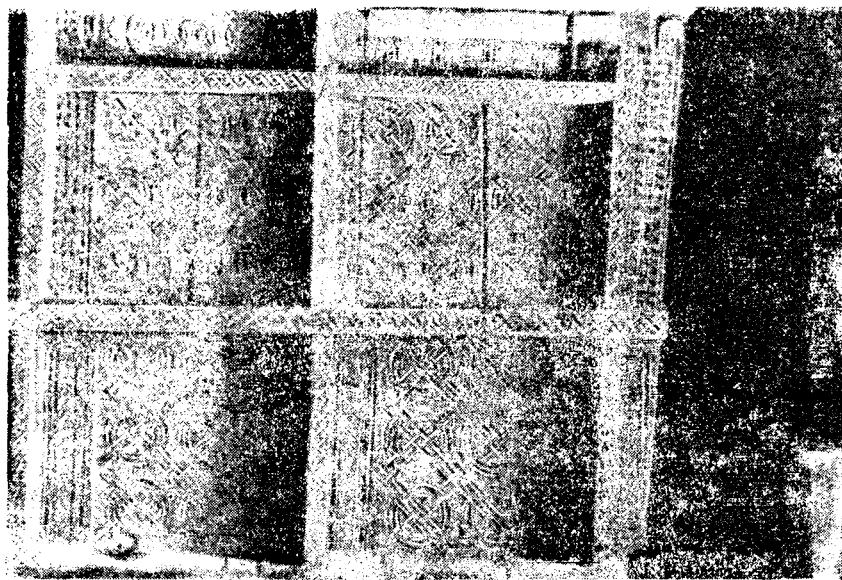
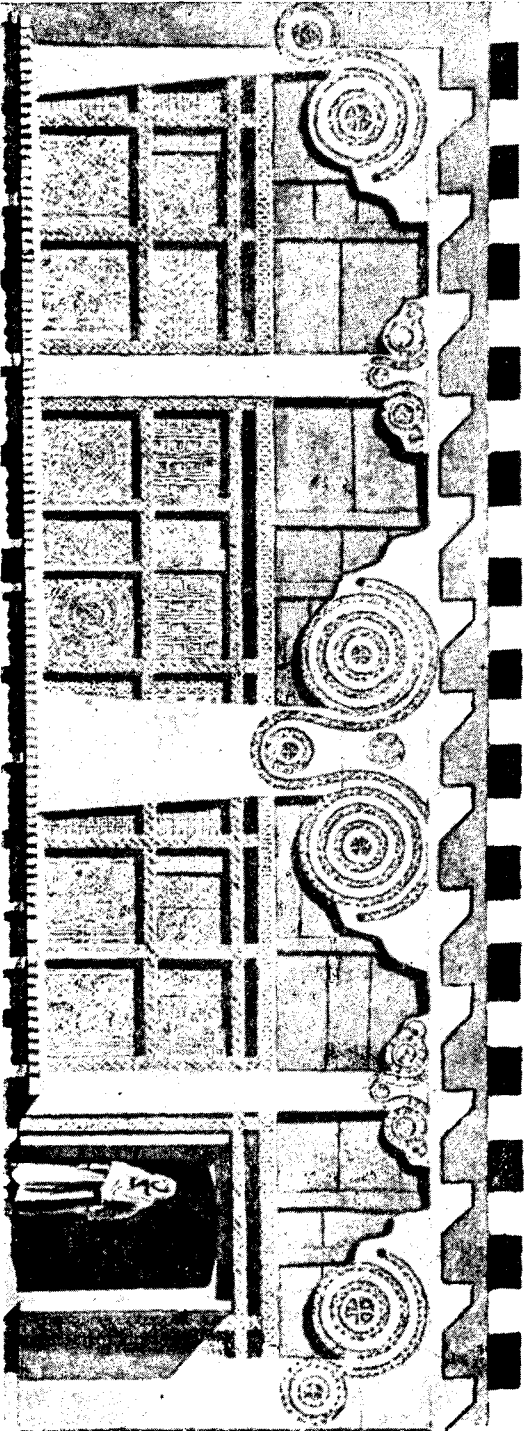
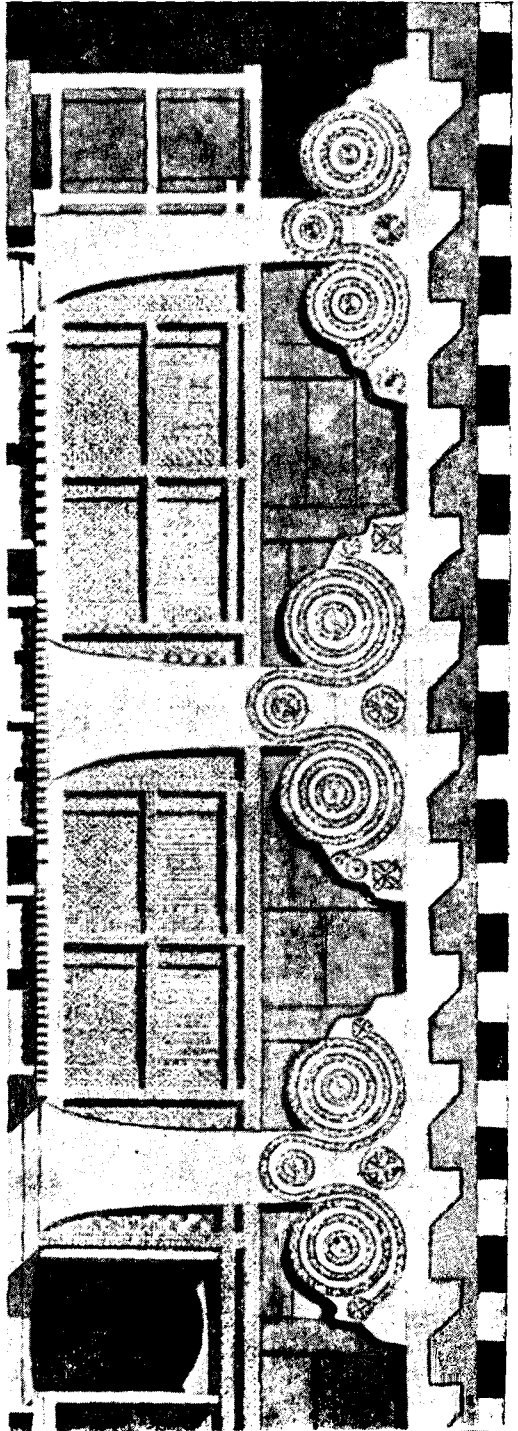

Рис. 9. Фрагмент резьбы старого ц'агура

и составлявших род (тлибил). Интервал этот в точности равен длине дома Гитино. Тогда стало бы понятным положение башни, запирающей подступ к проезду, соединяющему всю группу домов.

Две сохранившиеся у руководителя экспедиции 1946 г. Е. М. Шиллинга фотографии 1925 г., а также отличный и подробный архитектурный чертеж Е. Е. Лансере того же года, хранящийся в фондах Дагестанского музея в г. Махач-Кала (инв. № 5291, 40 и 41), фиксируют интерьеры домов из группы соседних с домом Гитино, ныне не сохранившихся. Здесь мы видим систему тех же столбов, абсолютных двойников столбов дома Гитино, с той же разницей в их расположении, как у Гитино, в нижней и верхней камерах. Но между столбами встроены ц'агуры совсем другого рода, чем стоящие в верхнем этаже сейчас. Подобный же ц'агур, вынутый из своей обстановки, был мною обнаружен и обмерен в Тидибе в 1946 г. в одном из новых домов. Все эти ц'агуры (т. е. ц'агуры двух фотографий, рисунков Лансере и обмеренный мною ц'агур) обнаруживают крайнюю неизменность устройства и декоративной обработки, что позволяет, в сочетании с подобной же неизменностью формы и системы расположения столбов, восстановить ц'агуры в доме Гитино с полной достоверностью.

Такой ц'агур представляет собою глубокий (до 95 см) шкаф, высотой около 2,15 м, разделенный по высоте пополам сплошной полкой. Основу его составляет каркас из массивных вертикальных досок, в шпунты которых входят гребни более тонких досок заполнения. Двустворчатые дверцы, вращающиеся в подпятниках, расположены или в обоих отделениях ц'агура, внизу и наверху, или только наверху. В последнем случае нижнее отделение служит закромом, и зерно или муку

из него достают через подъемный люк в полке верхнего отделения. В верхнем отделении — полки и жерди для хранения и подвешивания продуктов: курдюков, масла, вяленого мяса и пр. С фасада ц'агуры покрыты сплошным ковром замечательной орнаментальной геометрической резьбы. Сочетание кругов и их элементов с прямыми линиями дает узоры большого разнообразия (34 различных узора на столбах и ц'агурах). Орнамент выполнен путем треугольных в сечении углублений между контурами — способом, общераспространенным у кавказских горцев. Ц'агуры были встроены вплотную между столбами. Просветы между столбами выше ц'агуров были забраны досками без резьбы вгладь. Таков в общих чертах дом Хаду Гитинб.

Позволю себе высказать некоторые соображения, возникающие при рассмотрении памятника. Если они и окажутся неверными, они помогут, быть может, более осведомленным найти верные ответы на затронутые вопросы.

Начну с того, что архитектура памятника не отражает скотоводческого профиля хозяйства. Специальных помещений для скота или присутствия скота в общей камере явно нет, как нет вообще никаких признаков или деталей, которые могли бы быть истолкованы, как непреложное свидетельство его существования. Если с этим памятником мы сопоставим жилища других кавказских горцев, где скотоводство действительно нашло свое выражение и даже было одним из факторов, определивших структуру жилища, как, например, мачуб сванского жилища или г'ом и внутреннюю оду жилища Высокой Армении, дальнейших пояснений не потребуется. Мне кажется, что объяснять это явление общинным владением скотом и, в связи с этим, размещением его в особых кварталах хлевов вне аула едва ли возможно, во всяком случае пока это недостаточно обосновано. Такое разделение жилых кварталов и кварталов хлевов относится, вероятно, к более позднему времени и вряд ли могло существовать в эпоху создания нашего памятника. Сооружение имеет признаки большого архаизма. Думаю, что оно не только не предполагает широкого развития скотоводства, но скорее даже опровергает его.

Обращу внимание на роль дерева в архитектуре памятника. Его описание показывает, что дерево является основным конструктивным материалом. Камень играет совершенно второстепенную роль и производит впечатление материала, не освоенного ни конструктивно, ни художественно. Гигантские размеры деревянных элементов говорят о наличии огромных, нетронутых, дремучих лесов. Это заключение мы должны сделать по отношению ко всей территории западного горного Дагестана, так как архитектура свидетельствует об этом везде. Если принять во внимание примитивные условия транспорта строительных материалов в труднейших горных условиях, мы должны будем признать, что такие леса в интересующее нас время постройки памятника непосредственно окружали селения. Это предположение полностью подтверждается во множестве записанными легендами о строительстве в древности аулов в дремучих лесах. Ныне интересующая нас территория Дагестана представляет собою, по определению специалистов, зону полупустыни с ксерофитным растительным покровом и весьма слабым облесением. В сохранившихся остатках леса ель исчезла совсем, а сосна представляет собою карликовую разновидность, иначе говоря, продукт глубокого, коренного перерождения сосны-гиганта эпохи постройки дома. Вероятно, ботаники в состоянии ответить, сколько времени потребовалось, чтобы произошло такое перерождение растительности, и это помогло бы нащупать, так сказать, нижний лимит возможной даты постройки памятников, подобных нашему. Широкое развитие

скотоводства, когда оно становится ведущей отраслью хозяйства, необходимо предполагает наличие поблизости пастбищ и, стало быть, в качестве предпосылки требует истребления лесов. В числе других причин, превративших край с пышной когда-то растительностью в полупустыню «горючих утесов» (хищническое использование лесов для отопления жилищ и строительных целей, уничтожение лесов с военно-стратегическими целями), на первом месте должно быть поставлено скотоводство. Развитие скотоводства, видимо, застало жилище уже в той стадии, которая засвидетельствована нашим памятником, и, при крайней устойчивости форм, характерной для этой архитектуры, должно было искать путей приспособления к сложившимся архитектурным формам. Приспособление это оказалось тем легче, что само скотоводство, по мере своего развития, должно было довольно быстро приобретать отгонную форму, в силу того, что луговой растительный покров оказался в условиях обезлесения невосстанавливающимся вовсе или, в лучшем

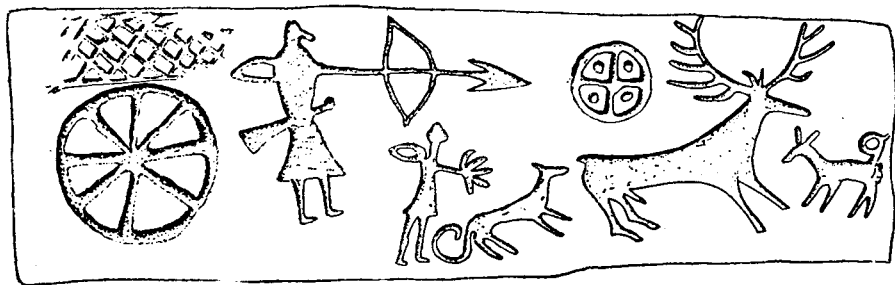

Рис. 11. Петроглиф в кладке разрушенного дома рядом с домом Гитино

случае, быстро ксерофитизирующимся. Как одну из форм такого приспособления, возможную, вероятно, именно при отгонном скотоводстве, когда скот вообще большую часть года находится вдали от аула, мне кажется, и следует рассматривать действительно существующие до сего дня в ряде территорий кварталы хлевов. Что дело шло здесь о приспособлении к новым хозяйственным нуждам сложившихся архитектурных форм, доказывает еще и то, что приемы устройства помещений для скота по всей территории нагорного Дагестана оказываются крайне подвижными и изменчивыми, даже в пределах одной территории или селения; это показывает, что мы имеем дело с явлением вторичным. Напротив, существование земледелия подтверждается в рассматриваемом памятнике наличием ц'агуров (амбаров-закромов), встроенных по бокам среднего священного столба.

Для характеристики хозяйственного уклада, о котором говорит архитектура обследованных древних жилищ и рассматриваемого памятника, в частности, решающее значение, полагаю, имеют петроглифы, гравированные на отдельных камнях кладки этих жилищ. Конечно, в большинстве случаев нельзя утверждать, что создание петроглифов относится к той же эпохе, что и постройка дома, на котором они находятся. Наоборот, можно с уверенностью сказать, что это эпохи разные. Но в некоторых случаях и именно там, где мы наблюдаем действительно древние жилища, не возникает как будто сомнений в том, что мы имеем дело с явлениями связанными. Об этом говорят и расположение камней в кладке стены, и одинаковый способ их обработки с остальной кладкой. Петроглифы были обнаружены и зарисованы в весьма большом количестве на большей части обследованной территории и, в частности, в Тидибе. Многие из них ясно говорят о своей принадлежности к охотничьей магии. Если мы к этому прибавим широко распространенный обычай крепления к столбам и стенам домов рогов и мумифицировавшихся голов туров, козрогов, оленей и пр., что относится к

тому же кругу явлений, мы получим веские свидетельства значительной роли охоты в интересующее нас время.

Рассмотрение эстетической природы памятника, несмотря на его совершенство в этом отношении, подтверждает его интерпретацию как памятника глубоко архаического.

Обратимся к главному элементу архитектурного воздействия памятника, к столбам в жилых камерах. Здесь бросается в глаза ярко выраженное отсутствие объемности архитектурных форм, их умышленная плоская фронтальность, в ущерб даже устойчивости системы, составленной из балки, подбалки-капители и столба³. Здесь форма не существует еще сама по себе, не предназначена для восприятия ее посторонним «зрителем» со стороны в буквальном и переносном смысле. Зритель, как таковой, не учитывается еще художником. Форма находится в непосредственном общении с человеком, она «смотрит» на него, и сила выразительности, заложенная в нее художником, я бы сказал, гипнотического порядка. Именно этим объясняется стремление к плоскостности. Это свойство, мне кажется, может быть сопоставлено в изобразительном искусстве со стадией, предшествовавшей появлению начатков перспективы и изображения пространства как признаков того, что искусство начало предназначаться для «зрителя».

Тектоника формы, т. е. смысловая, конструктивная природа ее частей, совершенно игнорируется художником при ее разработке. Например, балка, подбалка и столб не отделены друг от друга. Резьба, переходящая с одного элемента на другой, пренебрегая даже направлением волокон, маскирует швы и вуалирует существо работы каждого элемента. Вся система истолкована, как единый организм.

Скромные размеры столбов наружной галереи показывают, что мастер прекрасно знал, какие сечения столбов необходимы для обеспечения безопасного и долговечного существования сооружения. Для выражения же идеи священных столбов, культ которых соединяется с культом очага, предков и, таким образом, всего рода в целом, художник прибегает к методу нечеловеческих преувеличений, чрезмерности форм, свойственных мифотворческому образу мыслей первобытного человечества.

Несмотря на наличие описанных признаков глубокого архаизма, архитектура памятника никак не может быть охарактеризована как примитивная. Напротив, она высоко совершенна. Здесь хочется прежде всего сказать о поистине мастерском владении деревом. Полагаю, что этот факт, в сопоставлении с примитивными приемами каменных конструкций, должен быть, очевидно, как-то истолкован специалистами в свете данных об этногенезе. В самом деле, приемы решения технических задач и качество выполнения деревянных конструкций безупречны. Мастера владеют лучшими способами соединений деревянных элементов: шпунт, потайная шпонка ласточкиным хвостом, деревянные нагели, потайные шипы и т. п. В рубке из досок угла цагура автором обнаружена весьма остроумная врубка, неизвестная нашему строительному искусству. Об исключительной художественной высоте деревянных работ не приходится говорить.

Оценивая все сооружение в целом с технической стороны, приходится признать, что оно вообще невозможно без высоко развитой культуры строительного дела. Разбивка элементов должна была производиться при безусловном незнании арифметического деления и умножения и вероятном отсутствии точных мер длины, геометрическим спосо-

³ Повидимому, мастер сознавал, что он в стремлении к плоскостности переходит границу безопасности: в большинстве памятников, аналогичных дому Гитинб, как и в нем самом, позади этих плоских столбов-пятиястр стоят другие столбы — круглые бревна или квадратные брусья, подпирающие второй прогон, параллельный главному, тоже из круглого бревна (см. план и разрез).

бом. В свою очередь, такой способ, вероятно, предполагал наличие в той или иной форме предварительного чертежа, проекта. Вместе с разбивкой довольно сложных узоров орнамента, все это необходимо предполагает достаточную осведомленность в геометрии и, в частности, в геометрии круга.

Правильная обработка огромных элементов из кряжей, сушка деревьев и, главное, монтаж громоздких элементов требовали развитой и отдифференцированной организации процесса на стройке. Достаточно сказать, что продольный прогон по главным столбам состоит из одного элемента и в готовом, отесанном виде (его длина 14 м, ширина — 62 см, толщина — 28 см) весит около 1600 кг. Установка такого прогона с выверкой пяти опор, без современных механических приспособлений, является весьма нелегким делом.

Вообще, если принять во внимание способ получения каждой доски при помощи топора из кряжа, труднейшую транспортировку материалов в горных условиях, громадное количество тонкой резьбы, — все это при огромных размерах самого памятника (его высота равна высоте нашего пятиэтажного дома), приходится поражаться неимоверному количеству труда, вложенного в это сооружение. Предпринять такое грандиозное дело и организовать этот огромный труд было, конечно, под силу только весьма крепко организованной общественной группе.

Здесь приходится говорить об особой художественной школе архитекторов, обладающих давними и крепкими местными традициями, мастеров, давно профессионально выделившихся внутри родовой организации. Полагаю, что все это может быть поставлено в связь с тем, что в области общественных отношений памятник действительно свидетельствует, как мне кажется, весьма ясно о нераспавшейся родовой организации. Чем, как не местом обитания большой семьи, мог быть подобный дом, а вся группа — местом обитания совокупности родственных семей — тлибила? Более тесной связи членов рода, выраженной средствами архитектуры, нельзя себе представить. Если это действительно так, можно будет, вероятно, считать, что по совокупности всех отмеченных признаков памятник в ясных чертах передает архитектуру периода, стадияльно более раннего, чем до сего времени известные, дожившие до нас памятники жилой архитектуры других кавказских горцев.

Особо надо отметить факт, о котором свидетельствует весь ансамбль нашего памятника в целом: весь род здесь строился очевидно одновременно, по единому замыслу и образцу. Неизвестно, в какой степени такое явление могло быть общим. Сопоставление дома Гитинó с другими памятниками того же стиля, в достаточном количестве обследованными автором, показывает, что дом Гитинó не является исключением среди них. Наиболее скромные из них немногим уступают ему в размере камеры, полностью сохраняют поэтажную структуру, планировку и характер фасада.

Дом Хад ý Гитинó законченностью и совершенством своих форм свидетельствует об эпохе архитектурного расцвета. Дальнейшая эволюция жилища на почве Гидатля выливается в формы, все более скромные и по размерам и по богатству обработки. Это явление, вероятно, уже указывает на ослабление родовых связей и на начавшийся процесс распада большой семьи. Меньшему или менее крепко организованному коллективу грандиозные задачи, поставленные в нашем памятнике, оказываются не под силу.

Не буду входить в описание того, как складывалась бытовая обстановка в доме, как использовалась его архитектура в период, о котором сохранились воспоминания в рассказах современных нам жителей. Подобные описания имеются в литературе в достаточных подробностях. Отмечу лишь два обстоятельства. Хотя рассказы устанавливают с несомненностью разделение камеры на мужскую и женскую половину

(первую — ближайшую от входа и вторую — по другую сторону очага), такое разделение функции тоже, подобно скотоводству, не отражено архитектурой. Помещение во всех своих частях совершенно однородно, вплоть до одинакового вида и устройства ц'агуров, выходящих на ту и другую половины.

Второе замечание касается разделения жилья на два этажа. Обе камеры — верхняя и нижняя — совершенно одинаковы по величине, устройству и богатству отделки. Между собою они не сообщаются, если не считать мельничного устройства. Надо через подземный проход выйти на улицу и, обойдя башню, подняться по горе на верхнюю улочку, чтобы попасть из нижнего помещения в верхнее. Оба помещения принадлежали, по словам хозяина, одной семье Гитинó и, бесспорно, построены одновременно. Распределение этажей по назначению, наблюдаемое в нашем памятнике (первый этаж — служебный, второй и третий — две одинаковые несообщающиеся жилые камеры), является типовым для жилищ Гидаля рассматриваемой эпохи. Среди них есть такие, которые совершенно ясно свидетельствуют о том, что постановка жилых камер в двух этажах вовсе не была вызвана теснотой. Например, дом Дубухило в соседнем селении Хотода представляет собою башнеобразное сооружение на участке, свободном с обеих сторон, с двумя камерами друг над другом. Размеры камер относительно невелики, так что непонятно, почему нельзя было вместо двух сделать одну большую камеру. Очевидно, мы имеем здесь дело с особым типом двухкамерного жилища, но почему возникло и по каким признакам происходило разделение пополам единой семьи, остается загадочным. Сколько-нибудь удовлетворительных объяснений на месте по этому поводу автору получить не удалось.

Абсолютную дату постройки дома Гитинó установить, очень трудно (сколь ни интересно было бы это сделать), вследствие отсутствия каких-либо опорных исторических вех. Единственное устное свидетельство, полученное на месте, состоит в том, что мастер, работе которого приписывается вся группа домов, в том числе сохранившийся дом Гитинó, умер 300 лет назад. Конечно, такая «круглая» цифра особого доверия внушить не может. Каких-либо физических признаков возраста дома подметить не удалось, кроме разве лишь сильно стертых (на глубину до 20 см) деревянных дверных порогов. Камень и дерево находятся в хорошей сохранности, что, однако, ни о чем не говорит, потому что дерево законсервировано дымом навечно, а выветривание камня вообще столь различно в зависимости от конкретных свойств каждой породы, что пользоваться этими данными невозможно.

На этом заканчиваю замечания по поводу памятника. В заключение не могу удержаться от упоминания о том совершенно необычайном впечатлении, которое памятник производит в натуре.

Снаружи он очень прост. Все его великолепие раскрывается внутри. Даже в том виде, в каком он сохранился ныне, без замечательного богатства резных ц'агуров, титаническая сила его живых форм буквально потрясает. Я не знаю в архитектурном наследии человечества памятника, где бы эта стихийная сила была выражена с таким не знающим пределов размахом, с такой безудержностью, с такой осязательностью. Вместе с тем, сколько величия, спокойствия, непоколебимой уверенности таится в ритме столбов, как торжественно изгибаются на них гирлянды с нежными усиками, какое профессиональное мастерство проявлено в сопоставлении масштабов гигантских тел и мелкой резьбы, *делающей поверхность чем-то драгоценным!*

В свете последних исторических предположений о том, что обитатели северного склона Кавказа, и авары, в частности, генетически связаны с древними насельниками территории, охватывающей кроме Кавказа Малую Азию и Эгеиду, исследуемый памятник приобретает особое зна-

чение. Здесь сразу возникает много вопросов. Не объясняет ли этот факт ощущения, что гармония, уже явно присутствующая в нашем памятнике, кажется в каких-то своих свойствах точно провозвестницей концепции античного классицизма, несмотря на то, что наш памятник, затерявшись в горах и в веках, запоздал на тысячелетия со своим рождением? Случайно ли то, что его архитектура тоже построена на колоннаде, на «ордере» (колонна — капитель — балка)? Почему, в свою очередь, основой античной архитектуры и вслед за нею всей европейской архитектуры стал ордер, столб? Не потому ли, что столб имел культовое значение у древних насельников территории античной культуры, какое он имеет донныне у кавказских горцев? Не потому ли самые архаические греческие храмы, как храм в Термосе, так называемая базилика в Пестуме, храм Зевса в Аграганте, заложенный в древнейшую пору, имеют в колоннаде столб в середине, как это прочно держится поныне на Кавказе? Не имеют ли такого же культового происхождения спирали ионических волют, какое имеют концентрические круги наших капителей, как и спирали и подобные им геометрические фигуры вообще на петроглифах Аварии? Множество подобных вопросов остаются пока вопросами, ждущими дальнейшего исследования.

При нашей столь малой осведомленности об архитектуре родового общества в Европе, существование публикуемого памятника тем интереснее, что архитектура в нем выступает в форме, исключительной для нас и по новизне и по совершенству, которое не может быть оспорено, с какими бы строгими мерилками мы к ней ни подходили.

2. Дом Нахибашева в селении Чох, Гунибского района Дагестанской АССР⁴

Одним из интереснейших очагов архитектуры нового времени в нагорном Дагестане является селение Чох, Гунибского района. История не сохранила здесь памятников архитектуры древности. Чох был разрушен и сожжен Шамилем за измену. На старом пепелище и на старых культурных дрожжах аул отстроился заново. Благодаря этому обстоятельству архитектура Чоха на редкость цельна. Прекрасные чохские дома, построенные известными по всему Дагестану мастерами-каменщиками из соседнего селения Согратль, отличаются исключительно высоким качеством работ, особенно каменотесных. Широта размаха, проявляющаяся здесь прежде всего в самой программе жилища, наглядно отображает процветание аула. Ныне колхоз им. Сталина в Чохе — один из богатейших колхозов-миллионеров Дагестана⁵.

Некоторые дома Чоха настолько выделяются по сравнению с обычным народным жилищем широтой программы и качеством архитектуры, что по справедливости могут быть названы домами-дворцами. Особенно замечательным среди них является дом Нахибашева, выбранный из материалов экспедиционного обследования горной Аварии в качестве второго памятника, иллюстрирующего архитектурное наследие аваров. Дом расположен посередине аула, на крутом откосе, примыкая по старой традиции задней стороной к скале. Из общей фантастической массы сплошной каскадной застройки аула он резко выделяется своими могучими объемами. Его архитектура отличается необыкновенной силой и ясностью замысла.

⁴ Видоизмененная для настоящей статьи редакция описания памятника из работы автора «Архитектура аварского селения Чох» для «Сборника сообщений Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР» за 1947 г.

⁵ Сведения о хозяйстве колхоза см. в работе проф. П. В. Погорельского, Колхоз в горах Дагестана, «Сельское хозяйство Дагестана», 1946, изд. АН СССР.

Для получения на склоне необходимой горизонтальной площадки под домом и двором сделана субструкция из рядов арок, идущих в плане в обоих направлениях. С фасада субструкции закрыты глухой стеной, служащей зданию мощным подножием — цоколем. На нем стоит П-образный объем дома с открытым двором посередине. Наружные глухие стены с небольшими, редкими окнами с арочными завершениями, членены едва заметной тягой — выкружкой чуть выше половины. Карниза нет. Стена завершается обычным в Аварии небольшим напуском тонких каменных плит. Глухой глади стен снаружи противопоставлена архитектура двора, обнесенного по первому этажу легкой аркадой, а по второму — галлереей с деревянными столбами. Все жилые и хозяйственные помещения выходят во двор. Въезд во

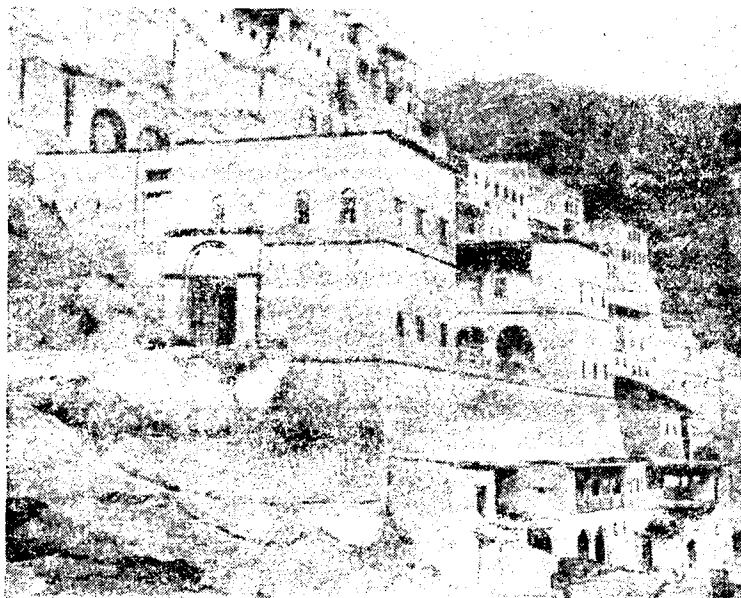

Рис. 12. Дом Нахибашева в сел. Чох (общий вид)

двор устроен с торца. На боковом фасаде он отмечен большим порталом. Архитектурная разработка портала с применением «классических» профилей свидетельствует уже о заимствовании из арсенала форм европейской архитектуры. Портал является единственным украшением этого здания, лаконичного и строгого до предела.

В аркаде двора столбы по местному обычаю не отделены от тела стены. Тонкие, квадратного сечения деревянные стойки верхней галлерей завершаются небольшими подбалками особого типа, нигде, кроме Чоха, насколько я знаю, не встречающимися. Они имеют глубокие криволинейные вырезы, но не с фасада, как в среднеазиатских подбалках, а в плане, видные при рассмотрении подбалки снизу. Верхняя галлерей огорожена балюстрадой из тонких, скупо профилированных точеных балясин.

Первый этаж занят хозяйственными помещениями: складами, конюшнями и хлевами. Жилье располагается наверху, во втором этаже, составляя целую анфиладу зал и комнат, сообщающихся между собою и непосредственно и посредством обходящей их галлерей. Во второй этаж ведет прекрасная каменная двухмаршевая лестница с огромными ступенями 35×27 см каждая из одного камня, с низенькими коваными перилами, еще более подчеркивающими мас-

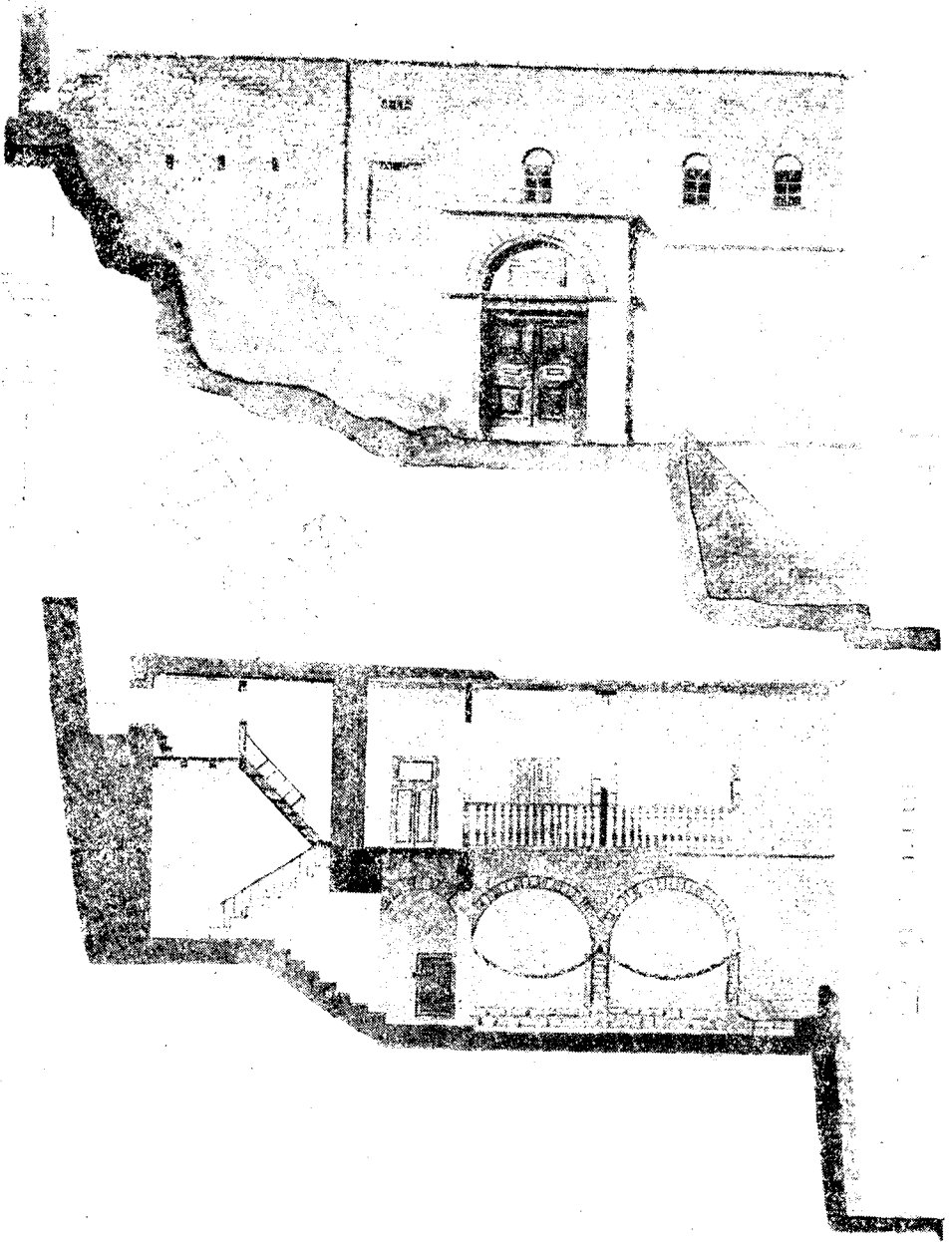

Рис. 13. Торцовый фасад и поперечный разрез дома Нахибашева

сивность ступеней. При выходе на верхнюю галерею — высокая арочная дверь с нарядным криволинейным переплетом восточного характера во фрамуге.

Внутри помещений — та же лаконичная суровость, что и снаружи. Стены оштукатурены и побелены. Потолок из некрашенных сосновых досок, на мощных чисто обрезных балках, поддерживается в больших залах еще более мощным продольным прогоном на одном деревянном столбе посередине помещения. Столбы и балки — без каких бы то ни было украшений. Помещения отапливаются небольшими, скупо обработанными каминами в нишах стены, примыкающей к галлерее. Окна

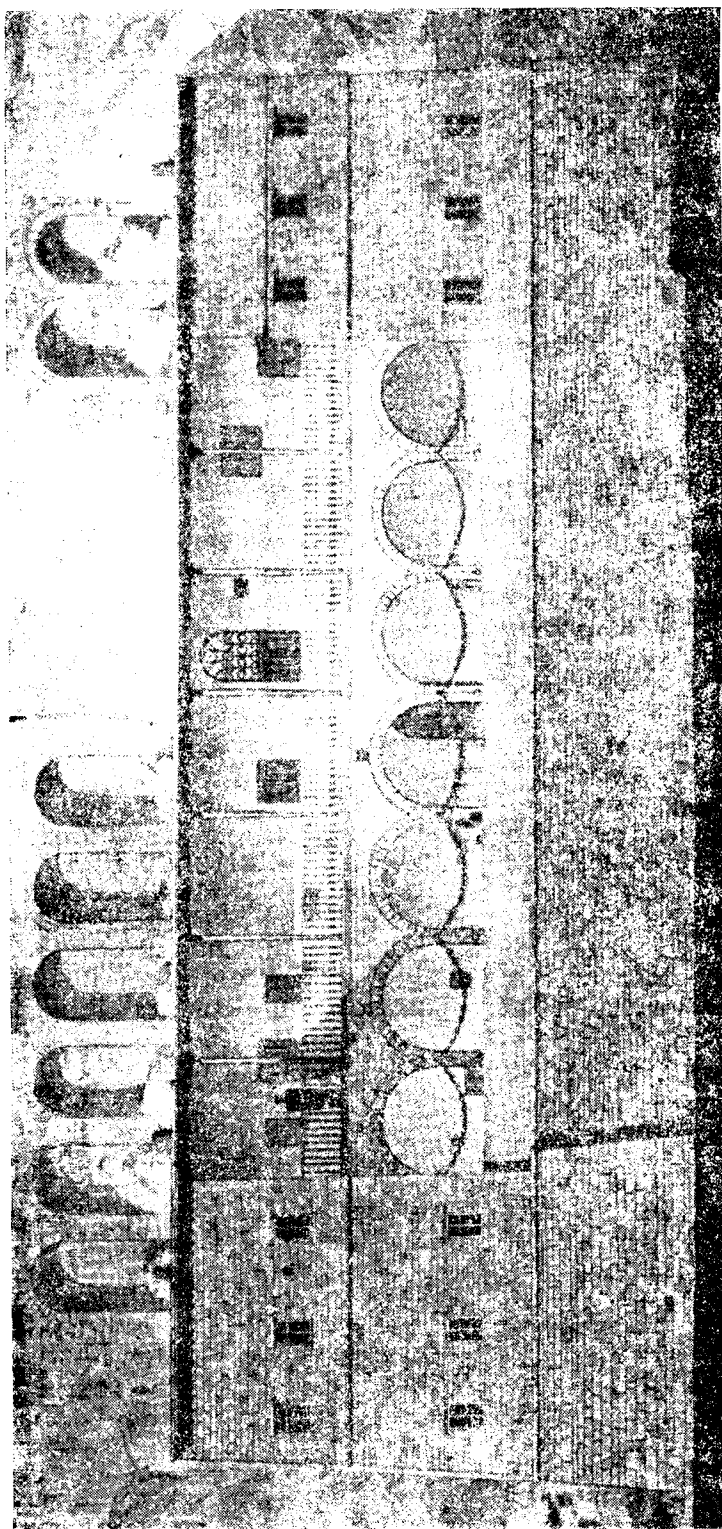

Рис. 14. Главный фасад дома Нахибашева

имеют застекленный переплет европейского типа и выходят на дворовую галерею.

Сейчас дом почти необитаем, хотя и поддерживается в хорошем состоянии — в нем живут всего три потомка его строителя. В прошлом на стенах пустых теперь помещений висели ковры, оружие, утварь, от которой сейчас сохранились кое-какие остатки, дающие возможность мысленно восстановить интерьер: гигантский вертел из крученого железа для жаренья целых баранов, тренога, ставившаяся на очаг, большой медный котел «сасанидского» стиля, подобный вывезенному из этих же мест в залы Эрмитажа, и пр. Распределение жилых помещений по назначению неясно. Их архитектура ничего отчетливого не подсказывает, а сведения, полученные на месте, мало правдоподобны,

Вся постройка отличается чрезвычайно высоким качеством работ, как каменотесных, так и плотничных, а также своеобразным представлением о культуре жилища, о комфорте, сказывающемся во всех мелочах. Мне пришлось обмерять в дождь, и я по достоинству оценил то, что на плоских крышах и во дворе было сухо: поверхности крыш и двора прекрасно спланированы; внутренними водостоками вода отводится под двор, а из этажа субструкций выведена наружу. В углу дома, во втором этаже — изолированная уборная со шлюзом, а под ней, в первом этаже, закрытая камера, без ямы, откуда фекалии периодически очищаются вместе с очисткой хлебов. Такое устройство является нововведением эпохи и при местном сухом климате достаточно гигиенично.

У входа на лестницу — красивая скоба с розетками для очистки сапог от грязи. В торцах двора, между арками укреплены кованые кронштейны с трех ветвях для масляных светильников. Вдоль аркады — кованая цепь, к которой подвешивались для вяления на зиму до 50 бараньих туш, и под нею — кольца для конюязи. Наконец, двор с открытой стороны огорожен высоким парапетом из больших вертикальных каменных блоков с заваленным верхним краем, соединенных между собою железными скобами и пиронами. Над средней аркой двора находится резаная по камню квадратная филенка с завершением из трех арочек, играющая роль герба; внутри филенки, разбитой на три поля, обрамленных общим фризом с декоративным растительным орнаментом, — арабская надпись, сохранившая нам имя создателя памятника: «Делал Газихан из Губдена, владелец Закария». Другая филенка с надписью вырезана снаружи дома, над аркой въездного портала. Арабская надпись гласит: «Я, мусульманин и верный сын бога, Закария, раб бога, наиб Андалала, начал строить этот дом в 1286 году, закончил работу с помощью божьей в 1291 году. Я израсходовал на постройку 6000 рублей. Обращаюсь к вам, наследники мои, молитесь за меня богу, чтобы он очистил меня от грехов. Молитесь каждый раз, когда проходите эти ворота. Это мое вам поручение». Таким образом, памятник датируется 1866—1872 гг. О том, что строитель дома, Закария Нахибашев, был наибом Шамиля в Чохе, свидетельствует также его сын, нынешний владелец дома. Правда, проверяя списки наибов Шамиля, автору ни разу не удалось встретить фамилии Нахибашева. Возможно, что при Шамиле он имел ранг ниже наива. В доме имеется старая фотография, относящаяся, по словам сына, ко времени вскоре после строительства дома. На ней Закария Нахибашев изображен в русской казачьей офицерской форме, в чине, если не ошибаюсь, подполковника.

Дома-дворцы Чоха, из которых некоторые не уступают дому Нахибашева в размерах и богатстве, строились в большинстве во второй половине XIX в. богатой верхушкой горского населения, капиталистическое расслоение которого начало складываться и быстро расти к этому времени. *Привлечение Нахибашева на русскую службу свидетель-*

ствует также о его принадлежности к капиталистической верхушке населения.

Рассмотрение памятников новой эпохи, к которым принадлежит и дом Нахибашева, показывает, какие глубочайшие изменения претерпело жилище и по своей структуре и по образу. Отпадают военно-оборонительные функции жилища. Исчезают дома-крепости и башни. Жилой дом превращается в чисто гражданское сооружение с открытой формой, с аркадами, балконами и пр.⁶ Однокамерное жилище древности уступает место дому с современной многокомнатной планировкой. В связи с развитием скотоводства, земледелия и садоводства, жилище обрастает подсобными помещениями. Появляется двор. Пристенный очаг (камин), а затем и железная печь заменяют срединный очаг. В связи с отсутствием дыма становится возможным употребление стекла. Последнее, в свою очередь, позволяет расширить окна. Жилище становится светлым и чистым. Ставшее дефицитным дерево начинает все больше уступать место камню и его современному заменителю, саманному кирпичу. Строительство переходит из рук местных мастеров к профессиональным артелям, обслуживающим значительные территории и даже выезжающим на работу в ближайшие города (Баку, Телав и др.). Благодаря этому сглаживаются и постепенно исчезают местные типы и варианты жилища. В архитектурных деталях появляются признаки посторонних инфильтраций.

Конечно, имея в своем арсенале формы жилища родового строя, подобного дому Гитино или другим, архитектура должна была опереться на известные подкаски и помощь извне, чтобы найти решение задач для жилища новой эпохи. В частности, пристенный очаг (бухар), заменивший открытый костер, был, очевидно, принесен из Азербайджана. Распадение однокамерной композиции и образование многокомнатной происходит под тем же воздействием: первая комната, отпочковывающаяся от старого универсального жилого помещения, является общераспространенной у других народов Кавказа кунацкой (скорее, парадной гостиной, а не мужской комнатой: мужчины продолжают жить в общей комнате). Слившись с местными национальными формами, новые приемы устройства жилища дали новое единство, отличающееся большим своеобразием среди архитектур сопредельных Дагестану народов.

Приемы и формы, возникшие под влиянием воздействий извне, в доме Нахибашева несомненно присутствуют. Однако они затронули главным образом отдельные детали — окна, двери, а также профили каменных тяг. Несомненно по-европейски решена двухмаршевая лестница в лестничной клетке. Вероятно, за счет стороннего влияния в какой-то степени может быть объяснена парадная анфиладная планировка помещений. Все же основное целым рядом легко прослеживаемых нитей связано с местными национальными традициями.

Основная структура дома, с хлевами, конюшнями и другими подсобными помещениями в первом этаже и жилыми помещениями во втором, приобретает ко времени постройки настоящего памятника универсальный характер для нагорной Аварии. Не менее распространенной является обработка первого этажа каменными арками, а второго — деревянной галлереей. В таком примере нельзя, кстати сказать, не усмотреть пережиточного в новые времена предпочтения, отдающегося дереву. С большим трудом и в редких случаях камень вытесняет дерево в жилом этаже. Пережиточно сохраняется даже священный столб в конструкции перекрытий больших зал дома.

Двор, обычный для горского жилища нового времени, переносится в Чохе из-за тесноты внутрь дома, придавая ему П-образную форму,

⁶ В нашем памятнике сохранились еще черты неприступной твердыни.

открытую на юг. Такая композиция свойственна не одному дому Нахибашева, а является планировочным решением, свойственным Чоху вообще. Точно также общеаварскими являются и трактовка деталей, за исключением упомянутых ранее, и общий характер скупого рационализма форм.

В доме Нахибашева национальные архитектурные формы приобрели, однако, и некоторый новый, индивидуальный оттенок в связи с особенно настойчиво проведенной здесь идеей представительности, репрезентативности. Здесь определенно наличествует обдуманый эстетический замысел, в отличие от рядового горского жилища этого времени с более или менее стихийно, самопроизвольно родившейся, связанной с жизненными условиями, композицией. Здесь хочется отметить, во-первых, общую симметрию построения, не имеющую в памяти никах этой эпохи прецедентов в такой нарочито законченной форме, и, во-вторых, связанность архитектурных элементов в одну систему, например, расположение верхних столбов галлерей над опорами арок во дворе. Обычно каждый этаж имеет свою независимую разбивку. Самое же ценное, делающее дом Нахибашева первоклассным памятником архитектуры, заключается в том, что полученные извне формы и приемы оказались в нем поглощенными крепкой национальной архитектурой, сплывшие с нею в неразрывное единство. Формы, чужеродные по отношению к национальным, остались невоспринятыми, например, стрельчатая арка. Именно этому сохранению духа старой горской архитектуры даже в новой эпохе дом Нахибашева обязан своим своеобразным характером, своим стилем, столь слабо окрашенным элементами ориентализма и столь неожиданно, но явственно тяготеющим к концепциям европейского классицизма. Здание не может не вызвать в памяти палатцу раннего итальянского Возрождения, особенно дворовых композиций Брунелеско. При всей разнице, не нуждающейся в пояснениях, их роднят и понимание форм, и легкость пропорций, и общий дух необычайной уверенности в силе разума.

Архитектура дома производит сильнейшее впечатление. Ее средства ограничены только абсолютно необходимым. Каждый элемент здесь имеет форму и размеры, целиком и исключительно вытекающие из его действительной конструктивной роли. Предельная ясность замысла и предельная последовательность в его проведении создали архитектурный памятник необыкновенной мощи. Шедрый размах, проявившийся во всем — в пространстве двора, широких галлерей, просторных зал, высоких этажей, этот размах, в сочетании с уверенным, прямо великодушным пренебрежением ко всякому ненужному убранству, придает памятнику необыкновенно мужественный характер. Совершенно очевидно, что любое добавление здесь оказалось бы лишним и предвзятым. Как и дом Хаду Гитино, дом Нахибашева принадлежит к выдающимся памятникам народной архитектуры нашей страны.

* * *

Размер настоящей статьи заставляет ограничиться двумя описанными памятниками, характеризующими в какой-то степени материал, добытый экспедиционным обследованием. Ни один из этих памятников ни в каком отношении не является единичным. Напротив, в общей массе материала, крайне разнообразного по типам жилища и по эпохам, можно найти вполне достаточное количество других памятников, доказывающих типичность архитектурных форм рассмотренных сооружений для данной эпохи и территории. Но и приведенные примеры, никак не исчерпывая разнообразия и богатства архитектурного наследия горной Аварии, позволяют, полагаю, сделать беспорный вывод об исключительной одаренности аварского народа в области архитектур-

ного творчества и о не менее исключительно высокой, многовековой местной культуре архитектурного искусства.

Новую, великую эпоху строительства социализма авары в области архитектуры встречают полными творческих сил. Многочисленные факты того же обследования, относящиеся к строительству колхозных жилых домов нашей эпохи, показывают, сколько ума, изобретательности, живого чувства формы, строго благородства вкладывает аварский колхозник в строительство своего жилища, как, используя живые

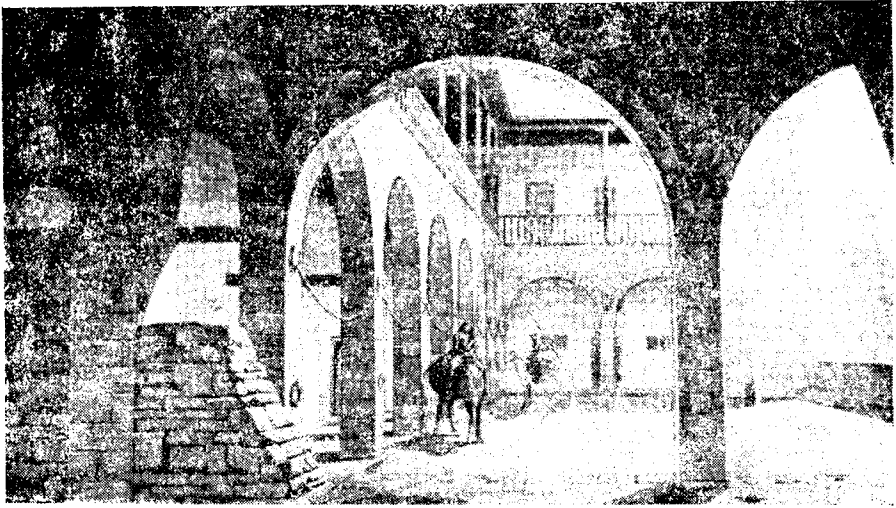

Рис. 15. Двор дома Нахибашева

вплоть до самых последних лет и полные сил традиции, он приспособляет эти традиции к требованиям новой жизни, столь быстро идущей в наши дни вперед по пути прогресса и новой культуры.

Конечно, не все в архитектурном наследии Аварии и не все в жилище, доставшемся нам от прошлого, является прогрессивным. Останавливаться на этом значило бы выходить за пределы темы настоящей статьи. Но основа народной архитектуры Аварии в высшей степени здорова и привлекательна. Многовековая мудрость прекрасно приспособила жилище к природе и климату страны. Арсенал архитектурных форм и приемов композиции бесконечно гибок и выразителен. А главное, что делает аварскую архитектуру нового времени применимой для целей нового строительства, заключается в ее языке, необычайно сильном и вместе с тем понятном каждому не-авару, лишенном какой-либо стилиевой назойливости, в языке, я бы сказал, общечеловеческом.

Я полагаю, что даже двух приведенных примеров достаточно, чтобы убедить в том, что народная архитектура Аварии разработала формы, далеко выходящие за пределы современной темы жилища, как такового, что ее языком могут быть выражены также и новые большие темы общественных сооружений.

Автор должен, к сожалению, констатировать, что в процессе кипучего строительства последних лет, вместе с притоком новых идей, происходит известное заглушение национальных форм архитектуры, главным образом, в государственном строительстве. В качестве примера хочется отметить школы. По трафаретности, бедности своей архитектуры, чуждой сложившемуся ансамблю селения, неприспособленной к условиям местного климата и быта, они невыгодно отличаются от домов колхозников. Мне кажется, что здесь налицо явная

недооценка национальной культуры и просто недостаточное знание ее. Тезис товарища Сталина о культуре, социалистической по содержанию и национальной по форме, в особенности должен быть применен к национальной культуре, обладающей такими потенциальными силами и такими прогрессивными чертами, какими обладает архитектура Аварии.

Общеизвестно утверждение Глинки о том, что музыку создает народ, а композиторы только аранжируют ее. В наши дни акад. архитектуры И. В. Жолтовский говорит, что в архитектурном наследии человечества есть только два подлинных источника творчества — народное искусство и античность.

Этими высказываниями определяется актуальность для нас публикуемых памятников.

М. Я. САЛМАНОВИЧ

ЖИЛИЩЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ МОЛДАВСКОЙ ССР

Задачей этой работы является изучение жилища молдаван — народа, до сих пор в этнографической литературе так незаслуженно забытого. Если и имеются исторические работы по Молдавии (крайне неполные), то в области этнографии мы имеем лишь описание народа, составленное офицером генерального штаба Защуком почти сто лет назад¹, неполную работу Берга, написанную в начале XX в.², и разбросанные замечания людей, имеющих лишь отдаленное отношение к этнографии.

Не радует нас в этом отношении и литература иностранная. Оживленная полемика об этногенезе восточных романцев, возникшая во второй половине XIX в. после выхода в свет книги Роберта Рёслера³, полемика, подкрепляемая в основном лингвистическими данными, настолько заслонила разработку вопросов, связанных с материальной и духовной культурой молдаван и валахов, что этнографией этих народов почти совсем не занимались. Лишь в последнее время Румынская академия наук стала организовывать комплексные экспедиции для изучения культуры румынского народа и издала монографию по молдавскому селу Копанка, Бендерского уезда⁴.

Основным материалом для нашей темы послужили данные, собранные экспедицией, организованной Институтом этнографии Академии Наук СССР в 1945 г., в Слободзейском, Тираспольском, Дубоссарском, Оргеевском и Кишиневском районах Молдавской ССР.

Изучение жилища молдаван является одним из первых опытов исследования жизни и быта чрезвычайно интересного народа Юго-Восточной Европы.

Строительные материалы и строительная техника

Основным материалом для постройки жилищ в Молдавии служат саман и земля. Однако в местностях, богатых камнем-известняком, последний широко используется для строительства домов.

Саманные дома (касэ дин лут) распространены почти по всей Молдавии. Место для такого дома выбирается ровное, чуть возвышенное, чтобы его не заливала вода. На этой площадке намечаются необходимые размеры, и прямо на земле, без фундамента ставятся стены из глины, смешанной с соломой (пэрэць де лут фрэмантат). При этом вовсе не обязательно, чтобы для кладки стен изготовлялся специальный саманный кирпич. Часто глину при помощи ног хорошо смешивают с соломой и прямо приступают к кладке стен (ку валкэ).

¹ Материалы по географии и статистике, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская губ., СПб., 1863.

² Берг, Бессарабия. Страна, люди, хозяйство.

³ Robert Roesler, *Romänische Studien*, 1881, Leipzig.

⁴ «Соранса» in *Buletenu de cercetări sociale al Romanei, Chişinău*, II, 1938.

Когда стены такого дома возведены, им дают просохнуть два-три месяца, а затем их обмазывают тонким (в 4 см) слоем глины, смешанной с «половой» (мелко нарезанная солома). После этого стены покрывают слоем конского навоза, толщиной в 2 см, и обмазывают известью, смешанной с песком. Получается род штукатурки. Стены с обеих сторон белятся известью, причем с наружной стороны они часто украшены широкой синей или светлозеленой каймой по бокам и по низу дома.

Снаружи стены с трех или с четырех сторон обнесены глиняной или земляной «приспой» (приспэ). Это — невысокая на Левобережье и довольно высокая в Бессарабии прямоугольная завалинка, которая часто переходит, особенно в зажиточных, в террасу или крытую галлерею, называемую «коридором».

Крышу возводят так: на стенки (поперек) кладутся не очень толстые бревна, распиленные вдоль пополам. На Левобережье они называются «поделе», на правом — «гринзии». Расстояние между ними приблизительно 30—40 см. Снизу они подпираются широким четырехугольным бревном, идущим вдоль всего дома, строго посередине, параллельно его длинной стене (коардэ)⁵. Бревно посредством скоб скрепляется со стенами дома. На концы поделей, выходящих за стенки дома, параллельно продольной стене, кладутся длинные балки (костороанэ или костороабэ), на которых и укрепляются стропила (каприорь), поддерживающие крышу. Если крыша черепичная, то между стропилами забиваются в несколько рядов планки (лецуръ), на которые и прикрепляют черепицу. Крышу устраивают так, чтобы края ее свешивались за стенки дома и образовывали над ними навес не менее 50 см (стрешинэ), чтобы дождь не размывал стенок дома.

Крышу покрывают камышом (стух), деревом (ку шиндилэ), черепицей (черепицэ). В последнем случае крыша, как правило, двухскатная; камышевая крыша обычно четырехскатная. В покрытии крыши камышом применяются два способа. Первый способ — «ку табань» схож с покрытием соломой «в натруску». Ку табань в Молдавии покрыты старые и бедные дома. Второй способ — «ку щетка», «под щетку». При этом способе на стропила накладывают в три ряда камышевые снопы. Затем вплоть до самого гребня крыши идет еще ряд снопов, но так, чтобы нижний слой выглядывал из-под верхнего. Все это подчищается особой щеткой, камыш зажимается в некоторых местах планками, затем опять подчищается.

Пол в таких домах, как правило, земляной, гладко смазанный глиной.

Землебитные дома (касэ дин пэмынт) распространены в степных районах Молдавии, особенно на Левобережье. Они строятся так: берутся две доски и ставятся на ребро, параллельно друг другу. Расстояние между досками равно толщине стены строящегося дома. Оба края этих досок зажимаются между двумя столбами, нижние концы которых врыты в землю, а верхние связаны между собой веревкой. Между досками, сантиметров на десять, засыпается земля, чуть смоченная водой, и утрамбовывается деревянной трамбовкой. Так постепенно засыпается и утрамбовывается земля на всю ширину доски, которая затем поднимается выше до тех пор, пока не будет достигнута требуемая высота стены. Весь этот процесс у молдаван носит название «трамбоукэ де лемн» (трамбовки деревом). В углах дома для лучшей связи между стенами прокладывается камыш. В дальнейшей отделке дома эти ничем не отличаются от уже описанных выше саманных домов.

Постройка землебитного дома дает большую экономию во времени: глиняные стены должны сохнуть 2—3 месяца, прежде чем их подведут под крышу, а земляные стены сохнут всего лишь 3—4 дня.

⁵ У украинцев такое бревно называется «сволок».

Дома из камня (касэ дин киатрэ) преобладают в районах, богатых камнем-известняком, например, в Дубоссарском. Эти дома не отличаются от прочих ни своим внешним видом, ни планировкой, однако приемы их постройки совершенно иные. Они возводятся на фундаменте,— это их отличительный признак. Для дома выбирается сухое и ровное место, на котором вырывают четыре прямоугольные канавы под фундамент (талпэ де касэ). Канавы копаются шириной по толщине стен, глубиной 50 см, а землю из них отбрасывают в середину внутреннего четырехугольника. Затем эти канавы закладываются камнем. Сверху, поперек каждой из них, кладут три палки с отверстиями на обоих концах (жуг). В эти отверстия вставляются вертикально шесть палок, на которые сверху накладывается еще один жуг. Затем с обеих сторон это приспособление обкладывается досками (скиндурь) и связывается. Внутри укладывается строительный камень до самого верха жуга. Камень этот почти не обтесывают. Затем доски развязывают и все приспособление передвигают выше, до тех пор, пока не будет закончена кладка стены во всю ее высоту. Это приспособление напоминает то, которое мы видели у молдаван при строительстве землелитных домов. Жуг способствует тому, что стены дома получаются ровными, как бы по отвесу. Когда стены готовы, их с обеих сторон обмазывают глиной, смешанной с конским навозом или половой. Фундамент остается без обмазки. Пол устраивают из выброшенной из канав земли. Ее хорошо разравнивают, смазывают глиной с навозом, а поверх еще — глиной и песком. Каждую субботу пол обязательно подмазывают.

Для устройства потолка поверх стен, параллельно длинной стене дома, сначала кладут сволок (коардэ). Затем поперек дома на стены укладываются гринзии (в других районах их зовут «поделе»). В Дубоссарском районе «поделе» называют маленькие планочки, которые прибиваются между гринзиями, образуя, собственно говоря, потолок. Поверх всего этого на 25 см засыпается земля, заглаживается глиной, смешанной с соломой, и потолок готов.

Существуют в Молдавии глиняные дома, имеющие плетневой каркас (касэ дин нуэле); это очень старые дома, которым 200—250 лет. На площадке, предназначенной для постройки такого дома, ставятся деревянные столбы на расстоянии от 125—200 см друг от друга. Сначала эти столбы оплетаются горизонтально прутьями с промежутком в 50—60 см, до самого верха. Затем эти прутья оплетаются уже вертикально ивовыми или раковыми прутьями, как можно чаще. Весь этот каркас с обеих сторон обмазывается глиной, смешанной с соломой (чамур). Дальнейшая обработка дома проходит так же, как и в других домах.

Мне уже не пришлось нигде встретить дома, крытые соломой, да и воспоминание об этом изгладилось из народной памяти, как показали наши опросы местных жителей.

В русской литературе описание молдавского жилища имеется у Защука⁶. В румынской литературе мы встречаемся с подробным описанием молдавского жилища у Фредерика Даме. Однако его интересовала лишь терминология,— как в том или ином районе Молдавии или Румынии называется та или иная часть дома⁷.

Если мы обратимся к славянскому миру, то увидим здесь очень много аналогий. Стоит лишь вспомнить строительные приемы, используемые крестьянами Приазовья при возведении своих жилищ⁸.

⁶ Материалы по географии и статистике, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская губ., СПб., 1863, стр. 457—458.

⁷ «Incertare de terminologie poporana româna de Frédéric Damé», Bucuresci, 1898, стр. 93—99.

⁸ М. А. Миллер, Очерки крестьянских построек в Приазовье, Ростов н/Дону, 1912.

Шарко⁹ и Волков¹⁰ отмечают, что украинцы также возводят свои дома или из плетня, обмазанного глиной, или только из глины, используя одинаковые с молдаванами строительные приемы. Как правило, все эти украинские постройки имеют обязательно внутреннюю и внешнюю побелку, как и у молдаван.

Есть еще одна характерная черта, роднящая украинскую строительную технику с молдавской: глину, предназначенную для строительства дома, размешивают ногами. В районном селе Слободзея на Левобережье мы спросили 70-летнюю Евфросинию Санду: «Как делается дом?» «Ногами делается», — сразу ответила она.

Входная дверь, как у украинцев, так и у молдаван, всегда проделана в длинной стене дома.

Кое-какие аналогичные черты имеются и у белорусов. Они, как и молдаване, устраивают у дома прямоугольную завалинку, носящую у них название «призьбы», «присбы», «призвы», «присьбы», «прысьбы», «призвы»¹¹. Так же, как у молдаван, крыша избы у белорусов заходит за стены, образуя над ними навес, носящий названия: «спуск», «окап», «капеж» (копеж), «стреха» (сравн. молдавск. «стрешинэ»), «подстрелье», «застрешник»¹². И хотя белорусы покрывают свои дома соломой, а не камышом, но и у них существует способ покрытия «под щетку»¹³, который мы встречаем у молдаван. У белорусов дверь также проделана в длинной стене дома¹⁴.

У болгар мы также находим полную аналогию со строительной техникой, применяемой при постройке домов из плетня. Особенно это можно наблюдать у болгар, живущих в низменностях, где, как правило, преобладают плетневые жилища. «Колья, вбитые в землю, заплетают хворостом, стены обмазывают снаружи и внутри смесью из глины, соломы и коровьего навоза... Когда же дом просохнет, его белят известкой»¹⁵. Подобную же картину можно наблюдать у сербов и хорватов.

Выйдя за рамки славянского мира, мы встретимся с интересными жилищными аналогиями, связанными с постройкой жилища у черкесов, башкир и горных таджиков.

В своей работе о черкесских постройках Миллер¹⁶ отмечает, что все они делались из плетня, обмазывались глиной и крылись камышом или соломой. Торцовая стена дома у черкесов, как и у молдаван, всегда выходит на улицу. Крыша кроется «в натруску» и образует навес над стенами дома. Стены сакли обносятся завалинкой. Глинобитный пол и стены (внутри и снаружи) обмазываются глиной, смешанной с навозом.

У башкир в степных местностях, бедных лесом, дома устраивают из дерна (земляные — пластовые) или самана. Встречаются и дома, сделанные из плетня, стены которых внутри и снаружи обмазаны глиной. Пол в таких домах земляной, реже — дощатый¹⁷.

С не менее интересными аналогиями мы встречаемся и у горных таджиков. «Дома в Вахио возводятся из глины или камня, скрепленного глиной... Глиняные постройки возводятся следующим образом:

⁹ А. Шарко, Малороссийское жилище, М., 1901, стр. 120.

¹⁰ Ф. К. Волков, Этнографические особенности украинского народа, в «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. 2, СПб., 1914—1916, стр. 518.

¹¹ Ал. Харузия, Славянское жилище Северо-Западного края, Вильна, 1907, стр. 35.

¹² Там же, стр. 48.

¹³ Там же, стр. 55.

¹⁴ Там же, стр. 59.

¹⁵ Д. В. Найдич, Болгары (рукопись).

¹⁶ Миллер, Черкесские постройки. Материалы по этнографии России, т. II, 1914, стр. 59—72.

¹⁷ С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1925, стр. 190—195.

глина замешивается с водой, сюда же прибавляется некоторое количество рубленой соломы, скрепляющей глину, и в таком виде она идет в дело... Камень употребляется крупный, неотесанный; укладывается он также рядами и скрепляется глиной, которой, кроме того, стена обмазывается как снаружи, так и изнутри, так что по внешнему виду иногда бывает трудно судить, сделана ли постройка из одной глины или же из глины с камнем. Сверху штукатурки иногда производится побелка стен светлой глиной... Крыши этих домов имеют навесы для стока воды «сар пориса»¹⁸.

Таким образом, использование одинакового строительного материала — явление чисто зональное. Там, где географические и климатические условия это позволяют, жители, естественно, стремятся использовать для постройки своих жилищ самый дешевый и наиболее легко добываемый материал. Одинаковый строительный материал способствует использованию почти одинаковых строительных приемов у, казалось бы, столь различных народов, как молдаване и горные таджики или молдаване и башкиры.

Планировка и внешнее оформление дома

Господствующим планом молдавского жилища является широко распространенный и в славянском мире трехкамерный дом: хата + сени + комора — у славян и кэмара + тиндэ + касэ чей маре — у молдаван. Но трехкамерный план не является в Молдавии древним и возник, по видимому, из двухкамерного дома путем пристройки горницы. Ныне уже редко можно встретить в Молдавии жилой двухкамерный дом. Если же он и имеется, то или приспособлен для хозяйственных надобностей, или пустует. Исчезновение двухкамерного дома особенно заметно на Левобережье, где мы за все время экспедиции наголкунулись на него один-два раза. Здесь колхозы выдавали ссуды для постройки хороших домов, и сейчас почти каждый колхозник имеет трехкамерный дом.

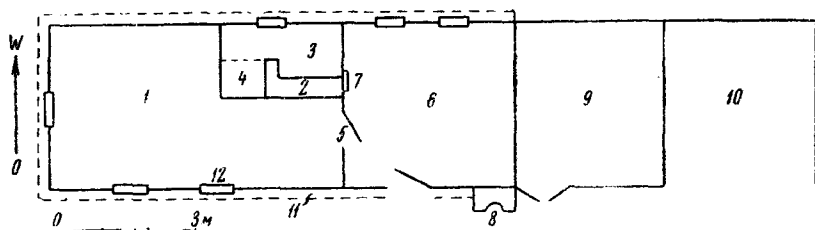

Рис. 1. План старой усадьбы С. И. Кожухарь (с. Карагаш, Слободзейского района, Молдавской ССР): 1 — кэмара; 2 — собэ; 3 — пе кутьерь; 4 — ватра; 5 — уша; 6 — тиндэ; 7 — остатки кутьеря; 8 — собачья конура; 9 — поята; 10 — шопрон; 11 — приспэ; 12 — ферястрэ маре

Приведу лишь несколько примерных описаний жилищ, обследованных нами в Молдавии.

Село Карагаш (Слободзейского района). Усадьба С. И. Кожухарь имеет два дома — старый (касэ бэтрыняскэ) и новый (касэ ноуэ). Старый двухкамерный дом стоит в глубине двора, и хозяева не помнят, когда он был построен. Приблизительно, дому около 100 лет. Прямо из дверей вы попадаете в сени (тиндэ). Здесь же была и кухня. На противоположной стене два небольших окна, забранных решеткой. Слева от двери — разрушенная печь (кутьерь), одновременно отапливавшая и жилую комнату (кэмару). В кэмаре

¹⁸ Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу, сб. «Советская этнография», II, 1939, стр. 154—155.

мы видим с правой стороны от входа большую печь с лежанкой, с топкой из сеней (собэ). На лежанке сделано маленькое окошечко. Основные окна также имеют решетки и находятся в западной и южной стене дома. Дом крыт камышом. Стены его обнесены глиняной завалинкой — присбой без колонок. К северной стене дома пристроен навес (рис. 1).

Жилой (новый) дом в усадьбе Кожухарь расположен перпендикулярно старому дому; ныне здесь живут двое взрослых и трое детей. Стены этого дома ставились в 1905—1908 гг., но до 1929 г. их не подводили под крышу, так как семья не имела средств. В 1929 г. семья вступила в колхоз и получила от последнего дотацию на покрытие дома черепичной крышей. Размеры дома $11,42 \times 5,57$ м¹⁹.

Рис. 2. Дом С. И. Кожухарь (Левобережье)

Внутреннее расположение камер таково: с небольшого крыльца, взятого под черепичную двухскатную крышу, попадаем в сени. Двери, ведущие в них, открываются внутрь. Справа находится дверь в основное жилое помещение — кэмару. Здесь дверь также открывается в сени. Слева — горница (касэ чей маре). Восточная (короткая) стена кэмары повернута к улице. Установить, какую из комнат молдаване ставят к улице, а какую относят в глубь двора, нам не удалось. И тех и других случаев, примерно, поровну. Одни говорят, что они построили дом кэмарой к улице, потому, что в касэ чей маре они хранят наиболее ценные вещи и поэтому боятся воров. Другие же объясняют постройку дома горницей (а не кэмарой) на улицу тем, что у них есть взрослые дочери и к ним ходят парни, а гостей неловко принимать в кэмаре. Прямо против двери, в восточной стене, находится окно (ферястрэ); другое окно — в южной стене, с правой стороны от двери. Оба окна снабжены решеткой (грате). Почти все окна делаются с широкими подоконниками. В данном случае размеры их $1 \times 0,52$ м. Слева от двери находится высокая печь с лежанкой (собэ), обведенная окошечком. Эта печь служит специально для отопления, и топка в нее находится в кухне, которая образована простой перегородкой сеней.

Горница (касэ чей маре) представляет собой большую, совершенно пустую комнату. С левой стороны от двери два окна. Касэ чей маре редко имеет печь.

Кухня (кумната) является отгороженной частью сеней с выступом в горницу. Вход в нее устроен прямо против входных дверей в дом. Справа от входа стоит печь (кутьерь), где молдаванки пекут хлеб. Тут же устроена топка в собу, отапливающую кэмару. Рядом с кутьером, пер-

¹⁹ Размер $11,50 \times 5,50$ м в Молдавии почти стандартный.

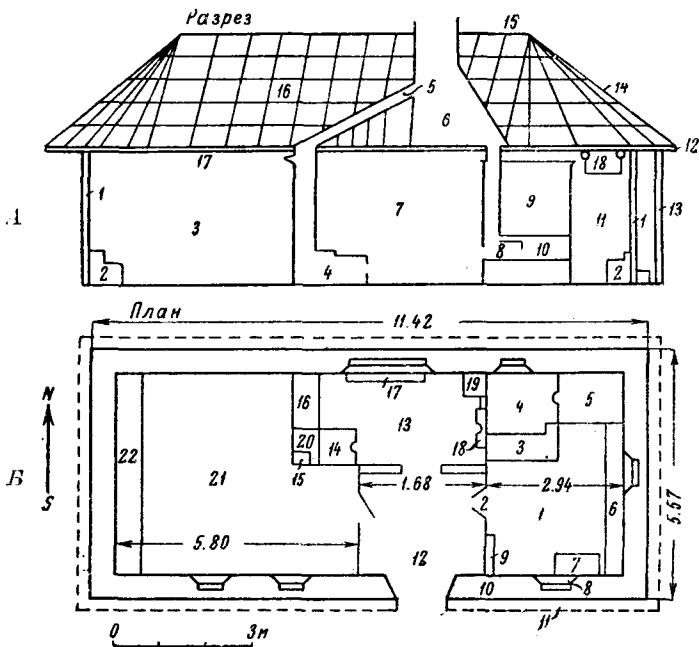

Рис. 3. Новый дом С. И. Кожухарь: А — разрез; 1 — перете; 2 — канапкэ; 3 — касэ чей маре; 4 — плитэ; 5 — ходжякул мик; 6 — ходжякул маре; 7 — кумната; 8 — ватра; 9 — собэ; 10 — кутьерь; 11 — кэмара; 12 — стрешинэ; 13 — стълп; 14 — лецурь; 15 — каприорь; 16 — акопэремынт; 17 — под; 18 — кульмэ. Б — план: 1 — кэмара; 2 — уша; 3 — собэ; 4 — пе кутьерь; 5 — пат; 6 — канапкэ; 7 — ладэ; 8 — ферястрэ; 9 — котинец; 10 — перетеле; 11 — приспа пе фарэ; 12 — тиндэ; 13 — кумната; 14 — духоукэ; 15 — трубэ; 16 — пат; 17 — масэ; 18 — кутьерь; 19 — ватра; 20 — плитэ; 21 — касэ чей маре; 22 — канапкэ

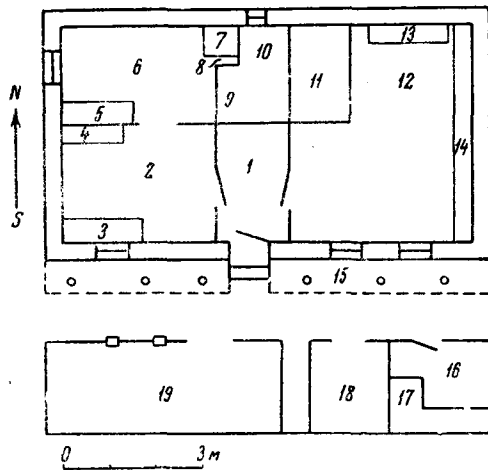

Рис. 4. План усадьбы колхозника Д. А. Опря (с. Маловатое, Дубоссарского района); 1 — тиндэ; 2 — кэмара; 3 — пат; 4 — лаицэ; 5 — собэ; 6 — кэмеруца; 7 — плитэ; 8 — ватра; 9 — кутьерь; 10 — лежанкэ; 11 — собэ; 12 — касэ чей маре; 13 — криват; 14 — лаицэ; 15 — коридор; 16 — кэсойя; 17 — котуна; 18 — бордей; 19 — поята

пендикулярно ему, имеется небольшая глиняная пристройка. Это — «вара» — место, где молдаване держат пищу, чтобы она не остывала. Слева от дверей находится плита с духовкой. Окно очень широкое, необычное для молдаван, и расположено прямо против двери.

Чердак (под) — довольно большое помещение, высотой в 2,5 м. Вход в него находится прямо в потолок сеней через небольшое четырехугольное отверстие, к которому приставляется лестница. Посередине чердака расположен дымоход, имеющий форму усеченного конуса; размеры нижнего основания $1,2 \times 1,65$ м, верхнего — $0,70 \times 0,70$ м. Это — дымоход (ходжак) из основной печи (кутьеря), но к нему под острым углом пристроен малый дымоход из кухни (от плиты). Дымоход этот опирается на деревянные подпорки.

Стены дома глиняные, обнесенные присбой, а навес над ними опирается на деревянные колонки, врытые в землю. Пол — земляной (см. рис. 3 и 4).

Дом колхозника Р. С. Андронати. Это совсем новый дом, построенный только в 1923 г., с обычным трехкамерным планом. Стены его землебитные (дин пэмынт). Однако здесь сени не перегорожены и являются одновременно и кухней. Отсюда же идет топка в обе жилые комнаты. Этот дом характерен тем, что имеет четырехскатную крышу, покрытую железом. Другой такой крыши нет во всем селе; чтобы покрыть дом железом, хозяева вызывали кровельщиков из Тирасполя. Стены дома обнесены глиняной присбой без колонок.

Село Маловатое (Дубоссарского района). Дом колхозника Д. А. Опря — каменный, построенный более ста лет назад. Здесь, в Дубоссарском районе, мы уже встречаемся с разновидностью трехкамерного плана, имеющего широкое распространение и в Бессарабии. Из входных дверей дома попадают в тиндэ. Справа — касэ чей маре, большая комната, имеющая с левой стороны от дверей собу без лежанки. Вообще у собы в касэ чей маре никогда не делают лежанки. Два окна, находящиеся справа от дверей, выходят на южную сторону.

Напротив касэ чей маре, в сенях, — двери, ведущие в кэмару, печи в которой устроены так, что делят комнату пополам. Эти печи находятся справа от дверей на небольшом от них расстоянии. Сначала идет кутьерь с лежанкой, а перпендикулярно к нему пристраивают собу, но так, чтобы между ними был проход. Соба представляет собой толстую стену, идущую почти до потолка. Топка в нее находится сбоку, в проходе между ней и кутьерем. Таким образом, эта комната поделена печами на две части: кэмару с окном в южной стене, налево от двери, и «кэмэруцу» — маленькую комнату с окнами в западной и северной стенах. Кэмэруца является зимней кухней, и кутьерь с собой отапливаются из нее. Под лежанкой кутьеря имеется плита. Над собой идет четырехугольный дымоход, входящий в общий дымоход. Топка кутьеря в кэмэруце является одновременно и топкой собы касэ чей маре. Пол земляной. Стены дома обнесены присбой с колонками.

Между бессарабскими жилищами и жилищами Левобережья существенной разницы нет. Планировка домов та же, что и в Дубоссарском районе левобережной Молдавии; кэмара с кэмэруцей + тиндэ + касэ чей маре.

Дер. Пересечена (Криулянского района, Оргеевского уезда). Дом Э. Г. Попу построен более двухсот лет назад из плетня, обмазанного глиной с соломой. Крыша — четырехскатная, покрытая камышом под щетку, или, как тут говорят, «ку дикуит». Здесь интересно то, что кэмэруца находится не в кэмаре, а в глубине тиндэ и отгорожена от последней перегородкой. В кэмаре мы имеем печь с лежанкой, которая здесь называется «куптьерь». В касэ чей маре вовсе нет печи. Это характерно для всей Бессарабии. О древности дома говорят и небольшие

глухие окна, застекленные шестью стеклышками. В более новых домах окна делаются на две створки, идущие или до конца рамы, или застекленные в виде буквы Т. Пол дома — земляной. Стены его обнесены небольшой присбой без столбов.

На правом берегу Днестра тиндэ, как правило, не имеет потолка, и из нее видны чердак и дымоход. Это говорит о большей древности построек. На левом же берегу тиндэ без потолка не встречается.

Что касается внешнего оформления домов, то на Левобережье редко можно встретить присбу, украшенную деревянными колоннами или превращенную в крытую террасу, а на правом берегу это явление довольно обычное. Куфтин считает, что эти террасы заимствованы у турок²⁰.

Рис. 5. Дом Ю. Рэул

Однако это вовсе не говорит о большей древности домов Левобережья по сравнению с бессарабскими домами. Старик Рэул (из села Маловатое, Дубоссарского района) говорил нам, что деревянные колонки на присбе или крытые террасы (в Бессарабии их называют «коридор») стали делать еще на его памяти — лет 60—70 назад. Действительно, наиболее старые дома, а особенно сделанные из плетеного каркаса, как правило, не имеют у присбы ни колонн, ни террасы. Отсутствие этих элементов на левом берегу объясняется не большей древностью этих домов по сравнению с бессарабскими, а чисто экономическим фактором: лес на Левобережье дефицитен и стоит довольно дорого, а Бессарабия, особенно центральные ее уезды, гораздо богаче лесом.

Однако левобережные молдаване также стремятся украсить свой дом: дома по низу и бокам (а иногда только по низу) украшаются широким бордюром синего или зеленого цвета. В Бессарабии это встречается очень редко. Там дома просто белятся. И на правом и на левом берегу перед стенами домов, обращенными к улице, разбивают небольшой цветник или завивают их диким виноградом (руг). Перед входными дверями на Правобережье, как правило, устраивают небольшое каменное крыльцо, иногда крытое деревом (ханок). На Левобережье из-за отсутствия дерева ханок делается реже: часто вы попадаете в дом, переступив через небольшой порог.

²⁰ Б. Куфтин, Жилища крымских татар в связи с историей заселения полуострова, М., 1920.

Таким образом, в Молдавии имеются два типа домов: 1) Двухкамерный дом: тиндэ + кэмара. Этот тип встречается сейчас очень редко и повсеместно вытеснен трехкамерным домом. 2) Трехкамерный дом, имеющий широкое распространение по территории всей Молдавской ССР. Он делится на два подтипа: а) кэмара с кэмэруцей + тиндэ + касэ чей маре — разновидность, распространенная по всей Бессарабии и в Дубоссарском районе Левобережья, и б) кэмара + тиндэ + касэ чей маре — разновидность, распространенная по остальным районам левого берега.

Уже Харузин, анализируя славянские жилища северо-западного края, нашел широкое распространение этого трехкамерного типа у белорусов и, расширив свой анализ, писал: «Такой дом, состоящий из трех ячей: сеней и двух жилых покоев, не является исключительной принадлежностью северо-западного края. Напротив того, подобные жилища свойственны большей части славянского мира, по крайней мере до границы Балканского полуострова: они одинаково встречаются у нас в великорусских и малорусских губерниях, в местностях, заселенных поляками как у нас, так и в Германии и Галиции, далее у чехов, словаков, словенцев и хорватов. Это — жилое здание того типа, который в наших восточных губерниях, например в Вятской, метко именуется связью»²¹.

Описывая украинские постройки, Шарко говорит, что украинцы имеют 2 типа построек: 1) хату + сени, к которым иногда пристраивается крошечная «хижа», и 2) хату + сени + комора, которая составляет с хатой одно целое и покрывается одной с ней крышей. Он указывает, что сени не имеют потолка²², что наблюдается по всей Бессарабии. На Украине также широко распространен сволок²³ (молдавская коардэ), поддерживающий потолок.

Волков так описывает украинский дом: «... классический тип украинской хаты — трехкамерный, состоящий из сеней, по одну сторону которых находится жилое помещение — собственно хата, а по другую — комора». Тут же Волков замечает, что разделение хаты на «хату» и «кимнату» путем длинной и узкой «грубы» встречается на Украине у духовенства, мещан и «полупанкив»²⁴.

Трехкамерный план дома, распространенный по всей Молдавии, и разделение хаты грубой на две комнаты, встречаемое по всей Бессарабии и в Дубоссарском районе Левобережья, дает право говорить о значительном сходстве жилищ украинцев и молдаван. С таким же трехкамерным типом построек мы встречаемся у румын²⁵ и мадьяр²⁶. Очевидно, такое сходство не случайно и имеет глубокие корни, уходящие в древнейшую историю народов, населяющих Балкано-Дунайский бассейн, и их соседей.

Назначение частей дома и внутреннее его убранство

Наиболее обитаемой частью каждого дома является кэмара, которой соответствует у украинцев хата, у русских — изба. Это — жилая комната, имеющая 2—3 окна в южной и восточной или в южной и западной стенах дома, в зависимости от того, в какой стороне дома находится кэмара. Чаще всего молдавские дома стоят так, что стена с входной

²¹ Ал. Харузин, Цит. соч., стр. 278.

²² А. Шарко, Цит. соч., стр. 120.

²³ Там же, стр. 130.

²⁴ Ф. Волков, Цит. соч., стр. 530.

²⁵ R. Vuia, Le village roumain de Transylvanie et de Banat, La Transylvanie, Wiена, 1938; Traian Herseni, Cos odornicari si sti din Nereju in Sociologie Romaneasca, An. I, No 11, Novembre, стр. 9; Frédéric Damé, Incercare de terminologie populara a ro a la Bucuresci, 1898, стр. 98.

²⁶ С. А. Токарев, Венгрия (рукопись).

дверью обращена к югу, реже к западу, и тогда окна выходят на западную и южную стороны дома. Как указывалось выше, на окнах всегда имеются железные решетки (грате) для предохранения от воров.

В кэмаре на Левобережье находится соба с лежанкой. Топка этой печи находится или в тиндэ или в кухне. Печь эта служит специально для обогрева помещения и расположена поэтому в более холодной северной части дома, где никогда не делается больших окон. Здесь имеется лишь очень маленькое окошечко, освещающее лежанку.

Между лежанкой и противоположной стеной дома находится спальное место: деревянный топчан (пат) или железная кровать (криват). Кровать обычно покрыта ковром; подушки (3—4) расположены вдоль всей кровати. Около кровати всегда висит настенный ковер.

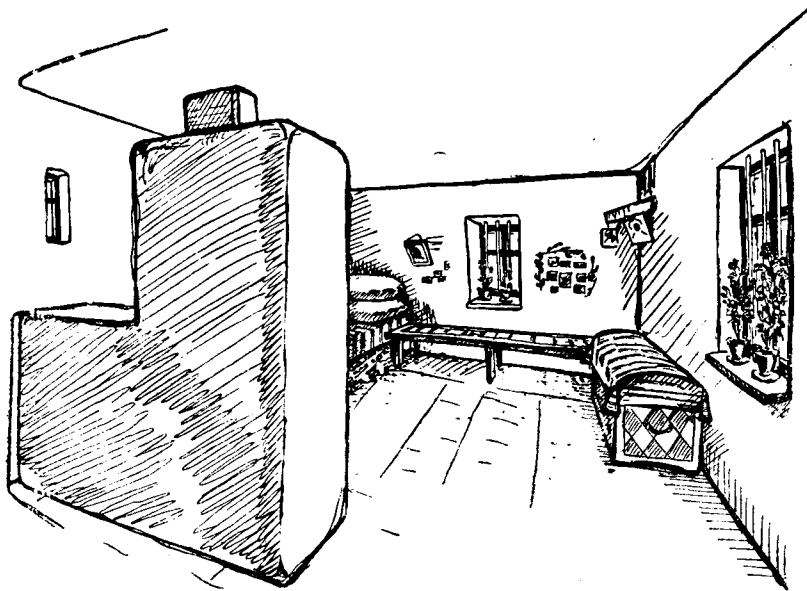

Рис. 6. Левобережная кэмара

В с. Карагаш, Слободзейского района, на Левобережье нам пришлось столкнуться с интересным явлением в доме С. И. Кожухарь. Там устроен очень короткий пат, а для ног в лежанке проделано специальное отверстие; так как лежанка обогревается, то ноги постоянно находятся в тепле.

Вдоль стены, находящейся против двери, и стены, не занятой постелью, стоят длинные и довольно широкие лавки (лайцы), прикрепленные наглухо, на которых также спят. Лавки покрыты домотканными коврами (лавичер, линчер или цол). Подле лавок стоит большой стол (масэ), как правило, ничем не покрытый. Обычно в кэмаре стоит еще большой сундук для хранения приданого (ладэ), а на стене делают полку для посуды, которую завешивают занавеской.

Иконы висят в юго-восточном углу, если одна из стен кэмары выходит на восток, и в юго-западном, если одна из стен выходит на запад. Угол у икон украшается занавеской из марли или домашних кружев. В Дубоссарском районе мы столкнулись с очень интересной формой таких занавесок. Они идут треугольником над иконой и делаются из нешироких кусков белого полотна, обшитого кружевом. Такие занавески называются «просоапе».

У молдаван нет «красного угла». Они считают почетной восточную стену дома (перете де рэсэрит).

Для одежды существует особая вешалка — «кульмэ», род трапеции на веревке или проволоке, которая свешивается с потолка над кроватью. Стулья и табуретки встречаются у молдаван довольно редко. Их, как правило, заменяют маленькие скамеечки, о которых речь будет ниже.

В Дубоссарском районе в доме Гацкан мы видели стену, расписанную разноцветными квадратиками. Каждый квадратик был поделен диагоналями, закрасненными синей, зеленой, розовой и желтой краской. Это был единственный дом, где мы встретились с раскраской внутренних стен, хотя раньше, по свидетельству местных жителей, этот обычай был широко распространен. Довольно часто встречаются рисунки, вырезанные на дверях. В доме Кожухарь (с. Карагаш) хозяин дома вырезал на дверях портрет Ленина.

На Правобережье, в Бессарабии мы встречаем несколько иную картину. Там кэмара поделена на две части печами, и задняя ее часть является кухней. Топка печей находится тут же в комнате и сделана

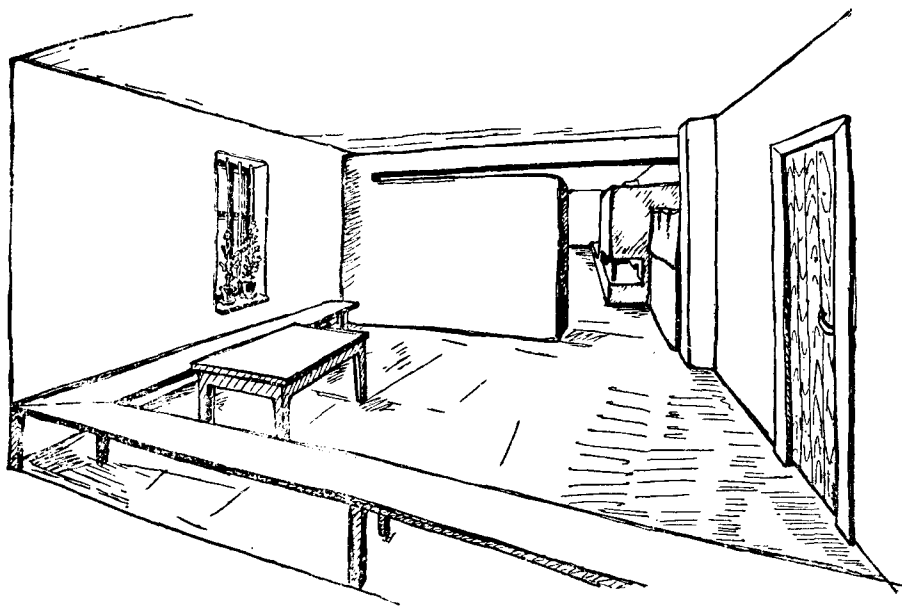

Рис. 7. Правобережные кэмара с кэмэруцей

очень низко, так что хозяйка, работающая у печи, вынуждена садиться на пол. Возможно, такое расположение печей в Бессарабии возникло на базе древнего очага («огништа» у южных славян).

Внутреннее убранство правобережной кэмары подобно вышеописанному, за исключением того, что спальная часть находится не в самой кэмаре, а в кэмэруце, которая иногда отделена совершенно, а иногда и нет. Пат и лежанку здесь покрывает ковер, носящий название паратарь. В этой части дома зимой спит вся семья, а гостей кладут в кэмаре на лавки, покрытые цолом.

Как на правом, так и на левом берегу, на широких подоконниках домов стоит много цветов, за которыми тщательно ухаживают.

Тиндэ на Левобережье является и сенями, и кухней. Последняя чаще всего отгораживается от собственно сеней, образуя как бы самостоятельное помещение. Но иногда этой загородки нет, и тогда тиндэ выполняет свои двойные функции.

В глубине тиндэ (в кухне), у стены, отделяющей сени от кэмары, устраивается печь для выпечки хлеба (левобережный кутьерь). Чаще всего здесь же находится и топка собы, расположенной в кэмаре, т. е.

печь в кухне и соба в кэмаре имеют одну топку. Иногда же последняя устраивается рядом, сбоку. Топка закрывается небольшим деревянным заслоном. Вместо шестка иногда можно встретить плиту с одним или двумя отверстиями с топкой сбоку. Иногда же эта плита делается отдельно от кутьеря. В кухне стоят стол, небольшая скамья, реже — пат.

На правом берегу, в Бессарабии сени никогда не являются одновременно и кухней, так как последняя почти всегда находится в задней части кэмары — кэмэруце. Здесь сени — небольшое помещение, имеющее иногда деревянный пол и служащее летней спальней. Зимой здесь держат новорожденных ягнят.

Наконец, последнее помещение — касэ чей маре — соответствует русской горнице. Это довольно большая комната с 2 или 3 окнами, предназначенная по традиции для приема гостей и для хранения домашнего скарба. Но в Бессарабии мы ни разу не встретили касэ чей маре, которая была бы убрана для приема гостей. Там они сейчас превращены в рабочие комнаты и хранилища для зерна. Тут обычно стоит ткацкий стан, за которым женщины работают целыми днями. Часто здесь же находятся и ручные мельницы — «рышницы» для размола зерна. Как я уже указывала, печей для отопления в бессарабских касэ чей маре не делают.

Иная картина на левом берегу. Но здесь также война наложила свой отпечаток, и не всегда вы встретите убранную касэ чей маре, так как наиболее ценные вещи были увезены оккупантами.

Опишу наиболее типичную касэ чей маре в доме колхозника Д. А. Опря из с. Маловатое (Дубоссарского района). Это — большая комната, имеющая слева от дверей собу с топкой из кухни. Рядом с собой, прямо против окон, у северной стены стоит железная кровать. Она убрана ковром местного производства. Вдоль всей восточной стены против дверей стоит лаицэ, тоже покрытая ковром (линчер). Два окна находятся в южной стене, на высоте 1 м от земли, размером 70 × 100 см, с широкими подоконниками (50 × 60 см). Рамы одинарные из трех стекол с двумя створками. Поперек всей комнаты у потолка висит узенькая занавеска из белой материи (занавещь), вдоль комнаты также у потолка повешена гирлянда из фруктов и сухих листьев. Она придает комнате уютный вид, наполняя ее приятным запахом. Иконы висят в юго-восточном углу и также убраны фруктами.

Очень часто комнаты украшают «бусуйоком» (род василька). Кроме того, молдавские девушки сушат его, растирают в порошок и посыпают им свои праздничные одежды, так как этот порошок обладает очень приятным запахом и заменяет духи.

Молдаванка содержит свой дом в исключительной чистоте и стремится придать ему как можно больше уюта. Каждую субботу во всем доме, даже в нежилых комнатах полы смазываются глиной, смешанной с песком. По большим праздникам внутренние и наружные стены дома основательно белятся. В комнатах стараются не ходить в той же обуви, что на улице, особенно осенью и весной, — обувь снимают и оставляют в тиндэ.

Для полноты описания упомянем о чердачном помещении. Здесь проходит основной дымоход (ходжак) с пристроенной к нему боковой трубой, если в касэ чей маре есть соба. Летом чердак почти не используют, зимой же здесь часто хранят зерно в больших плетеных кошах.

Скажем несколько слов о молдавских печах. Основная печь, предназначенная для выпечки хлеба (кутьерь на левом берегу и куптёрь — на правом), — видоизменение нашей русской печи. Однако левобережный кутьерь отличается от правобережного как по своему внешнему виду, так и по месторасположению в доме. На правом берегу куптёрь всегда стоит в комнате — кэмэруце, и топка его находится тут же. Это — боль-

шая печь с очень низким устьем, завешенным материей. Куптёр имеет шесток и очень широкий дымоход (хорн) как бы в два этажа: нижний очень широкий и высокий, а верхний — значительно меньше и уже. Легко проследить возникновение этой печи. Сначала, повидимому, был простой очаг, над которым с течением времени стали пристраивать оборудование для выпечки хлеба и дымоход. Печь эта вдается далеко в комнату и обязательно имеет при себе лежанку с маленьким окошечком. На Правобережье, когда касэ чей маре имеет собу, последняя отапливается обычно из куптёря. Часто к нему пристраивают плиту или вделывают ее в шесток; тогда топка такой плиты находится сбоку.

Иной вид имеет левобережный кутьерь, в основном предназначенный также для хлебопечения. Он никогда не находится в комнате, а выходит или прямо в тиндэ, или в ту ее часть, которая превращена в кухню. Пристраивается он прямо к той стене, которая отделяет тиндэ от кэмары, и лишь немного выступает из нее. Он сильно напоминает обычную голландку, идущую прямо до потолка. У него также очень низкое устье и почти нет шестка: на небольшом расстоянии от пола в печи делается неглубокая четырехугольная ниша, в которую и выходит устье кутьеря. Оно не велико и закрывается небольшим, но толстым деревянным заслоном. К такому кутьерю редко пристраивают кухонную плиту; последняя чаще всего находится у противоположной стены кухни, отделяющей тиндэ от касэ чей маре.

Техника кладки молдавских печей одинакова с украинской²⁷. Расположение печей в глубине сеней находит интересную параллель у крымских татар²⁸.

К той же стене, к которой пристроен кутьерь, с противоположной стороны пристраивается соба. Это — большая печь, идущая почти до потолка и служащая для отопления комнаты. Топка в нее идет или из кутьеря, или пристраивается к нему. Никогда на Левобережье соба не отапливается из комнаты. Левобережная соба глубоко выступает в комнату и имеет лежанку, также освещаемую окошечком. Отапливаются все эти печи кизяком и сучьями.

Интересно отметить, что дымоход, устроенный в потолке, — сравнительно позднее явление. Бессарабия еще помнит время, когда дымохода не устраивалось и дым из печей проходил в сени, а оттуда через отверстие в потолке выходил наружу. Такую топку «по черному» нам удалось наблюдать в д. Селишты, Оргеевского района. Об этом же сообщал и Зашук, которому удалось наблюдать топку «по черному» гораздо чаще²⁹. Вуйа нашел такую топку в Северной Трансильвании и считал, что здесь она заимствована от восточных славян³⁰. Левобережье такой топки «по черному» не знало.

Трубы на крыше устраивают из саманного кирпича. На левом берегу их делают небольшими и широкими, а на правом — высокими и узкими.

Летом молдаване никогда не топят печей, находящихся внутри дома. Для приготовления пищи они устраивают печи на дворе. На Левобережье последние чаще всего находятся под открытым небом³¹. Это или куполообразная печь для выпечки хлеба (кутьерь), к которой сбоку пристраивается «котуна» (род нашей плиты), или же очень высокая русская печь, называемая также кутьерь. Очень часто у котуна не

²⁷ Волков, Цит. соч., стр. 524.

²⁸ Куфтин, Цит. соч.

²⁹ Материалы по географии и статистике, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская губ., СПб., 1863, стр. 457.

³⁰ R. Vуа, Le village roumain de Transylvanie et de Banat, La Transylvanie, 1938, стр. 773.

³¹ На правом берегу Днестра их обычно устраивают в закрытом помещении легкого типа (кэсоайа).

устраивается дымохода, а в задней стенке делается круглое отверстие, которое затыкается тряпкой, когда печь не топится.

Обычай устраивать печи вне дома широко распространен у восточных, западных и южных славян. С ним мы встречаемся у украинцев, белорусов, поляков, болгар, сербов и хорватов, а также в Средней Азии и на Кавказе, т. е. там, где климат это позволяет.

Устройство печей, особенно находящихся вне дома, часто является делом рук женщины. Например, печь, находящаяся в усадьбе Андронати (с. Карагаш, Слободзейского района, на Левобережье), построена его женой Анной Андронати. Мария Громашук из Слободзеи Молдавской была недовольна собою, которая находилась у нее в кэмаре. Но муж не разрешал ей переделывать ее. Она мне сказала: «Вот подожди, муж скоро уедет недели на две, так я без него обязательно переложу собу».

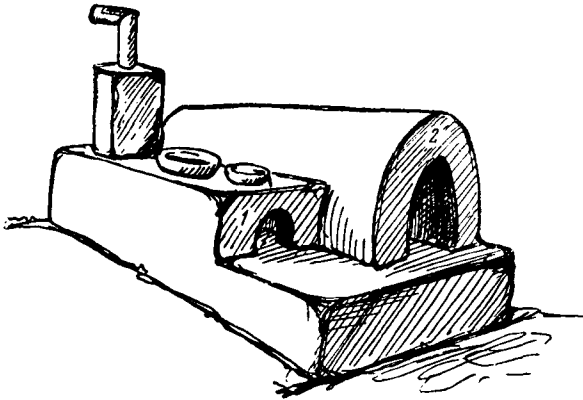

Рис. 8. Куполообразная печь кутьерь и котуна во дворе усадьбы Андронати (с. Карагаш, Слободзейского района)

Итак, и во внутреннем убранстве и назначении частей дома у молдаван можно найти много общих черт, роднящих их с соседними народами и особенно с украинцами.

Волков пишет: «В какую бы украинскую хату, начиная с западных частей Курской и Воронежской губ. и кончая западными склонами Карпат, мы ни заглянули, решительно повсюду мы находим одно и то же: вход в хату из сечей, сейчас же возле входа по одну сторону печь в углу, по другую — в другом углу или возле печи пол'ця или м'исник для посуды; между печью и так называемой прічильной, т. е. узкой стеной хаты, находится піл, т. е. деревянные подмостки, вроде нар, на которых спят, или же подвижное ліжко, т. е. кровать; в так называемом красном углу, под иконами помещается стіл, вдоль стен — лави, возле стола еще оолін или подвижная скамья... Иконы в такой хате задрапированы рушниками»³². Читая это описание украинского жилища, невольно представляешь себе молдавскую кэмару. Сходство очень велико, за одним исключением: молдаване (очевидно, под влиянием турок) очень любят украшать свое жилище большими настенными коврами, которыми также покрывается и пат. У украинцев ковры встречаются гораздо реже.

Назначение касэ чей маре как горницы и как коморы, куда складываются домашние вещи и ставят ткацкий стан, мы встречаем у русских, украинцев, белорусов, поляков, болгар и других южнославянских народов.

³² Волков, Цит. соч., стр. 531—532.

Усадьба и поселение

В типах усадеб и поселений имеется разница между Правобережьем и Левобережьем. Дадим описание нескольких усадеб на том и другом берегу Днестра.

Усадьба Анисьи Фратя (Пересечена, Криулянского района, Оргеевского уезда, Правобережье), площадь 1406 кв. м. Жилой дом стоит в глубине двора, имеющего размеры 44×16 м. К северной стене дома пристроено крытое помещение для коровы (шопронаш), идущее вдоль всей стены, но камышевая крыша его ниже крыши жилого дома. На некотором расстоянии от жилого дома, перпендикулярно ему стоит новый незаконченный дом, крытый черепицей; к северной стене его пристроен шопронаш для скота. К южной стене нового дома пристроена летняя закрытая кухня (кэсоайа) с навесом (шопрон). Шопрон и кэсоайа взяты под одну крышу и крыты деревом (ку шиндилэ). Из кэсоайа идет ход в погреб, сделанный под новым домом. Кэсоайа служит одновременно и летней столовой. Поэтому тут находится специальный, очень низенький, круглый или четырехугольный столик (мэсуца), к которому делают маленькие скамейки. Такой столик мы встречаем не только у молдаван. Он широко распространен на Переднем Востоке и в Крыму³³, а также у украинцев и южных славян.

Новый дом ныне служит кладовой. Между старым и новым домом в глубине двора стоит «сысыяк» — большой плетеный кош с крышкой для хранения кукурузы.

Против «кэсоайи» и нового дома находятся сад и огород (грэденица), размером 22×16 м, и «харман» — место для хранения соломы, которая стоит под открытым небом в высокой скирде. Размеры хармана также 22×16 м. На хармане стоит шопрон. Харман и грэденица отделены от всего двора и друг от друга забором из тонких прутьев. Двор, как и большинство дворов на Правобережье, огорожен высоким забором, сплетенным из толстых ветвей. В нем проделаны небольшие деревянные двухстворчатые ворота (портэ).

Наиболее показательны для Левобережья усадьбы с. Карагаш, Слободзейского района.

Усадьба С. И. Кожухарь. Жилой дом стоит справа от ворот. Вся восточная сторона дома, выходящая на улицу, обсажена диким виноградом (руг). С южной стороны, перед окнами кэмары разбит небольшой цветник. В глубине двора помещается старый дом (касэ бэтрыняскэ), превращенный сейчас в хранилище для соломы и половы. К нему пристроено закрытое помещение для скота (поята) и открытый шопрон, где хранится сельскохозяйственный инвентарь. Поята и шопрон взяты под одну крышу, которая ниже крыши дома, причем их западной стеной является естественное продолжение западной стены дома, а южной стеной пояты служит северная стена старого дома.

Прямо против нового дома находится погреб (киницэ) и летняя кухня с общими стенами и общей крышей с погребом, но разными входами. Передняя часть этой постройки представляет собой вместительный погреб, находящийся под летней кухней и уходящий далеко за нее. В погреб ведут 14 ступеней, шириной по 22 см. Погреб — очень глубокая и большая яма, предназначенная для хранения вина и овощей, над которой возведены сверху глиняные стены. В погреб ведут широкие и высокие деревянные двери.

Задняя часть этой хозяйственной постройки отведена под летнюю кухню, которой пользуются в дождливые или сильно ветреные дни. Это — небольшое помещение, размером $3 \times 1,90 \times 2,15$ м, с входом сбоку. Прямо против входа проделано небольшое окошечко. Справа от двери, в юго-восточном углу сложены две печки интересного устройства.

³³ К у ф т и н, Цит. соч., стр. 10.

Около восточной стены сложена небольшая «котуна» без дымохода, дым из которой уходит прямо в отверстие в крыше. Южная же стена представляет собой небольшую кутерь, откуда дым выходит через широкий дымоход, пристроенный снаружи вплотную к этой стене кухни и напоминающий украинский «димарь». Печи эти как бы сдвоенны; первое впечатление, когдаходишь в кухню, что это не две, а одна печь.

Около погреба и кухни находится небольшая круглая яма (фынтына), выложенная камнем и предназначенная для хранения воды. Дело в том, что на Левобережье воду часто приходится носить за полкиломе-

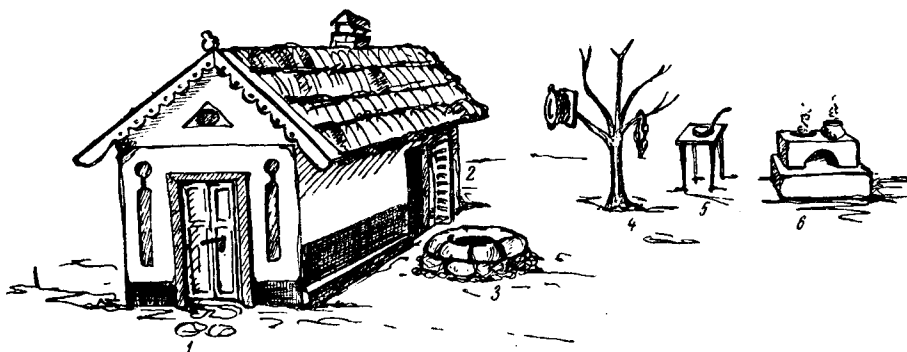

Рис. 9. Усадьба С. И. Кожухарь (с. Карагаш, Слободзейского района):
1 — киницэ; 2 — летняя кухня; 3 — фынтына; 4 — оларь; 5 — мэсуца;
6 — котуна

тра от дома, из реки или из колодца. И вот жители предпочитают привозить ее в бочках или таскать вручную ведрами и наполнять водой фынтыну.

Летом, в погожие дни пищу готовят на дворе на специально сложенной плите (котуне). У этой котуны топка не закрывается и носит название «гура ла котуна» (рот котуны), а два отверстия для горшков, через которые выходит дым, называются «окурь ла котуна» (глаза котуны). Рядом с котуной стоит небольшой столик для приготовления пищи (мэсуца) и сухое дерево (оларь)³⁴, врытое в землю, чтобы на его сучьях сушить посуду.

Площадь, размером $16 \times 10,8$ м, заключенная между воротами, новым домом, старым домом и погребом, называется «оградэ» (двор). Она отгорожена от дороги невысоким проволочным забором. Раньше здесь был деревянный заборчик, но его сожгли во время оккупации. В заборе сделаны небольшие ворота.

Позади старого дома идет довольно большой участок (харман), размером 80×40 м, где разбиты огород (кукуруза, помидоры, огурцы, морковь и картофель) и сад с семью сортами деревьев: абрикосы, вишни, сливы, яблони, груши, шелковица и грецкие орехи. Харман левобережный и харман правобережный совсем не одно и то же. На левом берегу это всегда сад и огород, а на правом — место для хранения соломы и для содержания мелкого скота.

Усадьба Иона Бахмуца помещается в старой части села и имеет один жилой дом, обращенный фронтоном к улице, продолжением которого является поята для скота. К пояте пристроены маленькая «псецика» и шопрон. Перпендикулярно дому, ближе к фронту пристроен погреб (киницэ), с навесом на балках. Погреб, дом и большая поята находятся под общей крышей, несмотря на перпендикулярное расположение погреба по отношению к дому, — крыша делает здесь поворот. Поецика и шопрон имеют отдельную крышу, значительно ниже

³⁴ Оларь — от слова «оалэ» (горшок), латинское «olla».

крыши дома. Таким образом, все хозяйственные постройки вытянуты в одну линию с домом на правой стороне двора.

Пространство между погребом и домом использовано под хранение соломы и называется «хырлиця».

Двор небольшой и узкий, без летней печи. Здесь имеется только фынтына, однако ее не используют, а предпочитают по мере надобности приносить воду из Днестра. За домом (вернее, за хозяйственными постройками) расположен небольшой харман.

Усадьба Р. С. Андронати — одна постройка, включающая и жилой дом, и поюту, с общими стенами, крытая одной железной крышей. Все это строение стоит в глубине двора. Такие усадьбы все чаще попадаются на Левобережье. Перед домом разбит цветник. Двор очень просторный и чистый. Во дворе — котуна с кутьером, которые строила сама хозяйка. За домом идет харман на 1000 кв. м.

Хозяйственные постройки в Молдавии сравнительно новое явление. Еще лет 100 назад их можно было встретить довольно редко. «В степных местах Бессарабии, а у бедных царан повсеместно, подле хаты нет ни сарая, никакого амбарчика и хлева, ни даже забора; все его хозяйство сложено в камаре, а рабочий скот летом находится в общем стаде, зимой — в общем загоне»³⁵.

Затем начинают появляться постройки правобережного типа: если они и находятся возле дома, то все же обязательно имеют отдельную крышу, а иногда и вовсе не связаны с домом. С переходом молдаван на левый берег Днестра эти хозяйственные постройки стали эволюционировать дальше. В усадьбах Кожухарь и Иона Бахмуцана видим, что поята является прямым продолжением дома и взята с ним под одну крышу. О старом типе хозяйственных построек напоминает лишь пристройка к одной из стен пояты поецики и шопрона, имеющих свою крышу. Вся постройка в усадьбе Иона Бахмуцана получает форму буквы Г.

Наконец, последний этап этой эволюции можно наблюдать на примере усадьбы Андронати, где имеется одно (уже четырехкамерное) здание, подведенное под одну крышу, причем последняя камера появилась за счет пристройки помещения для скота к обычному трехкамерному дому. Молдаване говорят, что они пришли к такому типу построек, чтобы обезопасить себя от воров. Когда поята находится под боком, легче уследить, в целости ли скот.

Но имеются и другие объяснения. Когда хозяйственные постройки пристроены вплотную к одной из стен дома, — это значительно утепляет ту комнату, к которой они пристроены, а это важно именно для степной части Молдавии, где зимой дуют холодные ветры. Кроме того, такой тип усадьбы значительно удешевляет ее постройку, ибо на нее идет меньше остродефицитного и дорогостоящего в степной части левобережной Молдавии строительного леса.

Отличие правобережных хозяйственных построек от левобережных этим не ограничивается. Так, нигде на левом берегу мы не встретим сейчас сысыяка для хранения кукурузы, который до коллективизации еще бытовал здесь. В сысыяке кукурузу хранили в початках и вылуцивали ее по мере надобности. В колхозной же Молдавии кукуруза выдается не початками, а зерном или мукой, поэтому отпала надобность в сысыяке.

Интересны погреба на обоих берегах Днестра. Раньше молдаване не делали погребов, а, по свидетельству старика Рэул из с. Маловатое, Дубоссарского района, просто выкапывали ямы (бордей) для хранения продуктов и покрывали их досками. Затем, уже на его памяти, стали возводить над этими ямами плетеные постройки, обмазанные глиной (бешь). На Правобережье нам пришлось чаще всего встретиться имен-

³⁵ Материалы по географии и статистике, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская губ., СПб, 1863, стр. 460.

но с такими ямами. Они делаются в кэсоайе, и тогда над ними не возводят никаких построек, или же вне ее, с легкими постройками над ними.

Не то на левом берегу. Здесь господствует, можно сказать, культ погребов (киниц). Постройки над этими глубокими и обширными ямами довольно массивны, сделаны либо из глины, либо из специально привезенного камня. Крыша кроется землей (накатом) или делается двускатной камышовой. В погреб ведут большие деревянные двери. За таким погребом хозяйки следят не менее тщательно, чем за самим домом. Его стены белят и около входных дверей украшают синей или зеленой вишьеткой.

Молдаване не любят покидать двор, в котором они родились. Поэтому в Молдавии часты случаи, когда в одной усадьбе живут отец с ма-

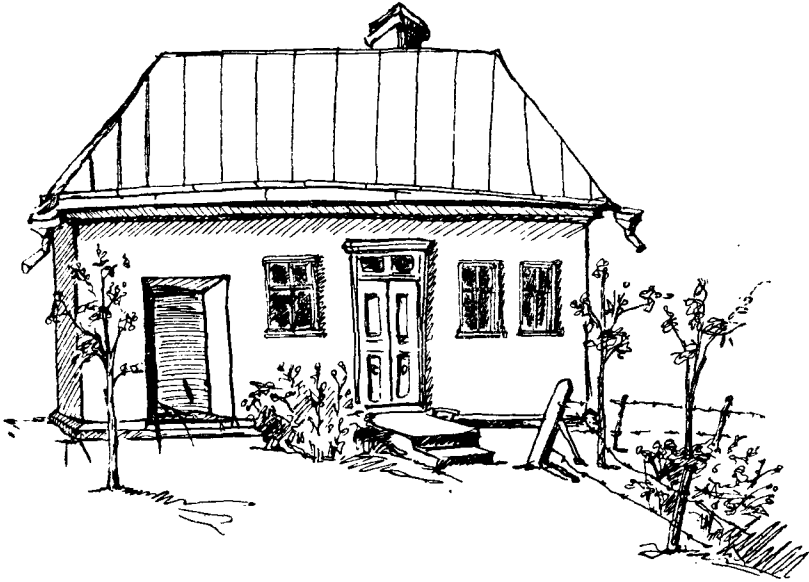

Рис. 10. Дом и поята колхозника Андронати (с. Карагаш, Слободзеянского района)

терью и женатый сын или дочь с семьей. Молодежь живет в новом доме или остается в старом. В одном доме с родителями обычно не живут. В д. Селешты, Оргеевского уезда мы наблюдали в одном дворе три дома: для отца с матерью, для женатого сына и для замужней дочери.

Возможно, что у молдаван существовала организация, подобная южнославянской «задруге», и ныне мы встречаемся с ее своеобразным пережитком. Но эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке.

Перейдем к рассмотрению типовых молдавских поселений. Обследованные нами на Правобережье уезды (Кишиневский и Оргеевский) входят в область, носящую название «Кодры» («Густой лес», «Чаша»). Это территория с сильно пересеченным рельефом, покрытая лесами. Здесь мы встречаемся с уличным типом поселений (Strassendorf), который, по мнению Гюла Принца, заимствован у славян³⁶. Но этот тип существует здесь не в чистом виде, а попеременно с формой поселений, характерной для края плоскогорий (Plateaurandsiedlung), близкой к славянскому рядовому типу поселений (Reihenordnung)³⁷. В самом деле, здесь мы имеем деревни, расположенные в балках и по склонам высоких холмов, так, чтобы долина оставалась незаселенной: ее используют под пашни и под выгон для скота. Широкая главная улица идет вдоль

³⁶ G. Prinz, Die Siedlungsformen in Ungarischen Jahrbücher, Berlin — Leipzig, 1924, стр. 345.

³⁷ Там же, стр. 340.

всей деревни, поднимаясь в гору. С обеих сторон она застроена домами. Остальные дома в живописном беспорядке лепятся по склонам холмов. К ним ведут узкие кривые улочки, что придает деревне в этой ее части вид кавказского аула.

Из приведенных мной выше данных видно, что молдавские села велики и густо населены. В области Кодр густота населения имеет особые причины. Этот район, хорошо защищенный лесами, издавна, повидимому, служил местом убежища для молдавского населения, бежавшего с юга от турецких и татарских полчищ. Частые и опустошительные войны с турками, забиравшими в плен население целых деревень, приводили к тому, что молдаване, спасаясь от плена и смерти, бежали в Кодры, являвшиеся, благодаря своим дремучим лесам, надежным убежищем от дальнейших нападений. Новые пришельцы старались поселиться в уже существующих деревнях. Этим и можно объяснить их размеры.

Деревни, расположенные в этой области, богаты родниковой водой и поражают обилием колодцев. Так, в сел. Пересечена (Криулянского района, Оргеевского уезда) мы насчитали на каждые 5—6 домов по колодцу, иногда очень глубокому. Это обычные деревянные колодцы с «журавлями». В дер. Селешты Оргеевского района мы встретили круглые каменные, не очень глубокие колодцы, из которых воду достают ведром, привязанным к веревке.

Основное занятие жителей в Кодрах — виноградарство и садоводство. Эти культуры разводят по склонам холмов. Однако в долине имеются и пашни, на которых возделывают кукурузу и озимую пшеницу. Земля здесь находится в индивидуальном пользовании, и участки, идущие длинными и узкими полосами, чрезвычайно разбросаны. Когда мы впервые увидели такое «поле», то его незначительная ширина нас поразила, — нам показалось, что его свободно можно перепрыгнуть.

Чтобы закончить характеристику правобережных сел, необходимо добавить, что в каждом из них имеется одна или две православные церкви. В Пересечене до войны была синагога, так как там жило 50 еврейских семей. Сейчас евреев там не осталось, а синагога закрыта.

Жители каждой деревни ставят по ее околицам небольшие деревянные распятия. Такие распятия встречаются и на шоссе, особенно на дорожных перекрестках.

С иной картиной мы встречаемся на Левобережье. Районы, обследованные нами, за исключением Дубоссарского, находятся в южной части левобережной Молдавии, входящей в пределы причерноморских степей, что, конечно, отразилось на характере поселений в этой области. Если исключить Дубоссарский район, относящийся к центральным районам Молдавии и расположенный на холмах, где мы находим ту же картину, что и на Правобережье, в Кодрах, то на юге Левобережья мы столкнемся со смешанной формой поселений кучевого плана (Wirthaufendorf), которые Принц считает сходными с сербской «большой деревней» (Grossdorf)³⁸, а часть деревни, расположенная в правильном шахматном порядке.

Эти левобережные деревни связаны с Днестром, откуда обычно население берет воду. Здесь сразу же можно определить более древнюю и более новую часть села. Первая находится ближе к Днестру и имеет замкнутую форму. Узкие, кривые улочки часто переходят в тупики; идя по ним, можно легко попасть в чей-либо двор. Новая часть села представляет собой правильную четырехугольную форму с шахматным планом. Имеется несколько широких параллельных улиц, одна из которых является главной — дорогой, соединяющей одну деревню с другой. От нее в правильном порядке отходят переулки, достигающие реки. Тако-

³⁸ G. Prinz, Указ. соч., стр. 339.

вы, например, деревни Карагаш и Слободзея Молдавская, Слободзейского района.

Характерной особенностью большинства левобережных сел, расположенных по Днестру, является то, что они имеют своих «сестер» на Правобережье: там расположены села с теми же названиями, из которых и шло переселение на левый берег. Таким, например, является с. Маловатое Дубоссарского района, против которого, через Днестр, расположена Правобережная Маловатая, Криулянского района Оргеевского уезда. Многие старики еще помнят, что их отцы и деды жили на правом берегу, а потом перешли на левый, спасаясь от гнета фанариотов. Такова, вероятно, история и Слободзеи Молдавской, которая, по свидетельству стариков, называлась Слободзея а Руфей, в то время как на правом берегу была Слободзея а Несей, сожженная турками. Эти сведения сообщил мне житель Слободзеи Молдавской Думитру Балан, 104 лет.

Население, уходя с Правобережья, селилось в причерноморских степях, которые в то время также подвергались нападениям турок и татар. До сих пор в многочисленных преданиях, песнях и легендах у народа сохранилась память об этих набегах. Замкнутый тип поселений кучевого плана, мне кажется, являлся в тех условиях наилучшим оборонительным средством против этих нашествий. Однако тогда эти поселения на Левобережье были немногочисленны. С отходом в 1812 г. Бессарабии к России, последняя на обоих берегах Днестра получила обширные и богатые, но малозаселенные (за исключением района Кодр) области. О южной Бессарабии (или Буджаке) Сумароков, посетивший эти места в 1799 г., писал: «Вся сия земля... всем, исключая жителей, изобилует»³⁹.

Все это в равной степени можно отнести и к югу левобережной Молдавии. Но с переходом Бессарабии к России положение здесь меняется. Прекращаются бесконечные опустошительные набеги, а следовательно, исчезает и надобность в замкнутом типе поселений, весьма неудобном для жителей, занимающихся в основном земледелием. Рядом со старыми замкнутыми деревнями начинают возникать новые, построенные по шахматному плану, которые в конце концов включают в себя старые деревни.

Этот процесс протекал постепенно. После присоединения Бессарабии к России понадобилось довольно много времени, чтобы заселить эту область. Если учесть что Александр I еще в 1818 г. был вынужден издать указ о ее заселении, то появление деревень нового типа, думается, можно отнести ко второй половине, а то и к последней четверти XIX в.

Деревни эти также велики. Слободзея Молдавская со Слободзеей Русской, расположенной совсем рядом, насчитывают 3 000 дворов, Карагаш — 782 двора. Столь большие размеры деревень объясняются здесь иными причинами, чем на Правобережье: тут скорее влияют географические, чем исторические факторы. Дело в том, что в степях левобережной Молдавии весьма неблагоприятно с подземной водой. Она находится на большой глубине и далеко не везде. Колодцев здесь мало, и нередко приходится брать воду из Днестра. Этим скудным количеством подземных вод и можно объяснить такую густоту населения в левобережных деревнях. Уж где добрались до воды, там и создавали деревню, которая притягивала к себе большое количество жителей. Левобережные колодцы — большие, круглые, каменные отличаются своей монументальностью. Воду достают посредством ворота. Над колодцами устраивают деревянные навесы.

В каждом левобережном селе имеется церковь, расположенная обычно в старой части села. Встречаются и придорожные кресты, но

³⁹ См. Александри, Бессарабия и бессарабский вопрос, М., 1924.

значительно реже, чем на правом берегу, и без изображений Христа.

Сравнительно с правобережными левобережные села значительно выигрывают в своем внешнем виде. Эти села богаче, отличаются более крупными домами с черепичными, а не камышовыми крышами. Зато правобережные деревни, расположенные на холмах и изобилующие зеленью, имеют чрезвычайно живописный вид. Но дома здесь меньше и беднее.

Ж истории развития молдавского жилища

Попробуем хотя бы очень неполно восстановить в памяти основные типы жилищ, распространенные на территории нынешней Молдавской ССР еще в глубокой древности, и сопоставить их с современными.

Обширное пространство от реки Десны на юге России и вплоть до Балкано-Дунайского бассейна является с неолитических времен территорией, где расцвела культура, получившая название трипольской.

В каком жилище обитали носители трипольской культуры? Этот вопрос долгое время вызывал оживленный спор среди археологов. Хвойко⁴⁰, открывший впервые трипольскую культуру на Украине, а вслед за ним и Штерн⁴¹, работавший в Бессарабии, считали глинобитные площадки трипольской культуры остатками «домов мертвых». Выступившие против них археологи Спицын, Городцов и другие высказали мнение, что эти площадки являются остатками жилых домов. Последние работы советских археологов блестяще подтвердили точку зрения Спицына.

Кричевский в своих работах указывает, что трипольские жилища на протяжении своей истории прошли путь от полуподземного жилища (жилой ямы) до развитого надземного дома прямоугольной формы⁴². Другой авторитетный исследователь трипольской культуры Т. С. Пассек пишет, что развитые трипольские дома были прямоугольной формы, размерами 14 × 5,5 м, из деревянного каркаса, обмазанного глиной, куда примешивалась солома. Стены сооружались прямо на земле, без фундамента. Жилище имело две части: сени и жилое помещение. У входа — небольшой порог, за которым направо на возвышении — печь, за нею — скамья «лежанка». Печь эта в основании была прямоугольной формы и сооружалась на особом поде. Лежанка составляла с печью одно целое. Пол в жилище был глиняный. Стены такого жилища покрывались росписью⁴³. Дома располагались по кругу, и свободная от построек площадь в центре предназначалась для загона скота⁴⁴.

Говоря о дакийских жилищах позднего латена и римского периода, М. А. Тиханова отмечает, что эти поселения располагались на холмах между реками или близ рек и озер. Жилища были двух типов: в степной полосе — полужемлянки, а в более богатых лесом подкарпатских районах — наземные жилища, с обмазанными глиной, сплетенными из тростника стенами, крытые соломой или тростником⁴⁵.

Таким образом, нетрудно установить, что трипольские традиции прошли через века и сохранились в современном молдавском жилище.

⁴⁰ Хвойко, Камешный век среднего Приднепровья, Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г., М., 1901, стр. 808.

⁴¹ Штерн, Дойсторическая греческая культура на юге России, Труды XIII Археологического съезда, Екатеринослав, т. I, стр. 14, 17, 18 и 19.

⁴² Е. Ю. Кричевский, Из истории дунайского понизовья в неолитическую эпоху, Краткие сообщения ИИМК, вып. VIII. М.—Л., 1940; его же, Трипольские площадки, «Советская археология», 1940, № VI.

⁴³ Т. С. Пассек, Трипольские модели жилища, ВДИ, 1938, № 4 (5); ее же, Новые исследования в области трипольской культуры в УССР, «Советская археология», 1937, № 3.

⁴⁴ Т. С. Пассек, Трипольская культура, Киев, 1941.

⁴⁵ М. А. Тиханова, Роль западного Причерноморья в сношении культуры Поднепровья и Подднестровья первых веков н. э., Краткие сообщения ИИМК, вып. VIII, 1940.

Эти традиции можно проследить, начиная с трипольских землянок, когда выкапывалась яма и над ней сооружалась легкая постройка из деревянного каркаса, который обмазывался внутри и снаружи глиной. Аналогией в современном жилище является молдавский погреб — «киница». Возникшая из простой ямы для хранения продуктов, она усложнилась затем наземными постройками — домиками. По старой традиции там иногда устраивают небольшие плиты (котуны), на которых летом готовят пищу (усадыба Гацкан, с. Маловатое, Дубоссарского района). Такие погреба-кухни или погреба, соединенные с кухней под одной крышей, как в усадьбе Кожухарь (с. Карагаш, Слободзейского района), — явление в Молдавии довольно частое. Да и в самом жилом доме наших дней можно проследить пережитки древних традиций, особенно в домах «дин нуэле» (из плетня, обмазанного глиной); чисто глинобитный дом без деревянного каркаса является логическим завершением этой традиции.

Что же касается внутреннего устройства дома, то и здесь мы встречаемся с интересными аналогиями: 1) деление дома на сени и жилую часть, что встречается в современных двухкамерных молдавских домах; 2) устройство печей на «поде» и вместе с лежанкой.

Замкнутый тип поселений кучевого плана, преобладающий в старой части деревень Левобережья, является не чем иным, как круглым планом трипольских поселений, связанных там главным образом со скотоводством, а здесь — приспособленным для оборонных целей.

Можно с известной долей вероятности предположить, что распространением трипольской культуры на территории от Украины до Балкано-Дунайского бассейна включительно и объясняется большая близость в жилищах молдаван и славян. В самом деле, территория Балкано-Дунайского бассейна и соседней с ним Украины была одной из основных областей, где шло формирование народов, получивших впоследствии название славян, с их делением на 3 ветви, и восточно-романских народов. Те же иллиро-фракийские племена, которые влились как основной компонент в состав восточных романцев, вошли частично и в состав формировавшихся в то время славян. Возможно, что этот иллиро-фракийский слой и был продолжателем трипольских традиций как у нас на Украине, так и на территории Балкано-Дунайского бассейна.

Это органическое слияние различных компонентов в уже известные нам народы современности продолжалось, повидимому, и в исторические времена. Из «Повести временных лет» мы знаем, что юг современной Бессарабии населяли славянские племена уличей и тиверцев. Они бесследно исчезли как славянские племена и подверглись, по всей вероятности, романизации, войдя, повидимому, в качестве одного из компонентов в состав молдавского народа. Этим-то смещением, этой культурно-исторической общностью, продолжающейся с перерывами вплоть до наших дней, и объясняется то большое сходство между славянами, особенно их восточными представителями — украинцами, и молдаванами в рассматриваемом нами элементе материальной культуры — жилище.

Глину, прутья и камень для постройки дома употребляют и многие народы, не имеющие с молдаванами ничего общего. Однако на этом сходство между ними и заканчивается. В отношении планировки дома, его внутреннего убранства и назначения отдельных его частей между этими народами и молдаванами нет ничего общего. Напротив, много общего здесь имеется между молдаванами и украинцами. Следовательно, если использование одинакового строительного материала можно считать зональным явлением, то сходство во всех других областях можно объяснить лишь культурно-исторической общностью этих народов.

Относительно общности восточнороманского и славянского жилья говорит и Вовк: «На западных склонах Карпат, в Угорской Руси, на зеленой Буковине, в Бессарабии, — эти беленькие украинские хатки спо-

радикально сливаются с целиком подобными хатами румын, а еще далее и сербов, а дальше на север — словаков и чехов; еще дальше на север они не очень резко, хотя и очень заметно, отличаются от польских «халуп»⁴⁶.

В заключение бегло затрону еще один вопрос.

М. В. Сергиевский пришел к выводу, что начало молдавской колонизации левобережного Приднестровья следует отнести к концу XVII в., а появление основной массы селений — к XVIII в.⁴⁷ Я попытаюсь предположительно установить, откуда и где появились первые колонисты.

Жилища Левобережья неоднородны; там встречаются два подтипа: 1) кэмара и кэмэруца + тиндэ + касэ чей маре и 2) кэмара + тиндэ + касэ чей маре. Обратившись к материалам Правобережья, мы увидим, что первый подтип является там господствующим; следовательно, можно предположить, что первые колонисты, переходя с правого берега Днестра на левый, принесли с собой и свои строительные традиции.

Этот подтип на Левобережье распространен в Дубоссарском районе, расположенном в центре бывшей Молдавской АССР. Перейдя Днестр в этом районе и очутившись на Правобережье, мы как раз и попадаем в область Кодр, куда в свое время, как мы уже указывали, спасалось население с юга Бессарабии от опустошительных татарских и турецких набегов. Это обстоятельство не могло не создать в области Кодр значительного перенаселения, тем более, что хлеба там нехватало, так как эта область специализировалась издавна на разведении винограда и пашнями не богата. Такие экономические условия и вызвали, повидимому, у населения области Кодр стремление искать себе счастья в другом месте. Легче всего для этого было перейти Днестр и попытаться устроиться на новых, тогда еще мало заселенных местах. Вот эти-то исторические факты в сочетании с типом построек и привели меня к мысли, что колонизация на Левобережье впервые, предположительно, началась в среднем течении Днестра из области Кодр и в массе своей охватила собой территорию современного Дубоссарского района Левобережья. Он, по всей вероятности, явился центром молдавской колонизации, откуда уже пошло массовое распространение молдаван на север и юг, где последние, смешавшись с украинцами, приняли трехкамерный тип их жилища: кэмара + тиндэ + касэ чей маре.

* * *

Мы приходим к следующим выводам:

1. У коренного населения Молдавской ССР мы имеем дело с трехкамерным домом, широко распространенным во всем славянском мире и возникшим из полуподземной однокамерной колибы, которая затем делится на две камеры. С выходом молдавского жилища из-под земли вначале продолжает господствовать двухкамерный дом: тиндэ + кэмара, а потом путем пристройки к тиндэ еще одной камеры возникает трехкамерный дом: тиндэ + кэмара + касэ чей маре.

2. Этот трехкамерный дом в своем чистом виде широко распространен в степных районах южного Левобережья, в условиях большой близости молдавского населения с украинцами и, повидимому, от них и заимствован. В центральных холмистых районах Левобережья (Дубоссарский район) и по всей Бессарабии господствует вариант трехкамерного плана: кэмара (и кэмэруца) + тиндэ + касэ чей маре, явившийся следствием разделения кэмары на две части печами, возникшими, возможно, на месте старого очага.

⁴⁶ Х. Вовк. Студии о украинской этнографии та антропологии, Прага, стр. 91 (перевод мой.— М. С.).

⁴⁷ М. В. Сергиевский, Молдавские этюды, 1936, стр. 48.

3. В строительной технике, в материале, употребляемом для постройки жилища, и во внутреннем убранстве дома молдаване имеют очень много общего как с южными, так и с восточными славянами, особенно с украинцами.

4. Эволюция хозяйственных построек идет от разбросанного и полу-разбросанного типа, господствующего в Бессарабии, к типу собранному, когда хозяйственные постройки подводятся под одну крышу с домом. Этот собранный тип господствует на Левобережье и объясняется здесь тем, что с подведением хозяйственных построек под одну крышу с домом в степных районах Молдавии создаются условия для более экономного использования дорого стоящего здесь строевого леса.

5. В планировке поселений встречается смешанная форма славянского уличного типа + план, характерный для края плоскогорий и близкий к славянскому рядовому; эта форма господствует в холмистых районах Правобережья и в Дубоссарском районе Левобережья. Другую форму, господствующую на юге Левобережья, представляют собой поселения, сочетающие замкнутый кучевой план, напоминающий сербскую «большую деревню», с правильным шахматным планом.

6. Это большое сходство в жилищах у восточных романцев, какими являются молдаване, и у славян (особенно украинцев) объясняется культурно-исторической общностью народов Балкано-Дунайского бассейна, уходящей своими корнями в традиции трипольской культуры, широко распространенной на территории от р. Десны до Балкано-Дунайского бассейна. Эта общность сохранилась с перерывами вплоть до наших дней.

7. Исторические и этнографические данные позволяют отнести начало колонизации молдаванами левого берега Днестра к концу XVII в. Колонизация эта шла, повидимому, из области бессарабских Кодр и захватила вначале центральные районы Левобережья.

В рассмотренном нами вопросе многое еще неясно. Необходимо дальнейшее углубленное изучение культуры молдавского народа с проведением более длительных экспедиций как в Молдавию, так и в страны Балкано-Дунайского бассейна.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ НЕКОТОРЫХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ТАБЛИЦ С ОСТРОВА ПАСХИ

(По неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева)¹

В Музее антропологии и этнографии АН СССР хранятся две таблицы, привезенные известным русским путешественником Н. Н. Миклухо-Маклаем с острова Пасхи. Таблицы эти покрыты письменами «Кохау ронго ронго» и являются памятниками исчезнувшей культуры острова Пасхи. Н. Н. Миклухо-Маклай получил их при посещении острова в 1871 г. Известно, что одна из этих таблиц была подарена русскому путешественнику Тепано-Яуссенем, одним из первых исследователей письменности острова Пасхи. Вторая таблица была куплена, но где и у кого — неизвестно. Обе таблицы поступили вместе со всеми коллекциями Н. Н. Миклухо-Маклая по его завещанию в Музей антропологии и этнографии Академии Наук и получили номер 402 — 13/2, под которым и числятся по настоящее время.

Как известно, таблицы с письменами о-ва Пасхи представляют собой большую редкость. Ныне на острове уже не осталось никаких следов древней письменности, и лишь в музеях хранятся эти памятники, большей частью представляющие собой таблицы, сходные с публикуемыми. Кроме наших двух табличек, одной — ножеобразной и второй — бумерангообразной, известно еще около 20—25 аналогичных памятников. Наибольшее число их хранилось до последней войны в Бельгии, в музее Брэн ле-Конт (Musée de Braine le Comte des R. P. de Picpus) близ Брюсселя, где находилось 9 таблиц и отдельных фрагментов. Одна из них в 1914 г. была передана в Лувенский университет, где и погибла во время бомбардировки Лувена немцами. В Британском музее имеется 2 таблицы, в Берлинском музее народоведения находилась одна таблица (Schiffsgrippe mit Schriftzeichen), в Венском музее народоведения — одна или две, и две таблицы имелись у частных владельцев в Европе. В США нам известны две таблицы: одна находится в United States Natural Museum, другая в American Museum of Natural History. В музеях Чили, во владении которого находится о-в Пасхи, хранятся в Сант-Яго 2 таблицы (большая и малая) и одна палка с надписью. В самой Полинезии лишь в Гонолулу на Гавайских о-вах, в Bernice P. Bishop Museum хранятся три обломка таблиц².

¹ Труд Б. Г. Кудрявцева публикуется в «Сборнике Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XI.

² Перечень имеется у Stephen Chauvet, L'Île de Pâques et ses mystères. Paris, 1936.

Многие из этих памятников остаются до сих пор неизданными, но и опубликованные оставляют желать многого. Обычно издания эти сводились к приведению фотографии памятника, где далеко не всегда можно разобрать текст, и лишь изредка давались прорисовки текста. Нередко эти прорисовки были сделаны без достаточной тщательности. До сих пор нет не только свода всех надписей, но даже число самих памятников точно не известно.

Литература об о-ве Пасхи и его письменности довольно велика. Одними из первых были статьи в журнале Берлинского об-ва землеведения за 1870—1872 гг., где ряд видных ученых, в том числе Н. Н. Миклухо-Маклай, Бастиан и другие, высказали свое мнение о значении этих таблиц. С того времени научное исследование не сдвинулось ни на шаг. До сих пор остаются неизданными самые основные памятники. Тем временем число статей, посвященных письменности о-ва Пасхи, все росло, особенно за последние годы, когда в связи с открытием письма Мохенджо-Даро в долине Инда стали искать связей древней Индии с далекой Полинезией. Однако большинство этих статей носит дилетантский и поверхностный характер, что не мешает им проникать даже на страницы серьезных этнографических журналов, вроде «Журнала Полинезийского общества» или «Антропос».

Очевидно, что при решении проблемы письменности надо исходить из работ, посвященных изучению таблиц Кохау ронго ронго исследователями второй половины XIX в., которые еще застали людей, знавших священное письмо. Таитянский епископ Тепано Яуссен уже в 60-х гг. XIX в. не мог найти никого, кто мог бы писать на ронго ронго. Но нашелся все же один островитянин Меторо Тапауре, ученик знатоков Кохау ронго ронго (т. е. письма и древних традиций) — Нгаху, Реимиро и Раовоа. Этот Меторо пропел исследователю несколько таблиц. Но Яуссен не добился их расшифровки, ибо пытался найти точное соответствие каждому отдельному слову в каждом отдельном знаке. Между тем, как показывает нам история развития письменности, многие ранние системы письма сочетают в себе идеограммы и элементы фонетического письма, так сказать, фонетограммы (как знаки-слова, так знаки-слоги и знаки-буквы алфавитного письма). Возможно, что в письменности о-ва Пасхи мы имеем то же сложное сочетание мнемонических знаков, напоминающих чтцу отдельные слова, а может быть, и целые предложения, отдельные понятия или группы их, в сочетании с элементами фонетического письма. Слишком прямолинейный подход Яуссена сбил Меторо, и Яуссену так и не удалось получить от Меторо ключа к чтению. Известно, однако, что записи чтений Меторо — он читал тексты нараспев — сохранились в архиве Яуссена и находятся, вероятно, в архивах Музея Брэн ле-Конт. К ним-то и надлежит обратиться для расшифровки текстов. Мы не останавливаемся на изложении попыток чтения таблиц Томсеном (1886) и Раутледж (1914), так как многое заставляет сомневаться в точности их расшифровки. Надо учесть еще, что мистрисс Раутледж с исключительной настойчивостью добивалась чтения таблиц от старика с о-ва Пасхи, умиравшего в лепрозории и скончавшегося через две недели после последнего визита настойчивой англичанки. Вряд ли на его сведения можно особенно полагаться.

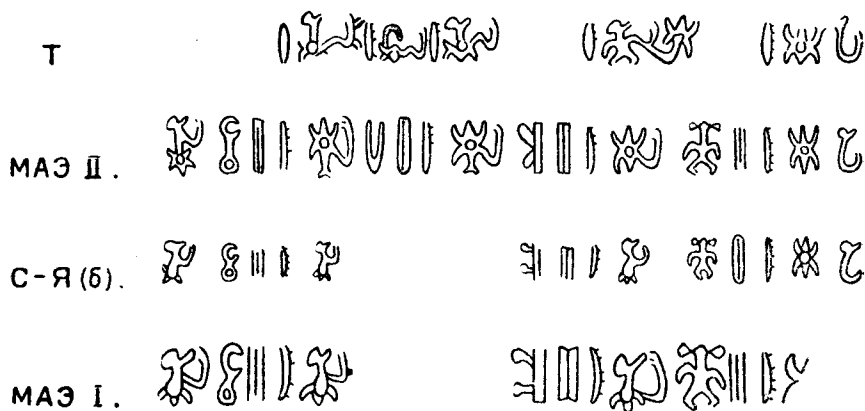
Таково в общих чертах положение дела с дешифровкой. Мне понятна позиция многих осторожных исследователей, например, Альфреда Метро (A. Métraux), который отрицательно относится ко всем этим скороспелым заключениям, лишенным строгой научной базы³. Браунхольц также относится к ним довольно пессимистически. Он пишет: «Знаки, повидимому, являются мнемоническими символами и не могут быть

³ A. Métraux, *Ethnology of Easter Island*, Honolulu, 1940.

переведены слово в слово. Некоторые из сказаний, о которых сообщают таблицы, были получены от туземцев, но точное значение символов и метод интерпретации утрачены и, по всей вероятности, безвозвратно»⁴.

Мы можем согласиться с тем, что ни одна из попыток чтения письмен Кохау ронго ронго не дает прочного основания для решения проблемы. Поэтому многие, отказываясь от чтения письма в целом, ограничивались исследованием отдельных значков, изучая их форму и сравнивая их с другими системами письма. Но этот путь при отсутствии издания всех текстов, стоящего на высоте требований науки, не является надежным и ничего не дает.

Существенным шагом вперед в деле изучения письменности о-ва Пасхи является открытие, сделанное молодым советским исследователем Борисом Григорьевичем Кудрявцевым. Работая в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР, он имел возможность изучать коллекции Миклухо-Маклая и работать на подлинных таблицах. Изучая формы значков и их варианты, он обратил внимание на то, что

группы значков следуют в одинаковом порядке один за другим как на одной, так и на другой таблице. Внимательно рассматривая порядок сочетания значков, Б. Г. Кудрявцев установил параллельность текстов обеих таблиц.

В своей статье «Письменность острова Пасхи», сохранившейся в архиве Ин-та этнографии, автор писал: «Внимательное изучение формы начертания знаков показало нам, что некоторые группы знаков повторяются на обеих таблицах. Более того, сличение текстов показало их параллельность. Все это весьма удивляло: ведь таблицы уже подвергались изучению, слепки их имеются и за границей, и такой факт параллельности текстов не мог, казалось бы, остаться незамеченным... Но сомнений быть не могло: тексты явно параллельны! Благодаря этому наблюдению, удалось: 1) доказать чтение таблиц слева направо, 2) найти начало текста обеих таблиц Музея антропологии и этнографии, 3) восстановить несохранившиеся знаки одной таблицы по тексту другой».

На основании имевшейся в распоряжении Б. Г. Кудрявцева литературы ему удалось найти третий параллельный текст, текст большей из двух таблиц, хранящихся в музее Сант-Яго в Чили. Дальнейшие поиски привели к находке четвертого параллельного текста. Это — текст, сохранившийся на таблице Тахуа в Музее Брэн ле-Конт. Этот четвертый текст по содержанию своему отличается от трех предыдущих: большинство знаков не совпадает со знаками прочих параллельных текстов,

⁴ Braunholtz, Encyclopaedia Britannica, 14 ed., t. 7, 1946, стр. 860—861.

ев совпадают; 2) Среди тождественных частей текстов встречаются знаки (как по одному, так и группами), лишь соответствующие; 3) В некоторых случаях в соответствиях знаки переставлены; элементы сложных скомбинированы различно; 4) Отдельные таблицы имеют добавочные тексты, отсутствующие на других».

Основываясь на четырех вариантах одного текста, Кудрявцев сделал ряд дальнейших выводов о соотношении различных типов написания знаков, видя в них различные этапы развития письма. Быть может, некоторые его заключения являются не вполне доказанными; возможно, что перед нами не три эпохи, а три разные копии одного и того же текста и четвертый, другой текст, близкий по содержанию. Но как бы то ни было, параллельность текстов Кудрявцевым неоспоримо доказана. При этом тексты записаны сходным способом, но имеют некоторые вариации, и отдельные группы их встречаются только в некоторых из текстов.

Словом, внимательное изучение таблиц при сопоставлении их с еще не опубликованными или плохо изданными текстами может дать много новых заключений. Интересно, что сличение текстов дает возможность сопоставить значки, которые не могли бы быть отождествлены вследствие существенно отличного способа их написания. Перед нами, очевидно, стадия установления письма, когда система знаков еще только вырабатывалась. Это напоминает в известной степени древнейшую иероглифическую письменность Египта эпохи первых династий, когда система знаков только устанавливалась и возможны были новые варианты и неожиданные лигатуры.

Б. Г. Кудрявцев трагически погиб 25 марта 1943 г. В условиях войны ему не довелось завершить своей работы. Написанная им статья публикуется в Сборнике Музея антропологии и этнографии (т. XI) в том виде, в каком она была приготовлена к печати самим автором. К ней приложены таблицы вариантов начертания отдельных знаков по всем вариантам текста. Однако самые тексты сличения таблиц остались неподготовленными, и их пришлось вычерчивать наново, основываясь на тех материалах, которые были мне переданы матерью покойного Бориса Григорьевича через полтора года после его смерти.

Вся работа по вычерчиванию текстов была выполнена по моим указаниям научным сотрудником Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР М. К. Кудрявцевым, который сверил тексты таблиц Музея антропологии и этнографии по подлинникам. При составлении таблиц параллельных текстов за основу принят способ сличения вариантов иероглифических текстов, которым обычно пользуются в своих изданиях египтологи. Все четыре текста даны параллельными строками, причем соответствующие значки точно выписаны один под другим и все отклонения и варианты выступают отчетливо.

Таблицы сличения параллельных текстов публикуются вместе со статьей Б. Г. Кудрявцева в том же XI томе сборника МАЭ, к которому я отсылаю читателя. В настоящей статье помещены 4 таблицы как образцы сличения четырех текстов из числа 22.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

И. И. ПОТЕХИН

О «САМОБЫТНОЙ АФРИКАНСКОЙ» ДЕМОКРАТИИ В НИГЕРИИ

В связи с активизацией национально-освободительного движения после второй мировой войны в африканских колониях развернулась борьба вокруг понятия «демократия»: что означает демократия, какое содержание вкладывается в требование демократического самоуправления? Английские колониальные власти выдвинули странную, насквозь ложную теорию самобытной «африканской» демократии. Наиболее остро эта борьба проходит в Нигерии. Мы поставили здесь целью вскрыть подлинную империалистическую сущность этой английской «теории».

Нигерия — самая крупная английская колония в Африке; среди всех английских колоний она занимает второе место после Индии. Ее территория — 877 000 кв. км, что превышает территорию Англии почти в 4 раза. Население, по данным последних переписей, исчисляется в 20 млн. чел., но сами нигерийцы считают данные переписи неточными и определяют количество населения в 30—33 млн. чел.¹ По данным переписи это население делится на бесконечное число племен; только в Северной Нигерии в итогах переписи 1921 г. значится около 250 племен. Есть основания этому не верить, так как здесь очевидно смешение родов и племен; отколовшиеся роды приняты за племена, в списке племен значатся такие, как амо, калакало, байя и др., насчитывающие по 180—260 человек. По языковому признаку население Нигерии делится следующим образом (в процентах ко всему населению)²: на хауса говорят 36,3 на йоруба — 15,9, ибо — 13,6, фульбе — 9,5, кацури 5,5.

Ко времени установления английского господства на территории современной Нигерии существовало несколько крупных и мелких государственных образований. Это прежде всего мусульманские эмираты Северной Нигерии, созданные завоевателями фулани или фульбе. Мусульмане фульбе в течение многих веков постепенно расселялись в государствах хауса; в 1804 г. фульбе под руководством Отман-дан-Фодю подняли знамя «джихада» — священной войны против «язычников», действительной целью которой было установление господства фульбской феодально-рабовладельческой верхушки. Фульбе одержали победу, и на месте старых государств хауса появились новые, мусульманские государства во главе со своими эмирами и султанами. Большинство этих государств находилось в вассальной зависимости от Сокото, султан которого признавался главой всего мусульманского мира в Судаче.

В западных провинциях современной Нигерии до появления англичан существовали государства — города йорубов. Йорубам пришлось вести длительную и напряженную борьбу с фульбе, наседавшими с севера, и дагомейцами, совершавшими частые и опустошительные набеги с запада³. Нужды обороны вызвали к жизни крупные поселения — города, обнесенные высокими и прочными стенами, под защиту

¹ A. A. Nwafor Orizu, *Without Bitterness*, New York, Creative Age Press, 1944, стр. 70.

² MacDougal, *The languages and press of Africa*, Philadelphia University of Pennsylvania Press, 1944.

³ Для военной организации дагомейцев характерно существование женских отрядов — «амазонок».

которых укрывалось окрестное население от набегов. Эти города сохранились и сейчас; из 11 крупнейших городов Нигерии с населением более 37 000 человек 9 являются городами йоруба; крупнейший из них Ибадан насчитывает больше 400 000 человек, из которых европейцы составляют меньше полутысячи человек. Йоруба по преимуществу городские жители, хотя занимаются главным образом земледелием; в городах сосредоточена основная масса ремесленников и торговцев⁴.

Поскольку города возникали как центры военного сопротивления, в управлении ими главную роль играли военачальники с их дружинами. Старшие из них являлись главами государств — городов и прилегающих к ним территорий, королевств, по установившейся в английской литературе терминологии; они носили разные титулы: алафин в Ойо, они в Ифе, ова в Илеша и т. п. При каждом из них был военный совет. При алафине совет назывался «Совет семи» (Oyo Mesi), главный из этих семи носил титул *басорума* и являлся первым министром алафина; ему принадлежал решающий голос при избрании нового алафина, он же посылал непопулярному или неугоднему алафину в подарок яйцо попугая, что означало, что алафин должен покончить с собой и очистить место для другого⁵.

Мелкие государства-города добровольно становились в зависимость от более крупных, получая взамен покровительство. Так например, г. Иганган до 1885 г. был клиентом Ибадана, платил ему дань и во время войны должен был выставить вооруженный отряд, снабженный продовольствием и амуницией; Ибадан имел в Игангане своего наместника (ajele). В ряде случаев вассальная зависимость навязывалась силой, что вызывало частые междоусобные войны. Алафин считался, скорее номинально, главой всех государств йоруба, за исключением Эгба.

В нынешней провинции Бенин существовало древнее государство Бенин с высоко развитой культурой; глава Бенина носил титул *обба*. В соседних провинциях Онича и Оверри, населенных племенами *ибо*, существовали менее значительные и менее развитые государства, как Онича, Арочужу и Нневзи. Все они были типичными государствами раннеклассового общества, природа которых еще точно не определена, в которых существовали и боролись три общественно-экономических уклада: первобытно-общинный, рабовладельческий и феодальный. Первобытно-общинный строй еще сохранялся, основная масса населения состояла из свободных общинников, но он уже интенсивно разлагался, свободные общинники раскалывались на эксплуататорские и эксплуатируемые классы. Дальше всего этот процесс зашел в мусульманских эмиратах, хотя у немусульманских племен, населявших горные районы Северной Нигерии (нунгу, варжи и др.), первобытно-общинный строй сохранился почти в девственной чистоте. Африка была превращена, по меткому выражению Маркса, в «заповедное поле охоты за чернокожими». Все эти государства в той или иной мере принимали активное участие и в охоте за рабами и в торговле ими, но труд рабов у себя, в своем хозяйстве применялся в крайне ограниченных размерах. Способ производства не был рабовладельческим. Рабами были главным образом иноплеменники, жертвы охоты за рабами, что не исключало превращения в рабов и членов своего племени (долговое рабство и т. п.). Положение рабов было не одинаковым. По отношению к соплеменникам рабство, как пишет Оризу, носило мягкий, патриархальный характер: нигерийцы не рассматривали раба как существо низшего порядка, раб мог иметь собственность, его права находились под защитой обычного права, раб мог подняться до верхних ступенек социальной лестницы⁶. Положение рабов, пленников войны, было более суровым.

Значительного развития достигали элементы феодализма, особенно в Северной Нигерии. Существовала зависимость мелких государств от крупных, но эта зависимость была еще далека от типичных для феодализма отношений вассалитета — сюзеренитета⁷. Султан или алафин являлись прежде всего военачальниками и собираемая ими дань являлась по преимуществу средством содержания вооруженных сил. Складывался класс зависимых крестьян, платящих ренту. Это были «группы или одиночки, которые переселились на землю другого племени или королевства.

⁴ По данным переписи 1921 г. 61% йоруба занимались сельским хозяйством, 12% — ремеслами и 11% торговлей.

⁵ Посылка яйца попугая в указанном здесь значении являлась в прошлом широко распространенным среди народов Западной Африки обычаем. В различных вариациях этот обычай имел место и в других частях Африки.

⁶ Ogi z u, Op. cit., стр. 88—89.

⁷ Английские этнографы переоценивают степень феодализации нигерийских государств XIX в., переносят на Нигерию развитые, законченные феодальные отношения средневековой Европы. Так, например, Мик пишет о феодализме в государствах йоруба, «районный (district) вождь был феодальным лордом в своем собственном домене, каждый держатель лена имел полное право на свою землю, делил ее между своими приближенными или членами своей семьи. Большой лен часто делился на мелкие лены; держатель лена делал пожалования по своей собственной инициативе». С. К. Меек, *The northern tribes of Nigeria*, London, Oxford University Press, 1, 1925, стр. 252—253.

Они получали надел земли для усадьбы и плантации. За это они платили услугами или ежегодной данью лэндлорду или главе государства»⁸. Традиционные повинности и приношения членов племени своему вождю постепенно перерастали в феодальные повинности, в отработочную или натуральную ренту.

В одних государствах большую роль играл один из перечисленных трех укладов, в других — другой, но нигде один из них не был господствующим. В политической жизни этих государств народные массы все более оттеснялись от участия в управлении, бывая племенная демократия уступала место олигархическому господству аристократической верхушки.

Когда появились английские колонизаторы, эти государства, за исключением Бенина, не оказали вооруженного сопротивления, хотя располагали значительной вооруженной силой, мусульманские эмираты, в частности, имели многочисленную и сильную конницу. Признание ими английского протектората давало в руки Англии готовый административный аппарат, который надо было только поставить под свой контроль, что она и сделала; она сохранила эти государства, признала власть султанов, эмиров и королей, положив этим начало системе «косвенного управления», пресловутому indirect rule. В целях ослабления возможного в будущем сопротивления Англия уничтожила сюзеренитет султана Сокото и алафина Ойо; позднее, в 1917 г., сочла нужным восстановить алафина как короля, главу всего йорубаленда. Властитель Бенина после варварской бомбардировки его столицы в 1897 г. был низложен и сослан; в 1916 г. он был восстановлен королем Бенина.

Естественно-исторический, закономерный процесс развития народов Нигерии был прерван установлением английского империалистического господства; дальнейшая судьба нигерийских государств определялась не столько внутренними закономерностями развития, сколько интересами английской колониальной политики. Стремясь к созданию надежной социальной опоры, английский империализм превратил правящую верхушку нигерийских государств в феодальную аристократию. Торговля рабами была уничтожена, но остатки рабства в той или иной форме сохранились до наших дней. Развивается в крайне уродливых формах капитализм.

В восточных провинциях современной Нигерии, между рр. Нигер и Бенуэ, к моменту установления английского государства не было не только государственных образований, но даже и племенных организаций. Высшей формой организации народов этого района являлся род. Английские власти создали здесь сначала несколько крупных административных единиц, искусственно объединив по несколько родов под главенством назначенного вождя. Народ не хотел признавать «вождей белого человека» или «черных европейцев», как их называли, относился к ним презрительно, не выполнял их распоряжений. Дело дошло до восстания в 1929 г. Колониальные власти отказались от искусственного объединения родов в административные единицы, и была принята следующая схема: низшей ячейкой «туземной власти» является совет деревни, состоящий из признанного народом старшины и глав семейств, населяющих деревню; деревни с их согласия сгруппированы в более крупные единицы во главе с родовым советом, состоящим из старшины рода и всех членов деревенских советов; исполнительная власть принадлежит старшине рода, при нем суд, полицейские, казначейство; в некоторых случаях главы родовых советов объединяются в более широкую коллегию, близкую к совету племени.

Высшей формой политической организации абсолютного большинства народов Нигерии является, следовательно, не племя с характерной для него формой демократии, а классовое государство, в котором старые демократические институты уступили место олигархической форме правления или сохраняются кое-где лишь в качестве пока еще сильных пережитков. Сейчас на территории Нигерии имеется около полсотни таких государств. Английская администрация называет все эти государства, вождей племен и родовых старшин общим термином «вожди» (chiefs) или «туземные власти» (native authorities), а сами нигерийцы предпочитают называть эти государства королевствами⁹. Некоторые из них являются довольно крупными как по территории, так и по количеству населения. Эмират Борну по территории в 3 раза больше Бельгии, эмират Сокото равен Венгрии, а Илорин — Швейцарии. Кано насчитывает больше двух миллионов человек населения, Сокото — больше полутора миллионов. Другие значительно мельче: самый маленький эмират Жемаари имеет меньше 20 тысяч человек населения; пять королевств йоруба в провинции Ойо насчитывают вместе около полутора миллионов человек, самое крупное из них — Ибадан — около

⁸ O'Gizu, Op. cit., стр. 86.

⁹ Орису в названной выше книге горячо протестует против названия глав этих государств «вождями». «Термин «Chief» — новый политический титул, данный тем, кого раньше называли королями различных государств Нигерии. Он был ввезен в Африку англичанами и является для страны таким же чуждым, как и те, кто привез его» (стр. 92). Он считает это название оскорбительным, принижающим достоинство прежних королей, так как, говорит Орису, существуют, например, Chief clerk, Chief Printer и другие «Chiefs». Он считает, что англичане не хотят называть их королями, чтобы не унижать английского короля.

миллиона человек, из которых примерно 400 000 живут в городе Ибадан. Племенной и языковой состав этих государств более или менее однородный: государства йоруба населены почти исключительно йоруба, основную массу населения мусульманских эмиратов составляют хауса и фульбе; в некоторых эмиратах, как Адамауа и Диква, имеются значительные «национальные меньшинства», немусульманские племена¹⁰.

Все эти государства с установлением английского господства фактически перестали быть государствами и превратились в административные органы колониального аппарата; они утратили все функции и атрибуты государства, взамен которых получили чисто административные функции. «Не существует двух сортов правителей — британских и туземных, работающих отдельно или в сотрудничестве, есть только одно правительство, в котором туземные вожди имеют точно определенные обязанности и признанный статус наравне с английскими чиновниками»¹¹, — говорилось в «Политическом меморандуме» в связи с изданием Native Authority Ordinance of 1916 (Закона о туземной власти 1916 года).

Они лишены законодательной власти. Законодательная власть принадлежит английскому генерал-губернатору, ответственному только перед английским правительством. «Туземным властям» предоставлено право решать в рамках общеколониального законодательства лишь местные вопросы и выполнять административные функции: распределять землю и разбирать земельные споры, поддерживать в порядке дороги, следить за санитарным состоянием населенных пунктов, развивать городское коммунальное хозяйство, собирать установленные колониальной администрацией налоги и сборы, выполнять разного рода поручения английских властей. Но даже и в этих вопросах они строго ограничены, каждый их шаг находится под контролем английских резидентов, каждое их решение может быть обжаловано им.

Они лишены судебной власти. Английская администрация признала «туземные суды», действующие на основе шариата в мусульманских эмиратах и обычного родового права в других государствах, но компетенции судов строго ограничены. Им не подсудны все дела, где одной из сторон или даже свидетелем является белый человек; им не подсудны также дела по преступлениям против колониальной администрации; из их компетенции изъята большая часть уголовных дел. На их долю оставлено огромное количество тяжб и споров: дела, связанные с семейным правом, земельные, наследование, воровство, оскорбление личности и т. п. Лишь нескольким судам эмиратов предоставлено право выносить смертные приговоры, подлежащие конфирмации губернатора; большинство судов имеет право приговаривать к разным срокам тюремного заключения и штрафам. Все «туземные суды» всех инстанций находятся под контролем английских резидентов, все их решения могут быть обжалованы последними.

Они не имеют своих вооруженных сил, все прежние вооруженные отряды и военные организации распущены. Для поддержания общественного порядка и приведения в исполнение судебных решений они располагают лишь некоторыми полицейскими силами.

Все «туземные власти» имеют свои бюджеты, но настолько незначительные, что заниматься какой-нибудь конструктивной деятельностью они не в состоянии. Общая сумма их бюджетов не превышает полутора-двух миллионов фунтов стерлингов. Самый крупный из эмиратов, Кано, имеет годовой бюджет около 200 тысяч фунтов стерл. Доходы от горных концессий, от железных дорог и экспортно-импортных пошлин поступают в общеколониальный бюджет. Основной статьей дохода являются отчисления от собираемых «туземными властями» общеколониальных налогов; дополнительными статьями являются судебные штрафы, рыночные сборы и плата за разного рода лицензии. Основной статьей расхода, от 60 до 80%, является жалование эмирам, королям и их чиновникам. Расходы на образование и здравоохранение составляют меньше десятка процентов, а расходы по сельскому хозяйству — десятые доли процента. Бюджет «туземных властей» является по существу средством содержания этих властей, освобождающих от таких расходов колониальный бюджет.

Главы таких государств, мусульманские эмиры, короли йоруба и ибо, полностью, безраздельно зависят от английской администрации и совершенно независимы от своего народа. Все они являются наследственновыборными. Избираются или из членов одной династической семьи, или, как в Бида, Зарна, по очереди из 2—3 династических семей. После смерти *оби* королевства Нневи Езенгоньямба, например в 1939 г., на престол был избран его сын Нвафор Оризу¹², после смерти эмира Катсины в 1946 г. его наследником был сын Алхаджи Осман Нагога. Выборы осуществляются правящей верхушкой без какого-либо участия народа. В Ойо новый

¹⁰ По переписи 1921 г. мусульмане составляли 67% всего населения Северной Нигерии, немусульмане — 33%, из них христиане — 0,2%.

¹¹ Цитируется по книге R. Buell, *The native problem in Africa*, New York, The Macmillan Company, 1, 1928, стр. 688.

¹² Автор цитированной выше книги «Without Bitterness». Он отказался от королевского престола и уехал учиться в США.

алафин избирается «Советом Семи», причем решающую роль играет, как уже указывалось, басорум, «Совет Семи» не является представительным органом, его состав подбирается алафином при участии придворной клики. В эмирате Кано решающую роль в выборах нового эмира играет Исполнительный совет эмира, также не являющийся представительным органом.

Выбранный таким способом эмир, алафин или обба утверждается и вводится в должность губернатором. При этом он приносит присягу¹³ на верность и послушание английскому королю и его представителю в Нигерии — губернатору, получает грамоту (Letter of Appointment) и жезл как символ власти. Все это сопровождается пышными и сложными церемониями в восточном стиле, в которых сейчас причудливо переплетаются старинные обычаи с выстулением по радио и автомобильным экскуртом. Избранный и утвержденный колониальной администрацией «король милостиво губернатора» не может быть смещен волей народа или его правящей верхушкой. Алафин может теперь не бояться, что ему пришлют в подарок яйцо поугая. Право отстранения от королевской должности принадлежит губернатору.

В административном отношении государства делятся на районы (districts), города и деревни. Органы власти в этих административных единицах создаются главами государств с санкции английских резидентов. Начальники районов подбираются обычно из родственников, приближенных к эмиру или алафину людей. Марджери Перхам¹⁴, лектор Колониальной администрации в Оксфордском университете, сообщает, например, что во главе районов эмирата Кано стоят сын эмира, его племянник, дядя и два брата. Упомянутый выше эмир Алхаджи Осман Нагога при жизни отца стоял во главе города Катина и района. Во главе городов йоруба стоят Советы, подобранные королем и утвержденные английскими резидентами. В особенно тяжелом положении оказались немусульманские племена в мусульманских эмиратах, так как во главе этих племен эмиры ставят своих мусульманских старшин, часто не знающих даже языка этих племен; это наиболее угнетенная и бесправная масса народа, испытывающая тройной гнет.

Таким образом, внутреннее политическое устройство всех этих государств является не демократическим, а олигархическим, в котором от былой племенной демократии остались лишь некоторые пережитки. Народные массы лишены всяких политических прав, отстранены от участия в решении даже своих внутренних вопросов.

Эмиры, короли йоруба и ибо, правящая верхушка в целом, — это не племенная знать, не примитивные вожди племен, а аристократическая, эксплуататорская верхушка общества, располагающая значительными богатствами. Кроме положенного колониальной администрацией жалования¹⁵, они имеют солидные доходы от эксплуатации своего народа, используя для этого самые отсталые, феодально-рабовладельческие формы. Они используют свое право распоряжения землей для получения денежной, натуральной и стработочной ренты; они используют суды для вымогательства, взяточничества и неоправданных штрафов; они облагают население разного рода сборами, поступления от которых лишь формально идут в казну, так как между кошельком эмира и туземным казначейством не существует никакого различия. Их резиденции — это богатые дворцы в восточном стиле, с гаремами, евнухами и рабами, с огромным количеством обслуживающего персонала, с пышными церемониями и сложными ритуалами¹⁶. Они крайне консервативны. Опасаясь за свою власть, они боятся всего нового, сопротивляются всяким новым веяниям, упорно цепляются за старое. Марджери Перхам говорит об алафине, что он «едва ли может быть назван прогрессивным правителем... Алафин недружелюбными глазами смотрит на всякие нововведения, которые кажутся ему враждебными его господству и традициям, на которых оно держится».

Молодое поколение аристократической верхушки, побывавшее в Европе, получившее образование в Англии или Америке, уже другими глазами смотрит на мир, менее консервативно, иначе относится к прогрессивным настроениям, но и оно в своем большинстве крепко держится за старые порядки, боится своего народа, отрицательно относится к установлению демократических порядков. Из среды молодых аристократов выдвинулись сейчас как общепризнанные, авторитетные вожди освободительного движения Ннамди Азикве, которого в Нигерии считают африканским Ганди, автор ряда книг, глава газетного объединения «Зик пресс», председатель «Национального Совета Нигерии» и принц Оризу автор замечательной антиимпериалистической книги «Without Bitterness»; оба они получили образование в США.

¹³ Текст присяги приведен в указанной книге Вуелл'я, 1, стр. 689.

¹⁴ Margery Perham, Native administration in Nigeria, London, Oxford University Press, 1937.

¹⁵ Эмир Кано получает около 8 000 фунт. стерл. годового жалования, глава г. Ибадан — около 2 500, алафин — около 5 000 фунт. стерл.

¹⁶ Марджери Перхам сообщает, что у алафина 300—400 жен, много евнухов, около 500 бывших рабов, «не пожелавших» покинуть своего господина, 150 шерифов и экзекуторов, музыканты, клоуны, наездники и т. д.

Вторая мировая война, освободительная по своему характеру, внесла крупные изменения в национально-освободительное движение Нигерии. Чтобы заручиться поддержкой колониальных народов, Англия, Франция и Америка должны были провести среди них большую политическую работу; они не могли не учитывать опыт Британской Малайи и Голландской Индии. Они должны были разоблачать фашистскую тиранию и призывать колониальные народы на защиту демократии. Они должны были выдавать политические векселя, обещая свободу и независимость. Даже отъявленные колонизаторы, кровно заинтересованные в сохранении колониальной эксплуатации, выступали с самыми заманчивыми для колоний декларациями. «Политическое будущее, которое готовит африканским колониям британская политика,— это самоуправление на базе представительных институтов»,— писал лорд Хэйлей¹⁷. Поскольку решающую роль в войне играл Советский Союз, пропагандисты не могли обойти этот факт молчанием. Проводилась широкая кампания по сбору средств в фонд помощи Советскому Союзу. Как бы ни извращали положение в СССР и его роль в войне, крупницы волнующей правды доходили до сознания широких народных масс.

За годы войны значительно окрепло рабочее движение: если до войны профессиональные союзы рабочих считались единицами, то сейчас они считаются десятками, создан Конгресс профсоюзов Нигерии; в июне 1945 г., т. е. сразу же после окончания войны с Германией, состоялась первая в истории африканских колоний всеобщая забастовка. Сотни тысяч крестьян были призваны в армию и многие из них участвовали в войне за пределами Африки. Пребывание в армии расширяло культурный и политический кругозор молодой и наиболее активной части крестьянства, повышало чувство собственного человеческого и национального достоинства. Вернувшись после демобилизации в свои деревни, они явились пропагандистами новых идей, чувств и настроений. Значительно выросла и окрепла интеллигенция.

С окончанием войны остро встал вопрос о будущем Нигерии, о демократизации государственного устройства, о самоуправлении и полной независимости. Созданный во время войны «Национальный Совет Нигерии» развернул широкую кампанию за предоставление Нигерии самоуправления. Существующий в Лондоне «Западно-Африканский национальный секретариат» обратился в организацию Объединенных наций с предложением ликвидировать колонии. Английская администрация, исполняя сделанные во время войны обещания, вынуждена идти на уступки. Но вместе с тем, она пытается так сманеврировать, чтоб свести эти уступки к ничтожному минимуму.

Маневрируя, английская колониальная администрация выдвинула идею о самообытной африканской демократии, коренным образом отличной от демократии европейских народов. «Европейская» демократия означает предоставление народу всеобщего избирательного права, выборность высших законодательных и местных органов власти, участие широких народных масс в управлении страной. Сторонники этой идеи утверждают, что такая демократия чужда народам Нигерии, их традициям, их культуре. «Африканская» демократия означает, что управление страной осуществляется через родо-племенную организацию, что представителями народа являются вожди племен и родовые старшины; применительно к Нигерии это означает, что представителями народа являются эмиры и короли, которым и должна принадлежать власть.

Наиболее полно и открыто эту точку зрения высказал министр по делам колонии в правительстве Черчилля полковник Оливер Стэнли. Выступая на пресс-конференции в Лагосе¹⁸ 11 сентября 1943 г., он говорил, что «нет причин, почему самоуправление не может прийти через систему туземной администрации, т. е. через систему «туземных властей»; он предупреждал своих слушателей «против рабской имитации пути, по которому развивалось в течение сотен лет английское самоуправление», т. е. английская демократия; он демагогически заявлял, что «идея, будто этот путь является моделью, которую должна копировать Африка, кажется ему оскорблением Африки. Эта идея исходит из признания того, что Африка не имеет ничего своего: ни культуры, ни традиций, на основе которых она могла бы создать свою собственную форму самоуправления, и потому должна заимствовать у Англии форму, которая соответствует только английским традициям и культуре... Африка должна будет развить собственную форму самоуправления, учитывающую традиции и историю Африки»¹⁹.

Теоретической основой этого «открытия» английской колониальной администрации является функциональная школа Малиновского и его последователей. Характерной особенностью этой школы является то, что она прямо и открыто ставит себя на службу колониальной политике, колониальной администрации. Критикуя культурно-историческую школу и другие направления в этнографии за преобладание у них «мертвого над живым», т. е. истории над современностью, за попытку отгородиться от современности «китайской стеной антикварных интересов», за «уход в экзотику» и прочее, Малиновский противопоставил им свою школу, как школу практической

¹⁷ Hailey, The future of colonial peoples, London, Oxford University Press, 1943.

¹⁸ г. Лагос — административный центр Нигерии.

¹⁹ «The African World», 25 сентября 1943 г.

прикладной этнографии. Основной задачей этнографии функционалисты считают помощь колониальным властям в организации колониального аппарата, в управлении миллионами колониальных рабов.

Функциональная школа выросла из потребности империалистических держав, и прежде всего Англии, преодолеть кризис колониального режима, вызванный первой мировой войной и Октябрьской социалистической революцией в России. Весь колониальный мир, Африка в частности, был охвачен пламенем освободительных движений; народы колоний требовали политических прав, свободы, национальной независимости. Мощные народные движения сотрясали все здание британской колониальной империи. Английские империалисты отдавали себе отчет в том, что упустить колониями по-старому нельзя, что надо идти на уступки, но это должны быть такие уступки, которые в конечном счете не ослабляли, а укрепляли бы империалистические позиции в колониях. Английские колониальные власти в Африке вводят систему так называемого «косвенного управления», indirect rule, уже проверенную и оправдавшую себя в Индии. Опытным полем на африканском континенте явилась как раз Нигерия, генерал-губернатор которой лорд Луггард считают отцом этой системы. Введение косвенного управления означало передачу некоторой части административных функций местным владыкам — мусульманским эмирам и султанам, королям йоруба, вождям племен и родов, укрепление их позиций в туземном обществе, превращение их в опору колониальной администрации. Были созданы некоторые подобию представительных учреждений, в которые, кроме родоплеменной аристократии, получили доступ буржуазия и интеллигенция. Теоретическим обоснованием этой системы косвенного управления и явилась функциональная школа Малиновского.

Существование этой системы требует сохранения архаических институтов туземного общества: родовой и племенной организации, привилегированного положения аристократической верхушки, устаревшего обычного права, связанной с ним примитивной религии и пр. Все эти институты уже отжили себя, стесняют дальнейшее развитие народов, являются препятствием на пути прогресса, но империалисты в целях укрепления своего господства искусственно, полицейскими мерами поддерживают их. Функциональная школа пытается теоретически обосновать эту реакционную политику консервации отживших учреждений и порядков, помогает колониальной администрации использовать все заключенные в них возможности.

Функциональная школа является в своей основе расистской. Профессор Брукс (ныне сенатор южноафриканского парламента), которого следовало бы считать одним из основоположников этой школы, в книге «The History of native policy in South Africa» (1925), писал, что теоретически мыслимы три типа отношений к населению африканских колоний: политика идентичности, означающая политическое равенство африканских и европейских народов; политика инфериорити, означающая прямое и непосредственное управление африканскими народами со стороны европейцев; политика дифференциации, исходящая из признания, что африканские народы отличны от европейцев и что они должны развиваться своим самобытным путем при помощи и под руководством европейцев. Патрон Брукса, горячий приверженец и активный разносчик идей функционализма, фельдмаршал Сметс, поучая будущих колониальных чиновников, говорил в своих лекциях в Оксфордском университете, что банту, это дитяподобный (childlike) тип человека с особым, только ему присущим миропониманием. Исходя из этого Брукс считает политику дифференциации единственно возможной. Подобные расистские бредни являются основой основ функциональной школы.

Функционалисты считают, что африканцы — особая порода людей, у них своя «самобытная» культура, свои специфические порядки и нормы общественной жизни, свой путь развития, что европейская культура, европейские порядки и учреждения, европейские пути развития органически чужды им. Функционалисты считают далее, что все стороны материальной и духовной культуры африканских народов находятся в состоянии функциональной зависимости, что сохранение целого, т. е. примитивной организации и примитивной культуры этих народов, требует сохранения каждого из ее элементов, что поэтому современное туземное общество должно быть законсервировано так, как оно есть, превращено в расовый заповедник, а то, что оказалось разрушенным, должно быть восстановлено. Колониальная администрация, с точки зрения функциональной школы, должна тщательно изучать эту самобытную культуру и охранять ее чистоту, знать составные элементы этой культуры, их функции в общественном организме и использовать их сообразно этим функциям.

Функциональная школа является евангелием английских колониальных чиновников в Африке. Из недр этой школы и вышла реакционная теория «самобытной» африканской демократии.

Практическим воплощением этой точки зрения явилась новая конституция Нигерии, вступившая в силу с 1 января 1947 г. Генерал-губернатор Нигерии Артур Ричард характеризовал эту конституцию, как «начало новой эпохи», как открытый путь «постепенного перехода к ответственному правительству», к полному самоуправ-

лению²⁰. Конституция определяет способ формирования Законодательного совета Нигерии, и больше в ней ничего нет. Законодательный совет при генерал-губернаторе Нигерии был учрежден указом английского короля от 21 ноября 1922 г. Согласно указу, Законодательный совет состоял из 26 белых чиновников колониальной администрации, 7 назначенных губернатором представителей европейских деловых кругов и 10 представителей местного населения. В числе последних 6 назначенных губернатором «туземных властей» и 4 выборных от городов Лагос и Калабар. Избирательным правом при выборах этих 4 представителей пользуются лица, имеющие годовой доход свыше 100 фунт. стерл. и проживающие в этом городе не менее одного года. Функции Совета исключительно совещательные. По новой конституции Законодательный совет состоит из губернатора (председатель) и 49 членов, из которых 20 официальных — высшие европейские колониальные чиновники и 29 неофициальных, в том числе 4 европейца и 25 представителей местного населения. Соотношение европейцев и нигерийцев в Совете — 25 на 25.

Для выборов местных представителей созданы 3 региональных Совета: северных, западных и восточных провинций. Совет Северных провинций состоит из двух палат: палаты вождей и палаты представителей. Палата вождей состоит из всех вождей первого класса, это 13 эмиров наиболее крупных эмиратов, и вождей второго класса — по одному от провинции; эта палата избирает 4 членов Законодательного совета, причем обязательно из числа эмиров. Палата представителей состоит из 19 официальных членов, т. е. европейских чиновников, и 20 неофициальных, из которых 14 избираются «туземными властями» из числа их членов, т. е. снова эмиры; 6 назначаются губернатором; эта палата из числа своих членов избирает 5 членов Законодательного совета. Региональные советы западных и восточных провинций однопалатны, состоят только из палаты представителей, конструируются по тому же принципу, что и в северных провинциях. Они выбирают 9 членов Совета. Население г. Лагос, как и раньше, избирает 3 членов, население г. Калабар — 1 члена; избирательный ценз остается прежний. Функции Законодательного совета не изменятся.

Характерными особенностями новой конституции, следовательно, являются: равное представительство европейцев и нигерийцев; преобладание членов, назначаемых губернатором (22 выборных, 27 назначенных); более широкое представительство северных провинций, где «туземные власти» менее всего связаны с народом; полное отстранение народных масс, за исключением городов Лагос и Калабар, от участия в выборах Законодательного совета; расширение представительства эмиров и королей. Так выглядит самобытная форма «африканской» демократии на практике.

Цель английской политики в данном случае состоит, во-первых, в том, чтобы создать послушный Законодательный совет, который служил бы надежной маской империалистического господства; во-вторых, в том, чтобы расколоть народы Нигерии, противопоставить правящую верхушку народу и опереться на эту правящую верхушку. Английская администрация запугивает «туземные власти» перспективой введения всеобщего избирательного права. Характерна в этом отношении речь секретаря по туземным делам Золотого Берега Ньюландса перед собранием «туземных властей». Она была произнесена больше 20 лет назад, но это свидетельствует о том, что английская политика сейчас ничем по существу не отличается от политики, проводимой 20 лет назад. Ньюландс говорил: «...случается, что некоторые образованные африканцы, увлеченные чуждой, но привлекательной идеей равенства людей, становятся последователями европейской концепции управления через представительные учреждения и пытаются провести это в своей стране. Реализация этой идеи будет иметь своим последствием сведение вождей на положение марионеток, имеющих на правительство своего туземного государства не больше влияния (через избирательную урну), чем самые рядовые подданные; это, естественно, приведет к разрушению туземной системы управления. При таких обстоятельствах неудивительно, что наиболее просвещенные вожди ищут средств защиты своих прерогатив... Очевидно, что вожди должны поддерживать центральное правительство, которое всегда проводило политику сохранения туземных институтов»²¹.

Как относится к этой «теории» самобытности африканской демократии и основанной на ней новой конституции нигерийская интеллигенция?

Точка зрения английской колониальной администрации о самобытности африканской демократии разделяется местной аристократией. Принц Орнзу в книге «Without Bitterness» настойчиво предупреждает против «слепой имитации западной политической системы»²², решительно высказывается за сохранение в будущей независимой Нигерии существующих «туземных властей», королей и эмиров. Он крити-

²⁰ Там же, 7 декабря 1946 г.

²¹ Выступление Ньюландса было приведено губернатором Золотого Берега Гуртенбергом в его докладе за 1920—1926 гг. «The Gold Coast». A review of the events of 1920—1926.

²² Orinzu, Op. cit., стр. 156.

кует взгляды той части интеллигенции, которая утверждает, что в демократической Нигерии не будет между людьми различия по богатству и происхождению, что «голосование есть право каждого, что каждый может занимать любую должность»²³. Он упорно защищает привилегии аристократической верхушки. Азикиве в своей газете «West African Pilot» критикует новую конституцию. В этой критике он, однако, обходит вопрос об отстранении народа от участия в выборах Законодательного совета и концентрирует внимание на том, что часть членов Совета не выбирается, а назначается губернатором. «Система назначения не согласуется с традициями. Назначение — это практика, неизвестная в конституционной истории Африки»²⁴. Среди интеллигенции Нигерии и других африканских колоний находит поддержку империалистическая точка зрения, что народ не подготовлен к введению системы всеобщего избирательного права, Бенджамин Вута-Офей, редактор газеты «The Spectator Daily» (Золотой Берег) одобряет новую конституцию Золотого Берега, аналогичную с конституцией Нигерии, и вслед за колониальной администрацией признает неподготовленность народа к системе всеобщего избирательного права.

Но есть другие слои интеллигенции, против которых выступает Оризу, которые критикуют новую конституцию за ее недемократический характер. Эта точка зрения выражена в статье за подписью Эмиритус²⁵. Отражая истинное положение дел, он пишет, что вожди не являются теперь ответственными перед народом и потому не могут представлять его в Законодательном совете, что советы племен не являются демократическими органами. Эмиритус отражает мнение передовых слоев широких народных масс, борющихся за свои политические права. Можно говорить об аристократической и демократической оппозиции новой конституции.

Но есть другой более жизненный вопрос, вопрос об освобождении Нигерии от английского империалистического господства. Народ Нигерии сумеет найти нужную форму политического устройства, но для этого он должен освободиться от империалистического господства. Это понимают все слои народа. Оризу пишет: «Некоторые читатели интересуются такими проблемами, как всеобщее избирательное право, выборы, представительные законодательные органы, ответственное правительство и независимая юстиция. Хорошо думать об этом и надеяться, что когда-нибудь все это придет», но «первая и главная задача... уничтожение английских колониальных Законодательного и Исполнительного советов Нигерии»²⁶. В этом нет расхождений. В этом главном вопросе, ликвидации колониального режима, народ Нигерии выступает единым фронтом.

²³ Там же, стр. 305—306.

²⁴ «The African World», май 1946, стр. 28.

²⁵ Там же, апрель 1946, стр. 11.

²⁶ Orizu, Op. cit., стр. 156—157.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» ЗА 1947 г.

Великий юбилей, (4), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

- Я. Я. Рогинский. Происхождение современного человека и теория «полицентризма», (1) 3.
Д. А. Ольдерогге. Из истории семьи и брака (Система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке), (1), 13.
П. И. Кушнер (Кнышев). Этническая граница, (2), 3.
М. О. Косвен. Амазонки (История легенды), (2), 33, (3), 3.
Я. Я. Рогинский. К вопросу о древности человека современного типа (Место сванскомского черепа в системе гоминид), (3), 33.
С. П. Толстов. Советская школа в этнографии, (4), 8.
Е. В. Гиппиус, В. И. Чичеров. Советская фольклористика за 30 лет, (4), 29.
М. Г. Левиц, Я. Я. Рогинский. Советская антропология за 30 лет, (4), 52.

Вопросы этногенеза

- Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении китайцев, (1), 30.
Г. Ф. Дебец. О древней границе европеоидов и американоидов в Южной Сибири, (1), 71.
А. Н. Бернштам. Заметка по этногенезу народов Северной Азии, (2), 60.
А. Н. Бернштам. К вопросу об усунь // кушан и тохарах (Из истории Центральной Азии), (3), 41.
А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., (3), 48.
С. П. Толстов. Города гузов (Историко-этнографические этюды), (3), 55.
П. Н. Третьяков. Анты и Русь, (4), 71.
В. Мавродин. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации, (4), 84.
В. Н. Белицер. К вопросу о происхождении удмуртов (По материалам женской одежды), (4), 103.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- И. Ф. Сяможенко. Пережитки патронимий и брачные отношения у украинцев Закарпатской области, (1), 75.
А. И. Андреев. «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных инверцах», (1), 84.
С. П. Толстов. Хорезмийская генеалогия Самуила Абы, (1), 104.
Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у талжиков бассейна р. Хингоу, (1), 108.
Е. М. Шиллинг. Литейное производство Дагестана, (1), 126.
Л. А. Динцес. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства, (2), 67.
А. П. Окладников. Социальный строй предков якутов, (2), 95.
И. П. Лавров. Рисунки Огно (К мифологии чукчей), (2), 122.
С. М. Абрамов. Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас», (2), 134.
З. А. Никольская. Из истории аварского жилища, (2), 155.
Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев, (3), 103.
М. А. Сергеев. Малые народы Севера в эпоху социализма, (4), 126.
И. П. Лавров. Возрождение народного искусства (Народные художественные промыслы РСФСР), (4), 159.
Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа, (4), 186.
М. Я. Салманович. Жилище коренного населения Молдавской ССР, (4), 209.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- И. И. Потехин. Население банту в городах Южной Африки, (1), 135.
С. Е. Малов. Шаманский камень «ядя» у тюрков Западного Китая, (1), 151.

- В. А. Крачковская. Жилище в Хадрамауте, (2), 167.
 Б. И. Шаревская. Памятник жертвенного культа древнего Бенина, (3), 128.
 Д. А. Ольдерогге. Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи (По неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева), (4), 234.

Из истории этнографии и антропологии

- В. И. Чичеров. Вопросы безличности фольклора в работах фольклористов-мифологов середины XIX в., (1), 161.
 Н. Г. Шпринцин. Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в архиве Академии Наук, (2), 187.
М. В. Степанова. Из истории этнографического изучения бывших русских владений в Америке, (3), 141.

Заметки. Сообщения. Рефераты

- Н. П. Гришкова. Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области, (1), 178.
 Т. А. Крюкова. «Вождение русалки» в селе Оськине Воронежской области, (1), 185.
 К. В. Кудряшов. Приемы изображения на этнографических картах районов со смещанным национальным составом, (2), 195.
 Е. Д. Прокофьева. Древние жилища на реках Тым и Кеть, (2), 199.
Г. И. Карпов. К истории туркмен али-эли (ала-эль), (3), 145.

Хроника

- В. Антропова. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого в 1946 г., (1), 193.
 О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии, (1), 195; (2), 212; (3), 154.
 Н. Листова. Библиографическая группа Института этнографии, (1), 197.
 Н. Н. Чебоксаров. Кафедра этнографии Исторического факультета Московского университета имени Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова, (1), 198.
 А. Мореева. Всесоюзный конкурс собирателей фольклора, (1), 201.
 Е. А. Серебряков. Научно-исследовательский институт художественной промышленности, (1), 204.
 Н. И. Воробьев. Археологические и этнографические исследования в Татарской АССР летом 1946 г., (1), 206.
 И. Гурвич. Пять лет этнографической работы в Оленекском районе Якутской АССР, (1), 210.
 А. Чочуа. Вопросы этнографии и археологии в Абхазском научно-исследовательском институте им. акад. Н. Я. Марра Академии Наук Грузинской ССР, (1), 211.
 Д. Д. Ануфриев. Собирательская работа Музея Мордовской АССР, (1), 213.
 Е. Бломквист. **Мария Васильевна Степанова.** (1) 214.
 О присвоении Институту этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, (2), 203.
 В. Чичеров. Институт этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР в 1946 г., (2), 203.
 М. Левин. Полевые исследования Института этнографии в 1946 г., (2), 207.
 Я. Смирнова. Заседание, посвященное памяти С. Д. Лисициана, (2), 215.
 В. Ч. Дар мексиканских ученых Музею антропологии и этнографии АН СССР, (2), 216.
 Г. М. Василевич. Отделение этнографии Всесоюзного географического общества, (2), 217.
 Н. Волков. Конференция по изучению финно-угорской филологии, (2), 219.
 В. Храмова. Научная сессия Государственного музея этнографии, (2), 221.
 А. Лебедева. Выставка «Народная одежда и народное творчество украинцев» в Музее народов СССР, (2), 222.
 Г. У. Эргис. Собрание и изучение якутского фольклора, (2), 223.
 Б. Шаревская. Полевые археологические исследования в Америке, (2), 228.
 И. Кузикьян. **С. Д. Лисициан** (Некролог), (2), 231.
 Положение о премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, (3), 150.
 И. Золотарева. Дискуссия о проблеме экзогамии, (3), 151.
 М. М. Скорик. Работа Львовского отдела Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в 1947 г., (3), 158.
 Н. Алехсеев. Этнографическая работа в Якутии, (3), 159.
 Н. Бутинов. Выставка «Искусство народов Океании», (3), 161.
 М. О. Косвен, С. П. Толстов. **Г. И. Карпов** (Некролог), (3), 161.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- С. А. Токарев. Еще раз о характере общественного строя якутов в XVII веке, (1), 216.
 Ю. Аверкиева. Психологическое направление в современной американской этнографии, (1), 218.
 М. Г. Левин. История, эволюция, диффузия (По поводу одной дискуссии), (2), 235.
 М. Левин. Новые данные по антропологии острова Кодьяк и Алеутских островов, (3), 166.
 С. Абрамзон. По поводу одной рецензии (3), 168.
 И. Потехин. О «самобытной африканской демократии» в Нигерии, (4), 239.

Вопросы общей этнографии и антропологии

- М. Косвен. René Gonnard, La propriété dans la doctrine et dans l'histoire, (2), 241.
 М. Косвен. Willystine Goodsell, A history of marriage and the family, (2), 241.

История этнографии

- Н. Степанов. Л. С. Берг, Всесоюзное географическое общество за сто лет, (1), 221.

Народы СССР

- М. Горский. С. И. Макалатия. Хевсурети, (1), 223.
 А. Бернштам. С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа, (1), 223.
 С. Абрамзон. «Манас», киргизский эпос, «Великий поход», (1), 225.
 С. Минц. «Таджикские сказки», (1), 229.
 Э. Гофман-Померанцева. Дунганские сказки, (1), 230.
 Б. Гарданов. В. Абаев. Нартовский эпос, (2), 242.
 М. О. Косвен. Указатель библиографических указателей и обзоров литературы по этнографии народов СССР, (1), 242.
 А. Андреев. В. А. Самойлов. Семен Дежнев и его время, (2), 248.
 Э. Гофман-Померанцева. Песни гребенских казаков, (2), 248.
 Н. Гаген-Торн. Кировская игрушка, (2), 251.
 Э. Померанцева. Фольклор Саратовской области, (3), 173.
 И. Дмитраков, М. Кузнецов. Песни и сказки, фольклор казаков-некрасовцев о Великой стечественной войне, (3), 174.
 Л. Пушкарев. Руны и исторические песни, (3), 175.
 Э. Гофман. Wilfrid Chettéoui, Un rapsode russe Rjabinin le père, (3), 177.

Южные славяне

- Вл. Вл. Богданов. Župančev zbornik, (2), 251.
 И. Дмитраков, М. Кузнецов. Д-р Цветана Вранска, Апокрифитъ на богородица и Българската народна пѣсенъ, (2), 252.
 И. Прокопович. Х. Вакарелски, Выпросник-ушѣтване за събиране на етнографски материали, (2), 253.
 И. Прокопович. Миленко С. Филипович. Несродичка и предвојена задруга, (3), 178.
 И. Прскопович. Миленко С. Филипович, Галипольски срби, (3), 179.

Неславянские народы Европы

- Вл. Богданов. «Costumes nationaux», Préface par André Varagnac, (1), 231.
 И. Прокопович. Joseph-Stany Gauthier, Les maisons paysannes des vieilles provinces de France, (3), 180.
 К. Гагкаев. Arnold van Gennep, Le folklore de l'Auvergne et du Valay, (3), 180.
 И. Гурвич. E. Estyn Evans, Irish heritage, (3), 181.

Народы зарубежной Азии

- М. К. Е. Neufeld. Ancient hebrew marriage law, (1), 232.
 М. К. Henry Field and J. B. Glubb, The Jezidis, Sulubba and other tribes of Iraq and adjacent regions, (1), 232.
 М. Кудрявцев. Chr. Fürer-Haimendorf, The Chenchus, Jungle folk of the Deccan, (1), 232.

- Н. Бутинов. M. V. Emeneau: 1) Toda marriage regulations and taboos; 2) Personal names of the Todas; 3) Language and social forms, A study of Toda kinship terms and dual descent, (1), 233.
- Н. Бутинов. Cora du Bois, The people of Alor, (1), 234.
- А. Першиц. Tovia Ashkenazi, Tribus semi-nomades de la Palestine du Nord, (2), 254.
- А. Першиц. Leo Haefeli, Die Beduinen von Beerseba; Aref el-Aref, Beduin love law and legend dealing exclusively with the Bedu of Beersheba; Carla Bartheel, Unter Sinai Beduinen und Mönchen, (2), 255.
- М. Горский. Ernest F. Fox, Travels in Afganistan, (2), 255.
- М. Кудрявцев. H. G. Rawlinson, India, A short cultural history, (2), 255.
- К. Гагкаев. Arthur Cristensen, Essai sur la démonologie iranienne, (3), 181.
- А. Першиц. C. G. Feilberg, La tente noire, (3), 182.
- А. Першиц. Arab Archery, A boock on the excellence of bow and arrow and the discription thereof, (3), 182.

Народы Африки

- М. Косвен. Akiga' story, The Tiv tribe as seen by one of its members, (1), 235.
- И. Потехин. «The Rhodes-Livingston Papers», (2), 256.
- К. Гагкаев. Ch. Barat de la Jesse, Au fil du Mozambique (3), 183.

Народы Америки

- М. Косвен. Arthur Huff Fauset, Black gods of the Metropolis, Negro religius cults of the Urban North, (1), 235.
- И. Золотаревская. G. I. Groves, Famous american Indians, (1), 237.
- Э. Зиберт. Angie Debo, The road to disapearance, (1), 237.
- М. К. Frank Theodore Humphries, The Indians of Panama, their history and culture, (1), 239.
- М. Косвен. Salvador Toscano, Arte precolombino de Mexico y de la America Central, (1), 239.
- Н. Шпринцин. Alfred Métraux, The native tribes of Eastern Bolivia and Western Matto Grosso, (2), 259.
- М. Косвен. Ralph R. Roys, The indian background of colonial Yucatan, (2), 259.
- М. К. Bolletin bibliografico de Antropologia Americana, (3), 183.
- М. К. Georg Peter Murdock, Ethnographic bibliography of North America, (3) 184.

Народы Океании

- М. Косвен. Margaret Mead, From the South Seas, (1), 240.
- Н. Бутинов. S. W. Reed, The making of modern New Guinea, (1), 240.
- Н. Бутинов. F. Keesing, Native peoples of the Pacific World, (2), 259.
- Н. Бутинов. Fairfield Osborn. The Pacific World, its vast distances, its lands and the life upon them, and its peoples, (2), 260.
- Н. Бутинов. Charis Crockett, The House in the Rain Forest, (2), 260.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Великий юбилей	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
С. П. Толстов. Советская школа в этнографии	8
Е. В. Гиппиус, В. И. Чичеров. Советская фольклористика за 30 лет	29
М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский. Советская антропология за 30 лет	52
Вопросы этногенеза	
П. Н. Третьяков. Анты и Русь	71
В. В. Мавродин. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации	84
В. Н. Белицер. К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам женской одежды)	103
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
М. А. Сергеев. Малые народы Севера в эпоху социализма	126
И. П. Давров. Возрождение народного искусства (Народные художественные промыслы РСФСР)	159
Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа	186
М. Я. Салманович. Жилище коренного населения Молдавской ССР	209
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
Д. А. Ольдерогге. Параллельные тексты некоторых неоглифических таблиц с острова Пасхи (По неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева)	234
Критика и библиография	
И. Потехин. О „самобытной африканской демократии“ в Нигерии	239
—	
Указатель статей и материалов, помещенных в журнале „Советская этнография“ за 1947 г.	248

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
64	17 сверху	науки	нации
172	3 »	Лымковская	Дымковская
180	Подпись к рисунку	Чоркуновская	Боркуновская